

# Сергей Богдашов



**ДВЕНАДЦАТАЯ РЕИНКАРНАЦИЯ  
СВЕРДЛОВСК 1976**

Хотели пошутить с Богами и стать выше? Оказалось, что жертва шутки — Вы. Получили достойную награду и сбывшееся желание? Ну что же, попробуйте прожить новую жизнь в двенадцатый раз. Ваш новый адрес: планета Земля, СССР, г. Свердловск. Июль, 1976 год.

---

---

*«Реинкарнация — это перевоплощение Духа, а не Души!»*

*Дух человека — это тонко-материальный объект, состоящий из Душ (тел памяти) воплощений.*

*Поэтому реинкарнация — это перевоплощение не Души, а Духа, так как Дух — это структура, существующая вне времени, а Душа — это структура, имеющая свое время жизни, исчисляемое длительностью того или иного воплощения.*

*Итак, еще раз: перевоплощение души или переселение души после смерти в другое тело — это не совсем корректные понятия с точки зрения Абсолютной Физики процессов реинкарнации. Правильно: перевоплощение (переселение) Духа».*

*(Выборка цитат из сборника? 411 «Парадигмы переселений». Имперский Университет «ДиТи — Центаврус — 329», 92874 год по общему исчислению.)*

# Глава 1

— «Похоже, я снова попал. Чем же меня хаксайты приголубили? Впрочем, это теперь не интересно. У них получилось, а вот у меня уже одиннадцатая смерть и новая, двенадцатая жизнь. День сурка. Стартовые условия понятны: я опять появлюсь перед совершеннолетием, в разумном теле с остатками его памяти, знанием языка и с железобетонной «легендой», позволяющей косить первое время на частичную амнезию. Для первоначальной адаптации в очередном мире вполне достаточно. Совесть меня не мучает. Предыдущий владелец это тело покинул. Иными словами — наверняка уже погиб. Так было уже одиннадцать раз и вряд ли эта традиция поменяется. Сколько же я в последний раз продержался? Тридцать шесть с половиной лет. Мой новый личный рекорд. Чёрт! Определённо знакомые запахи... Больницей воняет. А почему у меня завязаны глаза? Вроде бы я не привязан, сейчас попробуем увидеть свет. Что у нас нынче из конечностей положено? Вроде ощущаю четыре. Посмотрим, чем меня на этот раз удивят»

— Иду, голубушка, иду. Сейчас посмотрим на наше чудо. Пригласите ко мне Ларису Степановну. Пусть историю болезни с собой прихватит и тонометр, — отозвался приятный мужской голос и через некоторое время стали слышны торопливые шаги. Рядом что-то скрипнуло и я почувствовал холодные пальцы у себя на запястье.

— Пульс ровный, наполнение хорошее, — вполголоса проговорил мужчина, — Голубчик, пошевелите пальчиками, если меня слышите.

Я с удовольствием отбарабанил пальцами: трам — парапам, трам-парапам, трам-парапам-парапам-пам-пам.

— Ага, жив, здоров и весел. Вот и славненько. Полежи ещё минутку спокойно, а потом попробуем повязочки снять, — мужчина чем-то щёлкнул и ухватил меня за плечо и запястье, потом точно так же проверил что-то под коленом и на икре ноги, — Ну вот, совсем другое дело. Брадикардия ещё присутствует, но хотя бы в разумных пределах. Напугал ты нас своим мерцающим пульсом. Сейчас я шторы прикрою и понемногу попробуем глаза открыть. Только осторожно, не резко, — раздался скрип задвигаемой шторы и с меня сняли повязку.

Очнулся от резкого запаха нашатырного спирта. Невольно застонал и отвернул голову в сторону.

— Клавдия Захаровна, принесите тёмные очки из процедурной и позвоните окулистам. Скажите, что я прошу подойти дежурного врача, а ещё лучше, чтобы Тимофей Степанович сам пришёл. Да, так и передайте, что я прошу именно его к нам подняться. Такс, Лариса Степановна, запишите сегодняшние результаты, добавьте светобоязнь с ярко выраженным болезненным синдромом и изменение пигментации кожи. Травматических последствий ожога я не наблюдаю, что странно само по себе, ему же первую-А определили, а по факту наблюдаем частичное повреждение волосяного покрова и только. Гематома на затылочной части уже почти не наблюдается. Почему я до сих пор рентген головы не вижу? Заключение окулистов потом отдельным листом подклеим.

Второй раз я сознание потерял, когда пришедший окулист попробовал посветить в глаза фонариком.

Снова нашатырка. Народу явно добавилось. Судя по разговорам, две женщины завешивают окна. На меня надели очки и затягивают ремешок, на который они крепятся.

— Так, молодой человек. Давайте попробуем ещё раз открыть глаза. Думаю, что на этот

раз всё будет нормально, — ласковый голос доктора — садюги меня уже не обманет. Тем более ощущения я испытал очень знакомые. Как будто из пещеры на солнце вышел.

Чуть-чуть приподнял веки. Терпимо. Открываю пошире. От меня отшатнулось два мужских лица. Одно из них в очках и с аккуратно подстриженной бородкой. Эспаньолка, неожиданно всплывает в голове её название. А у меня дежавю. На какой-то миг я поймал в отражении докторских очков свой новый облик. Я уже был темнокожим красноглазым дроу в четвертой жизни. Даже темные очки носил почти такие же, как сейчас, когда выбирался на поверхность. Тогда я погиб, защищая Чес-Насад от наёмников — дуэргаров. Взрывами бомб они обрушили весь город на дно пропасти. Видимо, меня оглушило, иначе я бы воспользовался левитацией — расовой магической способностью дроу.

Отставить воспоминания. Они сейчас совсем не ко времени.

— Пить, — с трудом скрипя связками, я скорее прошептал, чем проговорил короткое слово. Судя по хлопку двери и раздавшемуся топоту, меня услышали.

— Сейчас родненький, вот держи губами трубочку, — этот женский голос я слышал самым первым. Медсестра, которая позвала доктора. Только тогда у неё голос был, как у циркулярной пилы, а сейчас, как ручеек журчит. Чуть повернул голову и приоткрыл глаза.

— Ох, божушки... — после удивлённого оханья раздался звон, а по груди полилась вода, — Вот яж неуклюжая, щас мой красноглазенькой, я тебе новой водички налью, — тётка, лет пятидесяти и весом килограмм под сто с лишним, шустро выметнулась за дверь, вместе с подобранной с пола посудинкой.

Вода. Мне промокнули губы влажной губкой и снова дали трубочку. От жадности, хватанул больше чем нужно и закашлялся. Осмотрелся. Врачей уже нет. Ушли, пока я кашлял.

— Не спеши, касатик. Не убегу я с твоей водой, — певучим голосом пропела уже знакомая медсестра. Просто Сирена какая-то, вот даст же Бог таланта, как она голос-то умеет менять, — Попил и молодец. Через минутку капельницу тебе поставлю и поспишь. Сон-то, он лучший доктор.

Проснулся от шума. Что-то железное прогрохотало, упав на пол.

— Проснулся? Уж извини, пошумела тут. Ты сам исть-то сможешь, али покормить тебя?

— Смогу, — просипел я и кашлянув, добавил уже уверенно, — Сам буду. Только повыше поднимите и свет не включайте.

— У тебя и так тут темень, хоть глаз выколи, а ты ещё и в очках. Что я при свете-то углы бы сносила. Вот покушаешь хорошо, я к тебе друзей пушу ненадолго. Часа полтора как дожидаются, — под напевные причитания она успела поднять меня повыше, подоткнула подушку поудобней и выставила мне на колени алюминиевый поднос с тарелкой манной каши.

Сколько же лет я такой каши не ел? Страшно подумать. Странно, но я по ней совсем не соскучился...

— Вот больные полдничать закончат и позову твоих. Папка с мамкой уж к вечеру прибегут, каждый день ходют, — убирая посуду пропела местная кормилица и потрепала меня по голове. Интересно, когда это я успел завоевать её симпатию.

В тумбочке нашёл газету. Свежая, с виду, «Комсомольская правда». Год на дворе 1976, лето. С памятью бывшего носителя совпадает.

Раз уж мне прилично полегчало, пора провести ревизию нового тела. На первый взгляд физиуха у него не очень, на второй, собственно тоже. Рост неплохой и ноги ничего так,

мускулистые. В принципе, никаких чудес я и не ждал. Тренированные тела мне достались раза три, может четыре, если считать то, в котором я был пауком. Просто у пауков были другие критерии и мускулы особой роли не играли. Зато как я умел бить задними лапами..., а жвалы..., я эту железную кровать за пару грызь-грызей мог перекусить. Эх, что вспоминать о том, чего нет. Вот выберусь с больнички, буду выяснять подробней, что мне досталось, а пока попробую разобраться с памятью.

С памятью можно и нужно работать. На мой искушённый взгляд — лучшие методики тренировок памяти у Драконов и Светлых эльфов. Впрочем, это легко объяснимо, если вспомнить, какие они долгожители. Для начала мне стоит дефрагментировать и систематизировать память прошлого обитателя моего тела. Моя, личная, всегда в достойном и ухоженном состоянии.

Люди редко используют свою память больше, чем на десять процентов. Простейшая мнемотехника позволяет увеличить этот объём в пять-семь раз, а правильно выстроенное дерево приоритетов ускоряет время отклика раз в пятнадцать-двадцать. Тут как с инструментом в мастерской. Кто-то всё в один большой ящик сгрузил, а другой всё по полочкам разложил, да все свёрла, ключи и метчики по своим гнёздышкам расставил. Кто работу быстрее выполнит, если потребуется раз десять инструмент поменять?

Мнемотехникой ночью займусь. Пока раскидаю контакты по группам и важности. Еле успел. Топот в коридоре больно уж характерный. Тут все в тапочках ходят, а эти звуки от ботинок. Кстати, неплохой слух у парня. Когда я был человеком, то информации от звуков вокруг себя получал намного меньше. Впрочем, не факт. Я и опыта такого не имел, пока эльфами разномастными не пожил. Тот же дроу под землёй процентов восемьдесят информации получает от слуха и обоняния. Врага в пещере услышать за полкилометра можно, а увидишь иногда только в последний момент.

— Пашка, здорово чертяка. Ну и напугал ты всех. Моя мамка твою вчера по телефону почти час успокаивала. Ты же три дня, как бревно лежал и дышал через раз. А правда, что ты теперь человек — магнит? — молодой вихрастый парень, в накинутом на плечи белом халате, выпалил всё на одном дыхании. Виктор Семёнов, семнадцать лет, одноклассник, сосед, друг детства — исправно подсказала систематизированная память. Второй гость был чуть повыше. Прямые темные волосы. Лицо умное, можно даже сказать, породистое. Дима Захаров, тоже друг и тоже одноклассник. С его отцом тогда три парня и поехали на рыбалку. Годовалый ВАЗ-2103 весело пробежал сто километров по асфальту до Рефтинской ГРЭС. Димкин отец машиной гордился и берёг её, как зеницу ока. Поэтому к каналу он не поехал, а загнал машину на свободную автостоянку перед электростанцией. Все воспоминания мелькнули за долю секунды.

— Чего? Какой магнит? — Витькин вопрос меня удивил. Ни в одной жизни моё тело железо не притягивало.

— А вот это мы сейчас проверим, — довольно произнёс мой (мой?) друг, вытаскивая из внутреннего кармана маленький плоский надфиль. К груди надфиль прилип сильно. Руки и голова притягивали надфиль заметно слабее, — Не соврали. Вот ты теперь знаменитым станешь! В цирке можно будет выступать, — засуетился парень, лихорадочно шаря по карманам в поисках каких-нибудь предметов для продолжения опытов.

— Как ты себя чувствуешь? — вот и Дима очнулся. Увидев меня в очках и с необычным «загаром» он растерялся и не стал прерывать экспериментатора с надфилем. Ждал, когда тот выдохнется.

— Трудно сказать. Глаза сам видишь... Сегодня от света два раза сознание терял. С памятью проблемы. Тут помню, там не помню.

— Да нормально всё будет. Я у медсестры спрашивал. Она говорит, что через неделю тебя выпишут. Сегодня все лекарства уже отменили, одни витамины колют и глюкозу, — затарахтел Витя, прикладывая мне к боку связку ключей, — О, магнитный полюс у тебя здесь, — ткнул он в точку чуть выше пупа. Забавный парень, но смышлёный. Как он ловко использовал отклонения ключа, болтающегося на кольце. А точка-то знакомая. Когда я был магом, тут находился источник маны.

— Как ты с провалами памяти в институт будешь поступать? До экзаменов двадцать дней осталось. Ты хоть помнишь школьную программу? — озадачил меня Дмитрий.

Честно говоря, мне местное образование вообще никуда не упиралось. После двух жизней в телах представителей внеземных цивилизаций, летающих на космических кораблях и получающих знания через нейросети, мне лениво просиживать штаны за изучением бреда. Это как выпускнику Бауманки попасть в средневековую школу и познавать, что Земля стоит на трёх слонах и черепахе. Да я по первой жизни помню, что всякие политекономии и истории КПСС у меня времени отнимали больше, чем основная специальность. Некстати вспомнилось, как моего знакомого диплома лишили за то, что он не сдал госэкзамен по научному коммунизму. Ему, скрипачу от Бога, эти знания нужны были, как десятая нога собаке. Нет, точно не хочу. Уродливые ящики с перфокартами меня абсолютно не интересуют. После моего наручного бадика, который был мощнее, чем все нынешние компьютеры Земли вместе взятые... Мда. Средневековье, однако. Зарождение эры калькуляторов.

— Я вообще девятый и десятый класс не помню, — изображая работу мысли, выдавливаю из себя тяжёлое признание. Молчание.

— У тебя день рождения в августе. Если не поступишь, то загремишь в армию, — подкидывает Витя новую тему для размышлений. Афган начнётся лишь в семьдесят девятом. Успею отслужить. Вполне рабочий вариант. Попасть в коллектив, где тебя никто не знает, а твои отношения и воспоминания никому не нужны, совсем неплохо. Опять же изменения после службы будут легко объяснимы. Для меня это гораздо лучше, чем бесполезное обучение. Заодно тельце своё поднатаскаю.

— Можно и в армию. Попрошусь в ВДВ, вернусь и буду всех окучивать, особенно студентов — ботаников.

— Каких ботаников, мы же на радиофак собирались поступать? — с удивлением слушает мои откровения Дима. Упс... Ботаны вроде позже появились. Тут ещё этот жаргонизм не освоен.

— Вот вас и буду от них спасать. Они харю наедят на картохе, а тут вы, оба немощные и с формулами в башке, вместо мускулов где надо, — пытаюсь мечтательно улыбнуться, закатив глаза. Импровизировать приходится на ходу. Хорошо, что память предшественника не подводит и манеру разговора, типичную для обычного дружеского трёпа, подсказывает.

— Блин, во у тебя глаза-то краснющие, как у вурдалака, — отвернулся в сторону Витька. Хм, немного не рассчитал с мимикой. Забыл про глаза. Хотя, Витька тоже не прав. У вурдалака глаза желтые. Красноглазых я ни разу не видел. Да к тому же они нежить, а я вот он, тёплый и чуть-чуть живой. Эх, учить их ещё и учить. Жизни не нюхали.

— Точно. Витька, у тебя же очки были зеркальные. Ну те, мотоциклетные. Ты бы их принёс мне, а то я такими глазищами скоро всех распугаю, а через твои не фи́га не видно

будет. Зеркало и зеркало, — нормально у меня память отработала запрос «зеркальные очки». Тут же про все вспомнил, которые когда-то в руках держал. Из личной памяти выделил очки в стиле стимпанк от Харлея. Вот они бы для меня сейчас были просто идеальны.

— Да не вопрос. Завтра с утра и занесу. Мне всё равно мотик только после поступления светит. Батя сказал, что если не поступлю, то в армии он мне не нужен. А ты про «Яву» не передумал? — кому что, а у парней свои мечты и интересы. «Двухгоршковая» Ява 350–634, скорость аж сто двадцать километров в час, бак шестнадцать литров, на четыреста километров пути, а уж никелированная накладка на нём, ух. Мечта, с ценой в шестьсот семьдесят рублей, — Ты же вроде говорил, что уже деньги собрал?

— Не помню. Беда с памятью, — я скорчил гримасу, вроде как пытаюсь что-то вспомнить.

— Ух, ё... Крепко тебя приложило, — Витька переглянулся с другом. Потеря памяти в связи со школой их так не напрягла, как забывчивость про деньги на мотоцикл. Такое у них в голове явно не укладывалось, — Ну, пойдём мы. Я тебе в тумбочку бутеры сунул и яблоки. Скоро предки твои нарисуются, опять расспросы начнут, что да как было. Раз сто уже рассказал, а они каждый раз заново спрашивают.

— Оп-па, стой. А я-то не помню же. Как я тут оказался? — мне стало интересно, как погиб мой предшественник.

— Когда гроза началась, ты сказал, что сомики в дождь хорошо клюют и дождевик надел. А у нас только куртки. Мы в машину убежали, а минут через десять как шарахнет, и тут же ещё раз, но уже сильнее. И всё рядом с тобой. Димка первый подорвался. Прибегает, а ты в воде лежишь. Тут и я прибежал. Только тебя притащили к машине, как там ужас что началось. Молния ударили в подстанцию, которая ЛЭП-500 обслуживала. Там все трансформаторы — конденсаторы взорвало и масло к каналу потекло. Кипящее. Прямо туда, где ты рыбачил. Мы тебе давай искусственное дыхание делать, а потом поняли, что ты дышишь, только редко и слабо. Сначала в медпункт электростанции тебя принесли, а уж они скорую из областной больницы вызвали. Ты первый день в реанимации пролежал, а потом сюда перевели. Мать говорит, что доктора сами не понимают, что с тобой. Думают даже, что ты умер на минуту, а потом ожил, — зачем-то оглянувшись, закончил он шёпотом. Хм, а парни-то мне жизнь спасли, точнее не жизнь, а тело...

— Ы-ы-ы, тогда я точно вурдалак, — я попробовал засмеяться, но закашлялся, — Клац-клац-клац, сейчас всех сожру и покусая, — я изобразил клешни и дернулся к Витьке.

— Тьфу на тебя, — отшатнулся тот от неожиданности, — Не фига тебя молния не изменила. Всё такой же дурак и шутки у тебя дурацкие. Ладно, мы помчались. Очки завтра занесу, — он дождался, пока Дима выйдет в коридор и наклонившись к уху, тихо спросил, — Ленке ничего передать не надо?

Я отрицательно помотал головой и просмотрел память. А Ленка ничего так. Голенастая акселератка, с приятной конопатой мордашкой и уверенным вторым размером. Хм, вот даже как, пару раз в подъезде целовались, второй раз прилично разошлись, жаль сосед помешал. Ага, из-за неё даже подраться разок пришлось. Правда, результат ничейный — фингал против разбитого носа. А Паша-то боксёром был. Стойка характерная, двоечку грамотно провёл пару раз, а вот ноги не использует. Левый в корпус тоже неплохо пробил, вот, как только у противника ноги заработали по корпусу, потерялся, руки опустил и неожиданно получил лбом в нос.

Так, посмотрим, что же у нас с родителями. В прошлых реинкарнациях я с



«родителями» всегда ладил, ну, почти всегда. То, что маме ногу оторвал, это не считается. Нечего было папу пытаться съесть. Вступился за него. Вот как раз той ногой она ему панцирь и могла пробить. Коготь у неё там был здоровущий. Зато потом новая нога выросла красивая и мягкая. Позже меня за это и убили. Какие-то троюродные родственники по маминой линии. Вроде как я традиции их нарушил. Откуда бы я тогда знал, что она может забить его не до смерти и просто покусать. Нечего было театр кровавый устраивать у ребёнка на глазах. Короче, мамину родню я подсократил, но и сам погиб. Кстати, по очкам я тогда выиграл. Счёт три — один в мою пользу. Трёх успел положить.

Итак, мама — учитель русского и литературы, а папа — инженер. Инженеров сейчас в стране не меньше, чем в моей жизни было охранников и бухгалтеров, то есть раза в два поменьше, чем менеджеров по продажам. Папахен ещё и руками не шибко умеет работать, хотя рисует хорошо и скульптурки из дерева режет. Вот какого Будду из липы зафигачил, красота. Вроде дело у них к разводу идёт. Мамуля прилично папаню душит, как собственно и положено учителям по их породе, а тому это давненько обрыдло. А за что она его пилит, не понятно. Денег мало? Вроде семья не бедствует, опять же, что её не устраивало, когда он уходил дорожные знаки рисовать. Там платили в два раза больше. А, статус не устраивал. Перед подругами неудобно. Ничего, найдём способ, как эту энергию использовать в мирных целях. Не первый раз живём. Чу, в коридоре тарелки загремели и запахок пошёл характерный. Нос подсказывает, что на ужин сегодня «аэрофлот — чикен», или попросту — резиновые куски куры, с синеватым отливом и плохо выбритой пупырчатой шкуркой. Попробую расслабиться и получить удовольствие. А вдруг есть вариант поменять курицу на кусок рыбы? Согласен даже на минтай.

— Клавдия Захаровна, добрый вечер. Там у Вас не рыбка случайно, а то мне подсказали, что для глаз фосфора много нужно, — эх, к прочувствованному вопросу добавить бы ещё жалобные глазки, в стиле гламурного котэ, но тут ой и ах, чего нет, того нет. Мои кровавые зенки выпучивать точно не стоит. Ещё в обморок брякнется. Самое смешное, что фосфор мне как раз не очень-то и нужен. Он при слабости зрения полезен, а у меня всё с точностью наоборот. Впечатление такое, что я и затылком могу видеть, если нужно. А ведь точно. Секунду, я что-то такое помнил. Срочный анализ.

— Ты тогда жди, касатик. Я на этаж еду раздам и до кухни схожу. Там сердечникам рыбу готовили. Для тебя всяко найдут, — пропела богиня поварешки и капельниц. Ха, в масштабах отдельной областной больницы я вроде как знаменитость, но всё это лирика. Вернёмся к нашим баранам. Что я наблюдаю: нарушение частоты пульса, пигментацию, улучшенный обмен веществ и регенерацию, обострение зрения и обоняния, ощущение, что я могу ещё как-то воспринимать и быстро обрабатывать дополнительную информацию. Прилично. Ну, и каков же правильный ответ? Эпифиз.

Хрен бы я про него когда узнал, если бы один раз... Впрочем, это долгая история. Смысл в том, что эта гадская горошина у человека находится в самой середине мозга и обладает уникальными особенностями. Один мой «знакомый» (как мне ещё назвать мага, который раз шесть пытался убить меня и это в ответ на мои три попытки убить его) ради совершенствования своего эпифиза натворил кучу злодеяний. Я тогда штурмом захватил его лабораторию, но он успел сбежать. Вот из его записей я и узнал про ту бородавку в голове.

«Эпифиз — это мощный инструмент приёмопередающего устройства головного мозга, нашего Сверх Сознания — изменяющего нашу Реальность... наше Будущее и отвечающий за Магию в прямом смысле слова, за интуитивное восприятие, включая все творческие

процессы...» — во, как он тогда загнул в своей рукописи, с громким названием — «Великий Гермес Трисмегист. Для потомков».

Блин, я этим самым эпифизом чую, что кто-то сдаёт мне краплёные карты и при этом тащится от собственной находчивости, как гадюка по стекловате. Не просто так меня в этой реинкарнации на родную планету закинули, да ещё и время синхронизировали. Только с горошиной у них слишком навязчиво получилось. Не могли они не знать, что я те записи Трисмегиста прочитал. И хотелось бы сказать — «Бог им судья», да только они от самокритики вряд ли пострадают. Это же не унтер-офицерская вдова, что сама себя высекла. Короче, некоторые тёмные... э... Светлые личности, не будем на них показывать пальцем, упирая его в небо, ради своих низменных... то есть высоких целей решили помухлевать и устроить мне двенадцатую жизнь чересчур весёлой.

Впрочем, я зря ворчу. Стартовые условия Боги создали правильные. Знаю ведь, что по Договору к ним не придраться. Ладно, проживём эту жизнь — увидим. О, похоже мне рыбу несут.

— Любят тебя повара. Откуда что и узнали. Как сказала им, что тебе для глаз рыбы надо, так они аж с профессорского зала подали. Ты газеты-то читал? Про тебя даже в «Известиях» написали. Там правда вот такусенько, в пять строчек, но и нашу больницу успели помянуть, — хлопочущая медсестра выставила целых пять емкостей из нержавеющей стали, собранных длинной ручкой в общую переноску и колдовала с тарелками, явно не столового происхождения, — Девки сказывали, что ты железо притягиваешь. Врут поди?

Резкое выделение слюны не дало оторваться от вкуснятины, которая была в тарелках. Чтобы не отвлекаться, я взял свободную пока чайную ложку и повесил себе на лоб. Увидев округлившиеся глаза, приложил к руке тупой десертный нож и продолжил усердно наворачивать оливье вприкуску с тёплым ещё хлебом. Судя по рыбной порции, четыре профессора сегодня останутся голодными. Почти полная кастрюлька горбуши в сметане. С добавкой риса просто изумительно. М-м-м, сладкие пирожки с яблоками, да под компот. Внимательно заглянул во все опустевшие ёмкости и поднял глаза на благотельницу.

— Клавдия Захаровна, если врач завтра ходить разрешит, то мы с Вами к ним наведаемся и всё покажем. Договорились? — я масляно обвёл глазами опустошённые судки. Притихшая медсестра собирала посуду. Похоже, я её немного удивил и вряд ли магнетизмом.

Так, что там дальше. Вроде родители на подходе. Говорят, их не выбирают, но это явно не мой случай. Мне вот взяли и выбрали. Хотя может у меня паранойя и всё не так плохо. Начинаю операцию «Умиравший лебедь». Говорить буду поменьше, а слушать больше.

— Здравствуй, сынок, как ты себя чувствуешь? Ничего не болит? — мамуля заходит в тёмную комнату и в растерянности оглядывается. Она что, выключатель ищет?

— Мам, свет не включай. Мне для глаз это вредно.

— Сынка, привет, — отец тащит два стула из коридора, — А что тут темень такая?

— Стой. Ему нельзя свет. Глаза испортишь, — мамыны команды настигают отца у самого выключателя. Он подходит к кровати и видит очки. Зачем-то сжимает мою ладонь и пододвигает стул поближе ко мне.

— Что с глазами? — голос у мамыли изменился. Вопрос задан так, что хочется тут же вскочить на ноги и начать оправдываться.

— Абсолютно не выносят свет. Сегодня два раза сознание терял от болевого шока, — докладываю ей обстановку максимально невыразительным голосом.

— Что врач сказал? — маман задает вопросы, как гвозди заколачивает.

— Мне — ничего, а в карточку записали «светобоязнь с ярко выраженным болезненным синдромом», — я цитирую то, что продиктовал врач своей ассистентке.

— Когда выпишут? — это отец внёс в разговор свои пять копеек.

— Не знаю, ничего не говорили, — про Витькину версию о неделе говорить не хочу. Слишком долго объяснять.

— Про вступительные экзамены не забыл? — мамуля упрямо гнёт свою линию.

— Забыл. У меня потеря памяти. Я за последние два года ничего не помню, не только школьную программу, — стараюсь произнести это как можно безразличнее.

— Как же так, Саша, что делать? — наконец-то прорвало нашу Снежную Королеву, хоть что-то человеческое появилось, даже про мужа вспомнила. О, плачет. Интересно почему? Меня жалко или своих планов по успешному сыну?

— Даже не знаю, — замялся отец, — Если не поступит в институт, то после армии уже вряд ли попадёт, да и какие там знания останутся, смех один. Думаю, что его и в армию не заберут. Не пройти ему медкомиссию, — отец озвучил неожиданный для меня вывод. Нет, я думал про вариант, как откосить от армии не поступая в институт. Почему-то заикнулся на стандарте — купить военный билет о непригодности по состоянию здоровья. На самом деле, мне и придумывать ничего не надо. Со здоровьем проблемы и врачи, вот они. Надо только правильно поставить задачу, чтобы полностью решить вопрос сразу.

— Может инвалидность оформить? — закинул я первый посыл для размышлений. Получится или нет, непонятно, но от армии точно освободят. Как говорится — проси больше, получишь то, что нужно.

— Какую ещё инвалидность? Руки-ноги на месте, говоришь нормально. Кто её даст? — ни секунды не раздумывая выдала маман своё мнение.

— Было бы неплохо, но не любят у нас врачи этим заниматься. А там, смотришь, вернётся память и в институт можно будет поступить, — батя, пройдя горнила военкоматов и медкомиссий, не был столь категоричен.

— Вот и я про то же подумал. Жаль, мама против. Одному мне с врачами не справиться, — второй мой посыл упал более весомо. Мать, дернувшись, обмякла и задумалась.

— Я посоветуюсь завтра с Зинаидой Петровной. У неё муж инструктор горкома по здравоохранению, может что подскажет, — маман говорила неуверенно, но зная её характер, не трудно предположить, что торпеда вышла на цель. С директрисой у неё отношения более чем приятельские, а та мужа держит в ежовых рукавицах. Доводилось наблюдать на совместных празднествах и юбилеях. За вечер мамуля раз пятьдесят прокрутит в голове предстоящий разговор и у неподготовленного собеседника просто не останется шансов. Хм, только сейчас понял, что я активно использую матрицу памяти моего предшественника. Рановато на этот раз. Раньше у меня получалось не так легко.

— Ладно, сынок, мы пойдём. Мне надо ещё пару звонков сделать, а время уже позднее. Вот тут продукты, ешь хорошо. Одежда в пакете. Я завтра зайти не могу, у меня работа допоздна, классную комнату ремонтируют, поэтому Саша один заскочит, — даже ни о чём не спросив отца, мамуля вынесла своё авторитарное решение.

Продукты были в традиционной сетке — «авоське». Успел заметить батон, бутылку молока, литровую банку сока, сырки с изюмом и завёрнутые в бумагу колбасу и сыр, если я правильно оценил форму свёртков и жирные пятна на них. На ночной перекус хватит. Из одежды пижама, треники, футболка, тапки.

Только расслабился и начал планировать, чем займусь, зашла медсестра и сунула мне градусник.

— Извините, можно Вас попросить, — начал я неуверенно, глядя на незнакомую мне женщину, — Вы не могли бы найти мне темную повязку и проводить меня до туалета.

— Могу утку принести, — недовольно буркнула тётка.

— Можно и без повязки, если Вы свет в коридоре погасите. У Вас же есть ночники?

— Рано ещё. Свет в двадцать два ноль-ноль гасят, — медсестра явно мечется между инструкцией и нежеланием таскать утку.

— Да мне на секунду. Коридор перебегу и снова включите, а выходить буду — постучу, — нашёл я компромиссное решение.

— Давай, последняя дверь налево — взмахом руки, женщина показала предполагаемое направление.

Пока спускался с кровати, щелкнул выключатель и в коридоре замерцали слабые голубые лучики ночников. Метнувшись к двери, «вспомнил» о важном и вернулся за «Комсомольской правдой». До явления туалетной бумаги в больницы лет двадцать ещё ждать надо.

Часа четыре провёл над исследованиями и систематизацией того, что в этот раз мне досталось.

Энергетических каналов почти нет. Полтора часа по-всякому изгалялся над телом, добился только лёгкого свечения вокруг пальца. Если бы не темнота, то и этого не увидел бы. Про файерболы можно смело забыть. Я помню, сколько в третьей жизни трудов мне стоило развитие вполне приличных каналов до уровня Адепта, это кошмар. Магической энергии на Земле мало, очень мало, фантастически мало. Я год буду копить то количество, которое мог набрать тогда за пару часов. Как в таких условиях можно прокачать каналы? Да ещё и ничтожного размера... Солнце у нас не то, что ли... или ионосфера энергию не пропускает?

С памятью всё гораздо интереснее. Отклик такой, что я чуть было не стал проверять у себя наличие нейросети последнего поколения. Поставил я себе такую однажды. Как раз за год перед последней смертью. Блин, подумать только — ещё неделю назад у меня был свой рейдер и друг — ИСКИН! Медкапсула, которая за полдня могла собрать меня чуть ли не из кусков! Команда, сложившаяся за десять лет странствий! Девушка — керра, ласковая, с прелестными кисточками на ушах. Гадские хаксайты! Такую жизнь мне завалили! Ладно, что-то в этот раз я рановато начинаю ностальгировать. Обычно накатывало через месяц.

Изучить эпифиз я пока не могу. Нужна магия, которой нет, и может быть она у меня и не появится. Воздействовать на него напрямую не получается. Зато, пока я куролесил с различными методиками, то обнаружил нечто новое, с чем раньше не сталкивался. Будем считать, что это телепатия. Пока я пытался «нащупать» эпифиз, то обнаружил, что мне мешают посторонние источники. Ими оказались двое мужчин в палате справа от меня и две женщины слева. Разные оттенки цвета, скорее всего должны означать какое-то состояние этих людей. Попытавшись усилить наблюдение, на долю секунды увидел сон, в котором мужчина вёл жёлтый автобус, и всё прервалось. Из-под одеяла выполз мокрый, как после часовой тренировки с тяжёлыми мечами. Нужна передышка.

За окном ночь. Самой Луны не видно, она где-то за больницей, но лунный свет заметен. Я снял очки и осторожно приоткрыл щелочки глаз, как будто собираюсь посмотреть на Солнце. Нормально. Смотрю уже увереннее. Впечатление такое, словно я вижу улицу в

самый разгар солнечного дня. С головой залезаю под штору и навешанное поверх неё шерстяное одеяло. Я снова Дракон? Только в том теле у меня было похожее зрение. Я могу различать предметы на невероятном для человека расстоянии и приближать их по своему желанию. Перевёл взгляд на раму. Вижу всё, даже самые маленькие трещинки на краске и частички пыли. Опять проделки эпифиза?

— Больной Савельев, просыпайтесь — голос медсестры и попытки потрясти меня за плечо, дали результат. Проснулся. Млин, я же только что заснул, — Я повязку принесла. Сейчас на вторую койку больного привезут. Свет нужен будет ненадолго, а я потом заходить буду, тоже включать. Давай помогу одеть, — она затягивает тесёмки мне на затылке.

— А зачем потом свет нужен?

— Он послеоперационный. Наркоз отходит, придётся с медсестрой — анестезистом за ним присматривать.

— Понятно, — я залез под одеяло с головой и через минуту уснул.

Проснулся рано. Вокруг тишина. Убедившись, что света нет, снял повязку. На соседней койке лежит мужик с забинтованной головой. Нормально я вырубился, даже не услышал, как его привезли.

Контакт! Контактище!! Стоило мне подойти и коснуться соседа рукой, как хлынул поток информации и образов. Я даже не делал попыток сосредоточиться, просто положил пальцы ему на руку. Это что, те ничтожные канальчики, через которые я не мог выдавить даже огонёк, так могут работать на приём? Стоило убрать руку и всё исчезло. Так, думай голова — шапку куплю...

Пробую вникнуть в суть. В первую очередь напрашиваются аналогии с электричеством. Для того, чтобы воспользоваться зажигалкой в автомобиле, мне нужен провод (и предохранитель), как минимум на десять ампер. А для датчика сигналки хватит проводка, тоньше волосинки и ток в сотни раз меньше. В конце концов, обычные человеческие глаза «видят» изображение из-за того, что фоторецепторы глаза передают электрический импульс в мозг. Это просто зрение. Там про силу тока говорить вообще смешно. Импульсы, идущие от сетчатки глаза через зрительный нерв, до сих пор не измерены достаточно точно. Вроде они есть, а точных значений нет. Чудасто.

Пока размышлял, коридор ожил: шарканье тапочек, меняющее скорость в зависимости от того, кого и как припёрло. Хлопок двери туалета, снабжённой пружиной, толщиной в половину пальца и скопированной с мышеловки, пусть и в увеличенном виде, но почти в масштабе. Скрип каталки, наверно капельницы начали развозить. Грохот оконной рамы, ночную вонь больницы надо проветрить. Пересменка у врачей и медсестёр. Эти разошлись по мастям и только из сестринской комнаты слышится постоянное бу-бу-бу, кости моют, перебивая друг друга. Всё как всегда. Я подслушал разговоры в коридоре. Говорят, что кто-то умер. Какой-то ветеран войны. Это одна медсестра другой на бегу сказала, буднично так.

— Кал, моча — быстро сдаём, — в нашу палату пинком открыли дверь. Ссука! Урою! Эта тварь даже не уподобилась посмотреть на список тех, кому это необходимо, пиная все двери подряд. В 7-30 утра! Выглянул в коридор. Глаза терпят. Рядом стоит тележка с толстостенными бутылками капельниц. Упругим пинком запускаю её вслед орущей твари. Бинго! Ложусь обратно, совесть чиста, одеяло натянуто на голову. Вот это по-нашему, по-русски. Око за око, пинок за пинок. Бутылки не разобьются. Там стенки, как иллюминаторы в спасательной капсуле, в полсантиметра толщиной. Под звуки разгорающегося скандала, задремал. Лениво думаю о своём соседе.

Полугрюмов Юрий Васильевич. 1936 года рождения. Двое детей. Девочка и мальчик. В браке счастлив. Попал в аварию. Поехал на мотоцикле с коляской «Иж-Юпитер-3» на дачу. На обратном пути упал на скорости 60 км/час в вырытую дорожниками яму, не огражденную ни чем, кроме грязной тесёмки. Профессия: слесарь-инструментальщик. Здоровье в желтой зоне.

Естественно, сведений у меня больше, но для анализа мне и этих вполне достаточно. Учусь использовать фильтры. Под одеялом. Пытаюсь разработать Контакт. Жду утренний обход. Мне нужен Самуил Лазаревич, и не делайте мне нервы. Тупо, не люблю.

Бесячий накал вроде сгинул. Сосед дрыхнет. Сколько отжиманий вытянет это тельце в естественных условиях обитания? Спать уже не могу. Видимо выпался на неделю вперед, пока в коме лежал. Пора браться за развитие тела.

Пятнадцать раз! Сраных пятнадцать! Как говорила в моё время одна телезвиздятина — «Звезда в шоке». Да ни одно моё тело не отжималось меньше ста раз! Ладно, успокоился. Тут реально сила тяжести в полтора раза больше. Передохну минут десять и повторю. Первый раз, что ли. Отставить зарядку. Шумы в коридоре. Завтрак разносят.

Какой-то я агрессивный сегодня, или это меня совковое хамство так подбросило, что успокоиться не могу. Надо привыкать, а то поход в овощной магазин черт знает чем может закончиться. Если уж на моего предшественника та тётка такое впечатление произвела, что у него зарубка в памяти осталась, то у меня ещё хуже выйдет. Я просмотрел эпизод из овощного. Краснорожая продавщица с выдающимися буферами и пальцами — сосисками, на которых напялено штук восемь колец из дутого золота, срываясь на визг, материт целую очередь покупателей. Эпично.

— Здравствуйте, Клавдия Захаровна — поприветствовал я явно чем-то недовольную медсестру.

— На вот. Дружок твой шebutной прибежал. Пять минут он подождать не может. Весь как юла искрутился, — она протянула мне матерчатый мешочек с очками, — Попробуй-ка, одень. Может ты в них и до зала дойдешь, а не то сюда завтрак принесу.

Поменял очки. Совсем другое дело. По крайней мере теперь у меня «широкоформатный» обзор, да и глазам заметно легче стало. Высунулся в коридор. Жить можно. Глаза терпят.

— Сам схожу. А Вы что, плакали? — беру медсестру за руку, заглядываю в глаза. Вот оно как... Похож лейтенант на меня, похож. А Клава-то какой красавицей была, ух. Кровь с молоком и коса с руку толщиной. И форма медсестрички ей к лицу была. Успела она утром альбом вытащить, вспомнить да всплакнуть. Хм, а вот они в тамбуре разговаривают. У лейтенанта голова перевязана... и глаза краснющие. Контуженный? Мистика какая-то. Меня сейчас подстриги покороче, да форму одень — один в один с Гришей буду, так её любовь звали. Да, легко я сверху её воспоминания зачерпнул. Скорее всего потому, что свежие и сильные, часа ещё не прошло, как она плакать перестала и на работу засобиралась.

— Иди, поешь, а я пока пол протру. Обход уж скоро, — отмахнулась от меня Клавдия Захаровна.

Из столовой я вылетел пулей и помчался в холл. Сосед по столу сказал, что там можно взять свежие газеты. Бац!

— Это что у нас тут за мотоциклисты по коридору гоняют. Савельев? — Самуил Лазаревич явно намекает на мои очки, — Ты куда это так разогнался? — врач подал мне руку, помогая подняться.

— За газетами. Я же не помню ничего. Вообще не знаю, что в мире творится. Может уже коммунизм давно во всём мире, а я не в курсе, — я отряхнул штаны и уставился на врача. Классная штука — Контакт! Я узнал много интересного про нашего эскулапа... и про аспиранточку. Всё-таки врачи — очень продвинутые люди. Зря говорили, что в Советском Союзе секса нет. Ого-го, как есть. Не каждый сможет такой даст ист фантастиш устроить на служебной мебели.

— Подожди, как не помнишь? — врач вытащил свои очки и начал быстро протирать стёкла платком. Одел очки, посмотрел на меня, зачем-то попытался ногтем поддеть этикетку на моём югославском девайсе. Он что — не знает, что эти этикетки нельзя отрывать. Иначе вещь тут же теряет половину ценности в глазах окружающих. Это же фирма. Отдёрнул голову от загребущих ногтей эскулапа. Витька не простит потерю значка кастовой принадлежности к импорту.

— Ко мне друзья вчера приходили. Как только сказали, что через двадцать дней экзамены вступительные надо сдавать будет, так и понял, что я последние два года вообще не помню. Ночью покопался в воспоминаниях, выяснил, что помню выпускной в восьмом классе, а дальше — сразу больница.

— Интересно девки пляшут... Так. Ты сейчас в темпе сходи на второй этаж. Тебе ещё раз рентген головы сделают, а то у них первый снимок не получился и возвращайся. Посмотрим тебя повнимательнее. Рентгенолог в курсе. В очереди не стой, скажи сестре, что у тебя осмотр через пятнадцать минут, — крикнул врач уже мне вслед.

А Самуил-то сдал меня. В аренду... Вон какие вензеля он выкручивал вокруг профессора, описывая мой случай. Нет, мне понятно, что ему через месяц кандидатскую защищать, а тот будет председателем комиссии, но совесть тоже надо иметь. Что значит — он меня в институт предоставит для изучения? Я понимаю, что наука требует жертв, но мог бы и меня спросить, а нужно ли мне такое счастье. Прокрутив последние воспоминания доктора ещё раз, больше ничего интересного для себя не нашёл.

О, а куда мой сосед делся? У него даже кровать заправлена. Бросил на тумбочку газеты. Обход закончится, тогда и почитаю. «Уральский рабочий» положил сверху. Для меня он сейчас наиболее полезный. «Известия» и «Правда» — эти два рупора пропаганды, просмотрю по диагонали, для общего развития.

Про разговор с Самуилом Лазаревичем рассказывать не буду. Стыдно и долго. Мы оба начали с намёков, потом слегка повздорили, а в самом конце — торговались, как торговки рыбой на Привозе. Врач последнее слово оставил за собой. Он меня послал. Достал из нагрудного кармана направление, написанное на четвертушке бумаги, и отправил к нейрохирургу. Зря это он. Череп я пилить не дам.

Выпишут меня через три дня. За это время пройду полное обследование и в свою районную поликлинику принесу толстенный пакет. Буду оформлять инвалидность. Зачем она мне? А на дворе 1976 год. Статью 209 Уголовного кодекса ещё никто не отменил. Тут ведь и посадить за тунеядство могут. В институт не хочу, а в армию не возьмут, это мне Лазаревич подробно объяснил. Он исходил из собственного опыта работы во врачебных комиссиях при военкоматах. Довелось ему там поучаствовать. Что я выигрываю? Время и нервы. Никогда по три часа не стояли в очереди, чтобы попасть на приём к нужному врачу? Лучше уж я тут, на месте всё заранее оформлю, да и медицинские заключения у областной больницы всегда авторитетнее получаются. С меня три визита к его профессору в институт профзаболеваний. Ладно, побуду немного экспонатом. Пусть изучают.

Чуть не забыл. Я же разобраться хотел, что в рентгенкабинете мне почудилось. Если бы не тишина и темнота, то может ничего бы и не заметил, а так, как будто ветерком по телу пахнуло. Это, как после карцера в Академии. Там стены из киприта, который магию не пропускает, и когда выходишь, то первые впечатления именно такие. Потоки Силы ощущаешь, как приятный сквознячок. Всё тело мурашками покрывается. Тут конечно ощущения послабей, но очень уж знакомые. За такой опыт отдельное спасибо козлу — декану, который нашу компанию трижды в карцер отправлял полным составом. Подумаешь, пошумели в городе. Город же цел остался, а за порушенные трактиры мы всегда с гаком рассчитывались. Весёлая жизнь была, есть что вспомнить. Жаль кончилась быстро. Из последнего выпуска боевых магов тогда никто не выжил. К Прорыву нас отправили прямо с плаца Академии. Сказали, что нужно продержаться сутки, а потом придёт помощь и армия. Мы продержались двое. Помощь не пришла.

Что же я почувствовал? Напрашивается два варианта: излучение или электричество. Недаром там к рентгену кабеля подведены в руку толщиной. Вечером организую вылазку на улицу. Я вчера в окно видел характерное строенье трансформаторной подстанции перед больницей. Даже жёлтые треугольные знаки с нарисованной там молнией рассмотрел. Вот и похожу вокруг, глядишь, что и учую. Не исключено, что мой новый организм сам ищет альтернативные источники Силы в этом мире без магии.

За различной суетой день пролетел быстро. Правда, при посещении пищеблока слегка напрягся. Всякие ложки и ножи стали прилипать ко мне заметно слабее. Не сразу сообразил, что обычная нержавейка «липнет» значительно хуже, чем простой стальной нож для хлеба. Поменял демонстрационный инвентарь и выступление наладилось. Клавдия Захаровна цвела так, как будто эти чудеса сама делала. Короче, улучшенное питание я себе обеспечил. Совсем немаловажный момент, учитывая мою новую повышенную прожорливость и то, что юношеские рецепторы передают совсем иной, более яркий вкус еды.

Вечерний выход на улицу вылился в настоящий квест. Легче всего было выскользнуть из отделения и пробраться незамеченным на первый этаж. Половина этажа освещена и там много людей. Грохот каталки, встревоженные голоса. Кого-то привезла «Скорая помощь». Выручил пожарный выход. Деревянная дверь из коридора была закрыта на нижний крючок, а наружная изнутри запиралась шваброй, вставленной в дверную ручку.

На подстанции был установлен прожектор, который светил в сторону главного входа. Вот и замечательно, в темноте никто даже и смотреть в мою сторону не будет. Зашёл за здание и распинав ногами лопухи и крапиву, всем телом прижался к тёплой кирпичной стене. Пошла, родная. По всему телу, как влажным полотенцем провели. Пару раз менял место, выбирая, где ощущения будут заметнее, а потом соорудил баррикаду из найденных у забора досок и ящиков, чтобы залезть на крышу. Лёг на спину и раскинув руки, уставился в небо. Где-то там, за тысячи прыжков и миллионы световых лет, остались мои друзья и враги. Была тогда у меня мечта — добраться до Земли. Теоретически такое было возможно. Мы с ИСКИНом даже зоны посчитали, где стоит искать червячные переходы. Есть в космосе такие аномалии, которые позволяют сокращать расстояние, вот только шанс найти их, а потом выбраться оттуда живым, невелик. Так что ИСКИН насчитал мне вероятность удачного путешествия в четыре стотысячных процента. Тем более приятно оказаться здесь. Сбылась мечта.



Как не крути, а молодое, здоровое тело — крайне приятная штука! Дело даже не в его физической форме и молодых мышцах и хрящах. Разница во всём. Сравнить так же бесполезно, как старый автомобиль с новым. Даже если в старичка неплохо вложились и многое поменяли на что-то более хорошее, новое авто выигрывает всегда. В пожилом теле не ощущаешь, как чудовищно велика эта разница. Сравнение поражает только после заново осознанного букета ощущений от молодости. В моём прошлом теле меня вряд ли бы подкинуло на полметра и снесло с кровати, если бы я услышал в коридоре щелчок и хохотушки десятка молодых девичьих голосов. Практикантки, однако.

В размышлениях, как, что и куда, провёл полночи. Вроде бы и понимаю, что надо делать всё как всегда, благо, что опыт уже есть, но такую ситуацию мне дают впервые. До этого я ни разу не мог возвратиться в своё прошлое. Чужие песни я точно в этой жизни воровать не буду. Попробовал я как-то раз просто чужое попеть, даже авторства себе особо не приписывал, потом прожил следующую жизнь пауком... там только жвалами можно было поскрипеть... намёк сверху более чем понятен. Нет, Боги за такое меня точно в следующей жизни превратят в навозного жука, как минимум. Вон как ненавязчиво мне дали понять, что плагиат — это воровство, как его не пытайся обелить. Перепало мне почитать фантастики в своё время, там, с позволения сказать «главные герои» тырили чужое без ума, и типа им всё пролазило..., а вот фигвам. Ворвайки, они и в Африке ворвайки. Накажут их, и может даже не один раз. Можно украсть у Рубенса картину, а потом продать её, выдавая за своё творчество. Гораздо поганее, если у композитора украсть его звёздную, лучшую песню. Боги за такое бьют канделябром в темя и я в этом вопросе с ними абсолютно солидарен. Ещё те плагиаторы и оправдания себе придумывали, вроде как, после нас всё изменится, и эти песни и мелодии может быть и не состоятся. Этакие стыдливые Шурхены с Альхенами, пишат да воруют. Твари. Ворвать чужие песни так же корректно, как украсть у матери малолетнего ребёнка и зарабатывать на нём деньги себе на карман.

Стартовать придётся с познания. Впрочем, каждая прожитая жизнь у меня и начиналась со своими особенностями. Сначала буду изучать, что из необычного мне перепало и как это можно будет развить и использовать. Пока точно можно говорить про Контакт, с помощью которого я могу успешно считывать яркие образы из чужой памяти целыми эпизодами. С электричеством ещё толком не разобрался, но скорее всего я как-то могу подпитывать себя, находясь около мощных источников тока. Куда затем можно будет расходовать полученную энергию — непонятно.

— А вот и наш электромагнитный герой, — представил меня мой эскулап целой группе толпящихся за его спиной практиканток. Вот же неймётся человеку. Мало ему аспирантки, он ещё и практиканток решил поклеить. Ну что же, поможем оживить романтику профессии врача среди серых социалистических будней.

— Доктор, я каждую ночь вижу один и тот же кошмарный сон: мою тещу с крокодилом на поводке. Вы только представьте себе эти оскаленные зубы, эти прищуренные глаза и горящий ненавистью взгляд, эту холодную бугристую кожу!!!

— Да, действительно, очень страшно...

— Да вы погодите, я же вам ещё про крокодила не рассказал!..

— Савельев, что за шутки... Какая теща у тебя может быть в семнадцать лет?

— Самуил Лазаревич, какие шутки, Вы же второй раз мне жизнь спасаете. Значит я молодой, холостой, здоровый и ни разу не женатый залежался тут, как никем не покупаемые ботинки от «Уралобуви», а наш народ в это время, не щадя своих сил строит коммунизм. Выписывайте меня срочно, мне всё равно сегодня осталось только результаты анализов на кровь взять, я всё остальное вчера успел сделать, — весело отозвался я, глядя на изумлённое лицо доктора. Ну да, воспользовался вчера после демонстрации магнетизма «административным ресурсом». Там, среди зрителей, две старших медсестры было с соседних этажей, вот и протащили они меня мимо очередей по всем специалистам, в виде благодарности за демонстрацию чудес. Успел всех нужных врачей пройти за один день вместо трёх. По нынешним временам — небывалый подвиг. Осталось после обеда забрать квитки с результатами анализов, и свобода.

Всё-таки меня выписали. Весьма неожиданно, как для меня, так и для родителей. Из одежды выдали то, что на мне было одето на рыбалке, поэтому до дома добирался, как возвращающийся с провального ивента турист — экстремал. Например, сапоги — бродни не очень сочетались с трикотажными трениками и обгоревшей брезентовой штормовкой. Пришлось поюзать память донора и выбрать маршрут дворами и кустами. По улицам Свердловска в таком виде далеко не пройти. Даже для рыбака чересчур вызывающе. Ближайшие лет пятнадцать это будет закрытый от иностранцев город со своим особым режимом. Недаром на всех въездах в город висят многозначительные надписи: «Урал — опорный край державы». Умный поймёт.

В кармане нашёл ключ от дома с каким-то странным деревянным брелком на железном кольце. Память подсказала, что моему предшественнику это подарили, как изображение Перуна. Ну, хоть так, а то в СССР по общей школьной программе все изучают «Легенды древней Греции». Неужели башкой своей дырявой не понимают, что им уже в детском возрасте загалкивают не те Знания. Почему детей учат не «Мифам и легендам Древней Руси»? Да, когда-то пришёл на русские земли предатель, и пользуясь силой и подлостью, окрестил народ насильно, зверски убивая несогласных. Родню свою при этом убивал и народ гробил тысячами. Креститель засланный.

Мда, что-то мне подсказывает, что мои Боги меня в свои глубокоинцестные отношения не просто так закинули. Знали же, что Россия тупая, молится на иудея обрезанного и распятого? Меня-то зачем в эти разборки впрягли? Я точно не раб, а кто подобное вякнет, сам ему порву, что рвётся. Лично мне свои изначальные языческие Боги как-то ближе, чем импортные. Ну тут дело вкуса. Я точно никому своё мнение навязывать в этой жизни не собираюсь.

Ладно. Надо успокоиться. Пять глубоких вдохов — выдохов. Медитация.

Так. С чего бы меня так подкинуло? А..., храм увидел. Про себя подготовил лозунг: «Религия — опиум для народа». Блеснуть знанием нынешней культуры не смог. Оказалось, здание сейчас занимает областной краеведческий музей. Свято место пусто не бывает. Одних жуликов сменили другие. До революции музей начался со сданной меценатом коллекции в две тысячи редчайших монет. В прошлой жизни я её в экспозициях не видел. Наверно до сих пор изучают... ха-ха. Все знают — понимают, что она давно разворована и продана, и молчат.

Да, город трудно узнать. Даже новый цирк ещё не достроили. Очень мало машин, а автобусы и трамваи непривычно кургузые и смешные. До своего дома добежал быстро. По старой памяти ещё искал переходы через дорогу, пока не вспомнил, что тут все переходят,

как придётся. Про подземные переходы можно и не вспоминать. Вроде бы сейчас такой один на весь город, у вокзала.

— Здравствуйте, баб Нин, — по привычке сработала память на старушку у подъезда.

— Ох ты, Пашка — то живёхонек, а Семёновна сказала, что тебя молоньёй убило, — услышал вслед. Остальные «новости» прервал хлопок фанерной подъездной двери, снабжённой скрипучей растянувшейся пружиной. Бегом забежал на четвёртый этаж и своим ключом открыл дверь. Надо будет дверь и замок поменять. То что стоит — защита от честных людей. Любой вор с ним справится минут за пять, а такую дверь фомкой выковыряет и того быстрее.

Квартира странная. От деда осталась. Трёхкомнатная полнометражка, но непривычной планировки. Узенький туалет, где до унитаза надо пробираться боком вдоль ванны, такая же кухня-пенал, двоим тут разойтись будет тяжело, общий зал и две изолированные комнаты. Балкона нет.

А вот и моя комната. Ничего такая, метров четырнадцать будет. Стол, тумбочка, шкаф, диван. Из техники: проигрыватель «Вега-101» и магнитофонная приставка «Нота-202». Шикарно. Десятка три пластинок и шпук восемь бобин. О, мои любимые «Песняры» есть обязательно послушаю вечером. На стене коврик с оленем, колонки от проигрывателя, на полу самотканый половичок через всю комнату. Над диваном на стене висит акустическая гитара «Орфеус», судя по этикетке внутри — сделана в Пловдиве. Снял, прикинул состояние. Колки в порядке, звук сочный и мощный. Струны старые, изрядно потрёпаны. Гриф по мне толстоват, не очень удобно лёг в руку. До двенадцатого лада строй нормальный. Память подсказала, что на шкафу должен лежать чехол из серого дерматина с белым кантом. Пашка сам его сшил год назад. Кожу купил в «Хозтоварах», а кант изготовил из широкого белого электропровода, отрезав под самый корень одну из жил и вытащив алюминиевую проволоку. Выручили дедовские инструменты, которыми тот подшивал валенки и наблюдение за самим процессом. Нравилось деду, когда малолетний внук рядом «помогает».

Гриф надо будет обточить и заново покрыть лаком, а на гитару поставить облегчённый аккорд. В «Юном технике» продают стальной корд для авиамodelей. Вот он и пойдёт вместо первой струны. Родная первая струна встанет вместо второй, а вторая вместо третьей и так далее. Тогда можно нормально поиграть. Техники сразу прилично добавится и подтяжки или как их ещё называют — бэнды можно изображать на тон-полтора. Для моего стиля игры самое то. Пробежался по струнам, пальцы не успевают. Не баловал их Паша гаммами и арпеджио. Ставим ещё один пункт на будущее. Надо позаниматься техникой игры, погонять пассажные упражнения. Виртуоза из меня уже не сделать, поздновато по возрасту, да и не собираюсь я по четыре часа в день заниматься гитарой, более важных дел и занятий полно, но до приличного уровня владение инструментом я легко подниму. Опыт имеется. Самое главное — я умею играть «вкусно» и делаю это в разных стилях. Тут ведь как, «Лунную сонату» может сыграть любой пианист, окончивший музыкальную школу. Нет там технически сложных мест. Поэтому просто отбарабанить ноты без ошибок особого труда не составляет. А вот исполнить так, чтобы мурашки побежали и слёзы на глаза накатили — это талант.

Эстрадные звёзды редко играют что-нибудь сверхсложное по технике исполнения, но «разговаривает» инструмент далеко не у всех. Например рояль у Раймонда Паулса или труба у Армстронга — они живые и люди это чувствуют и понимают интуитивно, даже на уровне

обычных слушателей. Жаль, что этот мир не слышал, как Кэлиэйльм может сыграть на динэйре. Если закрыть глаза, то целые картины и миры открываются, когда слушаешь его музыку. Некоторых эльфов после его выступлений минут по пятнадцать в чувство приводили, а то и к целителям отправляли. Зато у ИСКИНов с музыкой не очень. Вроде всё построено правильно: партии наисложнейшие, инструментов используют несколько десятков, техника исполнения запредельная, а до восьмиструнной динэйры Кэлиэйльма им как до Луны раком. Ощущение такое, как будто тебе вместо спелого плода манго подсунули салат из синтетики. Сложная штука — эта музыка. Мистическая.

Ага, у мамы сейчас начнётся обед, можно позвонить в учительскую.

— Мам, привет, я уже дома. Меня выписали и все заключения на руки выдали, — протараторил я в трубку допотопного телефона, стоящего на тумбочке в коридоре, когда маму подозвали к аппарату.

— Паша, суп в холодильнике, там же в кастрюльке найдёшь пюре и котлеты. Поешь обязательно. Я через два часа приду, что-нибудь свежее приготовлю — сквозь треск трубки услышал мамин голос. Мать есть мать, ей главное, чтобы сын был накормлен и одет — обут. А угольный микрофон в телефоне надо заменить. Наверняка треск из-за него стоит. Выслушав ещё штук пять «полезных советов», буркнул в ответ что-то вроде согласия. Нет. Наедаться я сейчас не буду. У меня по плану пробежка в Зелёную рощу. Хочу понять, что мне за тело досталось и какие у него перспективы.

Порыскал в поисках обуви и одежды. Немного модернизировал старенькие китайские кеды, добавив туда толстую стельку из пористой резины, которую вытащил из кроссовок. Не хочу ноги об асфальт отбивать. Спортивный костюм на мой взгляд уродский. Непонятные треники с вытянутыми коленками и резинками внизу и такая же бесформенная футболка. Всё это линяло — фиолетового цвета. Убрал костюмчик обратно. Ту одежду, которую родители принесли в больницу, я уже закинул в стиралку, чтобы квартира не пропахла лекарствами. Так, остаются спортивные трусы и майка. В сочетании с мотоциклетными очками смотрится диковато, но тут уж без вариантов. Побежали.

После шести кругов с разметкой 880 метров можно сделать первые выводы. С ногами у нового тела всё не так уж и плохо, как собственно и с легкими. Темп я выбрал хороший, пристроившись к группе ребят — легкоатлетов, занимающихся на «Юности». Догадаться было не трудно, половина из них бежала в майках с соответствующей надписью. Их тренерша, молодая миниатюрная девушка, озадаченно наморщила лоб, когда увидела меня вместе с бегущей группой, но ничего не сказала. На втором круге вся группа немного добавила темп, а я перешёл на орочий бег. Тут же почувствовал, что голеностопы надо качать и серьёзно, да и нога на свободный мах идёт с напряжением. За первый круг справился с равномерностью шагов. Правая нога у этого тела сильнее. Длину шага в девять стоп я выбрал ещё по дороге к парку и запомнил. Сложнее получилось с плечами. Мышечная память старалась их поднять, а мне они нужны в нормальном, расслабленном состоянии. Приземление стопы и перекат в порядке, а вот толчок носком вяловат. Из-за этого я сильно проигрываю в скорости и трачу лишние силы. На пятом круге я потерял свою группу и дистанцию заканчивал в унылом одиночестве. Трое спортсменов ещё пытались какое-то время держаться за мной, но я даже по шлёпанию их ног слышал, что они мне не соперники. Уставший человек бежит с громким топотом и его нога приземляется с весьма характерным шлепком. Дроу таких бегунов быстро приводят в чувство ударами метровой палки. Пусть это жёстоко, но зато очень эффективно. Для тёмных эльфов бесшумный бег — это способ

выжить. Один «топотун» может стоять жизни всему отряду, если его услышат враги. Светлые эльфы тоже бегают бесшумно, даже по лесу. При этом ещё и от веток умудряются уворачиваться, чтобы не качнулись, и сучками — листьями не хрустеть. Пробегающий патруль эльфов не вдруг заметишь, а уж тем более услышишь.

Орки бегают всегда. Пробежать сто километров за день для отряда орков — вполне обычное дело. Неутомимые бойцы после такой пробежки ещё и в бой вступят. Когда я впервые попал на такой марш — бросок, то думал, что сдохну. А ничего. Добежал не хуже других. Хорошо, что на следующий день бежать пришлось меньше, километров шестьдесят — семьдесят.

На голеностоп нормально позаниматься не удалось. Ничего для утяжеления я не нашёл. Покачал «ласточку», переваливаясь с пятки на носок, и попрыгал минут десять, как заяц, из стороны в сторону. Немного походив после упражнений по краю футбольного поля, я пошёл к турникам. Десять раз смог подтянуться и раз пять изобразил уголок. Руки и пресс ни к чёрту. Растяжка так себе. Дыхалка радует. Что характерно, майка почти сухая, но ноги подрагивают. Если поработать с голеностопом и техникой бега, то из меня получится неплохой легкоатлет. Кстати, бег мне всегда давался легко, в любом теле. Обычно трудности были с боевыми искусствами. Ладно, способности тела вчерне понятны. Вечером подумаю, с чего начинать. На первый взгляд всё легко и просто, но это не так. Человек не может быть универсалом. Легкоатлет не может быть хорошим борцом, а боксёр — пловцом. Эластичные мышцы пловца не предполагают нанесение хлесткого резкого удара, а бегуну только повредит накачанный торс и лишний вес.

Из душа вывалился в одном полотенце. Одновременно звонил телефон и кто-то стучал в дверь. На бегу успел крикнуть в трубку, чтобы подождали и пошёл открывать входную дверь.

— Виктор, заходи. Сейчас на телефон отвечу и поговорим, — я на бегу подхватил чуть было не упавшее полотенце и запахнул его поплотнее, — Алло, слушаю.

— Ты уже дома? Тебя когда выписали? — у Лены, Пашиной подруги, приятный голос. Хотел пошутить по поводу первого вопроса, но Пашина память выдала такой букет эмоций, что дыхание спёрло и секунд на пять стало не до шуток.

— Ленчик, привет. Я хотел тебе вечером звонить. Ты наверно сейчас вся в подготовке к экзаменам, а вечерком могли бы погулять, — я быстро отдышался и постарался изобразить счастливого человека.

— Какая подготовка, из-за тебя мне в голову ничего не лезет.

— Лен, а как ты догадалась, что я уже дома?

— Почувствовала. Я же ведьма, забыл?

— Уже вспомнил. Сейчас поговорим, и я твоему вещему ворону пару перьев из хвоста выдерну, чтобы не каркал, когда не просят, — я показал кулак Витьке, выглянувшему в коридор. Тот закатил глаза под лоб и шмыгнул обратно в зал.

— Я вечером не могу, обещала родителям помочь, — не очень правдоподобно соврала Ленка в трубку. Бывший парень наверняка бы не заметил эту паузу в десятую долю секунды и слегка изменившийся тон. Интересно, что за тайны у неё появились. Всего-то неделю не виделись. Интересно, я только что по телефону четко определил, что девушка врёт. Обычно такая способность есть у магов, и то не у всех, — Чего молчишь? — прервала Лена мои размышления про ментальных магов или, как их называли в империи Калдари — псиоников. Похоже, что это умение из той же серии, что и неожиданно доставшаяся мне способность к Контакту.

— Задумался. Лен, тебе Витя ничего про мою память не говорил?

— Он сказал, что ты забыл всю программу за последние два года, и не будешь поступать в институт. Это не шутка?

— Понимаешь, какое дело... я не только программу забыл, я вообще ничего не помню.

— Вот даже как... — теперь уже задумалась моя собеседница, — Разве так бывает?

— Я не врач, но в больнице говорили про генерализованную амнезию. У меня полностью выпало из памяти два последних года.

— Ты и меня забыл?

— Я тебя помню такой, какой ты была два года назад.

— Пф-ф, что там вспоминать. Худющее чудо с косичками. Я как раз недавно выпускные фотографии в альбом вставляла, поэтому успела полюбоваться на себя в восьмом классе.

— Значит у меня есть шанс приятно удивиться, — сам не пойму, зачем я всё это ей говорю. Мне эта девушка не нужна, но от выплесков адреналина в старой памяти Пашки меня всерьёз колбасит. По опыту прошлых реинкарнаций я знаю, что эмоциональная составляющая памяти предшественника будет понемногу спадать и закончиться месяца через три. Поведенческая матрица продержится дольше. Такой расклад устраивает. Не нужно придумывать ничего лишнего. По крайней мере пока меня никто не назвал странным и явных изменений не заметил, а остальное объяснимо потерей памяти, молнией и реанимацией.

— Нам надо будет заново знакомиться. Даже не знаю, что и сказать. Давай завтра созвонимся. У меня вечер будет свободен, — Лена определённо пыталась что-то сообразить и явно взяла паузу на раздумье. Хотя, скорее всего, выгадала время на обсуждение возникшей ситуации со своей мамой, от которой у неё никогда не было секретов.

— До завтра, — покладисто согласился я и мягко положил трубку. Мне тоже нужно время на размышление. Пашкина память отчаянно требует продолжения отношений, а мой разум категорически протестует. Первый конфликт интересов.

— Ну, Плохищ, рассказывай. За сколько печенок продал меня буржуинам? — наехал я на улыбающегося Витьку, зайдя в зал.

— Ты что, бегал что-ли? — по одесски, вопросом на вопрос ответил Витя, указывая на спортивную форму, снятую мной перед походом в душ.

— Было немного. Подзакис в больнице и решил встряхнуться. С темы не съезжай. Ты меня Ленке сдал?

— Я сегодня зашел в больницу, а тебя выписали. Прихожу к тебе домой, тут тоже закрыто. Что я должен был подумать? Вот и позвонил ей, — выдал он правду. Не соврал.

— Неожиданно получилось с выпиской. Я тоже думал, что ещё пару дней проваляюсь.

— Чем займёшься? Может подашь документы в институт на всякий случай? Вдруг память резко вернётся, а нет, так и забрать можно.

— Вечером поговорю с родителями, и решим. Заодно попробую учебники посмотреть. Может так что вспомню.

— Я чего тебя искал-то срочно. Мне Лёха чешскую электрогитару предлагает дёшево. «Иолану-7». Только они разбили пластик на ней и оба звучка повредили. Сколько раз ему говорил, что для халтур надо жёсткий кофр делать. Их со свадьбы на автобусе везли, вот по гитаре углом колонки и долбануло. За сотню отдаст, сказал.

«Иолана — Стар — 7» мне нравилась. Чехи, не слишком мудрствуя, содрали её корпус с легендарного «Фендер — Стратокастер», наверное самой знаменитой гитары этого времени.

Кроме двух датчиков, вместо трёх и незначительного изменения в форме пластика, отличие найти мог не каждый. С датчиками можно помозговать. В Верхней Пышме есть один симпатичный заводик, где делают очень интересные магниты. На Шувакише, местном рынке, иногда встречаются на развалах столбики из магнитов — таблеток, которые руками не вдруг разломишь. Очень сильные магниты. С ними звук у электрогитары должен существенно измениться на более яркий и читаемый.

— Витька, тебе-то она зачем? Ты на басу кое-как шевелишь, ну аккорды ещё туда-сюда можешь ставить. Только учти, времена ритм — гитар прошли. Везде, кроме оркестра Гостелерадио и таких же замшелых ВИА, ритмачи вымирают как класс.

— Да сам не знаю. Просто гитара нравится, а потом дёшево выходит. Он её в Москве у спекулей за триста двадцать брал. Уже и к мастерам нашим ходил. Никто не берётся. Говорят, сделаем, но надо сам пластик и датчики. Иначе туфта получится. Самопал.

— Как он сам без гитары останется? Он же её целыми днями из рук не выпускает?

— Бегаёт сейчас, деньги у всех занимает. Вроде он «Gibson SG» собрался брать.

— Да ладно. Он же как машина стоит, — я сам цен чёрного рынка не знал, но в компании с Витькиным двоюродным братом Алексеем бывал часто. Они базировались в ДК имени Гагарина. В народе его называли Гагры. Иногда, под разбавленный портвейн, музыканты обсуждали цены на инструменты своей мечты. Во время споров вытаскивался до дыр затёртый английский журнал «Rolling Stone», где в самом конце страниц десять были посвящены ценам на электрогитары и аппаратуру.

— Это «Лес Пол», а «СГ» раза в полтора — два дешевле. Вроде у Лёхи страховка тысячи на полторы подошла, вот и накопил. Говорит, триста рублей не хватает.

— Если он «Джипсон» купит, то наверняка зазвездит. У нас в городе гитары такого класса на пальцах одной руки можно пересчитать. Через год закончит Чайковку и будет неимоверно крут.

— Пашка, а может ты его гитару купишь? Руки у тебя из нужного места растут, и играть ты любишь. Он всё равно скоро в кабак работать уйдёт. Говорил, что с сентября. Там музыканты по шестьсот в месяц имеют. Вот и поработает, пока четвёртый курс заканчивает.

— Нормально. У меня отец столько за четыре месяца зарабатывает.

— Ребят из его группы ты знаешь. Зарплата там маленькая, по сорок рублей получают, но халтур море. Зато они по два-три раза в неделю халтурят. По пятнашке на нос обычно выходит. С ноября танцы в ДК будут, тогда по шестьдесят зарплата получится, но на халтуры минус день.

— Хм, что-то в этом есть. Только сам пойми, как я после Алексея буду играть? Он музыкант от Бога, плюс три курса эстрадного отделения по классу гитары. Не возьмут меня его парни.

— А вот тут я с тобой не соглашусь. Лёха же не поёт, от слова совсем, а ты худо — бедно у нас в школьном ВИА солистом был. Ребята при мне много раз обсуждали, что у них вокала не хватает. Клавишник только на подпевки тянет, а у басиста голос низкий, ни разу не модный. А ты ещё в аппаратуре сечёшь. Они там сами даже штекер распаять не могут. Меня постоянно зовут. Представляешь, у них ревер месяц назад накрылся, до сих пор не отремонтирован. Ждут, когда мастер из отпуска вернётся. Да ты им море проблем снимешь. Пошли к Лёхе, посмотришь, можно гитару восстановить или нет. Я же тебя для этого и искал. Они ещё минут сорок в ДК будут.

Витькино предложение меня заинтересовало только одним — ненапряжной

официальной работой, оставляющей много свободного времени. В музыкальном мастерстве Паши я тоже сильно сомневался, но тут всё гораздо легче. Довелось мне поиграть в своё время, даже профессиональную категорию имел. Где техникой не вытяну, возьму манерой. Не обязательно шпилить шестьдесят четвёртыми нотами и демонстрировать сногшибательную тезнику, если умеешь играть вкусно.

Быстро высушил волосы, на ходу смастерил себе бутерброд из куска хлеба и холодной котлеты и под горячий чай, из засвистевшего на плите чайника, устроил легкий перекус. Витька на моё предложение присоединиться, только помотал головой, выразительно похлопав по часам.

Я одел японские джинсы (мы за ними мотались в леспромхоз, за сто километров от города), футболку и кроссовки, заметался по квартире в поисках хоть какой-нибудь мелочи на дорогу. Память подсказала, что в трудных случаях Паша выуживал деньги из свиньи — копилки, засовывая в щель металлическую линейку. Немного потряс свинью и по линейке выкатились два двадцатчика и пятнадчик. На дорогу хватит, ещё и на мороженое останется. Нацепил очки и выскочил вслед за другом. Пять остановок автобус тащился очень не спеша. В середине Икаруса — гармошки оказалось удобное место с поручнями, где можно было постоять, приподнимаясь на носках. Неплохая тренировка на голеностоп. Витька на мои упражнения смотрел с удивлением.

— Вырасти хочешь?

— Ноги тренирую. Пробежался сегодня и понял, что надо их подкачать.

— Здорово тебя шарахнуло. То тебя на турник было не затащить, а тут вдруг в автобусе решил спортом заняться.

Зря торопились. Ребята ещё репетировали. Алексей играл на полуакустической «Музиме», принадлежащей ДК и досадливо морщился. Я его понимаю. Играть на чужом инструменте удовольствия мало. Это, как играть в футбол в обуви на три размера больше. Половина техники уйдёт в киксы.

Ребята разучивали «Африку» из репертуара Тото Кутуньо. Простенькая мелодия, которая станет классикой жанра. Действительно, с вокалом у них не очень, да и без ревербератора эта песня явно не слушается. Лёха играл соло, вместо партии флейты, которая звучит в оригинале. С «квакушкой» получалось неплохо. Витька слушал, раскрыв рот.

— Вить, ты чего? — толкнул я его локтем в бок.

— Классный медляк. Девки и так от итальянцев с ума сходят, а тут Кутуньо. Знаешь, сколько сейчас его пласты на туче стоят?

Слушая подзабытую мелодию и глядя на моего друга, я только улыбнулся в ответ. По мне музыка у Тото мелодичная, но слишком уж простенькая. Меняются поколения — меняется музыка. Когда-то джаз считался чуть ли не развратом, потом такое же отношение было к песням «Битлз». Прошло время и уже другая, более современная музыка стала восприниматься бывшими любителями джаза в штыки, а мелодии МакКартни стали классикой. Помню я эти комсомольские поговорочки: ё — «Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст». Кстати, Михалковское творчество эти стишата. Тот ещё приспособленец был. Хотя почему был, он ещё вроде жив.

— Привет, парни. Вить, что с гитарой решил? — Лёха, в клетчатых шортах и футболке с трафаретным рисунком Дип Пёрпл, подошёл и пожал нам руки.

— Сейчас Паша посмотрит и может быть у нас будет интересное предложение.

— Вон там на полке лежит, смотрите, — Алексей даже не скрывал, как он расстроен



досрочной кончиной инструмента. Сам он, видимо чтобы не расстраиваться, уселся на стул и начал что-то наигрывать на отключенной Музиме.

Три порванные струны немного затруднили вытаскивание гитары из чехла. Да, прилетело ей знатно. Ребро колонки на три куса расколело пластик и датчики, оставив даже вмятину на дереве, около верхнего рога. Я внимательно осмотрел кобылку, колки, ручки потенциометров и прикинул геометрию грифа. Всё в норме. Немного заедают колки, но это поправимо. Для порядка поморщился и немного вывернул один из обломков, чтобы обнажились потроха. Переключатель и потенциометры целы.

— Восстановить можно, но придётся помудохаться. Корпус надо красить, датчики и пластик будут не родные, — озвучил я итог своего обследования. Лёха скривился, как будто я объявил заключение об ампутации ноги у близкого ему человека и чуть яростней зашевелил какой-то злобный гитарный риф. Хорошо, что полуакустика даёт негромкий звук.

— Меньше сотки не отдам, мне до завтрашнего вечера ещё триста надо найти. Гитару заберёте, двести останется. О, слушай! Сделка века. У меня ещё Регент — 30 есть, тоже неисправный. За триста всё вместе заберёшь? Дам в подарок советский фузз с квакушкой. Я себе фирменный купил, поэтому Полтаву так отдам. Хоть что-то рабочее будет, — попытался подсластить пилюлю этот музыкант — дестроер.

— Показывай, — только и смог я сказать, не в силах отказаться от лучшего на то время гитарного комбика. Лёха показал рукой нужное направление и снова забренчал что-то чуть более радостное.

В углу скопилась куча переломанной техники: два разбитых барабана от ангельсовской установки, раскорячившиеся дюралевые пюпитры, непонятная микрофонная стойка с отломанной ногой, два «Электрона-10» с изодранными колонками, ведро с клубками проводов в нём. «Regent 30 H» стоял чуть в стороне, упакованный в чехол. Уже стаскивая чехол, почувствовал характерный запах сгоревшей изоляции. Точно. Почерневший силовой трансформатор, с обуглившейся изоляцией — это первое, что бросилось в глаза, как только я залез во внутренности.

— Лёха, а ты внутрь заглядывал? — я озадаченно почесал голову, разглядывая потроха комбика. Гитарист отложил инструмент и подошёл к нам.

— Это что? — ткнул он пальцем в обуглившуюся, и местами лопнувшую изоляцию.

— Это полярный лис пришёл. Как он ещё не загорелся, просто чудо какое-то, — пробормотал я, помял пальцами один из проводов и показал ему осыпавшуюся рассохшуюся обмотку.

— Отремонтировать можно? — осторожно поинтересовался Лёха.

— Новый трансформатор найдёшь? — по-еврейски ответил я вопросом на вопрос.

— Неа... откуда. Вот же блин. Мне за него пятьсот давали, не отдал. А он через месяц сгорел. Значит не будешь покупать?

— Неужели они так стоят?

— Если крюки в «Лейпциге» есть, то можно за двести пятьдесят выкрутить плюс пятьдесят — сто на лапу, а как только за двери вышел — уже шестьсот, как минимум, — рассказал он мне нехитрые парадоксы социалистической торговли. Устроиться продавцом в магазин «Лейпциг», продающий товары из ГДР — это эпический подвиг, который обеспечивал победителю небывалый социальный статус. Я знал, что даже «блатные» иногда ждали своей очереди по полгода, чтобы отовариться таким агрегатом.

На самом деле четырёхламповый усилитель чуть сложнее в ремонте, чем утюг. Нечему

там ломаться. Подобрать типовой трансформатор с нужными напряжениями и подходящей мощностью, да перекинуть шесть проводов — вот и весь ремонт. Напряжение для ламп не блещет разнообразием. Подойдёт почти любой транс для лампового агрегата ватт на двести пятьдесят. Хм, а ведь параллельно можно исправить основной косяк Регента — отодвинуть трансформатор от предварительного усилителя. Я ещё раз критически оглядел возможное приобретение. Внешний вид придётся освежить. Кожа ободрана, передняя тряпка грязная и выцветшая. Дизайн корпуса меня совершенно не устраивает. Зато абсолютно шикарная схема, которую будут потом применять в усилителях высшего класса, обалденные динамики, чудового качества выходной трансформатор и хаммондовский пружинный ревербератор! Хомяк грозил изнутри выгрызть дыру размером с футбольный мяч. Я уже представлял, какой шедевр может получиться при минимальном труде и затратах.

— Тут вложений и работы с перебором. Если ещё что-то всплывёт, то он мне золотым покажется, — начал я извечный процесс торговли. За все мои жизни кто только не пытался меня развести: менеджеры в автосервисе, гномы, техники на Касее — 13 — это самые запомнившиеся представители. Даже стоматолог из маленькой дырочки в зубе умудряется порой вытянуть сумасшедшие деньги. Особой жалости я к Лёхе не испытывал. Никто не мешал ему потратить немного времени на получение первичных навыков, позволяющих своими руками ликвидировать нанесённый ущерб, — Если добьёшь микрофон со стойкой, то заберу за всё триста и ещё вам ревербератор почию, — я показал пальцем на болгарский микрофон от Моно — 25, стоящий без дела около басовой колонки. Микрофон так себе, но мне нравится, что стойка складывается очень компактно. Только нам это на общественном транспорте не увезти, поэтому нужна помощь с доставкой, — я помнил, что у басиста есть Запорожец, доставшийся от деда, на котором он приезжает на репетиции с Химмаша, — Деньги отдам вечером, когда родители придут. Думай.

— Да что думать. Если завтра гитару не выкуплю, она уедет в Тюмень. Там уже есть покупатель. Подожди, с Колей договорюсь про авто и поехали.

Втиснуться втроём на заднее сидение в Запорожец, с учетом того, что место впереди заняла аппаратура, занятие не для слабонервных. Добрались до дома весело и втроём затащили всё в квартиру. Я сказал, что деньги отдам в семь вечера. Лёха тут же присел на телефон и начал с кем-то договариваться о том, где они встретятся и он выкупит свою новую гитару. Наконец он наговорился, переспросил ещё раз про время и убежал, абсолютно счастливый.

Витя критически осмотрел всё привезённое, зачем-то попытался оторвать обрывок дермантина на ободранном углу Регента и внимательно посмотрел на меня.

— Слушай, у меня такое ощущение, что я тебя крупно подставил. Что ты со всем этим хламом собираешься делать? — он показал на сгруженную в угол аппаратуру.

— Ты удивишься, как быстро я из этого сотворю конфетку. Давай пока ревер глянем, чего там у них не работает, — я вытащил тестер Ц-20 и полез во внутренности Ноты, из которой и сделали ревербератор. Тестер не потребовался. Лампа 6Н1П не светила. Порывшись у себя в коробке с запчастями, я выудил её сестрёнку и поменял. Попутно капнул из маслёнки в нужные места, проверил и немного подрегулировал прижим и протёр головки одеколоном.

— Ну а ля. Ремонт закончен. Норматив сдан на отлично, — я закрутил последние винты и потащил Ноту к проигрывателю, чтобы проверить. Дополнительно установленную головку пришлось регулировать, а то она съедала высокие частоты на эхо-сигнале. Всё равно

уложился в пятнадцать минут. Приобретённый микрофон как раз пригодился для проверки. Глядя на ремонт, свершившийся прямо на его глазах, Витька просто поглупел лицом.

— Ты где такому научился? — не смог он скрыть своего удивления.

— А то ты не знаешь, что я сам приёмники серьёзные собирал и в радиокружок два года ходил. Сан Саныч всегда мне всякую дрянь для ремонта притаскивал. Что только не ремонтировал. От проигрывателей до кофеварок. Ему самому лень, вот он нас и эксплуатировал, за что ему большое спасибо, — помянул я добрым словом руководителя школьного кружка, который работал на пятьдесят девятом радиозаводе — в шефской организации для нашей школы.

— Не, я знал, что ты можешь..., но не так же быстро.

— Ты бы помог лучше, струны с гитары пока все снял, что ли, — я уже крутил в руках приставку. Не доверяю я этим штекерам СШ-5. Гнёзда точно придётся менять на джеки. Десяток этих славных комплектов папа — мама мне перепал при монтаже математического кабинета в собственной школе и наконец-то дождался своего часа. Открутив раздолбанные гнёзда, понял, что дыры от них больше, чем мне надо. Включил паяльник и пока он нагревается, полез искать в накопившихся запчастях какую-нибудь накладку. Под руку попались четыре большие никелированные шайбы. То, что надо. Даже дырочки от винтиков закрыли. Двумя ключами закрутил гнёзда до скрипа, припаял проводки. Теперь надо ещё коммутационные провода от гитары переделать под новые соединения. Витька, всё ещё возящийся со струнами, ошеломлённо посмотрел на ещё одно отремонтированное изделие. Вместо выкрошенных убогих входов под СШ-5, гнёзда джеков, на толстых, блестящих шайбах, смотрелись намного лучше.

Уже готовился паять второй провод, как вдруг нашёл неожиданное решение. Были у меня парочка кракозябр — джеков, где корпус развёрнут перпендикулярно штырю. Дело в том, что у Стратокастера выход с гитары сделан с наклонным гнездом и не мешает при игре. Чехи решили сэкономить, и на Иолане джек торчал на пластике, как вбитый под прямым углом гвоздь. На поиск необходимого штекера времени ушло даже больше, чем на его распайку. Так, провода готовы, что дальше. А дальше пришла мама. Об этом известил хлопок входной двери.

— Папа, ты дома? — ещё с порога раздался её вопрос.

— Мам, привет. Мы с Витей там ремонтом занимаемся. У меня для тебя две новости. Одна точно хорошая. С какой начать? — улыбаясь, спросил я, забрав из её рук сетку с продуктами.

— Наверно, с плохой, — неуверенно ответила она, наблюдая, как я раскладываю продукты в холодильник.

— Мне срочно надо триста рублей из моих денег. Новость не совсем плохая, потому что второй новостью будет то, что я решил не покупать мотоцикл, — выложив последние покупки, понял, что палюсь. Предыдущий Папа никогда не мог толково разместить продукты в холодильнике. Соорудил индифферентный покер фейс.

— Ты ел что-нибудь? — задала мамуля вопрос, явно пытаясь выиграть время.

— Только перекусил, отец подойдёт, тогда я с вами удовольствием поужинаю.

— Для чего тебе деньги понадобились?

— Тут два варианта. Я или денег на ремонте заработаю, причём не мало, или работу найду. Давай дождемся папу и я всё расскажу, чтобы не повторять два раза одно и то же.

— Хорошо. Ты изменился, сын, — мамин взгляд пробежал по мне, пытаюсь найти

внешние отличия, но она только покачала головой и вернулась на кухню. Делать ничего там не стала. Стояла у окна и мяла полотенце в руках, пока я не кашлянул.

— Мам, я тут немного спортом занялся, бегом. Мне бы костюм какой-нибудь прикупить. А то сегодня бегал, как пионер — в трусах и майке, — я посмотрел, как мать заторможено кивнула и вернулся в свою комнату.

— Паш, я домой пошёл. Скоро мои придут. Увидят, что я сегодня не готовился к экзаменам, влетит. Надо хотя бы вид успеть сделать, что упираюсь, аж сил нет, — Витя отложил гитару в сторону и направился на выход. Проводив его, я начал прикидывать план покупок: трансформатор, пластик, ткань, винилискожа, рейки, клей, эпоксидная шпатлёвка, краска, провод — лапша для канта, магниты, катушки, корпуса звукоснимателей, динамик-пищалку, авиакорд, для облегченного гитарного аккорда.

Рублей на сорок — пятьдесят наберётся. Придётся побегать по магазинам. Если повезёт, то многое найду в «Юном технике», на Первомайской. Оседлаю-ка я завтра велосипед. Получится быстрее, чем на трамваях и пешком. Вроде отец пришёл. Пойду, пообщаюсь с родичами.

Когда зашёл на кухню, мать с отцом замолчали. Понятно. Мне кости мыли. Отец выложил на стол два пакета с фаршем. Это их иногда в заводской столовой полуфабрикатами отоваривают.

— Батя, пошли покажу, на что мне деньги надо. Маму не зову, один чёрт ничего не поймёт, — в ответ на мои слова отец только хмыкнул, а мать, похоже, обиделась. Ничего, пусть привыкает, что не всегда можно мужиками рулить.

— Вот это усилитель, точнее гитарный комбо. Как бы усилитель вместе с колонкой. Немецкий. Новый у нас в городе стоит рублей семьсот. За этот месяц назад пятьсот предлагали, но он погорел. Пока точно знаю, что полетел силовой трансформатор. Аналог я подберу рублей за пять, ну может быть за семь. Я его хочу прилично переделать. Больно уж вид у этого непрезентабельный. Мне будут нужны ключи от гаража и кое-что из твоих инструментов. Теперь электрогитара. Тут мне требуется твоя помощь. Подумай, у вас есть примерно такие корпуса? — я вытащил тетрадь и сделал набросок датчиков от Стратокастера. Размер нужен чуть больше ширины струн.

— Очень похоже на ответный датчик для сигнализации, — почти сразу же сказал папа, — Размеры могу сказать через пару минут. У меня документы в спальне.

— Вот чертёж, а это фотографии для проспекта, — он мне сунул в руки несколько листов. Моя прелесть! В кой-то века в Союзе сделали что-то красиво. С виду классический гитарный датчик. А уж как туда засунуть магнит с катушкой, а наверх вывести никелированные болтики под каждую струну, я легко соображу. Трясущимися руками вытащил линейку и побежал измерять нужное мне расстояние, ориентируясь на конец грифа. Бинго! Длины датчика мне хватает. Даже шесть миллиметров запаса получается. Правда, корпус немного пошире, чем нужно, но и длина больше. Пропорции корпуса почти что сходятся. Главное цвет какой нужен — белый. В «Юный техник» завтра еду с тестером. Там обмотки продают для датчиков. Некондицию. Мне нужны такие килоом на шесть. Самому мотать из провода 0,06 неохота. Если кто не знает, то электрогитары «Тоника» и «Урал» делают у нас, в Свердловске. Самое смешное, что эта фирма находится метрах в двухстах от ДК имени Гагарина, где я сегодня был. — Пап, а там какие магниты ставят? — задал я вполне естественный вопрос, разглядывая чертежи.

— Вообще-то положено ставить просто намагниченную железную пластину, — замылся

отец.

— А по факту?

— Ферромагнит втыкаем. Иначе много несработок. Чуть завысили при монтаже зазор и чувствительности геркона уже не хватает.

— Не слишком ли кучеряво получается?

— В общей цене сигнализации не очень заметно. Добавили букву «М» к изделию и подняли цену на семь рублей. Поставщик на качестве герконов копейки экономит, а мы должны рубли вкладывать, чтобы изделие стабильно работало.

— Наказывать не пробовали? Штрафные санкции применять?

— Были попытки. Снабженцы ультиматум объявили. Они каждую коробку герконов чуть ли ни на коленях вымаливают. Их производитель на оборонку работает. Директор по производству сначала матом ругался, а потом дал команду использовать ферромагниты.

— Магниты сильные? — на мой вопрос отец усмехнулся и через минуту принёс мне две плоские пластинки, прилипшие друг к другу.

— Сможешь оторвать руками — получишь червонец. Можно попробовать сдвигать, но только руками, без применения посторонних предметов и инструментов, — глядя на меня он ещё раз ухмыльнулся и добавил, — Любимая шутка на заводе. Согласно измерениям надо приложить шестьдесят пять килограмм. Ногти сорвёшь.

— Хм... Мне столько не надо. А можно как-то уменьшить?

— Боком поставь. Ширина пятнадцать, толщина — три. Глубины корпуса хватит, их же проектировали под железо. Ставишь на ребро — получаешь поле в пять раз ниже.

— Пап, а не проще корпуса было переделать? Ставили бы больше железа.

— Не работает. Пробовали.

— А точность монтажа вытребовать?

— Для этого сначала нормальный инструмент надо сделать. Пока чуть ли не с ручными коловоротами ставят. Чуть уехало сверло, потом болт вкось пошёл — и получи три — четыре миллиметра отклонения. А на каждую рекламацию ездить — себе дорожке выходит. Ставим магниты — до шести миллиметров работает стабильно.

— Понятно. Ты мне таких штук притащить сможешь?

— Тебя же только верхняя часть интересует? Если по дну дефекты будут, тебе не принципиально?

— Ну, если геометрия нижней части сохранилась, то нормально.

— Наберу завтра из корзины с браком. Всё равно половину не разбирают, а увозят на свалку.

— Вместе с магнитами?

— Да. Там есть ограничение на вторичную пластмассу. Норму за день набрали, остальное актируют.

— Страна чудес. Магниты дороже этой пластмассы в десятки, а то и сотни раз.

— А куда их девать? Те, что в корзине, уже заложены в убытки. Ну, вытащим мы их. Дальше что? На склад? У нас и так третий склад уже строят. На первом запасы ещё с войны лежат. Я сам там колёса для Студебеккеров видел. Они уже окаменели, а до сих пор на складе место занимают. Ты при жизни видел хоть раз живой Студебеккер? Насколько я помню, то после войны их восстановили, как сумели и обратно вернули.

— А свалка где?

— Где-то под Кировградом. Туда много что свозят. Считай, весь брак с радиозаводов

туда идёт.

— Это же в сторону Нижнего Тагила, вроде?

— Ты собрался съездить? Не советую. Вроде, как там она охраняется, а завозят для разборки всё в зону усиленного режима.

— Ясно. Просто поинтересовался, — на самом деле я сделал себе приличную зарубку — обязательно проверить такой источник халявы. Память Паши мне подсказывала, что руководитель радиокружка не раз говорил о том, что в магазины идут только те транзисторы, которые не прошли отбраковку на военных заводах. Другими словами — магазины продают брак. С транзисторами в СССР всё плохо. Кондиция — только тридцать процентов, и то, если верить отчётности. Семьдесят — брак. Для сравнения: в брак у Японии уходит восемь процентов. Требования у них жёстче. Уже в 1957 году СССР отставал от США по производству транзисторов в десять раз, а по ассортименту почти что в сотню. Хотя, лично меня транзисторы пока не привлекают. У музыкантов есть про них поговорка: — Хороший транзисторный усилитель — это тот, который выключен или уже сгорел. Не так они звучат, как надо. Парадокс СССР — качественные радиодетали можно или своровать, или найти на свалке.

— Тебе сколько надо? Штук десять хватит?

— Да, мне и пяти для начала за глаза.

— Столько сам в гараже найдёшь. Мы, когда производство запускали, куда только не пытались их приспособить. Каждый в карманах по паре штук таскал. Вот и набралось. Ищи на второй полке. Там коробка из-под аптечки должна быть, картонная. Магниты сам проверишь. Скорее всего они там разные.

Поговорив с отцом, подкорректировал список. Корпуса звукоснимателей и магниты у меня уже есть. Осталось их доработать. Проверил катушки разбитых датчиков на обрыв и замыкание. Одна жива, у второй обрыв. Сопротивление шесть с половиной килоом. Почти в норме, хотя я бы предпочёл чуть поменьше. Звук должен быть интересней. Пофиг, поставлю на датчик, ближе к грифу. Там такой катушке самое место. Мне бы с магнитами не переборщить. Чересчур сильные будут гасить колебания струны.

— Ты уверен, что справишься с усилителем? — отец задумчиво глядел на обугленный трансформатор.

— Завтра он будет работать. Сегодня ещё успею поменять подгоревшие провода и проверить цепи на замыкание и сопротивление. Пошли ужинать, а то мать нам не простит долгого отсутствия.

За ужином рассказал, чем занимался днём. Родители тоже поделились новостями. Мама напомнила, что завтра надо зайти в больницу, сдать заключения и записаться на приём. Покивал, с умным видом и отправил её трясти кубышку. Скоро Лёха за деньгами придёт. Заодно договорился о пятидесяти рублях на завтра. Видимо идея с покупкой мотоцикла мать беспокоила сильно, поэтому на аппаратуру она деньги выдала легко. У отца получил ключи от гаража и чемоданчик с его инструментами. Резцы и прочую мелочь выложил сразу, а вот запасы шкурки существенно пополнил.

Лёха прибежал, когда у меня во всю шла разборка усилителя. Снятый трансформатор лежал в стороне, в окружении старых, подгоревших проводов. На неподготовленного человека разобранный радиотехника оказывает сильное впечатление. Кажется, что обратно её не собрать, без вмешательства потусторонних сил.

— Держи деньги, посчитай. Ревербератор готов, можете забирать.

— А что ты раньше молчал? Знаешь, сколько мы мучались без него? Знал бы, что ты такой мастер, я бы к тебе всех своих знакомых отправил. У нас на весь город только двое ремонтом аппаратов занимаются: Карась и Зуев, но Коля сейчас ударился в кришнаитство и пытается научиться делать электрогитары. Две уже сделал. Я одну пощупал — не выйдет из него электрогитарного Страдивари. Полено — поленом. Чуть лучше «Урала». Хотя, хуже него наверно и не бывает. Только материалы переводят впустую. О, ты на квакере гнёзда поменял. Класс. Я на фирменный фузз раззорился во многом из-за этих долбанных штекеров. Они постоянно трещат и вылетают.

— Клиентов присылай, что смогу — сделаю. Деньги посчитал? — прервал я возбуждённого гитариста.

— Я тебе мешаю? Просто до встречи ещё время есть, ничего, если минут пятнадцать у тебя посижу? — немного сник Алексей.

— Да сиди. Ты куда пойдёшь потом?

— К Саше Архипову. Тут рядом, на Вайнера. Это бывший басист из «Ермака». Они завтра в Тюмень уезжают. Нашли там работу. Говорят, что с «чаем» в Тюмени раза в два жирнее, чем у нас. Представляешь, музыканты в ресторане больше тысячи в месяц получают.

— Иди, Витьке звони. Не дело с деньгами одному ходить вечером. Иди-иди, мы с тобой прогуляемся, проводим, — я выпроводил к телефону Алексея, отключил паяльник и немного прибрался.

— Сейчас подойдёт. Я как-то не подумал, что с деньгами лучше не таскаться одному.

— Лёх, вот ты мне Регент продал, а сам на чём играть собираешься?

— У меня дома MV3 есть. Если в ресторан возьмут работать, то думаю гитарный БИГ купить. Слушай, а ты мне можешь на МВэшке гнёзда поменять? Так-то шикарный аппарат, ему бы джеки на вход и вообще песня.

— Давай я сначала с этими ремонтами закончу. Заодно посмотришь, каким Регент станет.

— А каким он может стать? — удивился Лёха.

— Пока секрет. Сделаю — покажу.

— Заинтриговал. Ну, пошли, вроде Витя свистит, — он выглянул в окно, — Ага, подошёл уже.

Прогуляться по вечернему Свердловску летом приятно. Пару раз пришлось притормаживать Алексея, который готов был бежать и даже на ходу приплясывал от нетерпения.

Саша жил в старом двухэтажном доме, украшенном лепниной. На первом этаже расположился магазин «Букинист». Трёхкомнатная квартира, с огромным залом, в котором легко разместился рояль, и ещё осталось море места, явно до революции была квартирой купца. Сейчас половина зала была завалена аппаратурой. Ребята перетасили всё свое хозяйство из «Ермака» — ресторана, который находился в сотне метров отсюда и готовились к переезду. Лёха, возбуждённо подпрыгивающий всю дорогу, перед домом вдруг засмутился и попросил, чтобы мы пошли с ним. Я сказал, что толпой ходить не стоит, могу пойти я или Витя, а один пока подождёт на улице. Почему-то Лёха выбрал меня.

Пока Алексей и Саша распаковывали гитару, я осмотрелся. Ещё двое парней возились в углу над непонятным устройством, фирмы «ТЕАС». Из любопытства подошёл поближе. Фирменный ревербератор на четыре головки, с лентой — петлёй и накопителем. Гитарист, который представился, как Жека, уныло тыкал отвёрткой по одной из головок.

— Что с ним? — поинтересовался я у добродушного лохматого парня.

— Пока переезжали, что-то повредили. Упал он у нас. Вот теперь с самой нужной головки сигнал пропал. А те две только лаять могут. Эта объём давала.

Я быстро проанализировал ситуацию. Головка скорее всего цела, иначе бы касание к её ножке отзывалось характерным звуком. Значит неисправность дальше. Ревербератор падал. Скорее всего отскочил какой-то провод или деталь. Вряд ли что серьёзнее, иначе бы предусилитель не снимал сигнал с остальных головок.

— Можешь не тыкать тут, разбирать надо, — я оглянулся на Лёху, который подошёл к усилителю с новенькой гитарой. Правильно. Даже новый инструмент стоит проверить. Вдруг датчик какой не работает или потенциометр скрипит.

— Паша сегодня наш ревер за час отремонтировал, — прокомментировал Алексей моё заключение.

— Павел, а с нашим разберёшься? Только нам срочно надо. Если завтра до обеда сделаешь, то плачу полтинник.

— Сделать и сегодня можно, если серьёзней стимулируете, — улыбнулся я.

— Если сегодня сделаешь, то семьдесят, — махнул рукой Александр, — Нам завтра уезжать, а где мы мастера в незнакомом городе найдём.

— Тут есть какие-нибудь инструменты, кроме отвёртки?

— Конечно, плоскогубцы, паяльник, даже тестер есть, ну такой — вроде ручки с проводком.

— Ещё надо будет маслёнку и кисточку. Заодно профилактику сделаю.

— Найдём, — обрадовано сказал Жека, метнувшись к коробкам.

Верстак я себе устроил прямо на колонке. Отправил Женю к кампании, мучающей гитару, попросив не стоять над душой и не лезть под руку. Тот, недолго думая, вытащил свой кофр, а из него «Gibson Les Paul Custom»! Вот это инструмент! ИНСТРУМЕНТИЩЕ!!! Даже у меня руки затряслись и вспотели. Отложил отвёртку в сторону и подошёл, чтобы рассмотреть Легенду. Жека специальной тряпкой вытер руки, немного рисуясь, другой, уже замшевой, протёр гитару и тоже подключился к усилителю.

— Дашь потом поиграть, — я кивнул в сторону колонки, показывая, что потом будет после ремонта. Жека кивнул и пробежался по струнам.

— Женя, а как вдруг у тебя два новых Джипсона образовалось? — снял с моих губ такой же вопрос Алексей.

— Я СГэшку в Москве оплатил уже, а тут мне звонят и говорят, что Лес Пол появился и как назло у другого продавца. Тот СГ в зачёт отказался брать, я ему его заложил, чтобы он Лес Пол никуда не предлагал, а сам продал квартиру и его купил.

Силён, бродяга! Да, вот времена, люди квартиры меняют на инструменты.

— Неужели квартиру можно так быстро продать? — спросил Лёха.

— Кооперативная. У них там очередь стоит. За два дня всё оформили, — пояснил со стороны Александр, глядя на довольного, как слон, Женю. По тому было видно, что он счастлив.

Ладно, займусь делом. Быстро раскидал корпус на две половинки, снял экран. Проследил провод от нужной головки. Всё цело. Уже собрался откручивать плату, чтобы посмотреть дорожки и пайку и прозвонить тестером, как вдруг увидел болтающийся кончик провода около потенциометра. Подвела плохая пайка и то, что ребята уронили ревер. Пока нагревался паяльник, успел кисточкой вымести лишний мусор и капнуть маслом в



места, требующие смазки. Припаяв проводок, подергал его пинцетом, чтобы проверить прочность и начал собирать всё обратно. В коробке с инструментом у ребят лежало десятка два обычных советских медиаторов. Решил приколоться. Интересно, знают ли они этот фокус? Закончив сборку, я треугольным надфилем нарезал по краю одного из медиаторов мелкие зубчики, как у шестерёнки. Делается это быстро и моих действий никто не заметил.

— Саша, где можно руки помыть? — спросил я у хозяина квартиры. Он ткнул пальцем в сторону одной из дверей, а потом с недоумением посмотрел на ревербератор.

— Ты же вроде его разбирал? Не получилось?

— Я закончил. Проверьте, — улыбнувшись, пошёл мыть руки, иначе Жека мне своё сокровище даже потрогать не даст. Когда вернулся, ребята уже подключили ревер и микрофон. Судя по улыбкам, их всё устраивает. Саша вытащил кожаный лопатник и отсчитал мне деньги. А уж как руку жал...

— Жека, дай зажгу аккуратненько. Руки я помыл, — я помахал поднятыми руками, как хирург перед операцией. Тот нехотя передал мне инструмент. Ремень для меня был длинноват, поэтому я присел на стул, повернувшись так, чтобы гитарист видел меня со спины.

Квинтовый чёс, это приём из будущего. Весь «металл» построен не на игре аккордами, которая даёт при использовании фузза много «грязи», а на игре по нижним струнам квинтами. Освободившиеся от аккорда пальцы при этом успевают отыгрывать простейшие рифы. Даже обязательный для всех гитаристов — новичков «Дым над водой» Блэкмор аккордами не играет. Квинтами.

Если медиатор, который не случайно называют «скребком», использовать правильно, то при чёсе он действительно скребёт по струнам, скользя по ним под небольшим углом. С нарезанными зубчиками звук получается очень яркий, как у открытой рояльной струны. Вот минутой такого чёса, в стиле хэви метал я и выдал. Напоследок пробежался арпеджио и попробовал взять флажолеты в самом конце грифа. Шикарный инструмент, хотя по мне — звук мягковат. Сунув скребок в рот, попытался наиграть знаменитое вступление к «Лестнице в небо» — наверно самое играемое всеми начинающими гитаристами. Играется просто, но звучит божественно.

— Как. Ты. Это. Сыграл? — именно так, выделяя помертвевшим голосом каждое слово, спросил у меня Жека, что характерно, в полной тишине.

— Жендос, это то, о чём я говорил. Нам вот это и нужно было, — радостно вмешался клавишник, видимо не замечая Жениного состояния, — Вот он драйв, энергетика, синкопочки. Мы тут Рейнбоу пытались содрать. Вроде всё хорошо, а вот от гитары нужной подачи нет, — он волнообразно поводил руками, пытаясь объяснить нам жестом отсутствие драйва. Конечно, откуда бы чуду взялся. Рейнбоу не та группа, чтобы её творчество можно было повторить без правильной гитарной партии.

— Жека, тут вот какое дело. Из всех, кого я знаю, так сегодня играют всего лишь двое — я и Ричи Блэкмор, про остальных мне ничего неизвестно — попробовал я схохнуть, чтобы разрядить обстановку, но по лицу гитариста понял, что шутка не удалась. Он лишь страдальчески сморщился, думая, что я хочу зажить Великую Тайну.

— Ладно. Тогда давай баш на баш. Я тебе показываю, как это играется, а ты немного Лёхе цену сбросишь. Один же чёрт ты на нём что-то навариваешь, — сказал я, глядя на Женю, который начал кивать, даже не дослушав меня до конца. В итоге, за скидку в сотню рублей я показал небольшой урок из будущего и заодно подарил медиатор, показав, как его

надо правильно держать. Лёха, пряча счастливое лицо, паковал в кофр гитару, а я диктовал свой телефон, который все трое записали себе в книжки.

— Ты любую технику ремонтируешь? — спросил Саша, когда мы уже выходили из квартиры.

— Если есть схема и детали, то да, но с поломанными барабанными палочками ко мне не обращайтесь, — чуть задержавшись в дверях, улыбнулся я и помахал парням рукой на прощание. Вниз по лестнице уже с шумом спускался счастливый обладатель новенького Джипсона СГ, а из квартиры доносились звуки квинтового чёса. Жека жжёт.

— Паха, спасибо большое, вот, держи — на улице Лёня сунул мне в руки пятьдесят рублей.

— Лёх, ты что, я же для тебя старался, — попытался я отказаться.

— Считай, что это моя плата за урок, как другу, со скидкой, — засмеялся тот и демонстративно засунул свободную руку в карман, показывая, что денег назад не возьмёт.

— Тогда так. Я этот полтинник вкладываю в Регент. Посмотрим, смогу ли я тебя удивить так же, как сегодня.

— Вы что так долго? Я тут уже с девушкой успел познакомиться и расстаться, а вас всё нет, — выплыл откуда-то сбоку Витя, на ходу пристраиваясь к нашему победному маршу.

— Ты бы видел, что у Архипа Паша вытворял. Сначала фирменный ревер взялся ремонтировать и сделал его минут за пятнадцать, а потом Жеку учил играть на гитаре.

— Да ладно, — не поверил Витька, — Они же наверно самая сильная группа из тех, что в кабаках лабают.

— Он даже мне такое показал, что я сегодня Джипсон порву, но буду играть правильно.

Витя, поглядывая на нас, недоверчиво покачал головой, пытаюсь сообразить, не разыгрываем ли мы его и в чём юмор.

— Как гитара? — наконец спросил он, чтобы сменить тему.

— Очень круто. Лес Пол хорош, но моя СГэшка как-то порокенрольнее будет. Она легче, от хамбакеров звучара мощный и доступ к последним ладам шикарней. Да, у меня модель Селект. Жека её себе заказывал. Говорит, что самая красивая из всех СГэшек. У неё окантовка у грива обалденная и вся фурнитура золотая. Кофр сам видишь какой. Да и не нужен мне Лес Пол, вон в Блэк Сабаж гитарист не беднее Жеки, а всю жизнь на СГ шпилит и в ус не дует, — уже потише пробормотал он последнее предложение. Всё-таки Лес Пол его тоже зацепил.

Утром проснулся от шума на кухне. Похоже, мама тарелку грохнула. Точно, пробегая в туалет, успел заметить, что она что-то замечает в совок.

— Пап, мам, привет. У меня сегодня тоже куча дел. Мам, про больницу помню, — я высказался на опережение, зная, что она мне собирается напомнить. Мать положила мне яичницу и поджаренную сардельку, разрезанную на две половины. Потом поставила кружку с какао, над которой ещё вился пар. Я намазал масло на хлеб и с удовольствием принялся за завтрак. Никакой химии, сплошной натурпродукт.

С утра успел ободрать комбик от старой кожи и тряпки. Затем запрыгнул на велик и помчался на подвиги.

Три самых нужных мне магазина располагались на Первомайской. «Юный техник», «Ткани» и «Радиотовары». Там план закупок выполнил полностью и очень удачно. Разгрузившись в гараже, ломанулся в «Хозтовары», прихватив по пути медицинские документы. Пока идёт очередь в больнице, как раз успею закупиться краской, шпатлёвкой и винилискожей в соседнем здании. Выполнив оба квеста, через час вернулся в гараж.

Передо мной стоял голый корпус Регента, с которого я всё снял, даже ножки и ручки открутил. Дальше в дело вступает отцовский электрорубанок. Закругляю вчерне все грани. Доводить буду рашпилем и напильником по дереву. На переднюю часть набиваю декоративные рейки, сделанные из толстых округлённых брусков. Их задача придать корпусу вид очень толстостенной коробки. Примерно так оформлена акустика у Маршалла и Орандж. Сильно выручает простейшее приспособление, позволяющее отпиливать планки под углом в сорок пять градусов. Стыки на углах ровные. Креплю планки на шурупы, закругляю все углы и дорабатываю все округления вручную. Можно переходить к обтягиванию. Там две тонкости — утюг и столярный клей. Жирный слой клея, поверх которого натянута винилискожа, замечательно выглаживается горячим утюгом, через два слоя газеты, и напрочь убирает все мелкие дефекты. Старый утюг успел с утра выклянчить у мамы, с обещанием вернуть в целости — сохранности. С подрезкой углов особенно не парюсь. Поверх пойдут металлические наугольники, которые мне надо ещё покрасить в чёрный цвет. Подгибаю последнюю сторону сзади, готово. Ножки придётся менять. Те, пластиковые, которые были у оригинала, меня не впечатляют материалом и subtilностью. Пойдём старым проверенным способом. В аптеке приобрету накостыльники, подрежу их наполовину, и будет мне вид и амортизация, что для пружинного ревербератора в усилителе совсем не лишнее.

Откладываю корпус и принимаюсь за панель с динамиками. Тряпку я снял, теперь перовым сверлом делается дырка под дополнительную пищалку. Обтягивать буду мокрой мебельной тканью из ГДР. Цвет серый, рубчик крупный, синтетика. Когда ткань высохнет, то натянется, как пластик на барабане. На заднюю стенку тоже клею кожу. Вставляю ручки. Набиваю кант на рейки. Его потом передняя панель насмерть прижмёт. Всё. Корпус почти готов, остальное и дома доделаю. Сколько времени потратил? Полтора часа.

Перехожу к гитаре. Шпатлюю вмятину на корпусе, пока сохнет, начинаю пилить пластик. Делаю небольшой запас. Неровный край поправляю на точильном круге и делаю кромку под углом в сорок пять градусов. Меняю точильный круг на шлифовальный. С помощью пасты ГОИ довожу грань до блеска. Долго ковыряюсь с отверстиями под датчики.

Хочется их сделать очень аккуратно. Всё. Пусть пока сохнет шпателька, а я на тренировку.

Переоделся и в путь. Припозднился я сегодня. Ребята, с которыми вчера бегал, уже закончили и попались мне навстречу. Темп сегодня у меня повыше, но кругов сделаю меньше. После того, как набегался, пошёл к футбольному полю, к турникам. А вот и знакомая тренерша, сидит у поля на лавочке, кого-то дожидается. Эх, хороша. Уже развернулся к турникам, как услышал сзади:

— Парень, брось мяч, — судья, а скорее всего и тренер, показал мне на мяч, который катился в мою сторону. Ну какой мужик откажется в такой ситуации пнуть по мячу! Взглянул на поле. Игроки столпились у правых ворот. Видимо кто-то сильно отбил мяч, срывая атаку. Жутко захотелось похулиганить. Примерившись к воротам, вдруг понял, что попаду. Возникает иногда такое чувство перед броском или выстрелом, когда знаешь, что на этот раз всё получится и ты точно попадёшь в цель. Разбежался, и слегка подкрутив мяч, пробил по воротам. Мяч, по красивой дуге поднялся вверх и упал точно в ближнюю «девятку». Я радостно вскинул руки над головой, изобразив на пальцах викторию. Похлопав сам себе, раз этого никто больше не хочет делать, развернулся к турникам. Длинный свисток в спину. Ну, что ещё... Оборачиваюсь. Судья держит мяч в руках.

— А ещё раз слабо? — он бросил мяч примерно на то же место.

— Я не футболист, — пытаюсь отказаться от такого детского развода, но вижу улыбающееся лицо понравившейся тренерши. Пробую повторить прицеливание. А ведь получится. Почти такой же удар, только попал на полметра ниже. Вроде неплохо. Тут до ворот метров двадцать пять, не меньше. Пожимаю плечами, киваю девушке.

— А ещё раз? — обнаглевший тренер снова держит мяч в руках. Когда только успел.

— Ещё раз не смогу, — я наметил игрока у ворот, крикнул, — Длинный, лови, — мяч точно бы попал самому длинному игроку в голову, если бы тот сам не переправил его в ворота, немного выйдя на опережение, — Ну вот, как-то так, — негромко сказал я, в основном для девушки.

Два свистка в спину проигнорировал, что я ему, собачка что ли. Почему-то позориться на турнике при молоденькой тренерше расхотелось. Лёг на скамейку и начал качать пресс. Пятнадцать «уголков», передышка, потом ещё пятнадцать. Лежу, отдыхаю. Думаю о добром, вечном, то есть о миниатюрной тренерше, которая тут сидит недалеко. Вспоминаю, где ещё есть турник. При ней я точно на него не полезу. Мальчишество? Может быть. Даже спорить не буду. Ну, нравится она мне, что поделать. Про турник так и не вспомнил, а когда сел и открыл глаза, то и тренироваться расхотелось. Стоит моя тренерша рядом со «свистуном» и весело смеётся. Нет, такой спорт нам не нужен. Настроение упало.

По дороге к дому догадался, кого она там на лавочке дожидалась. Наверняка того приставучего свистуна. Чёрт, надо отвлечься. Так, вчера я собирался Диме звонить. У его отца в гараже есть компрессор и пистолет для покраски. Это у него ещё со времён ГАЗ — 69 осталось. Сколько раз он хвастался, что Газик можно самому править и красить, а вот изменил же ему с Жигулями, теперь лишний раз с дороги боится съехать. Гараж у них в соседнем ряду, почти что рядом с нашим, только надо обойти с другой стороны. Надеюсь его папахен не откажет мне в краткосрочной аренде чудо — девайса. Отложил звонок до вечера.

Раз уж я задумал из гитары делать реплику «под Фендер», надо озаботиться, как сделать характерный скос на корпусе. У Иоланы струнодержатель слишком уж массивный и повторить один в один такой изыск не даст, а очень хочется. Свои плюсы в удобстве игры он даёт. Нарисовав и стерев раза три предполагаемую линию скоса, остановился на

компромиссном варианте. Скос обозначу, но сделаю его поменьше глубиной. Как хотите, но влезать в корпус гитары электрорубанком... по мне — святотаство. Вроде как операция у хирурга. Вам противно, что кому-то что-то отрежут, а меня напрягает, когда тупо гребят инструмент.

Могу объяснить без особых проблем. Людей рождается очень много. Способных играть и творить — в разы меньше. Если Таланту попадёт в руки дерьмоинструмент, то он не взлетит. Это так же верно, как одеть кирзовые сапоги на будущего чемпиона в забеге на сто метров. Не побежит. Вред от такой продукции не только в напрасно выброшенных материалах. Основная беда — в разрушенных Талантах. Был выдающийся ребёнок, попал на некачественный инструмент и плохого учителя — и не стало в стране звезды.

Ладно, надо работать. Гитара полностью «раздета», даже колки скручены и брошены в банку с керосином. Очень осторожно начал снимать дерево, выставив нож в рубанке на минимальный захват. Не спеша, слой за слоем. Достаточно, теперь шкурочками, одетыми на толстую резину. Шкурку меняем, постепенно переходя на самые мелкозернистые, заканчиваем «нулёвкой». Нормально получается. С головки грифа стираю надпись «Star 7». По плану у меня там будет написано «S.P. Replica». С.П. — это мои инициалы, если кто не понял.

Лады на грифе немножко шлифанул, округлил, вставленной в карандаш шкуркой (надо из карандаша вытащить грифель, а вместо него поставить кусочек шкурки), прошёлся войлоком с пастой, сделав перед этим бумажный трафарет для одного лада, чтобы не пачкать пастой дерево на накладке. Гриф у меня ровненький, дома на зеркале проверил. Корпус к покраске готов. Всё, что будет краситься, «нулёвкой» «доведено до матового состояния. Пошёл домой. Буду возиться с датчиками и панелью. Чуть не забыл захватить готовое крепление под трансформатор и экран. Большие слесарные тисы — это вещь. Любую железяку можно загнуть быстро.

По дороге зашёл в парикмахерскую. Спортивная канадка — отличный вариант. Мне идёт.

Сполоснулся в душе, перекусил. Разложил на столе разобранный усилитель. Он у меня сейчас состоит из трёх частей: само шасси, верхняя панель управления и динамики. Провода почти все стоят новые, паяю их к купленному трансформатору. Ну вот, наступает момент истины. Втыкаю в сеть и... ничего. Зачем-то продолжаю щёлкать выключателем. Ха, а ведь трансформатор даже не гудит. Предохранитель! Меняю его, и всё оживает. Подключаю соединительный шнур и на палец проверяю через джек на другом его конце. Отлично! Меня держат только не покрашенные уголки, а так комбик можно было бы уже собирать.

Гитарный датчик состоит из корпуса, магнита, катушки и планки с винтами. По отдельности у меня всё есть. Я собираюсь ставить на гитару три датчика, вместо двух, как было раньше. Первые два датчика делаю быстро, а вот последний, который будет стоять у кобылки, повергает в раздумья. В отличии от остальных он будет стоять не перпендикулярно струнам, а немного наискосок, как у Фендера. Соответственно, расстояние между регулировочными винтами будет немного больше. Наконец соображаю, что могу измерить его по первым датчикам. Прикладываю линейку по центрам винтов на первых двух датчиках и делаю нужные отметки на третьем. Магниты и линейки креплю на эпоксидку к дну корпуса, а катушки заливаю парафином.

Расположение ручек и переключателя я поменяю, сделаю похожим на то, как у Стратокастера. Ручки в «Радиотоварах» купил новые, вместо невыразительных чёрных,

какие были раньше. Кстати, у меня добавится ещё один потенциометр, на третий датчик. Кроме датчиков, потенциометров, переключателя и выходного гнезда в схеме гитары больше никаких деталей нет.

Снаружи у меня всё будет белое: корпус, пластик, ручки, датчики, как в варианте «Arctic White Maple» у Фендера. Отложил готовую к установке панель на подоконник.

Я поставил переднюю стенку с динамиками в недоделанный корпус и отошёл на несколько шагов. Чего-то не хватает. Брутально, но простовато. Прилепил в правом углу кусок бумаги на кнопку с нарисованными толстым фломастером буквами SP, переплетёнными между собой. Отошёл ещё раз. Мелковаты букочки. В нужный размер букв попал с третьей попытки. Раз Регент у нас немецкий, то пусть буквы будут в готическом стиле. Почеркался еще немного и полез в кладовку, шерстить папины заготовки. Подходящий обрезок гипсовой плитки нашёл в самом углу. Нарисовал карандашом эскиз и полукруглым резцом выбрал материал на нужную мне толщину, взяв с запасом. Доработал треугольным резцом готические хвостики. Посыпал тальком. В крышке железной банки расплавил олово, и бросив туда кусочек канифоли, вылил в вырезанную форму. В остывающее олово вставил два коротких, облуженных обрезка медной трубочки, придерживая их плоскогубцами. Неплохая эмблема получилась. Немного напиллинга, отшкурить, покрасить в чёрный цвет и вставить трубки на клей в просверленные для них отверстия.

— Кто-то обещал мне позвонить и встречу назначал, — начала телефонный разговор Лена. От неожиданного звонка я чуть не выронил из рук плоскогубцы, которыми держал остывающую эмблему.

— Про встречу помню, — подтвердил я, раздумывая, куда бы мне приткнуть горячую отливку, — Готов хоть сейчас.

— Хоть сейчас не надо, но через полчаса я буду готова. Хотелось бы знать планы.

— Кафе или кино, на выбор, — предложил я.

— Ты разбогател, или родители субсидируют?

— Вчера случайно немного заработал, — улыбнулся я, вспомнив подробности.

— На кофе с мороженым хватит, или только на мороженое? — деловито поинтересовалась девушка.

— Да на всё хватит, не переживай, — насколько я помню, раньше мне червонца даже на ресторан со спиртным вполне хватало.

— Тогда подходи через час, — переосмыслила Лена время на подготовку.

— Яволь, мой фюрер, — отработал я её деловой командный тон.

Положив трубку, тут же снова её схватил и начал набирать Диму.

— Димыч, здоров. Мне помощь нужна. Нельзя ли у твоего отца компрессор на завтра позаимствовать? Очень надо.

— Привет, Паша. Он его вроде продавать собирался. Машину из-за него в гараж ставить неудобно. Всё время память боится.

— А почему нынче компрессора идут? — машинально поинтересовался я, огорчившись от неожиданного облома.

— Вроде я слышал, что речь про сорок рублей была, но Дмитрий Иванович говорил, что дорого.

— Слушай, я наверно что-то не понимаю, но компрессор всяко дороже должен стоить.

— Да просто покупатель наш сосед по гаражу, а компрессор далеко не новый. Отцу выгодно соседу продать. Если что, то всегда можно будет взять попользоваться. Но дядька

противный. Весь изнылся. То он старый, то масло жрёт, то ресивер мал.

— Дим, а давай я его куплю. Я же тоже сосед, подумаешь, чуть подальше получится.

— Это с отцом надо решать, а он сейчас в гараже. Я видел, как он минут пятнадцать назад туда проехал.

— Понял. Сейчас схожу, пока он на месте. Давай позже тогда созвонимся, — я положил трубку, взял деньги и поспешил в гаражи.

— Дядь Петя, здравствуйте, — поприветствовал я спину в комбинезоне, которая виднелась из-за машины.

— А, Паша, как ты? С виду вроде жив — здоров, а что в очках? — Димкин отец вышел из гаража, держа в руках тряпку и набор отвёрток, — Заставил ты нас всех поволноваться.

— Очки из-за молнии. Что-то с сетчаткой. Глаза свет не переносят, — если честно, то я порой стал забывать про очки, так я к ним привык, — Я что к вам пришёл. Дима сказал, что вы компрессор продаёте. Давайте я его куплю?

— А тебе-то он зачем?

— Да я ремонтом аппаратуры занялся, а там постоянно что-то красить нужно, — честно ответил я, потому что уже по дороге понял, что действительно, раньше мне всё время приходилось мучаться из-за ободранной аппаратуры. Аэрозольные баллончики стоили, как литровая банка хорошей краски, а хватало их только на небольшой и не слишком качественный ремонт. Тот же железный корпус усилителя при покраске из баллончика уже получался пятнами, мощности аэрозольного распылителя явно не хватало.

— Неожиданно. Я соседу хотел его продать, ну, чтобы попользоваться, если что. А он то покупает, то передумал, то денег нет. Зла не хватает.

— Дядь Петь, так я тоже рядом. Вон наш гараж, в соседнем ряду. И Дима меня всё равно всегда быстрее найдёт, чем вы своего соседа.

— Да забирай, чего уж там. Я тебе ещё лампы для сушки дам. Там одну правда поменять надо будет, но я её завтра принесу. Под ними краска быстро высыхает, а автомобильные эмали, так те без них и не сохнут.

— Я деньги с собой принёс. Можем прямо сейчас всё сделать, если дотащить сможете.

— Не будем мы ничего тащить. Сейчас в багажник закинем и отвезём на машине, — заулыбался Петр Степанович.

Так я стал обладателем компрессора, покрасочного пистолета и стойки на пять инфракрасных ламп.

До дома Лены успеваю только бегом. Примчался. Что характерно, никто меня не ждёт. Пока тусил минут десять, успел не только отдышаться, но и слегка замёрзнуть. Вечер. Градусов семнадцать на улице.

— Это что? — подойдя ко мне, почти упёрла свой палец в мои очки Ленка.

— Очки. Глаза у меня свет не переносят.

— И ты в таком виде собираешься в кафе?

— Ну да, а что тут такого?

— Дурак, мог бы меня предупредить про свои бинокляры. И вообще, можешь мне больше не звонить, — девушка всхлипнула и развернулась к подъезду.

— Лен, постой, — я попытался удержать её за руку и хотел предложить поменять планы.

— Отстань, — она вырвала руку и убежала в свой дом, а я сел на лавку, чтобы осмыслить информацию. Мой Контакт в очередной раз сработал, как надо. Значит так,

теперь у неё есть студент второго курса, с иняза, у которого приличные родители, и они уже целовались. Родители их специально познакомили в прошедшие выходные. Даже на дачу всех вывезли для такого дела. Мда-а.

Да что же сегодня за день-то такой! Второй раз меня девушки расстраивают. Так и до комплекса неполноценности недалеко. Хотя, в отличии от Пашиной памяти, мне легче. Как-то меня Лена не зацепила.

В принципе, Ленкин скандал мне только на пользу. Мой жизненный опыт подсказывает, что ничего бы у нас не получилось. Зато сейчас будет повод сбросить эмоции, окунувшись в работу по уши. Вон как славно меня тренерша выбесила. За день столько наворотил, что сам удивляюсь. А очки надо менять, обязательно надо, а то ведь она... Хм. Подумалось совсем даже не про Ленку...

Заскочил домой, переоделся, пообщался с родителями. Сам себя заложил отцу, по поводу нецелевого использования его резцов. Пообещал наточить лучше, чем они были до попадания в мои руки. Был прощен только после осмотра эмблемы. Рассказал про компрессор. Отец обрадовался, а мать недовольно поджала губы, но промолчала. Попытка сходу сбежать в гараж провалилась. Мама усадила ужинать.

На первый слой гитару покрасил. Лампы себя показали просто здорово. Я давнѐ обратил внимание, что заранее нагретые детали красить легче и краска блестит на порядок лучше, а тут ещё и эмаль подогрел, градусов до шестидесяти. Засунул банку в кастрюлю с горячей водой. Затем развлѐкся с чёрной краской, выкрасив уголки, ручки усилителя для переноски и эмблему. С надписью на головке грифа справился только через трафарет, рисование кисточкой не осилил. Промыл пистолет растворителем. Прочистил колки и смазал втулки маслом, а червяки — графитной смазкой. Домой.

Перед сном хотел полежать, попытаться погонять энергию, но ничего не вышло. Заснул сразу же, как только голова коснулась подушки.

Утром успел поймать отца. Был допущен к его запасам шурупов, болтиков и гаечек. Он даже нычки показал, где были спрятаны особо ценные шурупы и болтики с никелированными и воронѐными шляпками.

Сбегал до гаража, забрал высохшие детали и сел собирать комбик. Ох, и красивый же он, зараза! Музыканты от зависти с ума сойдут. Вот только вес ого-го, килограмм под тридцать будет. Кое-какие сомнения меня мучают. Например, пищалку я всё же сделал отключаемой, воткнув для неё дополнительный тумблер перед кондёром, а вот Презенсе — свою столь любимую ручку на других аппаратах, так и не стал паять. Вот понимаю башкой, что всё равно её сделаю, но пока рука не поднимается на внесение изменений в схему. Сложного там ничего нет, добавится потенциометр, два конденсатора и сопротивление, а по факту появиться «английский» звук. Вот только на Регенте предусилитель загнать на перегруз крайне сложно, но это уже следующий вопрос. Закрутив последние шурупы на задней стенке я отодвинул комбик к стене и отошёл подальше. Хорош! Вид просто супер! Дайте мне гитару! Что, никто не даёт, ладно, пойду сам сделаю. Погладил своего красавца на прощание рукой, чтобы не скучал без меня, отправился в гараж.

Покрыв гитару вторым слоем краски. До вечера я свободен. Случайно на глаза попались килограммовые гантели. Их когда-то мне, мелкому, покупали. На автомате прихватил с собой. Побегу сегодня с ними.

Маршрут я сменил. Бегаю по кругу на 1200 метров. Наверно зря. Я сегодня раньше обычного и знакомых не видно. Да ладно, что я вру сам себе. Нет пока в парке ни тренерши,



ни её группы. Отбегал, отработал турник, покачал пресс. Нет её. Трусцой поплёлся на выход и прямо там с ней и столкнулся. Скорее от неожиданности поздоровался, и она, растерявшись, ответила. До дома домчался галопом. Выйдя из душа, понял, что сильно устал. Да что такое. То носился, как электровеник целыми днями, а тут вдруг скис. Хм, электровеник..., а что, похоже тут есть здоровое зерно. Где у нас ближайшая трансформаторная? У Дворца спорта? Передохну, сяду на велосипед и проверю.

Я сижу на скамейке, которую сам сделал из доски и двух поломанных шлакоблоков. Десять прогонов на левую ногу, десять на правую. Уже спина болит. Помогаю себе руками, проводя ими от бёдер до кончиков пальцев на ногах. Если бы не Контакт, я наверно ничего не чувствовал, а так просто вижу, как с каждым прогоном пробегают малюсенькие искорки по раскачиваемым каналам. Перерыв. Я откинулся назад, прижавшись спиной к стене трансформаторной будки. Мысленно пытаюсь гонять энергию по рукам и позвоночнику. Из любопытства пробую уловить каналы на пальцах рук. Вроде что-то мелькает на грани восприятия. Каналы? Не уверен.

Сижу. Впитываю энергию. Как иначе это назвать, пока не придумал, да и незачем. Доклады про свои способности я писать не собираюсь, а меня и такой термин устраивает для личного, внутреннего пользования. Да и способностей-то кот наплакал. Ну, копится энергия, которая вроде как подпитывает слегка, работает Контакт, ночью лучше вижу, слух наверно тот же, а вот информацию с него обрабатываю в разы лучше. Пока получается, что самое востребованное из того, что у меня есть — это Память. С ней тоже всё не просто. Пока не многое из её запасов мне действительно может пригодиться. Самыми полезными знаниями для меня пока получаются знания моей самой бесполезной, первой жизни. Каламбур, однако. Не смешно.

Я никуда не тороплюсь. Рано ещё делать резкие движения. Вживаюсь в тело, обстановку. Осваиваюсь. В конце концов имею я право на небольшой кусочек личной жизни и счастья. Миллиарды людей так всю жизнь и живут, не заморачиваясь ни на минуту какими-то глобальными проблемами. Этакое овощи. А, что, война в очередной Гандибии, а, да-да, я читал в новостной ленте, и по ТиВи говорили, да, ужасно. А ещё бензин на три цента подорожал, вы представляете? Пора менять правительство. Кстати, вы слышали, что в МакДональдсе появились новые тройные чисбургеры, бутылку диетической Колы к ним дают бесплатно. Вот так и живут...

С гитарой закончил. Чуть шлифанул корпус пастой, натёр полиролью, блести-и-ит, как хозяйство у кота. Полчаса потратил на настройку датчиков и регулировку длины струн на кобылке. Облегчённый аккорд потребовал доводки. Привыкать к нему буду долго. Гитара звучит! Даже в слишком хорошем Регенте. Чересчур хорошо — это плохо. Академически чистенько всё. Даже с моими реактивными датчиками задача, как загнать регентовский предусилитель в перегруз, столь любимый музыкантами, далеко не проста. Немцы сделали шикарный усилитель, с отличной линейной характеристикой, а она мне нужна?

Тут ведь какое дело, расскажу пример, чтобы было понятнее. Уговорил меня как-то один знакомый, в моей первой жизни, свозить его на покатушки стрит — рейсеров. Не успели в сервисе его машину до выходных сделать. Приехали под Каменск. Старый военный аэродром. Весело. Громко. Десятки хрипящих сабвуферов иногда даже не перекрывают испытания рыка машин. Гоняют на время, делают ставки, пьют. Обрато решили выдвигаться вместе. Рычащие машины, факела, с хлопком вылетающие из труб при перегазовке, полосы на капотах, одним словом — красота. Выскочили на трассу и... погнали. Я тоже поехал. Когда в зеркале заднего вида пропали последние участники нашей гонки, то сбросил скорость и покатился, как обычно. 150–180. Знакомый, похлопав по панели моего «Вольво С-80 Т6», вполголоса заметил:

— Скучная у тебя машина. Ни звука, ни драйва. Просто едет. Даже скорость не чувствуется.

Вот и у меня сейчас с гитарой и комбиком примерно то же самое. Мне нужно авто с жёсткой подвеской, вытрясающей душу, рычащей выхлопной трубой, со вставленной в неё перделкой, хрипящим сабом, сотрясающим стёкла, а у меня скучный Вольво, точнее Регент. Всё хорошо. Играть стало удобнее, динамический диапазон стал шире: могу даже регуляторы не трогать, громкость отлично отзывается на силу звукоизвлечения, и звук-то чистейший, можно сказать, классический. А вот нет. Скучно. И даже фузз не спасёт. Его постоянно юзать не будешь. Задача.

Развлекаюсь гаммами. Радуюсь пальцам — нормально бегают, даже хорошо. До отлично им рано. Использую преимущества облегчённого аккорда, тренируюсь гарантированно вытянуть полтора тона в конце гаммы подтяжкой. В принципе тянется даже два. Уже понимаю, что установка одного только Презенса мои проблемы не решит, нужен одноламповый предусилочник от Маршалла или Фендера. Душит жаба. Так глубоко внедряться в схему Регента совсем не хочется. Уважаю я этот аппарат.

Был я как-то раз на концерте Государственного симфонического оркестра кинематографии СССР, под управлением Гараняна. Игнали профессиональнейшие музыканты. Высочайший класс! Через полчаса поймал себя на том, что засыпаю. Слишком всё чистенько и гладенько. Словно радио слушаешь. Как это объяснить? Загадки восприятия? Мои занятия и размышления прервал звонок в дверь. Кого там ещё принесло посреди дня?

— Привет, мы за ревером, — в дверь протиснулся Лёха, сзади маячил Николай, — У нас репетиция, а потом халтура. Свадьбу играем.

— Проходите, — я решил поднять себе настроение и немного похвастаться. А что такого. Имею право. Если собственной работой хвастаться не хорошо, то что тогда вообще оно, это хорошо?

— Да мы не будем проходить, ты его вынеси, и мы дальше поедem. Дел ещё полно.

— Проходи, говорю. Хвастаться буду, — заулыбался я.

— Усилочник отремонтировал? — частично догадался Алексей. Я отрицательно покачал головой и постарался улыбнуться, как можно загадочней. Этакая Джоконда местного разлива. Зашли в комнату. У ребят ступор.

— Хренасе..., — выдавил Лёха, спустя минуту. Сзади, как китайский болванчик, кивал головой Коля, — Где достал?

Тут взгляд Лёхи сфокусировался и переехал на гитару, колки, струнодержатель... Пришёл момент узнавания.

— Иолана, — он обличающе ткнул пальцем в белоснежный инструмент, затем повернулся к комбику, — Это Регент? — уже менее уверенно спросил он, сорвавшись на фальцет. В принципе я его понимаю. В эти времена новинки появляются раз в пятилетку, а не десятками каждую неделю. Сам себя помню, когда впервые увидел, а потом и услышал гитарный «Маршалл». Шок и трепет. Наверно я тогда так же глупо смотрелся.

— Я попробую, — он потыкал в сторону инструмента. Я сделал приглашающий жест и махнул Коле в сторону кресла. Сам устроился на подоконнике. Алексея хватило ненадолго.

— Как ты на ней играешь? Это же макароны какие-то болтаются, а не струны, — он недоуменно начал рассматривать моё нововведение, оттягивая струны от грифа. Удивиться было чему. Струны натянуты слабее и свободный ход у них намного больше.

— Играю я пока плохо. Привыкаю. Но с таким аккордом инструмент намного живее. Давай покажу. Кстати, тебе не рекомендую, пока училище не закончишь. В манере и в технике выиграешь, а на стандартных струнах потом начнёшь проглатывать ноты, или недожимать, — я показал рифы с подтяжками, глубокие подтяжки на квинтах, что на обычных струнах сделать трудно, а затем продемонстрировал небольшой фокус. Поднял вверх правую руку, показывая тем самым, что я струны не трогаю, и пробежал гамму одной левой, пристукивая струны об лады.

— Коля, теперь смотри, это по твоей части, — басовый риф, со слэпом, глухими, хамероном, поддергиванием и съездом по струне, — Потренируешься, подшаманим тебе усилик, гитару и будешь со «щелчком» шпилить. Чувешь, что живые ноты звучат, а не бубнение тонушего дирижабля, — мне всегда импонировала активная бас гитара, работающая слэпом в дуэте с ударными. Такая сыгранная пара создаёт мощнейший скелет, который приятно обвешивать вкусами от вокала, клавишных и гитары. Пара басист и ударник вполне могут убедительно зажигать, даже оставшись вдвоём. Steve Smith & Victor Wooten например.

В будущем, дуэт басиста и ударника вытянет в ТОП группу «Круиз», с достаточно спорными шлягерами. А народ будет их перепевать, и недоумевать, почему «не катит». Это слушатель всегда чувствует интуитивно. На самом деле ларчик открывается просто — при перепевке пропадает драйв от замечательного дуэта, работающего, как одно целое. Создающего энергетику и скелет. Тянушего, как локомотив.

— А почему так? — басист пальцами изобразил мою работу правой руки. При слэпе пальцы выдают необычную «козу», из оттянутого до предела вверх большого пальца и полусогнутого указательного.

— Красиво, вкусно, технично, современно. Сам выбери подходящее слово. Они тут все в тему.

— Покажи ещё раз, только медленней, — Николай запоминал усердно. Морща лоб и шевеля губами, — Угу, спасибо, вроде понял, — он снова развернулся к комбику и полез его щупать, — Классно получилось, даже вблизи, как фирмá. Неужели такое можно самому сделать?

Я только улыбнулся в ответ. Некоторые приёмы дизайна из будущего способны произвести сильное впечатление. Переправь сейчас какое-нибудь симпатичное авто из следующего века, и полгорода сбежится посмотреть. Можно билеты продавать.

— Паш, а можно я с машины свой СГ притащу. Сравним, — Лёха озадаченно тёр лоб, о чём-то размышляя.

— Конечно. Мне самому интересно. Ты же, жлобьяра, не дал мне на нём поиграть.

— А ты и не просил, — обиженно ответил гитарист, не поняв подначки. Шучу я так, настроение хорошее. Поднялось вдруг, и процесс ещё не окончен.

— Да пошутил я. Забери ревер-то, закинешь в машину по дороге.

Сравнили гитары. Ну что можно сказать, моя звонче, чуть живей звук и выше разборчивость нот, динамический диапазон побольше. Отзывчивей, даже если легко покачать палец на ладу, она поёт. Из плюсов всё. В остальном Джипсон меня удельывает. Плотность звука, гриф, лады, колки, доступ к верхним ладам... А уж по сустейну — продолжительности звучания ноты, тут вообще без вариантов. Просто пропасть. Странно, до сравнения гитар меня в этом плане всё устраивало. Без купюр озвучил Лёхе своё мнение. Он согласно помотал головой. Лицо просветлело. Вот он гонимый. Были бы Иолана лучшими и

мире гитарами — никто не стал бы покупать Фендеры и Джипсоны десятками тысяч в год, за реальные деньги. Среди музыкантов ура — патриоты мимо денег. Качество материалов вылезет, рано или поздно. А музыканты — один из самых коммуникабельных народов в мире. Они молчать не будут. Вот тот же сустейн наглядно показал, что дерево и жесткость конструкции у Иоланы — дерьмо. Замаралась фирма один раз, отмываться будет очень долго. Репутация. Музыканты, они такие, злопамятные.

— Ты сам-то что надумал? Если я уйду в кабак, то пойдёшь к нам?

— Лёха, давай сразу правильно ударения ставить. Ты уйдёшь. Группа останется без сильного гитариста, но с аппаратами, инструментами и местом работы. Пока всё верно?

— Ну, вроде да.

— Ты там каким боком? Поясню — ты сказал, «пойдёшь к нам». А сам-то ты где? Есть статус? Имя? Документы? К кому ты меня приглашаешь?

— Ну, это... мы же трудоустроены. Я числюсь, как руководитель ВИА ДК имени Гагарина.

— Допустим, а дальше как? Ты вскоре уволишься, устроишься музыкантом в ресторан. С ребятами играть не сможешь. То есть, я могу придти только вместо тебя. Ты сам сказал — если ты уйдешь...

— Я же не в Америку уезжаю. У меня все друзья тут. Три года вместе.

— Это понятно. Кто вместо тебя играть будет? Я всю вашу программу пока не потяну. Медляки отыграю без вопросов, а инструменталки вряд ли. Хотя, если позанимаюсь, да ты кое-что покажешь, то наверно смогу.

— Поехали с нами. У нас часа полтора на репетицию, а потом на свадьбу собираться будем. Автобус в шесть подойдёт.

— Можно, интересно попробовать, заодно ноты спишу — я бросил в гитарный чехол общую тетрадь, куда записывал разобранные песни. Буквенное обозначение аккордов позволяет записать песню быстро и занимает три — четыре строчки под словами песни.

Репетиционное помещение располагалось под сценой. Я прошёлся вдоль аппаратуры, чтобы оценить, на чём придётся играть. Как-то раньше особого внимания на аппаратуру я не обращал. На басу стоит самодельная колонка с двумя кинаповскими 2А-12 и усилитель УМ-50. Электроорган Вельтмайстер подключен к транзисторному усилителю Электроника с колонкой на два динамика 4А-32. Для гитары Лёха притащил из дома MV3, компактный немецкий агрегат, на вокале стоит МОНО-25-2, с длинными железными колонками.

— Слушай, а для зала МОНО не слабоват? — спросил я у Коли.

— На танцах через Гармонию-70 работаем, а этот для репетиций и халтур. Больно уж у Гармошки колонки здоровые.

— А для баса приличней усилка не нашлось? — поморщился я, глядя на мигающий индикатор УМа.

— Да лоханулись мы. Прикупили по случаю недорого два МОНО -50, тесловских, а они какие-то производственные что ли. Чистый кал вместо звука короче. Средние частоты. Так и лежат без дела.

— Покажешь? — я крутил в голове названия, но никак не мог сообразить, что это за чудо, МОНО-50.

— Зайди в кондейку, они справа на полке.

Мать моя, чего тут только нет. Чуть ли не весь набор для духового оркестра, порванные баяны, самодельные шары, обклеенные битым зеркалом, кучи проводов, старые софиты,

фанерные ящики. А пылинки... Ага, вот они две Теслы. Восемь ручек на морде и индикатор. Посмотрел заднюю стенку. Ну, всё понятно, трансляционник. Такие обычно в цехах используют, для оповещения через «колокола». Под наше дело нужно выходной трансформатор перематывать, или согласующий ставить. А динамиков-то порванных сколько! Отряхиваясь, вылез наружу.

— Ну что? — заинтересованно спросил Николай, с хитринкой в глазах.

— Сделать можно, но работы много, а так на уровне БИГа будет, но только на пятьдесят ватт, а не на семьдесят, — пожал я плечами.

— Я тут с Юрой поговорил. Он мне свой может продать. Отдам тебе два, а ты мне вернёшь один, но рабочий и заряженный. Как тебе идея?

— Если честно, то подозрительно щедро, — растерялся я от необычного предложения.

— Да ладно. Мы оба за сто двадцать купили у алкаша, а тот их похоже с завода упёр. Там даже таблички с номерами откручены. Свадьбу в Сысерти работали, вот он и пристал, купите да купите. Кому он их в своей деревне продаст. Смеха ради сотню назвали, а он ещё двадцатку накинул. Проверили, работают. Только дома хватились, что звук, как из задницы. Так что меня хороший усилочек за сто двадцать очень даже устроит, — довольно рассмеялся басист, поняв, что я не собираюсь отказываться.

— Коля, а что там за динамики лежат, рваные?

— Часть мы порвали на халтурах, часть после ремонта зала осталась. Тут же кино раньше крутили, а эти динамики в специальных нишах стояли, за деревянной решёткой. Мы их на всякий случай прибрали, думали в ремонт отдать, а там только у организаций берут и оплачивать надо по безналу. Вот и обломались.

Заводик по ремонту киноаппаратуры у нас на Посадской. Завтра съезжу на разведку. Есть неплохая идея.

Вытащил гитару, включил во второй вход к Лешину усилителю, попросил у клавишника ноту ми. Подстроился. Новые струны у меня ещё тянутся. Гитара получила полное одобрение. Удостоился поднятых больших пальцев и хлопков по плечу. Под это дело Коля разлился соловьём, рассказывая, какая конфетка получилась из Регента.

Статус Кво, Даун Даун — слышали песенку? Очень весёлый, забойный рок-н-ролл. Именно её прокрутил Лёха, воткнув в «Весну» принесённую им кассету.

— Для танцев — чума, — выдал свой вердикт клавишник, — Только Саня не вытянет, надо на тон ниже брать.

— Не получится, — Лёха протестующе замахал руками, — Там вступление почти всё на открытых струнах построено, смотри, — он бодро сыграл вступление, подтверждая свои слова. Технично у него получается, мне пока не сыграть так. Хотя, если разберу и погоняю раз пятьдесят, то кто его знает... За размышлениями я что-то пропустил и понял, что от меня чего-то ждут только по молчанию и по взглядам, направленным на меня.

— Я отвлёкся немного, что?

— Ты её сможешь спеть?

— Текст дай и включи ещё раз запись, — попросил я. Текст оказался на грязноватом листе, который обычно и бывает у светокопий. Скорее всего копирнули вкладку с диска. К радости музыкантов, на некоторых фирменных дисках такие изыски встречаются и не приходится мучаться с подбором текста. Пропев вполголоса песню вместе с записью, подумал, что не мешало бы распеться.

— Давай попробуем, я пока вполноги и без гитары. Второй голос кто на припеве

подпоёт?

— Я наверно. Юра, наиграй мою партию, — попросил Коля у клавишника. Тот подобрал припев в терцию, а потом сыграл нижний голос. Темп взяли помедленней и под качум прошли песню, то есть играя негромко. В первом припеве Коля слажал вторым голосом и хрюкнул в микрофон на показанный мной кулак.

— Нормально у тебя с английским, — сказал Алексей, когда мы закончили прогон, — Пробуем в голос и в темпе?

После третьего раза ударник потребовал перекур. Курить выходили к окну, на пожарную лестницу.

— Ну, как тебе? — поинтересовался Алексей, когда курильщики сделали первые затяжки.

— Аппарат вам надо причёсывать, и серьёзно, — вздохнул я, понимая, кто этим займётся, — И третий микрофон обязательно ставить.

— Так у нас всего два входа на ревере, — пожал плечами Николай.

— Подожди. То есть ты сначала включаешь микрофон в ревер, а потом ревер в усилитель? — удивился я, — А подмешивающий не судьба сделать?

— Кто бы ещё сделал...

— Да там два провода распаять на свободный вход и всё, — возмутился я, — Получится одна регулировка на Ноте, а вторая на входе. Вам же не надо регулировать её на каждом микрофоне? — закончил фразу я менее уверенно. Слишком удивлённые глаза были у парней.

— Ты можешь сделать его подмешивающим? — удивлённо переспросил клавишник, — Неужели этот шипящий чайник перестанет выносить мне мозг? Он точно перестанет шипеть?

— Ну, совсем не перестанет, но раза в два точно тише будет.

— О, великий, соверши чудо, избавь наши уши от змеиного шипения, — скалясь, запричитал Юра, молитвенно сложив руки.

— Инструменты есть? — невольно заулыбался я, — Давай сначала МОНО сделаю, а потом Гармонию. Хотя если корпус поможет снять, то могу оба сразу чикнуть.

— Чикни, святоликий, чикни. Мы всем ансамблем гайки крутить будем, — убегая за инструментами, придуривается Юрий.

Экранированным проводом снял сигнал с предусилителя и накинул на клемму входа на ревербератор. Выход с него распаял на линейный вход усилителя. Пока ребята закручивали всё обратно, спаял соединительный провод. Вот делов-то.

— Чистяк по шумам и кайф по частотам, — явно с запасом похвалил Юра итоги реконструкции. С моей точки зрения шумы всё равно слышны, хотя их стало намного меньше. С обещанием про два раза я заметно поскромничал. Решил добить цветущего Юрия.

— Юр, я в кондейке вроде орган Перле-2 видел, а усилок от него где?

— Эта жуткая ионика в лакированном корпусе не имеет право называться органо́м, только Органом, — сдохмил клавишник, — Там же где-то валяется лакированная тумбочка, по недоразумению считающаяся усилителем.

— Как сказано в Евангелие — не судите опрометчиво. Двенадцативаттный ламповый усилитель и вполне терпимые динамики. Алексей, как думаешь, можно его переделать так же, как Регент?

— Не, у Юры руки не оттуда растут. Он не сможет. Да и двенадцать ватт маловато.

— Как сказать..., а если провод от него бросить в голосовой усилке? Простое

параллельное подключение. Для халтур его и так хватит, а для танцев звук в голосовую добавим. Красиво, компактно и сидеть на нём можно.

— Я уже хочу, — первым сообразил все выгоды Юра.

— Тогда с тебя тряпка, винилискожа, уголки и рейки, а также три часа работы. Я потом тебе объясню подробней, где что купить.

— Перле ДКашный, надо сначала с директрисой переговорить. Может спишет, — поддержал мысль Алексей.

Ребята играли психоделическую «Shine On You Crazy Diamond» группы Пинк Флойд. Вещь у них была разучена, поэтому я не лез. Просто в нужный момент, сообразив, какую партию сейчас будет играть гитара, снял микрофон со стойки и поднёс его к гитарной колонке... Ревербератор добавил гитарному соло объём и полёт. Лёха прислушался и благодарно кивнул.

Домой меня отвёз Николай. Гитару пришлось держать в руках. Заднее сиденье заняли уютно там устроившиеся усилители Тесла.

По дороге пришлось рассказать, каким должен быть басовый комплект. Лучше бы я этого не делал! Мы чуть не врезались в троллейбус. Если бы Николаю не надо было догонять ребят, уехавших с аппаратурой на автобусе, то он бы из меня всю кровь выпил, заставив нарисовать его Прелесть со всех сторон. Надеюсь, он нормально доберётся, не замечается по дороге. Спать сегодня он точно не будет. Басовый Маршалл на две колонки..., есть от чего потерять сон. Почему на две? Маловато в одной объёма для двух пятнадцатидюймовых динамиков 2А-12. Низы душатся. Нижняя, прямая колонка будет с фазоинвертором, а верхняя, которая со скосом, пополнится кинаповской пищалкой, правда, со снятым раструбом. На халтуры будет с ней одной ездить. Усилитель переселится из железного корпуса в фанерный, обклеенный кожей. Догадались, какая там эмблема будет?

Перемотать выходной трансформатор не сложно. Берём справочник 1966 года, проводим расчёт, прикидываем по диаметру провода вторичной обмотки, что он войдёт в оставшееся на катушке место (первичная обмотка остаётся родная), готовим полоски стеклоткани и пропарафиненной бумаги нужной ширины, толстую нитку. Выпиливаем деревянную бобышку, на которую оденется катушка, и по её центру сверлим отверстие под ось. После этого, усердно сопя, виточек к виточку начинаем мотать, изолируя бумагой каждый новый слой. Жалкие полтора часа, и первый трансформатор готов. А у меня спина потная и деревянная. На перемотку второго транс уходит всего час, устал меньше. Великая штука — опыт. Отец пару раз заходил, но услышав, как я вполголоса считаю витки, мешать не стал.

— Мам, не подскажешь, где можно синтетическую ткань в чёрный цвет покрасить? — я решил добавить аутентичности будущим колонкам.

— В доме быта у Центрального рынка, — ни на секунду не задумалась мать.

— Вот спасибо, помогла. Пап, ты что заходил?

— Хотел узнать, чем занимаешься, — отец отложил газету и посмотрел на меня поверх очков.

— Денег решил заработать. Много, — я улыбнулся, глядя на реакцию мамы. Сейчас будет лекция. Скорее всего, про строительство коммунизма, — Не всё же мне у вас на шее сидеть. Пора и в дом начать что-то приносить, — подавил я воспитательный порыв в зародыше откровенно провокационным посылом.

— Кхм..., — батя поглядел на мать, зная её привычку влезать в разговор первой, но та с



преувеличенным старанием тёрла полотенцем стаканы. Только напряжённая, неестественно прямая спина говорила, с каким трудом ей даётся это молчание.

— И каковы ожидаемые доходы? — съехидничал отец, видимо ожидая услышать рублей про двадцать — тридцать.

— Надеюсь рублей на четыреста — пятьсот, — пожал я плечами, и сперев печеньку из вазы, закинул её в рот.

— Не хватай, сейчас ужинать будем, — не утерпела мама, в которой педагог никогда не засыпал.

— Это как же такие деньжищи нынче молодёжь зашибает? — газета была забыта, да и очки он снял.

— Я переделываю два усилителя. Один остаётся мне, как плата за работу. Его тоже буду модернизировать. Потом планирую продать.

— Ты думаешь, у тебя получится? — улыбнулся папа.

— Точно, вы же ещё ничего не видели. Не заходите, пока не позову, — я вернулся в комнату, снял чехлы с гитары и усилителя, включил, — Заходите оба, — крикнул я в дверь.

Помните, в «Лестнице в небо», перед гитарным соло есть несколько красивых тактов со звонкими гитарными аккордами. Именно этот кусочек я и сыграл, когда родители входили ко мне. Очень уж они торжественно звучат.

— Что это? — ткнул отец пальцем в комбик.

— Тот ящик, который я разбирал. Вот таким он стал. А эта белая гитара ещё вчера была красной и с разбитым пластиком. Сегодня всё работает. А как тебе вид?

— Да он же был весь облезлый и грязный. А теперь, как новенький, — поразила мать, вытирая руки полотенцем.

— И датчики от сигнализации, как родные встали, — узрел отец знакомые детали. Я уж не знаю, кто их форму придумывал, но спасибо ему большое. Корпуса, копия фирменных фендеровских по виду. И магниты там — огонь!

— Датчики сам сделал. Очень удачные получились, — скромно признался я.

— Этот усилитель собираешься продать? — отец, прищурившись, смотрел на переделываемые шасси, с пустыми дырами от снятых трансформаторов.

— Да, один из них. Только вид у него совсем другой будет, и колонка добавится.

— А колонку где возьмёшь?

— Пап, ты чего? Ящик из фанеры любой мужик может сделать, — может мне показалась, но похоже, что выходящая из комнаты мама слегка пискнула, подавив вырвавшийся смешок, — Ты мне вот что лучше скажи. Я знаю, что в стране уже выпускаются микросхемы 528BP1, вот только в продаже их ни разу не видел.

Отец наморщил лоб и начал машинально пощелкивать пальцами, вспоминая.

— А, ну да, есть такие. Аналоговые линии задержки. Вот только мне интересно, откуда ты про них знаешь. Видишь ли, они редко где применяются.

— Да понятно где. В самолётах Ту-154 и в крылатых ракетах. Задерживают сигнал, чтобы ракета в рельеф вписывалась.

— Это ты тоже в журнале «Радио» вычитал? — посерьёзnel папа.

— Ребята с радиофака рассказали, — выкрутился я, и вроде успешно. Не буду же я рассказывать, как я их в первой жизни доставал. Мне эти микросхемы тогда из списанных блоков от Ту выпаивали, по бутылке за штуку. Есть у нас в Кольцово такой завод гражданской авиации. Самолёты ремонтирует.

— Ну, может быть. Раз в гражданской авиации применяют, то секретность с них наверно сняли. А тебе-то они зачем? Усилитель свой в космос запускать собрался? — успокоился отец.

— Да приставки для гитары есть интересные, а без них ничего не выйдет.

— Спрошу завтра в ОТК. У нас отбраковка жёсткая, а микросхем больше половины и брак улетает. Это для нас они брак, а для тебя вполне даже ничего будут. Один чёрт под пресс уйдут. Столько добра гробим..., — вдруг расстроился он, — А машинка у тебя красивая получилась, и гитара симпатичная. Молодец. Громко только не играй, а то соседи будут жаловаться, — он поискал в карманах очки, которые поднял на лоб, — Пошли ужинать, мать заждалась наверно.

— Сынок, ты с Леной встречался? — как бы между прочим, спросила мама за ужином.

— Поссорились мы, точнее она. Очки ей мои очень не понравились.

— А ты менять их не думаешь? Сходил бы в ЦУМ, нашёл что-то попримечнее.

— В воскресенье на базар собираюсь. Мне же закрытые надо. У нас такие не продают.

— Ну, смотри сам. Вы теперь всё лучше нас знаете, — такое от мамы услышать, это что-то. Обычно она всегда знала всё лучше остальных и любила давать советы, да нотации читать.

— Спасибо, мам. Всё очень вкусно, — я специально погладил её по плечу. Есть Контакт. Рада она, что я поссорился. Не нравится ей Лена. Да и не нравилась никогда. Ох, достанется же кому-то свекровь... Интересно, а как ту тренершу зовут?

— Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, — подпевал я утром вслед за радио прилипчивую песенку. Проснулся раньше родителей. Прорысил на кухню, и пока закипал чайник, прикинул план на день. Напряжённо. Ещё и профессор сегодня. Машинально взял нож и приложил к груди. Неплохо держится. Как будто я заново намагнитился. Хм, заново... Заново я только подзарядился у трансформаторной. Так, тут возможна взаимосвязь. Больше энергии — сильнее магнетизм. От размышлений оторвал засвистевший чайник, и отец, который зашёл, источая одуряющей силы запах «Шипра». Ядрёный парфюм... Выпили чай, поболтали, напомнил про микросхемы.

В ящиках стола нашёл старый простенький компас. Подождал пока стрелка остановиться и понемногу стал придвигаться. Стрелка дрогнула. Измерил расстояние до компаса линейкой. Девять сантиметров. Посмотрим, что завтра будет.

Позавтракал и забегал, засуетился. Записался на приём к участковому врачу, съездил на завод, где смог договориться о покупке «некондиции», отдав десять рублей мастеру и четырнадцать пятьдесят в кассу, поймал такси, чтобы довезти четыре лёгкие, но очень объёмные коробки, вроде шляпных, но шляпа там — сомбреро минимум. В коробках огромные диффузоры для динамиков. Отзвонился профессору, договорился на два часа. Побежал на тренировку.

Группу ребят — спортсменов догнал у входа в парк. Вот совпадение... Угу..., а то я время их тренировок не просчитал...

— Здравствуйте. Меня Павел зовут. Давно хотел спросить, ничего страшного, что я иногда с вашими ребятами бегаю. Не мешаю? — я воспользовался тем, что группа столпилась у входа, пропуская двух мамаш с колясками, и подобрался поближе к их тренерше.

— Здравствуйте, я Оля, — короткий взгляд на ребят, — Ольга Ивановна. Мне не мешаете. Вы от какого общества бегаете?

— А я без общества, сам по себе, — я проводил взглядом побежавших спортсменов. Пусть бегут. Такой носик, а глазки...

— У вас странная техника, так не бегают.

— Самоучки мы, бежим как умеем, — дурачась, пошаркал я ножкой, — Ольга мм... Ивановна, а можно на ты, а то чувствую себя актёром дешёвого театра?

— Павел, а ты меня не обманываешь? — девушка решительно перешла на ты. Ура!

— Ольга, как можно, и самое интересное — в чём обман? — изобразил я праведное негодование, «забыв» про отчество.

— У меня группа сборная. Лето, дети разъехались из города. Я с ними поговорила, и выяснилось, что один бегают по второму взрослому, двое — по третьему. Все на средние дистанции.

— Оля, ты меня совсем запутала, я ничего не понимаю, — в отчаянии развёл руки в стороны и изобразил полнейшее недоумение. Оля...

— Ты от них убежал, а потом ещё два круга бежал в том же темпе. От разрядников... — она изящно подняла указательный палец вверх. А ручки — то какие славные...

— И в чём я виноват?

— Выходит, ты бегаешь на КМС, не ниже, и при этом нигде не занимаешься. Так не бывает, — сама себе что-то пыталась доказать девушка. Просто млею от того, как ей идёт румянец на щёчках.

— Ну, вот как-то так, вроде оно само получается, — я увидел появившуюся из-за поворота группу. Сейчас всё испортят.

— Ладно, пойду с ребятами пробежусь, а то скоро твой почитатель на мне дырку взглядом просверлит, — улыбается она.

— Оль, ты о чём?

— Вон дядька на скамейке у детского городка сидит. В белой футболке. Он с секундомером за тобой следит. Очень характерный жест выходит, когда секундомер включаешь. Я поэтому его и заметила, — Оля кивнула мне на прощание и пристроилась к своей группе.

Запомнил «почитателя» и рванул вслед спортсменам... хм, за Олей. Адреналиновый шторм требовал выхода. Нарастивая темп, обогнал группу и пошёл — пошёл, чувствуя, что Грань где-то близко...

Бегут орки по степи, и степь сама ложится ровной дорогой перед ними.

Бегут орки, самые сильные и отважные воины мира.

Бегут орки, страшные в своей ярости и непревзойдённые в своей смелости.

Бегут орки, не страшатся Смерти, ведь Смерть — это всего лишь Начало.

Бегут орки по степи.

Четыре круга пролетели, как один миг. Увидел знакомую группу. Я обогнал их на круг? Свернул к футбольному полю и пошёл вдоль него, время от времени разгоняя кровь по телу круговыми движениями рук и наклонами корпуса в стороны. Что со мной было? Амок?

Лёг на траву, поднятые вверх прямые ноги упёр в ствол дерева. Почувствовал, что так надо. Дыхание ровное. Шум в ушах. Адреналин в норме. Ноги потряхивает. Мне хорошо.

— Это было, как Волшебство! Каждый шаг как музыка, как ветер. Я видела Гармонию, — Олька прибежала, растрепалась-то как. Приоткрыв глаза, с улыбкой смотрел на ореол кудряшек и аккуратные грудки, обрисовывающиеся при глубоких вдохах. Запыхалась. На лице изумление, глаза распахнуты...

— Молодые люди, можно отвлеку вас ненадолго, — поворачиваю голову, «почитатель». Вот козёл! Такой момент испортил!

Повернулся к девушке. Ну, гад! Весь порыв ей обломал. Пришла в себя, поняла, что происходит. Засмуцалась. Как она краснеть-то умеет...

— Я крайне заинтересован, чтобы вы поступили к нам в институт. За экзамены и учёбу не беспокойтесь. В конце концов у нас вся «Уралочка» на заочном учится, — продолжал тарыхтеть «почитатель», которого я слушал одним ухом, — Завтра последний день приёма документов, комиссия работает до двух.

Кувыркнулся через голову. Довольно ловко встал на ноги.

— Вы сегодня испортили мне лучший день за всю мою жизнь. Я из-за неё бежал и для неё, а вы... — махнув рукой, оглянулся на девушку. Повернулась боком, ресницы дрожат. Заплачет?

— Извините, я не знал, — похоже пробило «почитателя», — Вот, возьмите.

Не глядя, сунул в карман листок бумаги. Оля уходит, ей уже машут спортсмены из её группы, кто-то даже подпрыгивает от нетерпения.

— Обязательно позвоните в десять. Я всё решу, не опаздывайте, — слышу уже в спину. Быстро он отдышался. Настырный.

Тэкс, что мы имеем? Магнитный эффект фиксируется приборным методом отчётливо, — я отвлекаюсь от вышагивающего по кабинету профессора, диктующего свои домыслы молодой женщине в голубеньком халате. Проф, я столько о тебе знаю! Даже о твоих отношениях, которые ты считаешь сугубо платоническими. А нечего быть таким воспитанным. Не смог отказаться от рукопожатия — пожинай плоды. Это я так сам себя развлекаю. Надо было мне остаться, проводить Ольгу с занятий. Совсем мне «почитатель» мозг выел своей болтовнёй, — Вполне возможно, что подобный случай уже ранее рассматривался исследователями. Эффект Геллера в ходе исследований пока не выявлен, поэтому требуется дополнительное изучение, — успел услышать последние фразы.

— Сегодня, Павел, мы с вами закончим. Про следующую встречу договорится мой секретарь. Чего вы там изучаете? — профессор с удивлением смотрел, как я несколько нагло вато подошёл и уставился на доску, к которой были кнопками прикреплены рисунки и чертежи.

— Михаил Натанович, а это что? — как будто не знаю, почему этот фильтр и к врачам попал. Будут в будущем проблемы с одним очень неприятным вирусом у нас в Свердловске. Много людей умрёт. Эпидемия сибирской язвы называется. Хрен там. Боевой вирус с военного городка просочится. Кстати, там же и вполне мирные бактериологические лекарства делают, для улучшения флоры кишечника. Рекомендую. Импорт рядом не стоит. Наверно, как и основная продукция, но её пусть враги оценивают.

— Фильтр для воздушных и газовых сред. Наша разработка, совместно с уральской академией наук. Мы, знаете ли, одним боком к промышленности причастны.

— А вот тут частицы уже совсем мелкие? — я ткнул пальцем в последний лист, перечёркнутый крест на крест красным фломастером. Там и будут вирусы, когда выброс хрюкнет в атмосферу.

— Можно сказать, что тут уже наночастицы, менее ста нанометров, — по птичьи склонил голову набок проф, с любопытством разглядывая моё хождение около доски.

— Я бы сюда ультразвуковой увлажнитель засунул, знаете, который воду распыляет на частицы примерно такого же размера. Вода всё ненужное поймает и выпадет с ним вниз, — хихикнув про себя, кивнул секретарше и тихонечко пошёл на выход, оставив Натановича в одиночестве ерошить поредевшую шевелюру. Может в этой жизни не повторится та жуткая эпидемия 1979 года в Свердловске? Бактериологическое оружие в миллионном городе — это страшно.

— Где ты бродишь, я тебе с утра звоню? — несмолкающие трели звонка я слышал ещё на лестнице. Обычно в такой ситуации ключ всегда оказывается в самом последнем кармане, и то прячется там до последнего.

— Коля, уже никто нигде не бродит. Только домой зашёл. Говори, что хотел.

— Я фанеру достал! Братскую! И с циркуляркой договорился, — Николай проорал это так, что крикуны на демонстрациях позеленели бы от зависти.

— Ммм, а что так кричать?

— Ты не врубаешься. Восемнадцать миллиметров, сосновая, толстослойная, в два раза легче обычной... Братский комбинат выпускает.

— Понял, не продолжай. Лети мухой ко мне, я сел рисовать.

В темпе накидал размеры деталей. Коли ещё нет. Я уже чай успел заварить.

— Давай размеры и я помчался. Мужики только до полседьмого согласились работать, — вихрем ворвался Николай в квартиру.

— Чай будешь? Подождут твои мужики.

— Прикальываешься что ли? Гастроном до семи. В полседьмого их цепями не удержать на работе.

— Тогда слушай внимательно. Все заготовки нужны в двух экземплярах. Два комплекта будем делать.

— А тебе-то зачем? — с удивлением поинтересовался Николай.

— Продам. У меня начинается любовь и кончаются деньги.

— Эти понятия никак не связаны между собой, если только девушка не избыточно корыстна.

— В лоб дам, — угрюмо пообещал я, — Больно.

— Понял, проникся, осознал, был неправ, — прокричал Коля уже с лестницы.

Настроение ни к чёрту. Врубил запись Рэйнбоу и улёгся, воткнувшись в подушку лицом. Вот же меня корёжит. За несколько минут по всем болевым точкам своих жизней пронёсся: смертям моих близких, предательствам друзей, изменам любимых. Под конец вспомнил, как заживо в тюрьме гнил, после того, как нас на площади избивали бичами до полусмерти. В отличной Памяти есть своя отвратительная черта — помнить всё таким, какое оно есть. В первой жизни, в этом плане мне жилось легче. Память добросовестно стирала со временем негативные воспоминания. В неправдоподобных счастливчиков, побеждающих всех и всегда, я не верю. Мне они не встречались. Зато я видел много покалеченных Мастеров меча, убитых непобедимых стратегов, низвергнутых всемогущих властителей.

Короче, всё как в этой жизни. Недаром у одного моего знакомого есть любимая фраза для дембелей: — «Ты нам не рассказывай, как и кого ты в армии бил, про это все рассказывают, лучше расскажи, как тебя били».

Непобедимых не бывает. Я это понял.

Надо встряхнуться. Встал, через немогу сделал лёгкую разминку. Из любопытства провёл замеры с компасом. Меньше пяти сантиметров до дрогнувшей стрелки. Уже интересно. Есть повод посетить знакомую трансформаторную и провести затем замер ещё раз. Заодно отвлекусь.

Каждый город по-своему красив. Питерцы, москвичи, одесситы наверно самые явные фанаты своих городов. Мне нравится Свердловск. Он деловит, компактен и размерен. Люди здесь моего склада — не слишком шумные и без лишних понтов. Я устаю от московской суеты, не люблю питерскую погоду, не в восторге от азиатской шумности Одессы. Иду по вечерней улице и ищу самого себя. Мимолетные взгляды — крохотные кусочки романтических приключений. Плачущая на скамейке девушка по слезинке выдавливает из себя горе. Это мой город и я его частица. Мы с ним понимаем друг друга.

Качаю каналы на ногах. Сложно определить, добавилось ли что с прошлого раза. Буду считать, что добавилось. Так спокойнее. Впервые я попал в ситуацию, когда не к кому обратиться за советом. Как определить и развить то, что мне досталось. Учителей нет. Отсутствует даже старший с палкой, которой дроу научились неплохо прививать знания. Ни нейросетей, ни баз, ни дружественного ИСКИНа. До всего надо доходить своим умом. Так можно до старости себя изучать, но так и не догадаться, а что же я мог. Перерыв. Прижимаюсь спиной к теплой стене трансформаторной.

У моего подъезда стоит знакомый Запорожец. Вокруг нарекает круги Николай.

— Ну, где тебя сегодня носит, — мой друг только что копытами не бьёт от нетерпения.

— Дел много, вот и носит, — автоматически огрызаюсь я, — Езжай за мной, — в машину не сесть, до потолка завалена фанерой. Только водительское место обозначено тёмным колодцем.

— Можем успеть каркасы собрать. Клей как раз до завтра схватится, — даже не оглядываясь понял, что вечер пропал. Переоделся в рабочее, Коля тоже что-то нашел в машине. Поехали. Два часа работы и каркасы корпусов готовы. На сегодня всё.

— Ты всегда так работаешь? — спрашивает Николай, осматривая то, что мы сделали. Объёмы впечатляют.

— Как «так»?

— Как сумасшедший робот, — бурчит он, — Как включился, так слова лишнего не сказал. Только и слышно: планки, дрель, шурупы, клей. Как в фильмах про хирургов. А сам хреначишь так, что только дым идёт.

— Завтра после обеда звони, ещё поработаем.

— А почему не с утра?

— Утром дела могут быть. Звякни часиков в десять, точней скажу.

Родители устроились у телевизора. Концерт смотрят. Было бы там, чего смотреть ещё. Какой-то ансамбль свистопляски натужно исполняет народное веселье. Молоденькие тридцатилетние парубки пляшут таких же ровесниц, урумяненных сантиметром штукатурки. Веселуха — обосраться. Убавил звук.

— Мам, пап, разговор есть. Пойдём чай попьём? — мать заметно заволновалось, батя тоже головой что-то крутит. Чего это они нервные такие? Я вроде повода не давал.

Принёс бумажку, которую «почитатель» мне подсунул в парке. Рассказал про его предложение, естественно, не упоминая про Олю. Папахен пошуршал газетами и ткнул пальцем.

— Вот, тут у них все специальности перечислены. Видишь — «СИНХ приглашает абитуриентов», — он одел очки, похоже приготовился читать вслух. Не, громких читок нам не надо. Через его плечо пробежался по объявлению.

— «Планирование промышленности», больше ничего интересного не вижу, — выдал свой вердикт. Получилось уверенно. Как и собирался сказать.

Бате понравилось, мать поджала губы. Интересно, чем недовольна? Мечтает меня увидеть директором магазина?

— Сынок, а он точно может тебя устроить?

— Откуда я знаю. Завтра выясним. А так я его первый раз видел.

— Костюм у тебя в шкафу висит, а рубашку завтра с утра выглажу, — обозначает мама дресс код.

Подошёл к компасу, восемь сантиметров. Тенденция вырисовывается. Подзаряжается от электричества мой внутренний магнитик. Значит есть на планете Земля альтернативные источники Энергии. Знать бы ещё, все ли её могут воспринимать, или это мне лично от той молнии такое счастье перепало.

Утром созвонился с Петром Семёновичем, «почитателем», и закрутилось. Я нужен был ему срочно, пока нужные люди на месте. Одедся в костюм, полюбовался остатками золотистого «загара», который постепенно сходил, прилизал причёску мокрой пятернёй.

«Почитатель» встретил меня на входе и потащил к проректору. Тот, выслушав

короткую, но пламенную речь Семёныча, упал на телефоны. В конце концов меня выгнали в коридор, а минут через двадцать забрали документы, с которыми куда-то унеслась секретарша.

— Всё, принят на заочное, — сказал через полчаса Петр Семёнович, выходя из кабинета, — Пошли, поговорим.

Кабинет заведующего кафедрой физвоспитания находился рядом с институтским спортзалом. Семёныч и оказался тем самым заведующим. Две полки с кубками, медалями и статуэтками разного калибра свидетельствовали, что в юности он немало побегал и попрыгал. Иного толкования рисунки на наградах не имели.

— Разговор, парень, будет серьёзный. Я так понимаю, что ты нигде не занимался до этого. Заметно это сразу по технике, для тех, кто в теме. Первый, и самый главный вопрос: У тебя могут быть в ближайшие четыре-пять лет какие-то проблемы с армией, переездами в другой город и прочие подобные неожиданности?

— Отсрочку от армии на год я должен получить в августе, — я ткнул в очки, — Переезды не планируются.

— Военкомат Ленинский?

— Да.

— Отлично, у нас на военной кафедре брат военкома трудится. Поговорю в понедельник, — Семёныч открыл ежедневник. Крупно написал вверху Савельев, подчеркнул, а потом вписал первый пункт.

— Что с работой думаешь?

— Музыкантом устраюсь в ДК. Наверно с сентября, — пронаблюдал, как Семёныч слегка скривился.

— Петр Семёнович, а честно сказать можете, с чего вдруг такая забота и такие люди подключаются? Я вроде простой парень, ничем не знаменит, да и бегая всего ничего.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Честно..., ну, будет тебе честно. Я тебя недавно заметил. Бегал ты неплохо, но так... как хороший любитель, хотя временами выбегал на первый взрослый, переходящий в КМС. Тут смотря на какую дистанцию считать. Вчера ты выдал. Такого я не видел. На восемьсот и полторы тысячи прошёл на мастера, возможно выше, а на три тысячи, на рекорд. Будем пока говорить, на республиканский. Но, ты ведь и дальше побежал... И это по парку, среди людей. Так что, если не профукаешь свой талант, то будут у нас и чемпионаты, и Универсиады. На следующей неделе по стадиону тебя погоняю. Надо твою дистанцию понять. Хотя, моё мнение, надо на восемьсот ориентироваться — самая престижная дистанция из средних. Мировая классика. Понял?

— Скорее всего, частично.

— Про остальное позже поговорим, после стадиона. Так, что с глазами?

— Попал под молнию, светобоязнь, нарушение роговицы. Без очков не могу, даже вечером, — я специально выбрал для общения лаконичный стиль, чтобы не выбиваться из образа спортсмена.

— Очки, говоришь, — Семёныч пятерней почесал шевелюру, — Вроде тут были, сейчас посмотрю, — он открыл неприметную дверь, прикрытую краем одного из шкафов с инвентарём. Хлопанье ящиков, перезвон каких-то железяк.

— Вот, держи. Считаю, что я за тот неловкий случай в парке проставился, — он протянул мне замшевый чехол, — Одевай, пробуй. В Австрии купил. Думал, горными



лыжами займусь всерьёз, а не получилось.

Обалдеть, красота! Это не моя зеркальная маска в пол-лица. Данлоп 320. С закрытыми боками, эластичной внутренней вкладкой, дужками, дополненными регулируемым эластичным ремешком. Подтянул немного, прикинув свой размер, и одел. Красавчик! В заднике зазеркаленной полки, где лежали медали, отразился симпатяга. С золотистым загаром, приличной прической и в крутых, необычных солнечных очках, даже с первого взгляда понятно, что дорогих.

— Семёныч, громадное спасибо! Очки класс! Полный отпад!

— Хех, быстро ты меня в дядьки записал. Ну, тогда слушай, племянничек. На берегу договариваемся, что ты не куришь, не пьёшь и в драки не лезешь.

— С первыми пунктами и так всё нормально, а насчёт драк, там не всё от меня зависит. Бывает, что просто нет выхода.

— Ты уж постарайся. Убегай, если получится. Так, что ещё... Телефон есть? Диктуй, — он записал мой номер, — До понедельника свободен. Если не позвоню, в парке встретимся.

— Сынок, как сходил? — мама, любопытной чайкой вылетела в коридор. Скорее всего так и танцевала тут, у дверей, после моего ухода.

— Поздравьте студента. Приняли.

— А как же экзамены? — вылез отец, по случаю субботы облачённый в семейные трусы и безразмерную, растянутую майку.

— Я так понял, что они меня как-то по-хитрому протащили. Вроде целевика от предприятия.

— От тебя-то что потребуют? — с сомнением продолжал расспросы папа.

— Сказали, что сущую ерунду. С пяток золотых медалей и парочку рекордов. Желательно мировых.

— Серьёзно что ли? — изумился отец.

— Пап, да шучу я. Как пробегу, так и пробегу. Для уровня студентов меня вполне хватит, — поскромничал я, ориентируясь на замеры Семёныча.

— Так. Давайте про подарок поговорим. У тебя день рождение на неделе. Мы с отцом всю голову сломали. Думаем, что тебе подарить. Может, сам подскажешь? — мама, уловив, что всё в порядке, перешла к следующей проблеме.

— Мам, у меня пока на первом месте кроссовки и спортивный костюм. Похолодает, я в трусах не побегаю.

— Во, — подняла вверх палец мать и победно посмотрела на отца, — А то заладил, фотоаппарат — фотоаппарат. Иди рубаху одень, а то ходишь, как пугало огородное.

Морально поверженный папахен ретировался в комнату, не давая своим дальнейшим присутствием развить маме успех. Через минуту он высунулся, и, сориентировавшись на грохот кастрюль на кухне, поманил меня к себе.

— Вчера забыл отдать, держи вот, — сунул он мне помятый бумажный кулёк, в который мне обычно накладывали молочные ириски в нашем магазине. Японский городской! Да сколько их тут?

— Батя, ты монстр! Титан! Как столько достал?

— Бартер, однако. Литр спирта животворящего, отданный куда надо, чудеса истинные творит, — подмигнул отец, с тревогой прислушался к наступившей на кухне тишине, и махнув мне рукой, юркнул обратно в комнату, где заскрипел дверцами шкафа.

Трясущимися руками высыпал на стол микросхемы и пересчитал. Двадцать семь штук!

Это же сколько всего можно слепить! Здравствуйте флейнджеры, хорусы, делаи. Мои миленькие приставочки и ревербераторы.

\* \* \*

За обедом родичи торжественно мне выдали сто пятьдесят рублей «на подарок к совершеннолетию». Вовремя. Завтра воскресенье. Поеду на Шувакиш.

«Жопарик» уже дежурил у гаража. Коля вокруг него отплясывал нетерпеливый степ, натурально отбивая классическую чечётку.

— Где научился? — я просмотрел несколько коленец, которые он залихватски выдал под конец.

— Батя у меня этим делом увлекался сильно. Даже на какие-то всесоюзные конкурсы чечёточников летал. Дома до сих пор пары три ботинок с подковками специальными хранятся.

Сгоняли до дома быта, сдали тряпку на покраску. Обещали отдать вечером.

Работали, как негры на плантации. Вовремя остановились, вспомнив про тряпку. Съездили. К вечеру колонки были одеты в кожу и панели. Мелочевку оставили на завтра.

— Завтра что, во сколько встречаемся? — Коля не поленился поставить свой недоделанный басовый комплект в рабочее положение, и ходил по улице, издав далеко на него облизываясь.

— Коль, я на базар собрался. Кроссовки и костюм посмотрю. Очень надо.

— Тю..., туда электрички часто идут, а обратно только с двух начинают. Давай я отвезу. Быстрее будет. Раньше вернёмся.

— Спасибо заранее. Так конечно быстрее получится.

Толкучка! Как много в этом слове всего собралось для советского человека! Возможность крупного заработка, опера из ОБХСС, кидалы, растлевающее влияние запада нагло проникающее в наше общество строителей коммунизма через джинсовые костюмы (большой частью — «палёные»), махеровые шарфы, финские «вытирающиеся» шузы на платформе, безумие польской косметики, а так же масса других, зачастую непонятно как попавших сюда товаров. Отдельный «армянский» уголок, где сыны южной республики удивляют покупателей пакетами, с вставленными туда портретами полуголых красоток. Размер груди, ясное дело, зашкаливает. Сильно зашкаливает. Трясут самодельной обувью, на платформе невероятных размеров. Продают кепки любых фасонов, коврики с оленями или видом гор и прочую лабуду.

Симпатичный костюмчик «Монтана». Сто пудов, польский самопал. Ярко-голубая куртка с темно-синими полосками на рукаве и вышитым орлом, всё на молниях, плюс темно-синие брючата с прямым низом, на поясе резинка и шнурок. Ткань синтетическая, с мягким ворсом внутри. Размерчик мой. А что? Сделано со вкусом, материал явно не простой и не дешёвый. Смотрится нарядно и необычно. Получше, чем малазийский Адидас из дешёвой тряпки.

— Почём нынче польский самопал? — достаточно громко интересуюсь у вздрогнувшего продавца.

— За восемьдесят отдам, — вполголоса цедит парняга, стараясь сохранить облик крутого фарцовщика.

— За палёную Польшу восемьдесят? Ты с дуба рухнул. Дам тридцать, — голос у меня сильный, процесс интересный, слушателей много. Вон, ближайшие продавцы и покупатели в открытую уже улыбаются, прислушиваясь к тому, что продавца спалили.

— Слышь, иди нахрен отсюда, — обречённо шипит продавец, понимая, что я ему порчу торговлю. Наверняка в сумке у него ещё пара аналогичных костюмчиков из той же Лодзи или Варшавы.

— За полтинник возьму, — так же интимно сообщаю свою цену.

— Шестьдесят.

— Да у неё все швы кривые, — чуть повышаю я голос.

— Забирай, и чтобы я тебя больше тут не видел, — не выдерживает психологической атаки начинающий спекулянт.

Было бы сказано. Так, костюмчиком отоварился. Был у меня один знакомый гном, тот, пока торговался, два раза успевал подраться с продавцом. Потом они, правда, выторгованные им на покупке деньги вместе с тем же продавцом пропивали в ближайшем шинке.

Без особых приключений и торга приобрёл «Ботас», вполне себе приличные кроссы, белые, с тремя черными полосками по бокам.

Над «Найком» завис. Тёмно-синие замшевые кроссовки, с ярко-жёлтыми вставками. В одну из них были вставлены очки, матёрые даже по виду. Кроссы чуть великоваты, но на носок потолще вполне пойдут. Очки спортивные. Рэй — Бан. Они-то тут откуда взялись? Симпатичные, с кожаными экранами по бокам. Торговля была эпической. Даже описывать не буду, чего мы за двадцать минут друг другу наговорили. В оконцовке всё же вырулил. Ушли все «подарочные» деньги и часть моих. В кармане пятёрка с мелочью. Костюм, две пары кроссовок, очки. Дорого мне выходит занятие «любительским видом спорта».

Глядя на мои траты, Николай только вздыхал. Видимо его гардероб обходился в разы дешевле.

Заскочил домой, похвастался покупками. Мать от цен ахнула, отец только крякнул. Возражений не озвучили, значит одобряют, хм... скорее всего.

Добили с Колей мелочи по строящейся аппаратуре. На удивление быстро. Решили себя побаловать и съездить в пельменную на Пушкинской. Две порции пельменей с бульоном, по сорок четыре копейки за порцию — для молодого организма даже маловаты будут, но третью явно не потянуть. С этих-то осовели.

— Завтра ставим динамики и усилители в корпуса? — творческий запал у Николая и не думает снижаться.

— Да, только ты мне привезёшь четыре рваных динамика из ДК. Два 2А-9, и два 2А-12. Предлагаю по той же схеме. Даёшь два неисправных — забираешь один целый. Слушай, может там пищалка кинаповская завалилась, глянь, она мне очень нужна.

— Годится. К десяти приеду. Пищалку прихвачу, они там в ящике сложены. У тебя на второй комплект есть покупатель?

— Пока нет. Думал в кабаки попредлагать.

— Пока не дёргайся. Доделаем, я знакомому одному покажу, но про это после поговорим. Очень уж там чувак самобытный. Обхохочешься.

Коля уехал, а я пошёл домой. Мне ещё на гитаре поиграть надо, да подумать, с чего начать работу с микросхемами. Есть в голове одна идейка, надо её покрутить со всех сторон. Можно серьёзно упростить себе задачу, если сложную схему разбить на двенадцать простых однотипных плат. Посчитал. На максимальной задержке я могу до полутора секунд эха на

последней линейке набрать. Хорус тоже будет. Вокал с ним ярче и живей звучит. Знаете, как заметно отличается звук у обычной и двенадцатиструнной гитары. По две струны у двенадцатиструнки, настроенные на одну ноту, дают слегка разные резонансы и гитара звучит «в разлив». Тот же эффект и на вокале получится.

Из дома позвонил Вите и Диме. Поболтали. Рассказывать, что я уже студент, не стал. У них впереди вступительные экзамены, а я вроде как уже поступил. Заставят ведь объяснять, что да как, и что я им скажу?

У меня ещё работа. Доделываю усилители. Передняя панель у них будет другая. Более современная по виду.

Коля притащился с самого утра. Под неодобрительным маминым взглядом я на бегу закинул в себя бутерброд. Дотащили до машины усилки. Ха, да он даже бас сегодня с собой приволок. Не верит что ли, что всё будет работать, как надо? Зря...

Ну, вот и всё. С его комплектом закончили. Пробуем. Хороший тугий плотный звук. Шумов нет. Регулировки глубокие. Презенсе шикарный. У Николая не сходит улыбка на все тридцать два зуба. Так и гланды простудить не долго.

— Земля и небо. Теперь понятно, почему ты говорил про звук тонущего дирижабля. Реально бас до этого тупо бубнил не пойми какую ноту. А теперь смотри, правда похоже на звук рояльной струны?

— Слышь, Гловер, а как ты его повезёшь? К тебе ни одна колонка не влезет.

— Чо вдруг Гловер...? Хотя, можешь называть, мне нравится, — Коля от скромности не умрёт. Роджер Гловер, басист из Дип Перпл, наверно самый известный среди их басистской братии. Чую, прилипнет к нему новая кличка, как банный лист. Вон как лыбится, — С машиной сейчас порешаю. У меня полкнижки нашей братвой музыкантской исписано. Помогут.

Я тоже попробовал его бас. Слабовата гитарка. Кроме внешнего вида, раскрученного сотнями фотографий Битлз и МакКартни в частности, содранный болгарами с битловского Хофнера басовый Орфей звуком не блистал. Красивенькая «скрипка», и только.

Слазил в коробку с магнитами.

— Попробуй разобрать датчики и поменять магниты. Если не пройдут по размеру, то можешь просто их снизу к родным приклеить. Ну а не поможет, то тогда уж катушки будем менять, — я видел, что Николай слушает меня, как оракула, явившего чудо. Даже не дышит.

Поднялись домой. Попили чай. Коля с пятого или шестого звонка нашёл какого-то знакомого, который может подъехать на ВАЗ 2102, этаким универсале с поднимающейся задней дверью. Я в это время рыскал по маминым захоронкам. Очень мне нужна плотная целлофановая плёнка, которой прикрывают сверху шоколадные конфеты в коробках. Ага, нашёл. Теперь будет чем центровать динамики при замене диффузора. Трубочка из плёнки внутрь катушки, и с лёгким усилием натягиваю диффузор на керн, расположенный внутри магнита.

Проводил Николая. Судя по ошарашенному лицу его друга, разговоров у них будет — море. Есть о чём. Аппарат получился очень симпатичным, даже на мой взгляд, избалованный избытком будущего.

Провозился ещё пару часов. Закончил свой комплект. Брат — близнец первого аппарата. Три неспешных круга по парку. Нет ни Оли, ни её группы. Они что, этого накрапывающего дождика испугались? О, Семёныч машет у входа.

— Поехали на «Динамо». На «Юности» сегодня соревнования какие-то проходят, — он

идёт к припаркованной машине. ГАЗ — 21, с оленем на капоте. Да, не поскупились тут на сиденья в своё время. Толстенные диваны, которые можно разложить в приличного размера траходром. Проезжаем мимо «Юности», сквозь прутья забора пару раз вижу мелькнувшую Олю, пропадающую временами за спинами рослых спортсменов. Вот почему их сегодня нет в парке. Соревнования, судя по всему, какие-то внутренние. Нет ни флагов, ни судей в форме и громкоговорители молчат.

Пробежал восемьсот, минут двадцать передохнул и неплохо выложился на полутора тысячах, поймав на втором круге нужное состояние.

К машине шли молча. Семёныч явно чем-то недоволен. Помрачнел.

— Пётр Семёнович, я что, плохо пробежал? — мне самому удивительно. Второй забег точно должен был неплохо пройти.

— Хорошо ты пробежал, это я, старый дурак, хватку теряю. Вот какого, спрашивается, на Динамо попёрся. А эти чайки тут как тут. Коллеги мои за тобой наблюдали, когда ты тысячу пятьсот бежал, — посмотрел он на меня, отвлёршись от дороги, — Динамо сейчас в большой силе. Спортсменов к себе как только не переманивают. Старшинову придётся звонить, — добавил он уже про себя. Фамилия Старшинов мне знакома только по хоккею. Я запаниковал.

— Семёныч, я в хоккеей ни ухом, ни рылом. Даже на коньках кое-как стою. На лыжах нормально бегу, а коньки — точно не моё.

— Да не хоккеист, тот уже в Японии работает. Другой Старшинов, председатель «Трудовых резервов», — отмахнулся тренер, — У них сейчас как раз провал по лёгкой атлетике. Может и клюнет. Авторитет у него что надо. И поддержка серьёзная.

Вот что меня меньше всего интересует, так это закулисная возня разных спортобществ. Как хорошо живётся, когда эту кухню не знаешь и веришь в честный советский спорт. Такой, как на картинках и плакатах.

— Семёныч, останови, я тут выйду, — чуть не закричал я. Проследив за моим взглядом, тот лишь ухмыльнулся и ловко припарковался к обочине. На противоположной стороне дороги, легко перепрыгивая через свежие лужи на тротуаре, шагала миниатюрная девушка, с ярко-синей спортивной сумкой на боку.

# Глава 6

— Клянусь, если мы такое сыграем, то я никуда, ни в какой кабаке не иду! Это же половина отделения суперской музыки. Была бы одна гитара, я бы не взялся, а в две — сыграем. У тебя там ничего сложного. Я даже сакс на коду найду. Есть у меня двое на примете. По джазу вкусно лабают. Ты правильно сказал, нам вокала надо больше. Тут вчетвером можно петь — Лёха горячился, а я, слушая одним ухом Пинк Флойд, а другим его рассуждения, рассеяно улыбался. Он примчался ко мне со свежей, чисто записанной катушкой последнего концерта Пинков и со своей гитарой. А я мыслями всё ещё с ней...

Я догнал её, пролетая над лужами, подскакивая, как каучуковый шарик, как мартовский кот, задравший хвост и подпрыгивающий на одних подушечках лап.

— Врёшь, не уйдёшь, — голосом мультяшного злодея, прокаркал — проскрипел над ухом. Успел подхватить под локоть и поймать слетевшую с плеча сумку.

— Извини, дурацкая шутка, — не переставая улыбаться, сказал без капли раскаяния.

— Как ты так тихо подкрался? — удивилась Ольга. Эх, мне бы в лесу потренироваться с полмесяца, тогда бы ты знала, что такое тихо.

— В разведчики готовлюсь, мечтаю стать шпионом Гадюкиным, — трагическим голосом понёс я веселую чушь, зная, что девушкам это нравится.

— Ты только на тренировках в своей маске бегаешь? — заулыбалась Оля, разглядывая новые очки.

— Теперь, когда ты знаешь мою тайну, скрываться бесполезно. Маски больше не будет, — продолжил дурачиться, устраивая её сумку на своём плече.

— В этих очках тебе намного лучше. Только зачем они? Уже солнца нет.

— Это жуткий секрет, покрытый мраком ночи... Прыгаем? — взявшись за руки, перепрыгнули широкую лужу. Я и две таких наверно сейчас перепрыгну. Иду, сдерживая сам себя.

— Ты можешь хоть о чём-то серьёзно говорить? — улыбнулась Ольга. Продолжая держать её за руку, остановился, не обращая внимания на снующих прохожих, тихо сказал:

— Ты самая красивая девушка на свете.

Потом молча шли до остановки автобуса.

Вот почему так? Когда автобус жду я, нужный маршрут приходит четвёртым или пятым по счёту, а вот когда этот автобус совсем не нужен, он тут как тут. Дверь с хищным лязгом захлопнулась, и Икарус сытым жёлтым кашалотом покатыл по улице, обдав меня напоследок вонючим выхлопом солярки.

— Паша, ты здесь? — Лёша, как врач — психотерапевт, водил раскрытой ладонью перед моим лицом, видимо давно ожидая, когда я очнусь.

— Извини, заслушался.

— Давай первую цифру прогоним под запись, я тебе твою партию покажу.

— Сейчас, дай руки оттереть.

— В чём это ты уделался? — Лёша покривился на запах растворителя, которым я начал стирать зелёный лак с рук. Я встал и открыл окно. Так и токсикоманом недолго стать. Мало того, что на столе сохнут двенадцать линеек, покрытых лаком в нужных местах, так ещё и растворитель жутко пахнет.

— Лак такой, специальный, — после некоторых раздумий я решил сделать двенадцать

одинаковых универсальных линеек для микросхем. Вырезал из плёнки трафарет и покрыл по нему лаком фольгированный текстолит. Останется протравить его в хлорном железе и просверлить нужные отверстия. Потом можно очень быстро натывать туда детали и распаять их. Однообразный труд, он не только зверит и скотинит человека, но ещё и изрядно увеличивает скорость работы, что давно доказал Форд со своим чёртовым конвейером.

— Показывай, — крутанул я громкость на своём входе, чтобы повторять без звука. Действительно, когда показывают, всё просто. Добавил звук, второй раз сыграли вместе.

— Теперь я свою партию играю, поверх твоей, а ты уже сам, — Лёха прикрыл глаза. Какой это кайф — играть обалденную музыку, понимая, что получается. Мы сейчас наверно со стороны смотримся, как два блаженных идиота. Осталось только слюни пустить. Просто физически чувствую, как нам в некоторых моментах не хватает опытного звукооператора, который смог бы подхватить ревером окончание фразы, или аккорд, рассыпавшийся стеклянным звоном.

— Нормально ты свою гитару шевелишь, я за тобой смотрел — ни одной ноты или аккорда без обработки. Хоть раз, да качнёшь палец по грифу.

— Лёх, не на балалайках же играем. Пусть те прямым звуком поливают, а мы, как скрипачи поработаем. Инструмент петь должен, а не просто ноты играть.

Играли с час, уже освоившись с песней, импровизировали, кивая и улыбаясь друг другу в удачных местах, а когда на соло саксофона прошли половину темы в терцию, а потом синхронно скатились вниз, то поняли, что сыгрались.

— Спасибо, — Лёха протёр фланелькой гриф и укладывал свою гитару в кофр, — Давно я так не отвязывался. Можно сказать, душой отдохнул. Нас же по-другому в музилище учат играть. Быстренько бери чистенькие ноты, и смотри на громче — тише. Певцов так же портят в консе, «звук должен быть округлый и опёрт на грудь», — передразнил он кого-то, — Вот и вылезают на эстраду разные магомаевы. Поют оперным голосом эстрадные песни.

— Наверно они тоже кому-нибудь нравятся, — предположил я, помня о симпатии Лёни Брежнева к этому певцу.

— Да ну его в пень, даже говорить противно. Я его терпеть не могу. Вот чувствую, что он насквозь фальшивый, и самого его с тех песен тошнит. Но нет же, грудь выпятит, как петух, и воет белугой. Тьфу. Ты «Квин» слышал? — очень неожиданно перескочил Алексей с темы на тему.

— Только пару песен, — выдавил я и начал я лихорадочно вспоминать, что Квины успели записать к 1976 году.

— Я, когда первый раз услышал, плакал. Так сыграть, и умереть не жалко, — Лёха подозрительно шмыгнул носом, наклонившись над кофром и защёлкивая замки, — Сижу, а у меня слезинки по щекам... и мурашки с мышонка размером по всему телу стадом носятся. Я бы к ним грузчиком пошёл работать. Чесслово. Чтобы просто рядом быть.

— Лёха, не всё так хорошо. Они без сомнения гениальные музыканты, но не забывай, что ты слушаешь студийную запись, а на той технике можно творить чудеса. На концертах они наверняка себя скромнее ведут и дополнительно записанные партии пускают через фонограмму. Ты многоголосие посчитай. Их физически столько в группе нет, сколько голосов у них в аккорде. Скорее всего все аккорды подпевок их вокалист один записал. Студийный магнитофон на двадцать четыре канала такое позволяет. Хоть за весь хор можно спеть одному. МакКартни свой первый альбом тоже один записал. Сам всё спел и сыграл на

разных инструментах, — я говорил и видел, как у гитариста расправляются плечи.

— Ну, если потренироваться, то и я любую их гитарную партию отыграю. Вот только звук у него... Там же приставок стоит штук пять. Мне даже названия их ничего не говорят. Что такое компрессор? Хорус? Овердрайв? Край бэби? Да я даже не представляю, что они делают.

— Лёха, забей. Понятно, что наша страна отстала так, что ужас. Они уже двадцать лет фендеры, маршаллы и джипсоны делают, а мы только недавно тоники и уралы начали, на которых играть без слёз невозможно. Беда даже не в этом. У них выросло поколение или два, которые научились хорошо играть на качественных инструментах, а у нас теми дровами, которые выдают за электрогитары, убито девять из десяти потенциальных гитаристов.

— Это да, у меня много знакомых было. Кому попала хотя бы Музима вовремя, ещё играют, а остальные бросили. Так, я побежал. Завтра репетиция. Да, Коля звонил. Говорит, что завтра к нам паломничество ожидается. Музыканты пронюхали про его комплект, смотреть придут. Ты бы свой Регент тоже подвёз?

— Вы там во сколько будете? Попробую с соседом договориться. Он на Жуке работает, может подкинет, — я подумал, что и мой комплект пора перевезти в ДК. В голову пришёл смешной кургузый фургончик, который частенько стоял у нашего подъезда.

— Я к четырём собирался, Коля может раньше появиться, а больше ключей ни у кого нет.

— Понятно. Постараюсь до пяти подтянуться с аппаратами.

Сосед жил над нами в коммуналке. Выглянул в окно, Жук на месте, значит Пётр дома.

— Дядь Петь, вы мне завтра не поможете усилители до ДК Гагарина отвезти? — спросил я соседа, высунувшегося на два звонка. Табличка у дверей: Ивановы 1 зв., Дементьев 2зв.

— Не знаю. Это как с ремонтом управлюсь. Мне бампер сегодня царапнули. Надо сделать быстро, пока механик не увидел, а то заставит каждый день в гараж ставиться.

— Там править надо?

— Да почти нет, так, стукнуть пару раз.

— Можем сейчас сделать. У меня компрессор есть и черной краски почти целая банка.

— Ух ты... погодь, точно красить можешь?

— Да сделаем. Так что? Мне идти переодеваться?

— Давай, я сейчас спущусь.

Есть что-то знаковое и мистическое в гаражных посиделках. Со временем там складываются устойчивые компании, где можно и слегка выпить, и «про жизнь» поговорить. Городские жители потеряли часть культуры общения, разбежавшись по своим квартирам. В селе редко кто пройдёт мимо соседа, не поздоровавшись и не перекинувшись хотя бы парой-тройкой предложений, а уж вечером посидеть... Вот и давит диван глава семейства, прикрыв лицо газетой. Дефицит общения. Недаром в будущем взрывообразно вырастут социальные сети, и по вечерам в них будут сидеть миллионы, общаясь, ругаясь, выкладывая фотографии.

Бампер сняли, выстучали, зашкурили, покрасили. Сохнет под лампами. Ждём. Понемногу подтянулись гаражные аборигены. Уже и гонец за пивом отправлен. На меня смотрят с уважением, даже не попробовали по молодости лет гонцом снарядить. Ещё бы, мастер. Целый бампер покрасил. Тихо ржу про себя.

Разучили мужиков руками работать. Приличный инструмент не купить. Народ между



тем перешёл к пиву, кто-то уже сгонял до своего гаража и приволок связку вяленых подлещиков. Обсудили Жук, помечтали, как бы такой в частные руки купить, сошлись, что РАФик поинтереснее будет. Я пытаюсь рассмотреть ауры. Вроде получается, но чувствую, что энергия уходит со страшной силой. Затратно. Не случайно меня тогда в больнице зашатало. Отдаю готовый бампер и иду домой. Народ плавно перетекает к соседнему гаражу. У них ещё запас пива остался в пластиковой канистре. И разговоров на полвечера.

С утра меня послали... Простоял час в очереди, а участковая врачиха сказала, что моя медицинская карта уже отправлена во взрослую поликлинику и мне теперь надо идти туда. Попробовал вякнуть, что у меня день рождение только послезавтра, но был выдворен опытной в таких вопросах медсестрой. Используя своё могучее тело, она выдавила меня из узенького кабинета, как поршень в насосе выталкивает лишний воздух. Милый совковый сервис. Как же ты меня... мм... заколебал...

Время есть. Погода шепчет. Запрягаю велик и еду на ВИЗ. Там, над водой, идёт могучая линия электропередач на завод. Вчера вспомнил, когда соображал, где бы мне подзарядится побольше. Раздевшись прямо у высоковольтной опоры загораю, купаюсь. Два часа, как в сказке. Словно в живую воду окунулся. Дома измерил расстояние до компаса. Двенадцать с половиной. Вспомнилась статейка, как американский фермер получал электричество. У него над полем проходила ЛЭП. Он под неё сунул катушки и за счёт наведённого тока запитал своё хозяйство. Обломалась энергетическая кампания. Суд не заставил фермера платить за естественные потери при передаче электроэнергии.

— Ольга, привет. Парни, здорово, — группу и их тренершу встречаю прямо у выхода со стадиона. Парни отвечают неохотно. Ясен пень, ревнуют. Вон лбы какие вымахали в шестнадцать лет. Некоторые повыше меня будут, — Ну что, побегаем?

— У нас прыжки сегодня. Внутренние зачёты идут, — Оля показывает рулетку и тетрадку, — В длину будем прыгать и тройным. Один круг разминочный.

— О, давненько я не прыгал, с годик наверно. Возьмёте с собой? — я вижу довольные лица парней. Ещё бы. По прыжкам они должны легко такого прыгуна уделать.

На круг ухожу со всеми. Пока они бегут, приотстав развлекаюсь бегом с высоким подниманием бедра, переключаясь иногда на бег боком, приставными шагами.

Яма с опилками, дорожка и доска, с насыпанной песчаной ленточкой. Вот и всё, что нужно для прыжков. Наступил на песок — заступ. Результат не засчитан. Парни прыгают неплохо. Многие за пять метров улетают. Лучший результат на первой попытке пять шестьдесят пять. Узнаю, что это на третий взрослый тянет. Все отпрыгались, смотрят на меня. Неправильно подобрал разбег. Хоть и зачистил ногами перед прыжком, оттолкнулся далеко от доски. Пять пятьдесят.

— Ты даже не старался, — обвиняюще шепчет Ольга, когда все уходят на вторую попытку.

— Пока стимула не было. Да и не прыгал давно, — улыбаюсь ей. Сердится. Вот ведь тренерша... поняла, что я придуриваюсь. Иду ей помогать. У ребят результаты лучше, сантиметров пятнадцать добавили к прежнему прыжку. Хлопают друг друга по плечам. У них уже два лидера, кто на третий разряд выпрыгнул. Прыгаю пять шестьдесят две. Особо не упираюсь, осваиваюсь. Меня с преодолением норматива поздравляют без особой радости.

— Ты лентяй и сачок. Прыгай нормально, — шипит девушка, когда ребята отходят.

— А маленький поцелуйчик будет?

— Я только КМСов целую, и то в щёчку, — фыркает она, записывая в журнал результат

очередного прыжка у парней.

— А сколько они прыгают?

— Семь десять, — с улыбкой припечатывает она меня серьёзной цифрой. Озадачила.

Когда до меня доходит очередь, раскручиваю рулетку, и нахожу нужную длину. Провёл черту прутиком и его рядом воткнул. Отошёл к доске. Далёко, млин.

— Это что? — спрашивает меня лидер наших состязаний, которого я попросил придержать ленту. От следов, оставленных прыжками, до начерченной мной черты, безумно большой разрыв. Почти полтора метра.

— С Ольгой поспорил, — обреченно смотрю на расстояние.

— Не прыгнешь, — уверенно заявляет парень, оглядев всё ещё раз.

— Не каркай под ногу, — сплёвываю, и для чего-то начинаю вымерять разбег. Двадцать четыре шага. Метров двадцать. Стою, перекатываюсь с пятки на носок. Жду накат. Пошёл.

Стартую излишне резко и гоню во всю силу. Шаги даже не уменьшаю, почему-то знаю, что толчковая встанет, где надо. Прыжок... Лечу, перебирая ногами, руки сами балансируют... Дотянуть бы... Пролетает веточка... Конец ямы... Выпрямить ноги не успеваю... Какая сволочь щебень за ямой насыпала... Поскользнулся на камнях, горохом сыпанувших из-под ног, пробороzdил боком, перевернулся на руки, упёрся, спасая лицо. Хорошо, что новый костюм не одел — успела мелькнуть мысль, пока не пришла Боль.

Меня перевязывают в три пары рук. Ольга промокает тампоном и поливает перекисью, парни бинтуют. Ха, так это она аптечку с собой в сумке таскает. Детский тренер, положено ей наверно. Она обрабатывает мне локоть, а я ловлю губами кудряшку, которая у неё выбилась. Улыбаясь, отмахивается.

— Восемь ноль пять, — слышу из-за спины. И сочный поцелуй в губы...

— Во, Ольга даёт... — сдавленный шёпот одного из моих санитаров.

— Ольга Ивановна, а восемь и пять — это на кого норматив? — это уже от ямы кричат, там в крик спорят — пролетел бы я дальше, если бы ноги не выпрямил, и поверхность была бы ниже, как в яме. Ну..., испугался я, когда понял, что яма закончилась. Под травой же не видно, что там всё в камнях. Думал, нормально приземлюсь.

— На международника, — мечтательно улыбаясь, говорит моя Прелесть, эээ, мне не нравится её взгляд...

К выходу бредём не спеша. Я прихрамываю, ребята не торопят. Посматриваю на руки, морщусь.

— Болит? — спрашивает Оля, кивая на руки.

— У меня репетиция вечером. Как я такими руками на гитаре играть буду?

— Что случилось? — откуда-то сбоку появляется Семёныч. Осматриваю себя. В бинтах, кое-где кровь просочилась, на майке дыра. Весь в пыли.

— Он восемь ноль пять прыгнул. За яму улетел, — дорогу тренеру заступает один из парней. Ого, похоже у меня появился свой клуб фанатов, вон как к нему ещё двое подтянулись.

— Кто измерял? — сбавил Петр Семёнович обороты, но смотрит исподлобья.

— Да мы втроём проверяли. Он ещё ноги зря выпрямил раньше времени, — садюги мелкие, было бы лучше, если бы я задницей по щебню проскакал... Фиг бы я тогда дал себя перевязывать...

— В машину, быстро, — командует тренер. Травматологический пункт. Меня мажут вонючей мазью, перевязывают и втыкают укол. Последнее зря... за один поцелуй перебор

получается... Выхожу, хромая на обе ноги. Укол болючий, аж ягодицу судорогой сводит. Новокаина пожалели? Помянув медсестёр неприличным словом, сажусь в машину. Семёныч довозит до дома.

— Ещё так прыгнуть сможешь? — ему бы Мюллера играть, вместо Броневого. Ишь, глазёнками как сверлит.

— Тут стимул был, а так не уверен, как повезёт, — я смотрю, как меняется Семёныч. Видели шарик, который начинает спускать воздух? Сидим. Молчим. Разную ерунду друг про друга думаем.

— Счастливый ты, наверно даже не понимаешь, насколько, — наконец выдаёт он, зачем-то перед этим прокашлявшись. Я? Я не понимаю? Это ты, Семёныч, не понимаешь, а у меня сейчас личный кусочек счастья. Каникулы. Я-то знаю, что через полгода меня уже не встряхнут так эмоции, не подкинет от девушки, которая стоит рядом. Вот и успеваю пожить. Почувствовать. Ярko и навсегда, пока я в этой жизни. Чтобы было, что вспомнить, было, за что жить. Вот и цепляюсь за каждый день и час.

— Пойду я. Завтра буду в парке, как обычно.

— Никаких тренировок, пока всё не заживёт.

— Завтра в парке встретимся, — выхожу из машины и трусцой бегу к подъезду. Немного рисуюсь, понятно, но масть держу. Захромал по лестнице уже после хлопка двери. Чтож у них за столбнячьи уколы такие... У меня уже ссадины не так болят, как ж...

Майка в ведро. Труссы... ещё поживут, бинты с треском отдираю. Что мы видим? Правильно — зебру. Только полоски сикось накось. Хорошо, мы видим неправильную зебру. Зато без ран и прочих царапин. Ещё бы жо... не чувствовать последствия укола... и вот вам молодой растущий организм, в самом расцвете сил. Со слегка повреждённым, в некоторых местах, золотистым загаром. В душ.

— Хорошо вчера посидели, душевно, — дядя Петя рулит, придерживая иногда руль животом, — Мужики спрашивали, можно у тебя подкрашиваться будет? Там по мелочам... у двоих пороги, можно антикоррозийкой им дёрнуть, двоим капот, а одному передок от сколов.

— Подготовку кто делать будет?

— Да я могу. Я что вчера понял, вот сижу один вечерами, как сыч. Смотрю этот грёбаный телик, а жизнь проходит. Скучно. Сосед у тебя машину продал. Могу гараж у него взять напрокат. Буду там зачищать и шкурить, а к тебе перегонять на покраску и сушку. И деньги будут, и общество. Красок разных купим. Я себе машинку, а то и две куплю. Знаешь, которые сами шлифуют да полируют.

— А самому покрасить?

— У меня с красками не получается. Пробовал уже. То не докрашу, то налью с потёками. Краску только перевожу. Ты вон вчера как шустро облил..., и ведь без единой помарки. Механик наш, видит, что бампер блестит, аж очки одел, чтобы докопаться, а вот хрен нанэ, — Петр, от переизбытка чувств, хлопнул себя по ляжкам и даже подпрыгнул на сидении, — Обломайтис тебе, собака драная. Там всё красиво. Поворчал что-то себе под нос, да и отвалил. Мужикам с гаража рассказал, они тоже смотрели. Сказали, лучше, чем новый. Поляки вообще машины хреново красят. Год поездишь, и по крыльям и порогам до металла всё сдирает. Помочь таскать? — спросил он, сдавая задом к крыльцу ДК.

Оба комплекта поставили рядом. Мощь! Как говорят риэлторы — вид на миллион! Две стенки аппаратуры со знаком SP. Коля прошёлся слэпом по грифу. Вот неугомонный, слышу,

что датчики подшаманил. Показал большой палец. Лыбится. Народ осматривает мой Регент. Впечатления от — да ну-у, до — песец, круто. Значит всё верно. Нравилось бы всем, или всем бы не нравилось — это да, повод для тревоги, а так, нормально. Чем больше разброс мнений, тем прикольнее получилось.

— Ты за свой комплект сколько хочешь? — Николай оттащил меня за рукав к самой кондейке.

— Рублей семьсот думал попросить, чтобы было куда поторговаться.

— Понял, тогда я с девятисот начну. Ты иди, тебя Лёха зовёт. Директриса уже полчаса ждёт.

Ничего не понял. Театр абсурда. Алексей тащит меня из подвала на третий этаж.

— Тебя устроят рабочим сцены на полставки. Пятьдесят рублей в месяц. По штатному расписанию ставок музыкантов больше нет, — Алексей тянет меня по лестнице, проговаривая на ходу необходимые сведения, — «Перле» нам спишут, но дней через пять. Там комиссия какая-то нужна. Директора зовут Зинаида Степановна, иди, ждёт.

— Здравствуйте, — ворвался я в кабинет директора, напутствуемый ускорением в спину.

— Вы кто? — вальяжная дама, лет сорока, хотя нет, прилично больше сорока. Лет на пятнадцать.

— Зинаида Степановна, я ваш будущий рабочий, хотя по факту я музыкант.

— Захарычев про вас мне говорил? — я завис, разгадывая сразу две загадки — фамилию Лёхи и его тему беседы.

— Представления не имею, — сдался я в конце концов, — Мне сказали зайти к Вам, вот и зашёл.

— А почему в очках, солнце ярко светит?

— Очки врачи прописали, травматическая светобоязнь. Хотите пошутить — давайте найдём другую тему...

— Извини. Думала, стилига пожаловал. Вечер на дворе, а тут очки..., ну и что ты мне расскажешь?

— У вас, Зинаида Степановна, мужской сортир на первом этаже не работает, — раз со мной на ты, то и буду соответствовать. Говорить о простом и жизненно важном.

— Что-о?

— Туалет. Там всё плавает, — я посмотрел на багровеющее лицо директрисы и продолжил, — Это раньше театр с вешалки начинался, а в наше время, с сортира.

— Я спрашивала про ансамбль. Что ты умеешь?

— Играю на гитаре, пою, ремонтирую аппаратуру. Вот вроде и всё.

— Зайду сегодня к вам на репетицию, посмотрю, — отпустила она меня величественным кивком, давая понять, что аудиенция закончена.

— Лёха, а Зинаида — кто?

— Начальника включила? — догадался тот, — Нормальная она баба. Полжизни в народниках отплясала. У неё и сейчас танцевальный один из лучших в городе. Это она видимо на завод собирается. К шефам. Вот и лицедействует. В образ входит. У тебя что все руки исцарапаны? Вчера же не было ничего?

— На тренировке неудачно упал.

— И уже зажило? — Алексей показал на белые полосы чистой кожи, без следов ссадин.

— Да ерунда, только кожу царапнуло. Потом мазь какую-то наложили, а через два часа всё смыл, и как новенький.

В дверях столкнулись с Николаем и каким-то незнакомым здоровенным парнем, которые выносили колонку. Мою колонку. Еще один незнакомец тащил следом за ними усилитель.

— Коля, куда ты аппарат потащил?

— Их без меня охрана не выпустит. Продал я твой комплект, за тысячу пятьдесят, — Николай скрылся за дверями, а я стоял в растерянности. Ладно, сейчас у ребят спрошу, в чём дело. Оказалось, что желающих купить было трое, и Николай устроил аукцион. Жаль, что я не видел этого зрелища, наверняка было интересно. Основной народ ушёл курить, а вокруг моего комбика, стоящего в чехле, крутилось двое длинноволосых парней.

— Вот хозяин, сейчас сам покажет — сдал меня ударник. Познакомились. Ребята оказались братьями. Странно, совсем не похожи. Играют на танцах в ЦПКиО. Расчехлил гитару. Присмотревшись к гитаре — заулыбались. Узнали Иолану.

— Это Регент теперь такие комбо делает? — ещё раз обойдя комбик по кругу, спросил один из них, вроде бы старший, — Классно.

— Это Паша такое из Регента делает, — заржал ударник, довольный их ошибкой и изумлением.

— Держи ми, я под запись настроен. Сейчас прогоним Wish You Were Here, — Алексей поставил кассету, подождал, пока я подстроюсь и мы начали. Краем глаза увидел вернувшихся курильщиков, остановившихся у дверей.

— Фигасе, вы музыку играете, — раздалась возгласы из группы курильщиков, — Первый раз слышу, чтобы у нас в городе Пинк Флойд сняли один в один.

— Так, что тут посторонние делают? — директриса надвигалась со стороны прохода на сцену.

— Зинаида Степановна, вот уж не думали, что вы нас в посторонние запишете, — вышел вперёд один из длинноволосых братьев.

— Ой, Володя, Виталик и вы тут. Давненько я вас не видела, забыли вы меня совсем. Закончите тут свои дела, поднимайтесь ко мне, чаем напою, с конфетами, — она уже без лишней строгости посмотрела на всех, — А вы отлично сыграли, и музыка хорошая, очень необычная, — и уже уходя, добавила через плечо, — Только в рапортички её не пишите, туда лучше что-нибудь такое, пахмутовское. Иначе не пропустят.

— Классная тётка, понимающая, — причмокнул губами Виталий, — Мы с ней три года работали, горя не знали. Таковую бы в министры культуры, во бы зажили, — выставил он вверх большой палец.

— Пока в Союзе композиторов тупой полурослик эстрадой рулит, не будет нам счастья, — вздохнул я.

— Полурослик — это кто? — уцепился Николай за незнакомое слово.

— Глуповатый сказочный персонаж, ниже человеческого роста — пояснил я, не вдаваясь в подробности, и показал полтора метра от земли.

— Пахмутова не дура, она шизофреничка, зато идеологически правильная. Ни одну песню без патриотического пафоса не пропускает. В прошлом году «Цветы» по её наводке разогнали. Был у нас советский Битлз, и не стало. Даже название запретили. Приписали им «пропаганду западной идеологии и идей хиппи», — подключился Володя.

— Угу, нам дважды литовки не подписывали из-за «Звёздочки» и «Честно говоря».

Главное молчат, ничего не объясняют, но и не подписывают. Пока мы туда туфту не вписали, из сборника комсомольских песен, так и гоняли нас по кабинетам.

— По-моему проще можно делать. В наглую игнорировать таких композиторов, как Пахмутова, а вместо них писать в рапортичках народные песни, или революционные, чтобы зря не бегать. Один чёрт эти бумажки никто не проверяет у нас на выступлениях. Я за всё время ни одного чиновника у себя на танцах не видел. Смотришь, и приживётся, — Виталий кинул в рот незажжённую сигарету и похлопал себя по карманам, в поисках спичек. Музыканты — народ коммуникабельный. Такая идея может быстро расползтись по стране. Пахмутова сейчас больше половины гонораров получает от таких фиктивных рапортичек, где руководители ансамблей пишут те песни, которые на самом деле никогда не исполняют.

— Алексей, мы поддержим начинание? — спросил я у нашего руководителя, чтобы подтолкнуть процесс.

— Не вопрос. За «Цветы» я всех номенклатурщиков из рапортичек повычёркну, — осклабился Лёха, — Совсем из ума выжили, маразматика. И фишку про тупого полурослика расскажу в училище. Пусть народ поржёт. А «Цветы» назло им играть будем. Народу их песни нравятся.

Домой вернулся богаче на тысячу рублей. Хотел двести сунуть Коле, но тот взял только полтинник, на новые «фирменные» струны для баса. Даже не знаю, какую он «фирму» за такие-то деньги приобретёт. ГДР наверное.

Сижу на Визе, под линией электропередач, бросаю камешки в воду. Прохладно, не позагораешь, не искупаешься. Ольга закончила практику и до конца лета уехала к родителям в Тагил. Вроде даже на юг собиралась с ними съездить. Деньги поделил, половину отдал маме. Теперь они телевизор ищут, сказал, чтобы без меня не покупали. Нацелил их на Электрон или Горизонт. Они в этом году будут на кинескопах Хитачи выпускаться. Семёныч дважды меня гонял на стадион. В длину прыгать. Дальше семь пятьдесят не прыгнул. Попробовал рассказать ему про баллон. Есть такая фенечка в балете, когда танцор сохраняет в воздухе само движение и на какие-то мгновения почти парит в воздухе. Он что-то пробурчал, вроде того, куда бы дать мне этим баллоном, как следует, чтобы летел подальше. Я сделал вид, что не услышал. Даже говорить не стал, что его поцелуй меня вряд ли стимулирует для прыжка дальше пары метров, и то от него подальше, а не в прыжковую яму с опилками.

Разрабатываем с ним тактику. Это на ста метрах всё просто — сорвался со старта и жми на всю, а на восемьсот уже думать надо. Особенно перед финишем. Там такие сильные финишеры встречаются, чуть запоздаешь на рывок — на раз сделают. Или можно на провокацию попасть, когда один бегун тебя по темпу специально загонит на первом же круге, а его напарник сожрёт на втором тёпленьким. Решили, что до областных соревнований зря высовываться не будем. Скромно, в тройке держимся, и достаточно.

Для института по осени отмечусь на спортивном ориентировании, и на отборочных по легкой атлетике среди ВУЗов. Там надо побеждать. В феврале Москва, а уж на ней будет отбор на Универсиаду-77 в Софии. Чемпионатов мира по легкой атлетике ещё долго не будет. Их введут только в 1983 году. В это время единственные соревнования для мировой легкой атлетики — Олимпийские Игры. Ближайшие будут в 1980, в Москве. Капиталисты их будут бойкотировать из-за войны с Афганистаном, но всё равно будет здорово. Первая в мире Олимпиада в социалистической стране.

На чемпионат Европы мне не попасть. Не успею о себе заявить. Хотя Семёныч чего-то задумал, это я по его прищуре вижу хитрющему. Надо будет на Контакт с ним выйти. Тайны его выведать.

Репетиции пока остановили, трое ребят уехали отдыхать. Коле, чтобы от безделья не мучился, поручил придумать, как сделать панель на ревербератор. Он гравёра нашёл. По воронёной стали можно пройти промышленным гравёром, вот только шаблон надо чертить в два раза крупнее того, что хочешь получить, тогда мелкие детали качественно получатся. Я от руки нарисовал, а он пусть чертит. Мне совсем немного осталось доделать. Блок питания куплю готовый, стабилизированный, видел подходящий в Радиотоварах. Сделаю шесть пресетов — заранее подобранных комбинаций задержек звука. Частотка и шумы до студийного уровня моего времени не дотянут, но для эстрады за глаза хватит. Такой реверок даже у капиталистов не скоро появится. Лексикон, американская фирма, только со следующего года начнёт разрабатывать нечто похожее, но в 1979 выдаст шедевр, свой знаменитый 224 Digital Reverb. Блин, и на выставке не покажешь — попробуй, объясни, где микросхемы взял. Обидно. И никак этот затык не обойти. Нет у этих микросхем пока отечественных аналогов.

— Дядя, ты мою маму не видел? — оглядываюсь, стоит мелкое чудо, мокрое по колени,

и котёнка в руках держит, такого же мокрющего. Ох, всыплют сегодня кому-то. Вскакиваю на ноги. За лодочным пирсом, который закрыл собой девчонку, заполошно бегают женщины. Кричу ей, машу руками. Бежит к нам. Ладно, и мне пора. Иду с ними до дороги, котофейка у девчонки пригрелся, урчит, как маленький трактор. Прощаюсь, запрыгиваю на велосипед и еду домой.

— Привет, Павел, — пытается говорить баском мой знакомый по совместным прыжкам, — Мы тебя на стадионе видели, но ты там с дядькой каким-то был, не стали подходить. Я вот что спросить хотел, ты можешь с нами позаниматься? Мы тренеру объясняем, как ты прыгнул, а он говорит, что неправильно, так не прыгают. А вчера по телевизору передача была. Про Олимпийские игры. Там Боб Бимон в Мехико прыгал. Его два раза показали. Сначала обычной съёмкой, а потом замедленной. Он точь-в-точь как ты это делал, мы такой способ «ножницы» называем, а тренер нас учит прыгать «прогнувшись», совсем по-другому.

— Тебя же Стасом зовут? — вспоминаю я, как к нему обращались, когда он меня бинтовал, — Тренер из меня, скорее всего никудышный. Я разве только сам показать могу, да на вас посмотреть, поправить в чём-то, совсем уж очевидном.

— Нам много не надо, мы сообразительные, ты главное покажи, а мы потом сами... — зачастил парень.

— Ну, давай завтра попробуем, после тренировки. Только меня мой тренер может утащить куда-нибудь, тогда подождёте на стадионе.

— Замётано, — солидно произнёс переговорщик и подал руку. Контакт. Ох, паренёк, нелегко тебе пришлось. Повезло, хоть доброго человека встретил, а то не было бы спортинтерната, колония для малолетних по тебе плакала. Подрастёшь, в пояс своему физруку школьному поклонись. Понятно, почему вы с друзьями жили рвёте. Нет у вас пути назад, никто вас там не ждёт. Родители давно последние мозги пропили. Теперь ясно, почему вы на лето в интернате остались, да мне в парке встретились.

Ну, вот оно мне надо... Да, надо! И нечего ныть. Остальные дела подождут, а эти ребята нет.

— Ты что, подрался с кем-то? — вцепилась в меня мама, когда открыла дверь.

— Нет, с чего ты взяла?

— Заскочил бледный, кулаки сжаты, желваки ходят. Что-то случилось? — мама пристально уставилась мне в глаза. Да, увидит она там что-то, через мои-то очки...

— Уже всё нормально. Ребята знакомые попросили потренировать их немного, вот и понервничал. Какой из меня тренер? Сам спортсмен без году неделя..., а они слушать не хотят, — пожаловался я, отмякая в домашней обстановке.

— А ты попробуй, — прищурилась мать, — Знаешь, есть такая методика у учителей, когда одни ученики обучают других. Иногда удивительные результаты получаются, — тут с ней трудно спорить. Педагог с её стажем — это профессионал по передаче знаний.

Если в разведённую эпоксидку выдуть пасту из трёх чёрных стержней для шариковой ручки, и затем размешать — получится редкая гадость. Аккуратно выливаем её в коробочки из-под лекарств, где уже установлены готовые линейки будущего ревербератора, с «запретными» микросхемами. Когда всё схватится, то получим брусочек чёрного нечто, с двенадцатью торчащими ножками, как раз под стандартный разъём. Смешная и гротескная сборка, которую хочется назвать супермакросхемой, за её размеры и вид. Зато надёжно, хоть ногами пинай, и от любопытных глаз спасёт. Закрыл гараж и пошёл звонить друзьям.



У Витьки с Димой завтра последний экзамен. На выходные зовут на рыбалку с ночёвкой. Немного волнуются, но утверждают, что теперь им даже тройка по физике не слишком страшна. Как минимум полупроходной балл получится. Не будет у них тройки, физику оба отлично знают. Не хочется мне их терять, когда-то нашу троицу в школе так и звали — три мушкетёра. Всегда вместе, всегда друг за друга. Дорогого стоит. По собственному опыту знаю, что с каждым прожитым годом друзей становится меньше и находить их труднее. После сорока появляются приятели, знакомые, а друзья — это те, кто остался от молодых лет. К сожалению, исключения случаются редко.

Сосед пришёл. Он подготовил к покраске капот от ЛУАЗа. Есть такое чудо у нас в гаражах. Якобы вездеход с двигателем от Запорожца. Я думаю, что его хозяин браконьерит втихаря. Слишком уж часто вижу, как он заезжает в гараж, грязный, по самую крышу. Пошли смотреть.

— Не, дядь Петь, так не пойдёт, давай зашкурим, как надо. Ты сам как думаешь, мужики нам просто так этот капот подсунули? Вот я спинным мозгом чую, что они экзамен устроили. Покрасим с тобой на отлично — будет нам почёт и уважение, а облажаемся — можно закрывать лавочку, — полчаса вдвоём мокрой «нулёвкой» выводим капот. Краски в обрез — одна баночка из ЗИПа. Хитрю, добавляю в краску грамм тридцать лака.

Разбрызгиваем два полных пистолета воды по полу и стенам. Это от пыли. Ждём. У гаража уже собираются болельщики. Включаем весь свет, который есть. Крашу. Краски хватает впритык. Угол докрашиваю чихающим пистолетом. Ставим инфракрасные лампы и идём в народ, общаться. Гаражное сообщество горячо обсуждает внедорожники, и в частности, ЛУАЗ.

— Да точно тебе говорю, их для Вьетнама делали, чтобы по рисовым чекам гонять. Как в Корее ГАЗоны не пошли, так за эти и взялись. У нас в батальоне девятьсот шестьдесят седьмой был, амфибия. Правда, совсем уже убитый, но по полигону ползал, только в путь. И что удобно — если вдвоём едешь, всегда вытолкнуть можно. Веса в нём чуть. Дал плечом, а он уже и выскочил.

— Я на командирском четырёхста шестьдесят девятом ездил. Зверь-машина, но если в багажнике груза нет, всю душу вытрясет...

Сижу, слушаю, улыбаюсь. Вспоминаю, как однажды увидел такую Вольту, он же ЛУАЗ -969, затюнингованную под Гелендваген. У меня тогда штаны чудом сухими остались, так ржал. Это надо же, так любить этого маленького уродца, чтобы за тюнинг отдать в несколько раз больше, чем он сам стоит.

Сегодня гудят без пива. Хотя трое вроде сбегали в темноту, видимо там «причастились» водочкой. Пора. Выносим капот. Петр, с владельцем ЛУАЗа, шустро цепляют его на место. Похоже, экзамен мы сдали. Оценка — «лучше, чем новый». По червонцу заработали.

Гаражи, сауны, спорт — бары... как себя не обманывайте — все они из одной оперы. Душа общения просит. Надо мужику иногда посидеть «в обществе». Без бабьего трёпа, без зудящего в ухо Дома-2 или очередного слезоточивого сериала.

Борьбу за обладание правом управления телевизором мужикам удаётся выигрывать только во время чемпионатов по футболу, и то ненадолго. Слишком быстро наши футболисты оказываются в аутсайдерах. Жёны, эти милые существа, от которых нет спасения, интуитивно знают про наш футбол всё. Они легко отдают пульт, прекрасно понимая, что их временное отступление будет недолгим. Очередной вылет нашей команды — и ей можно снова месяцами солировать в переборе каналов, выбирая самые гадкие из них.

А нам остаётся только смотреть на рекламные ролики со звёздами отечественного футбола. Интересно, пробовал кто-нибудь хоть раз подсчитать, на сколько процентов падает валовая производительность страны, после проигрыша национальной сборной? ИСКИНЫ такие цифры считали, правда не по футболу, а по имперским битвам роботов. Цифры убийственные. Целые планеты впадали в депресняк и по неделям работали спустя рукава. Убытки исчислялись триллионами. Рейтинг правительств падал. Национальная валюта дешеvela. Биржевые показатели сползали до критических минимумов. А казалось бы, просто Игра.

Вечером вспоминал всё, что я знаю по прыжкам. Получилось не так много. Прыжки были, но всё не в том виде, как у людей в спорте. На стену с мечом, на ветку с луком — не то. Перед сном провёл замеры с компасом — четырнадцать.

Утро. Заканчиваю ревербератор. Остались только лицевые панели и сборка. Звонят парни. Оба сдали физику на пять, от души их поздравляю. Студенты! Договариваемся на вечер собраться у Димки. У него уже мать суетится, стол готовит. Обещает чем-то фантастическим удивить.

Пробежал пару кругов с ребятами, для разминки, потом побежал круг на скорость. Повторил. Два медленных и ещё один быстрый. Иду к футбольному полю. Работаю на ноги. Стараюсь давать больше нагрузок. В перерывах между сериями кручу корпус и работаю на пресс. Ребята, под руководством тренера, занимаются неподалёку. Поглядывают на мои упражнения. Тренер, сменивший Ольгу мужик лет сорока, меня тоже заметил. Видел, как я с его группой бегал. Семёныча не видно. Ребята закончили. Следом за ними перебираюсь на «Юность». Удобно у нас парк расположен. До стадиона метров двести.

Вот и парни подошли, пятеро. Знакомимся. Группа разнохарактерная. Трое горят, а двое жмутся недоверчиво. Стас их силой что ли приволок?

— Начнём с азов. Может вы про них и знаете, но я повторяю. Для спортсмена самое опасное — травмы и перетренировка. Поэтому прыгать без ума и сходу рвать мышцы не стоит. Потеряете больше, чем получите. Затею с прыжками обязательно согласовывайте с тренером. Прыгуны обычно стайеры, бегают на рывок. На сто и двести метров. Там и техника другая, и мышцы иначе работают. Теперь к прыжкам. Прыжок начинается с разбега. Мой разбег — двадцать четыре моих шага. Планирую увеличить его до тридцати — тридцати двух. Вот с этого и начнём. Попробуйте найти свой разбег где-то в этих пределах. В яму не прыгайте — обозначили прыжок и достаточно.

Вместе с ребятами тоже поискал для себя новую дистанцию разбега. Тридцать шагов плюс одна ступня. Ребята смотрят, что я делаю, повторяют. Набегались, отходим к скамейкам.

— Паш, а почему когда ты в парке прыгнул, ты в воздухе три с половиной шага делал, а когда со своим тренером был, то два с половиной? — вопрос Стаса вводит меня в ступор. Золотой ты мой человек! Я и сам чувствовал, что что-то не так делаю, а поймать эту мелочь не мог.

— Спасибо, Стас. Ты только что мне здорово помог, — встаю с лавки и иду к своей точке. Очень приметный колышек там рядом вбит у рейки, ограничивающей дорожку. Покачался с носка на пятку, настроился. Мощно разбегаюсь, прыжок, пытаюсь считать шаги. Вроде успел. Три точно сделал. Смотрю на полустёртые цифры, нарисованные краской на планках вдоль ямы. Восемь метров, плюс — минус сантиметров пять. Подходят ребята, кто-то удивлённо присвистывает. Спорят — тут больше восьми метров, или меньше.

Договариваемся, что они тоже сделают по одному прыжку. Краем глаза вижу их тренера. Минут пять уже сидит на краю трибун.

— Все стоим около меня. Внимательно смотрим. Один прыгает, подходит и вместе разбираем его ошибки. Начали.

На третьем прыжке все уже уверенно говорили, что неправильно было сделано очередным прыгуном. Мне понравился Стас. Все мелочи подмечает и замечания по делу. Вот и сейчас он объясняет вихрастому Игорю его ошибки

— Ты в конце разбега заменил себя, сбил ногу и зачастил. Скорость потерял, да ещё и прыгнул низко. А вот приземлился правильно, хотя в прыжке у тебя корпус повело. Считаю, полметра потерял, не меньше.

Прощаюсь с ребятами, которые шумной кучкой устремляются к выходу. Они о чём-то спорят, машут руками, пытаются на ходу показать мах ноги. Распускаю туго затянутые шнурки и вытягиваю усталые ноги на скамейку. Лепота.

— Давайте хоть познакомимся. Меня Павел Степанович зовут, — это тренер их подошёл. Не дал мне на солнышке пожмуриться, как коту на завалинке. Сажусь нормально, засовываю ноги в кроссовки.

— Павел Савельев.

— Тёзки, значит. Сам-то на сколько прыгнул? — он показывает на яму.

— На восемь — отвечать стараюсь спокойно, хотя сам сегодняшним результатом доволен, как слон.

— Серьёзно? — недоверчиво прищуривается дядька.

— Там след ещё не затоптали, — не спеша подходим к яме. Тренер наклонился, примерился, совместил на глаз отметки на краях ямы.

— Чистая восьмерка, может с плюсом в пару сантиметров. Линейки тут точные, сам рисовал — он выпрямился и как-то по-новому осмотрел меня, — Удивил, давненько я таких цифр не видел. У кого тренируешься?

— Раньше сам, а недавно Устьянцев подключился.

— Помню такого. Легенда, в общем-то. Этот многому научить может.

— Меня Стас сегодня большому научил, — улыбнулся я, — Талант у парня. Все мелочи подмечает и выводы правильные делает.

— Хм, не знал, присмотрюсь. Ты чему их учил сегодня, расскажешь?

— Сказал, чтобы зря не рвались. К вам насчёт прыжков подошли. Друг с другом показал, как работать, чтобы подсказать со стороны могли. Разбег подобрали.

— И всё за полчаса?

— Так парни смыслённые, на лету схватывают. Особенно когда им интересно.

— А со мной, значит, не интересно? — довольно спокойно спросил Павел Степанович.

— Этого я не знаю, не спрашивал. Хотя, если им понемногу объяснять, для чего то или иное упражнение, то они сами выкладываться активнее начнут. Им же не надо лекцию читать, сказали — сегодня поработаем на голеностоп, делаем специальные упражнения на его усиление, и достаточно. Они тогда и гусиным шагом веселей пойдут, и приставными выше попрыгают.

— Может ты и прав. Себя молодого вспоминаю, действительно интерес ко всему другой был. Можно попробовать. Ладно, пойду я. Ты прыжки не вздумай бросать. Олимпиаду смотрел? Из нашей области, что Исаков, что Кузнецов, оба неудачно выступили. Ждём оргвыводов. Скоро всем хвоста накрутят, и правым и виноватым. Так вот, на Олимпиаде

Робинсон прыгнул восемь тридцать пять, а бронза немцу досталась, с четвёртой попытки, за восемь ноль два, — он выразительно показал на яму, где у меня был такой же результат, — Тренируйся, парень. Помощь нужна будет, обращайся. Да, и за ребят спасибо.

— Павел Степанович, — окликнул я его, — А серебро кто взял?

— Уильямс, американец, прыгнул восемь одиннадцать в первой попытке, — тут же ответил тренер, ни на секунду не задумавшись. Вот же энциклопедия ходячая. Теперь понятно, с чего у Семёныча глазёнки сверкают. Вот зачем он меня два дня с прыжками гонял. Сам хотел восьмёрку увидеть. Придётся показать. Мы с ним теперь в одной связке.

## Глава 8

— Мама, тебе помочь? — я вижу, что мать совсем забегалась. Она отпросилась с работы и два часа носилась по магазинам. Теперь на кухне всё шипит, шкворчит и режется. У меня день рождения. Восемнадцать лет.

— Сама справлюсь, ты лучше вернись пораньше.

— Да, мам, спасибо тебе за тот совет. С ребятами у меня всё хорошо получилось, — подхожу, чмокаю её в шею.

— Иди уж, спортсмен, — почему-то смущается она и не к месту добавляет, — Вон какой здоровый вымахал...

Всё утро делал фейерверки. Гильзы ещё вчера высохли, как и шарики из сахара, мела и марганца. Набил их селитрой, с углем и серой. Вставил фитили.

После вчерашних посиделок у Димы, где в разгар застолья его мама притащила на стол большую свиную рульку, мысли о еде слегка потеряли свою привлекательность. Вымоченная в пиве, с золотистой корочкой и безумно нежным мясом, тающим во рту — рулька могла служить украшением любого праздничного застолья. Гордая хозяйка с удовольствием смотрела на наши отпавшие челюсти, когда поставила блюдо на середину стола и откинула полотенце. Да уж, сюрприз так сюрприз. Никак не думал, что при социализме попаду на «вепрево колено» — знаменитое чешское блюдо, приготовленное по всем правилам.

— Ну что, поздравим наших студентов? — поднялся Димин отец, с рюмкой коньяка в руке.

— Можете даже всех троих, я тоже поступил. В СИНХ, на заочное, — с места подсказал я, невольно нарушая торжественность момента.

— А чего не говорил?

— Почему не в УПИ? — разом задали друзья оба вопроса. Мы все переглянулись и рассмеялись. Слишком часто у нас получается такая синхронность, когда мы спрашиваем или отвечаем вместе и все трое сразу.

— Мне заново пришлось всё учить. Физику бы не смог, а историю с географией запросто выучил, — приврал я, чтобы избежать лишних вопросов.

— Тогда за троих студентов, — не растерялся Иван Демидович и первым показал пример. Я пить не стал. Попробовал капельку на язык и поставил бокал с шампанским на стол. Хорошо посидели, даже успели песни попеть под гитару. Уже по вечеряющим улицам дошли до Плотинки — красивого сквера в центре города. Дима с Витей нашли там своих девушек, которых я хорошо знал, встретили ещё знакомых, потом к нам присоединились уже их друзья, и мы в этом весёлом коловращении пробродили до ночи.

На стадион прибежал в полвторого. Семёныч подойдёт к двум. Как раз успею разогреться. Побегал, попрыгал вверх по ступенькам трибун, сижу, массирую ноги.

— Ну, показывай, чем хотел похвастаться, — тренер сходу берёт меня в оборот. Я его с утра вызвонил, договорился о встрече на стадионе, а о цели ничего говорить не стал. Сказал, что хвастаться буду.

Иду к любимому кольшку, где у меня вымерена точка начала разбега. Настроился... Пошёл. Неплохо пролетел, хотя чувствую, что могу лучше, разбег был вяловат и на толчке резкости не хватило. Оглядываюсь на планку — есть восемь метров. Семёныч бежит с

рулеткой.

— Придержи, — он на ходу суёт мне кольцо ленты, — Восемь ноль пять. Давно бы так, а то начал он мне про баллоны рассказывать, — довольно ворчит он, а у самого счастливая улыбка в пол-лица, — Лучше можешь?

— Могу. Семёныч, а не жадничаешь? Я и так только что на олимпийскую бронзу прыгнул. Обрати внимание, с первой попытки, — подначиваю его в свою очередь.

— Да ты тут в тепличных условиях... — задыхается тренер от возмущения.

— В плохой обуви и по дрянной дорожке, — заканчиваю я за него. Помахивая вытянутыми вверх руками, иду к месту разбега, — Семёныч, потом расстояние измерим досюда, — топаю носком по своему деревянному ориентиру. Он лишь рукой машет. Прокручиваю в голове предыдущий прыжок, стараясь поправить ошибки. Пошёл.

— Восемь двенадцать, — тренер встаёт и заботливо разравнивает место приземления ногой.

— Олимпийское серебро со второй попытки, — комментирую я результат.

— Ну что, на золото потянешь? — вижу, что у тренера подрагивают руки. Забираю рулетку, вымеряю восемь тридцать пять. Далекое. Вроде бы — всего двадцать три сантиметра надо добавить к предыдущему прыжку, но как это много. Тянусь всем телом, ловлю ощущения.

— Не, Семёныч. Давай на сегодня остановимся. На золото пока не прыгну, не готов, а вот порвать себе что-нибудь — это запросто. Потренируемся на прыжковые нагрузки, тогда будем экспериментировать, — оба с сожалением смотрим на черту, которую я провёл на «золотой» отметке. Пока недосыгаемую. Пока.

— Побегу домой, мать просила пораньше вернуться, — прерываю затянувшееся молчание, — Мне сегодня восемнадцать исполнилось.

— Павел, вернись, — кричит тренер. Оборачиваюсь, подхожу, — Держи — подарок. И спасибо тебе. За радость, — в мою руку ложится тяжёлый металлический корпус. Секундомер!

— Вот спасибо-то, Семёныч, классный подарок! — разглядываю «Агат», 16 камней. Не смог удержаться, и пощелкал никелированными головками, — Нужная вещь. Так, — отхожу на шаг назад и начинаю демонстративно оглядывать тренера со всех сторон.

— Ты чего? — недоумевающе смотрит он на меня.

— Очки ты мне отдал, теперь секундомер, — я демонстративно загибаю пальцы, — Смотрю, чего у тебя ещё осталось...

— Иди уже, клоун, — фыркает тренер, улыбаясь. Я тоже рад. У меня сработал Контакт. Семёныч оказался нормальным мужиком, не без хитринки, понятно. А мне глупый тренер и не нужен. От слова совсем. Тренер — он по факту, как импресарио для актёра, плюс учитель. Вон какую он комбинацию собирается замутить с моим участием. Пробежался по его схеме. В принципе я не против. Обычные аппаратные игры. И планы у него наполеоновские! Правда некоторые мелкие детали придётся поправить, но тут уж извини, мне тоже нужен свой кусочек счастья в личных целях. Поэтому обломается племянник твоего друга. У меня имеется более полезная кандидатура. Я бы сказал, архиважная! И это не обсуждается! Прокручиваю в голове необходимые коррективы, которые предстоит внести. Домой лечу, как на крыльях. Наконец-то хоть какая-то ясность на ближайшее время.

Душ. Причёска. Рубашка белая — брюки чёрные. Я готов к приёму гостей. Мамуле помогает Ольга. Не та..., двоюродная сестра. Младше меня на два года. Непривычно громко

хожу по квартире. В новых ботинках. Сестрёнка больше года на меня поглядывает и незаметно вздыхает. Я — принц из её детской мечты..., но это тайна, о которой никто, кроме неё, не знает. Это она так думает... И плевать она хотела, что я в солнечных очках, так даже лучше. Загадочнее. Сегодня ей сказочно повезёт — она будет настоящей принцессой. Как иногда легко подарить своим близким незабываемые ощущения и воспоминания.

Надоело бегать. Сплошные звонки. Сажусь у телефона. Раз двадцать уже поздравили. Звонок в дверь. Иду встречать первых гостей. Собираются дружно. Поздравляют, обнимают, подарки дарят.

Пятнадцать человек на наш зал — многовато. Плотненько разместились. Двенадцать гостей: семь парней и пять девушек, я и родители. Сестрёнку посадил рядом с собой. Быстро освоилась. На равных щебечет с остальными девчонками, которые уже прикинули расклады и выкинули из своих планов нас обоих. Посматриваю на девушку Коли.

Олеся. Очень живая и непосредственная. Вся какая-то постоянно меняющееся, тс молодая, угловатая, и тут же, как удар под дых — взрослый взгляд и недвусмысленная поза. Наверно она единственная, кто не стреляет глазками по сторонам.

Таня. Томная брюнетка. Димкина любовь с восьмого класса. Наверно он думает, что это он её выбрал. Наивный. Его раз на пятьдесят оценили, взвесили, провели анализы и признали удовлетворительным.

Кудряшковая блондинка Ирина. Такая же бедоносица, как и Витя. У вас хоть раз отваливалось две ручки сразу, от поднимаемой кастрюли? А у неё это было дважды. И не только это.

Роксана. Про неё надо писать отдельную книгу. Эпопею. У неё всё и всегда сложно. Даже если вы попросите обычный карандаш на уроке. О, сколько разных эмоций вы получите. Наш физик так и не совладал с ними, пока она не закончила десятый класс. Через полгода, после знакомства с этой девушкой, у него хватило ума перестать задавать ей вопросы. Обычно он ограничивался оценками за лабораторные и контрольные работы, которых у всего класса заметно добавилось. Внешние данные... а в них кто-то посмел сомневаться... изящный поворот головы и взгляд, насмерть убивающий наглеца.

С парнями всё проще. Два моих друга, которых я знаю, как себя. Это Дима и Витя.

Творческая личность — Лёха, существо мятежное, талантливое и ранимое.

Николай, работяга. Увлекающийся энтузиаст. Деревенский практик. Идеальный снабженец и душа, цементирующая наш небольшой социум в ДК. В Олеся влюблен всерьёз: и похоже, чувство взаимно.

Трое школьных друзей. Каждый из них пришёл сам по себе, но для нас они весьма значимы по школьной жизни. Какое счастье, что Роксана пришла с одним из них.

— За Пацу!

— За восемнадцать лет!

— Расти большой!

Объедаемся салатами и канапе с красной икрой, находятся ценители селёдки «под шубой» и прочих разносолов. Гости пьют шампанское, (а мы с Ольгой — похожий на него лимонад) и с ужасом ждут, когда подойдёт основное блюдо вечера. Все уже объелись. Нахватались всего понемногу. Гусь с яблоками. Тушку выносят вдвоём — мама и Ольга. Противень, на котором его запекали, полон риса, грибов и яиц, пропитанных гусиным жиром. Осматриваюсь. Вижу, парни поняли, что это нам придётся съесть. Ребята, там всего пять кило. Помогаю маме на раздаче. Парням мясо, девчонкам — всего понемножку.

Осилили. Сдвигаем столы. Девочки шустренько уносят всё лишнее, а родители понятливо ретируются к себе.

Я проверил. Они заранее подготовились. У мамы на тумбочке лежит свежая «Роман-газета», а у бати — «Наука и жизнь». Надо было ещё телевизор к ним перенести.

Тащим в зал музыку. Проигрыватель, колонки, мафон. Я не знаю, как выглядел первый бал Наташи Ростовской, но Гермину на балу видел. Красивый момент в фильме. Пробило. Смотрю на пришедшую Ольку, которую отправил переодеваться и сменить туфли, и понимаю, что не имею права лишить её счастья. Такой выплеск эмоций! Танцуем. Свет пригасили. Два бра на стене, вполне достаточно. Отыскиваю Диму или Витю, и на пару минут меняюсь с ними дамами. Ольга потом возвращается мне в руки вся красная и слегка задыхнувшаяся от счастья и восторга. Отмечаю, что с Таней танцевать сложно. Не всегда понятно, как избежать, чтобы ты... бюст не оказался упёртым в твою грудь, или не начал провокационно скользить по руке.

С Ириной проще. Она искренне радуется мгновениям танца, даже походя разбив любимую мамину вазу. Торт и чай, а там и на улице стемнело.

Сую парням в руки пакеты. Шумной гурьбой выходим на улицу.

Фейерверки. Любопытство. Недоверие. Восторг.

Расставляем всё на полянке, в скверике перед домом. Проверяю каждую трубку и коробку. Только после этого раздаю спички. По команде все зажигают свои фитили. У Ольги спички гаснут. Подбегаю, хватаю сразу три спички в жменю, и как только зашипел фитиль, волоку её в сторону. Бабахи, грохоталки и россыпи. Визг девчонок. Фейерверк описать сложно, как и музыку. Минута огня, дыма, света и грохота. Очень шумно и весело.

Вытаскиваю припасённое мороженое, раздаю всем. Твёрденькое, от морозилки не успело отойти. Немного гуляем, а потом идём провожать девушек по домам.

— Тебе кто из девчонок понравился? — Витька всегда всё хочет знать. Домой возвращаемся втроём, как в добрые школьные времена.

— Олеся. Симпатичная и забавная, — отвечаю другу, немного подумав.

— Ага, славная, — соглашается он, — А ты Лёну не приглашал, или она сама не пошла?

— У меня теперь другая девушка, Оля, — улыбаюсь, видя недоверие на Витином лице.

— Она же мелкая, и сестра...

— Моя Оля в Тагил уехала. В сентябре вернётся.

— И когда ты всё успеваешь? — интересуется Дима, — Не виделась всего ничего, а тебя не узнать. Даже причёску сменил.

— Тороплюсь жить, — пожал я плечами, — Много работаю, хорошо день планирую.

— А вы слышали, что Сашка Пашенцев клад нашёл? Они на чердак полезли в старом доме, и там за досками коробку нашли с монетами. Его уже в милицию два раза вызывали, — новости из Вити сыплются, как из радио.

— В милицию-то зачем? Они что, клад не сдали? — не поверил Дима.

— Сдали. Теперь их по очереди вызывают и спрашивают, сколько монет было, как они лежали, не сунул ли кто в карман несколько штук.

— Ну и дураки, я бы не стал сдавать, — неожиданно сказал Дима. Неожиданно потому, что он всегда был самым честным из нас. Сколько у нас планов рухнуло из-за того, что он наотрез отказывался что-нибудь иногда приврать.

— Да они во дворе всем разболтали, — скривился Витя, — Всё равно кто-нибудь бы да сбежал в милицию.



Я слушал друзей и вспоминал, как я сам в первой жизни нашёл трёхлитровую банку с пачками старых купюр. С теми самыми, которые сейчас в ходу. Долго я тогда хранил старые деньги, всё хотел туалет ими на даче обклеить, да руки не доходили. Интересно, они уже лежат там же, или их позже спрячут. Завтра же проверю.

Два полуразвалившихся сарая на отшибе, фундамент из дикого камня, скорее всего ещё более старый, чем развалившиеся дощатые постройки. Когда-то из-за этого камня я и начал ковырять развалины. Сэкитей хотел на даче изобразить, сад камней. Огляделся. Здоровый кирпичный дом надёжно закрывает меня собой от остальных хибар. Года три назад тут прикрыли нелегальный армянский цех по пошиву обуви. Громкое было дело. В газетах писали, что кожу армяне грузовиками воровали с камышловского кожевенного комбината. Потом кто-то из организаторов цеха повесился, а дом то ли прокурор купил, то ли его родственник. Поддеваю монтировкой верхний камень и выворачиваю его в сторону. На месте банка! Быстро сую её в рюкзак, проверяю, что больше там ничего нет, и вскакиваю на велосипед. Иногда зачем-то оглядываюсь, пару раз срезаю дорогу через дворы. Сам не понимаю, чего испугался.

Долго разбирался с деньгами, закрывшись в гараже. Некоторые пачки были не полные, пришлось всё считать. Столбиком подвёл итог: шестнадцать тысяч восемьсот пятьдесят рублей. Очень большие деньги по нынешним временам. Сложил всё в пакет и упихал его в железный ящик из-под инструментов.

Тренировка. Бегаю по парку, болтаю с ребятами.

— Паша, а для чего ты упражнения на пресс постоянно делаешь? Нам вот их редко задают.

— Для бега пресс при старте нужен, а в прыжках, чтобы ноги вовремя подтянуть и корпус держать, — щёлкаю секундомером, фиксируя время круга.

— Точно, я в высоту когда прыгаю, часто ноги не успеваю вытащить, — кивает Стас на бегу.

Сердце ёкнуло и пропустило пару ударов, когда после круга ребята присели на скамейку и начали вытряхивать песок из полукед. Все носки в дырах. Увидели, что я смотрю, застеснялись. Похоже у меня сегодня поход в магазин намечается. Посмотрел на парней ещё раз, прикинул размеры. Побуду немного Дедом Морозом, а по-хорошему надо дело им найти. Знаю, что я это выполню, мне бы самому увереннее на ноги встать, тогда легче будет.

Закончил маховые упражнения на растяжку. Очень полезная штука. Шаг — и прямая нога поднимается выше головы, снова шаг — другая вверх пошла. Беговые нагрузки снижаю, работаю на мышцы и растяжку. Серии приседаний на одной ноге. На сегодня хватит.

После душа созваниваюсь с Николаем. Панели готовы, он едет ко мне. Договариваюсь, что съездим в Спорттовары.

— Ты на колхоз что ли закупаешься? — Николай смотрит на пять спортивных сумок, в которые я набиваю десятки носков, трусы, майки, футболки, полотенца.

— Помогай лучше, — рычу на него, потому что сзади уже очередь, а у меня не всё куплено.

Потом ходим, добывая по мелочам: шахматы, набор для настольного тенниса, футбольный мяч, летающая тарелка. Выходим из Спорттоваров, напротив него Центральный гастроном. Беру последнюю свободную сумку с собой. Конфеты, сгущенка, печенье, яблоки.

— А теперь двигаем к спортинтернату, — барским тоном распоряжаюсь я, вытягиваясь на сидении Запорожца. Всё-таки шоппинг — это не моё. Коля явно тормозит. Он смотрит на

меня, на сумки...

— Ты для кого всё это покупал?

— Для детей, Коля, для нормальных советских парней из интерната. Для тех, у кого родители — алкаши детство украли.

— О-чу-мель, — по складам выводит мой друг и заводит свой тарантас, — Сто сорок рублей...

— Эй, парень, тут у вас где-то Стас должен быть, он на Юности бегают, — окликнул я парня, усердно раскачивающегося на отломанной боковине от футбольных ворот.

— Атлеты, старшая группа, знаю — приостанавливает тот окончательное разрушение интернатовского инвентаря.

— Позови его сюда.

— Тебе надо, сам и зови, — недовольно откликается молодое спортивное дарование, начиная вновь раскачиваться.

— Дам две Ананасные, если сгоняешь быстро, — залезаю в пакет и вытаскиваю две шоколадные конфеты в ядовито — желтом фантике.

— Три, — тут же тормозит раскачку пока не отломанной трубы ворот вымогатель.

— Замётано, — вспоминаю я местный сленг, — Но только быстро, — интуитивно вытаскиваю секундомер и щёлкаю кнопкой. Что такое секундомер? Нет, не так... Что такое Секундомер в спортинтернате? Символ Власти! Талисман, подтверждающий причастность к Руководству. Аналог короны во дворце. Взметнувшаяся пыль, паренька уже не видно. Шустрые они тут...

Минуты через три наблюдаем учения. На армейском языке это можно назвать — Действия отделения в наступлении. Из здания выкатывается десяток подростков, многие с палками в руках, и начинают охватывать нас полукругом. А вот и Стас. Узнаёт меня, машет остальным рукой.

— В Зарницу играете? — улыбаюсь я, глядя на парней лет четырнадцати, мнущих в руках палки и клюшки для хоккея с мячом.

— Не, хачеков гоняем. Докопались недавно до гимнасток, мы два раза уже им ввалили. Лето. Народа у нас мало, вот и наглеют. Они все тут недалеко живут. Днём на Центральном рынке торгуют, вечером к девкам лезут, а там соплюхи одни остались, было бы к кому приставать, — сплёвывает он.

— Держи подгон, — пытаюсь вписаться я в местную «феню», — Брат с Севера приехал, — вытаскиваю сумки, в последний момент вспомнив своё обещание, достаю из пакета три конфеты. Мелкий разрушитель футбольных ворот выбегает из-за спин ребят, на ходу подхватывает угощение, и снова исчезает, ловко увернувшись от подзатыльника Стаса.

— Это что? — смотрит тот на новенькие сумки.

— Подарки. Дальше сами разберётесь, — махнув на прощание рукой, сажусь в машину. Николай понятно трогает с места. Молчим. Слишком неожиданной стороной нам показала себя интернатовская жизнь. Той, о которой предпочитают не говорить вслух.

Попали на концерт «Песняров». Потрясающе! Необычно всё: сами песни, многоголосие, профессионализм и та лёгкость, с которой музыканты исполняют сложные партии, большое количество участников на сцене, аппаратура, исполнение а капелла, костюмы. А какие солисты — легенды! Борткевич, Кашепаров, Денисов, Мисевич, да и у нашего земляка — Мулявина с голосом полный порядок.

— Парни, надо нам с вокалом что-то делать. Я последнее время, как ни возьмусь более — менее приличную песню расписывать по партиям, так сразу упираюсь в многоголосие и подпевки, — Алексей поглядывает на нас с Колей. Мы вышли из «Космоса», киноконцертного зала, где выступали «Песняры», и всё ещё находимся под впечатлением от их музыки.

— Да, обязательно надо, — соглашается Николай, — А что у нас с репетициями?

— Кроме ударника все вернулись, завтра соберёмся. А ты, Паш, что думаешь?

— А мне Динакорд понравился, — улыбаюсь я, заранее предполагая реакцию друзей на свои слова.

— Ну вот, кто о чём, а он опять про аппаратуру..., — не подводит Коля мои ожидания.

— Да, звучат они сказочно. Никогда ничего подобного ещё не слышал. Звук могучий и кристально чистый. Электроорган у них какой-то странный. Фарфиса. Первый раз такое название вижу, но звучит очень даже неплохо, порой на Хаммонд похож, — поддерживает Лёха начатую мной тему.

— Я ещё вот что понял. Нам обязательно нужны свои песни, которые до нас никто не играл. Без них не будет собственного лица и имени. По городу в ресторанах играет много сильных коллективов, но они как перепевали чужие песни, так и будут их петь. Как бы хорошо они не играли, у их песен уже есть имя исполнителя — это Битлз или Абба, Дип Пёрпл или Бонни М. Мы тоже так делаем. Времена меняются и обрати внимание, как это меняет приоритеты. Мы знаем Скрябина, Мусоргского, но уже не помним, кто их музыку играл. Сегодня всё наоборот, мы идём слушать Песняров, а не музыку Лученка. Да ты сам, если бы не заполнял рапортики каждый месяц, много бы знал композиторов, а уж тем более авторов слов? Я вот не помню, чьи песни поют Весёлые ребята или Самоцветы. Приходит время групп и самостоятельных исполнителей. Композиторы, в своём большинстве, оказались не готовы писать музыку для ВИА, для эстрады. Их такому не учили. Они аранжировку для небольшого состава толком не могут сделать, потому что не понимают, что времена просто ритм — гитар, или соло-гитар, терзающих одну струну, закончились, — я показал на скамейку и мы там устроились, прямо на набережной, на берегу городского пруда.

— А Тухманов, Зацепин? — назвал Лёха композиторов, чьи фамилии были на слуху у всех музыкантов.

— Тухманов сам постоянно учится, он неплохой аранжировщик. Кстати, если бы не Лещенко, который самовольно исполнил День Победы на одном из знаковых концертов, то не было бы у нас этой песни, её замшелые слоны из союза композиторов посчитали легкомысленным фокстротом. С Зацепиным всё ещё сложнее. Того жизнь помотала. По сути он такой же музыкант, как и мы, но на поколение старше, а то и на два. Этот и лабухом на аккордеоне поиграл, и ансамблем поруководил и радиодело освоил, наверно получше меня,

чтобы свою студию домашнюю создать. А какой у него поэт тексты пишет? Дербенёв. Сила! Зато эта пара каждый год по несколько шикарных исполнителей стране даёт. Молодёжь вытаскивают, которая без них может и не пробились бы, — я увидел, как в нашу сторону направился милицейский патруль, не доходя до скамейки, они остановились, послушали наши разговоры и пошли дальше.

— Нам бы тоже свой Дербенёв не помешал, музыку я напишу, не вопрос, есть у меня идеи..., — сказал Алексей, задумчиво разглядывая гладь воды, с убегающей вдаль лунной дорожкой.

Нарядно одетых прохожих, возвращающихся с концерта, поубавилось.

— Я могу пару песен показать, только они совсем не рок. Одна такая, вроде регги, там ритмика больше танцевальная, а вторая — медляк в стиле Дассена, — смущаясь, сказал Николай, — Тексты особо не блещут, но Олеся поправила кое-что, так что теперь пусть и наивно немного, зато с размером и рифмой порядок. Только я аранжировку не потяну...

Я слушал ребят, говорил сам, и думал. Каждое поколение слушает свою музыку, на ней воспитывается и потом те знакомые песни, под которые зажигал молодым, проходят с тобой по всей жизни, находя тёплый отклик в душе, каждый раз, когда их слышишь. Мои родители до сих пор слушают джаз, тащатся от Утёсова и Элвиса Пресли. Моя музыка им непонятна, хорошо, хоть в штыки не воспринимают. Нет, Битлз им ещё доступен, а вот Блэк Саббат уже за гранью понимания. Потом так же уже моё поколение будет воспринимать Электроклуб или Ласковый май. Морщиться и спрашивать у своих детей — как это можно слушать?

Есть целый пласт официальной музыки, идеологически правильной, одобряемой руководством страны. В основном её слушают вынужденно, так как она целыми днями крутится по радио и телевидению. Пластинки с такими произведениями пылятся на полках магазинов, совсем, как многочисленная партийная литература, вместе с мемуарами великих деятелей коммунизма. Слушать её так же интересно, как читать учебник истории КПСС, или рассказы про Ленина в ссылке. Гром меди, хор, басовая партия — двочка, неизменная уже не первую пятилетку... Любой разрыв шаблонов, набивших оскомину, воспринимается, как струя свежего воздуха.

Помню школьный опыт, когда кристалл уксуснонатриевой соли, попав в насыщенный раствор, вызывал мгновенную кристаллизацию из сотен таких же кристалликов. Наше общество сейчас — такой же раствор, да ещё кипящий под плотно закрученной крышкой. Но иногда хватает же даже маленького кристаллика, чтобы началась реакция...

— Алексей, ты же вроде бы чуть ли не все приличные коллективы в нашем городе знаешь. Вот скажи мне, кроме ресторанов у нас в области есть хоть один нормальный концертный комплект аппаратуры, чтобы не на зальчик мест на триста работать, а вот на такой «Космос»? — кивнул я на громаду комплекса, из которого мы недавно вышли.

— Да какой концертный, о чём ты говоришь. На областной смотр самодеятельности только смогли Регент 60 на голос найти, а инструментальные колонки все свои таскали. А зал во Дворце молодёжи ого-го, на тысячу с лишним мест. Все там по звуку провалились. Сплошной хрип да жужжанье. Голос прямой, даже без ревера. В результате победителями стали хор, танцевальный ансамбль и дуэт аккордеонистов. У нас только в филармонии, да в цирке есть Биг, полные комплекты, но те не дадут никогда.

— Странно, у нашей области площадь, как у Белоруссии, народа больше пяти миллионов и такой провал по современной музыке, — я по-новому посмотрел на свой город. Кристаллик соли в насыщенный раствор... — будет вам кристаллик.

С утра мне позвонил Михаил Натанович. Есть у меня такой знакомый, целый профессор.

— Павел, тут ко мне коллега подошёл, не можешь к нам подъехать? Могу машину служебную за тобой послать, — услышал я его голос по телефону. Что-то волнуется проф, даже секретарше не поручил созвониться.

— Да мне тут рядом, минут через пятнадцать буду, — отказался я от предложения. Бабуси у подъезда не дремлют. Потом неделю будут меня обсуждать, в стиле «Наши люди в булочную на такси не ездят».

Импозантный дядька, толстенный портфель на столе, открытая папка с надписью КВН — 98. К Маслякову и его клубу это точно отношения не имеет. Котёл какой-то. Успеваю всё это охватить взглядом, пока Натанович меня знакомит.

— Павел, не удивляйтесь, Виктор Семёнович у нас по линии Академии наук занимается разработкой фильтров разного назначения под производственные мощности Химмаша. Вот он посоветоваться приехал, а мне и сказать нечего. Доработка нашего фильтра была целиком твоей заслугой.

— Так это вы предложили ультразвуковое распыление? Элегантное решение, — осматривает меня представитель академии, с плохо скрываемым скепсисом, — Ну, ладно. Сожалею, что зря отнял у вас время и вот молодого человека побеспокоил...

— А общая схема есть? В чертежах мне не разобраться сходу, — прерываю я его, видя, что он начал укладывать всё в портфель. Мелькнули папки с характерным чернильным штампом и надписью Проект 956 «Сарыч», которые он тут же прячет обратно. Секунды хватает, чтобы вспомнить про проект целой серии эсминцев, где в последний момент заменили газотурбинные энергетические установки на котлы. Так себе идея. Специалистов водоподготовки на кораблях не было и моряки просто вырезали забившиеся трубки из котлов, с каждым ремонтом теряя мощность двигателей. Надеюсь, лет десять жизни мы теперь этим кораблям подарим, идею доведут до рабочих чертежей и наш Химмаш не подведёт. Может Перестройку переживут, трудяги эсминцы, выходят в этот раз положенный календарь, а не сгниют у причалов, дожидаясь средств на ремонт. Основную работу в ВМФ такие корабли и тащат.

полностью. Собственно, а почему я должен голову ломать? Тут целый академик с профессором есть. Ставлю галочки, и перевернув лист обратно, рисую три прямоугольника на схеме. Учёные вздрагивают от столь варварского обращения с документом, но молчат. Я же карандашом нарисовал, сотрут, если что.

— Я бы вот такие врезки сделал, — говорю, отодвигая лист на середину стола.

— А что это за «Д», позвольте спросить? — неуверенно показывает на первый прямоугольник академик.

— Я так диспергатор обозначил. Тут любой подойдёт, хоть лопаточный, хоть на форсунках, — не знаю, как они выкручиваться будут. У меня те же блоки занимали минимум места. Диспергатор был с книгу размером, а тут... Куба в два — три впишутся наверно...

— Это ионообменник. Можно на бокситах изготовить, хоть с Каменского, хоть с Богословского алюминиевого заказать, а «М» — это мембраны. В США и Японии их и плёнки на лавсановой основе давно делают. Можно и у нас попробовать, если в УПИ или в Новосибирске с ускорителем договоритесь. Там смысл в том, что в перематываемой плёнке пробиваются наноотверстия, — наблюдаю, как дядька полез в портфель. Сам с листка глаз не сводит. Мне выдаётся подобие визитки. Он записывает мой телефон. На другом конце

стола сияет улыбкой и лысиной Натанович.

— Дальше я вам не помощник. Кроме этой, общей идеи, ничего в голову не приходит, — говорю я чистую правду. При нынешних технологиях так оно и есть. Многого мне так же нереально сделать, как вертолёт запустить на сто лет раньше исторического срока. Не взлетит.

Помогаю, чем могу. Обидненько мне, как моя страна прокакает флот, в который столько вложила. Пусть хоть эсминцы останутся, а то и в этой жизни идти флагману «Кузнецову» в одиночку через океан. Без сопровождения эсминцев. Если не встанут они намертво у причальных стенок, с умершими двигателями, то может в строю останутся. Живые корабли моряки не отдадут. Менталитет не позволит. У самого продажного адмирала мозгов хватит, чтобы сообразить, какие из его приказов не будут выполнены. Были такие случаи в перестроечные времена. Моряки грудью вставали на защиту боеспособных кораблей, и побеждали. Вот и попробуем дать им шанс. Хотя бы что-то сохраним. Остальное мне пока не потянуть, молод я ещё, не имею ни веса, ни влияния. Поэтому и поправляю конструкторскую недоработку, пытаюсь приспособить чужие, вземные технологии под местные реалии. Да, приходится заменять некоторые решения их суррогатами, исходя из того, что есть в наличии. Зато связи нарабатываю и пользу понемногу приношу.

Обратил внимание, что запас энергии у меня уже неделю почти не меняется. Нет ни заметного расхода, ни роста. Такое впечатление, что организм подстроился под те нагрузки, а может и под мои хотелки, которые от него требовались и остановился, посчитав достаточным полученный результат. Зря я губы раскатал раньше времени, похоже, что дальнейшее развитие тела будет даваться мне немалыми трудами.

За ужином делюсь с родителями восторженными отзывами о концерте «Песняров». Вчера не успел, долго с ребятами просидел, а когда вернулся, родители уже спать легли. Когда мама начала уносить посуду, разговор с отцом плавно перешёл на аппаратуру. Когда мужики начинают беседовать о технике, спор неизбежен.

— Батя, ну вот объясни мне, что там сложного? Кроме мощных динамиков, немецких ламп EL-34 и качественного железа на выходной трансформатор и у нас всё есть. Сложности особой по схеме нет. Я соберу не напрягаясь. Ладно, даже мощность такая не нужна. Пусть послабее будут, но качественные и приличного вида. Да и у музыкантов можно спросить, какие им входа и регулировки нужны, а не слизывать с непонятно каких моделей десятилетней давности, — меня разозлило, что отец, подняв на лоб очки, смотрит на меня, улыбаясь с чувством собственного превосходства. Мудрый филин, блин.

— Расскажу тебе притчу. В городе, среди инженеров, её почти все знают. Три года назад наш завод имени Калинина разработал кухонный комбайн «Белка». В выставках победил, стал лауреатом ВДНХ. Полтора года назад сделали опытную партию. Её уже всю перевозили в Москву на подарки, да комиссиям всяким раздали. Только выпуск и в этом году не начнётся, хотя комбайн уже устарел, есть более совершенные модели. Цену на него Москва так и не утвердила и стандартизация не подписана. Зато выговоров у руководства, как блох на бобике. Даже за нецелевое использование металла для форм строгача троим вlepили.

— Да ладно, чтобы на таком заводе, да не нашли, как списать сто килограмм железа, не верю, — засмеялся я, вспомнив размеры завода и многорядье железнодорожных путей перед ним, по которым завозят сырьё.

— Зря смеёшься, — батя покрутил в руках очки, — Не подходит наш металл под

качественные формы для пластавтоматов. В Швеции покупаем, за валюту. В нашем пузырьков и вкраплений слишком много, не сделать у изделия гляцевую поверхность. Вот и получается, что дешевле там купить металл, чем шмурыгать форму из нашего два месяца, а потом в металлолом выкинуть, — слушаю отца, и охреневаю. У нас, на Урале, нет металла...

— Форму для литья пластмассы два месяца делают? — я чуть со стула не грохнулся от таких сроков и производительности.

— Иногда и больше, если матрица с пуансоном сложные и класс чистоты задан выше восьмого. Это в США, на станках с ЧПУ можно за полдня справиться... Ну, ничего. Скоро к нам придёт 6Н13, вертикально — фрезерный. Директор сам в Москву летал фонды через главк выбивать, — с гордостью произнёс отец, — Уже и снабженца за ним отправили. Так что через месяц получим.

Грустные истории батя рассказывает, видимо сам этого не понимая. На годы бесконечных согласований и постоянную борьбу с дефицитом я не готов. Пополнить бесчисленные ряды рационализаторов и изобретателей, Боже упаси. Лежит у отца с десяток красивых листков, в основном по молодости полученных. Его и сейчас иногда привлекают, когда завод план по рацпредложением не может выполнить. Смешное время. Даже изобретать нужно по плану...

Зёрна спора с батей упали на благодатную почву, щедро удобренную вчерашними разговорами. На этот раз мысли скакнули в совершенно не свойственном мне направлении, вдруг вспомнились воспоминания одного певца, который спустя годы с восторгом рассказывал, как он «звучал» однажды в Москве на песняровском Динакорде, случайно попав с ними на каком-то концерте в праздничную солянку. Впрочем, бородатый анекдот неплохо передаёт те чувства, которые у музыкантов способны надолго остаться в памяти от одной возможности «попробовать» настоящие инструменты:

Два советских скрипача возвращаются с Международного конкурса. Один занял второе место, а другой тридцать седьмое. Лауреат в полном расстройстве, другой его утешает: — Да плюнь, Жора, второе место — тоже неплохо! — Да ведь если бы я занял первое место, то по условиям конкурса мне бы дали играть на скрипке Паганини... — Ну и что тебе с этого? — Ну как бы тебе объяснить понятнее... Для меня сыграть на скрипке Паганини — то же самое, что для тебя пострелять из револьвера Дзержинского.

Кто и как сейчас помогает молодым авторам, новым коллективам у нас в городе? Как дать возможность ребятам искупаться в звуке, понять силу своих песен и отклик зала на них? Как пронзить их чувством сцены, когда адреналин и восторг захлёстывают тебя через край? Нужен толчок, возможность, тот самый кристаллик соли...

— Знакомьтесь, ребята. Виктор, пришёл на вокалиста прослушаться, а Эдуард — саксофонист, флейта. Я вам про него рассказывал. Он, как и я, в «чайнике» учится. Через час две девушки должны подойти, я им песни «Оризонта» дал разучивать. Послушаем, что получится. Там без женских голосов не спеть, — кипел Алексей энергией, невольно заражая всех своим настроением. Под его удивлённым взглядом мы с Колей перетащили из зала большие колонки от Гармонии-70 и стали подключать усилитель. Дошла очередь и до нового ревербератора. На старенький чемоданчик, в котором мы его принесли, из непонятного пластикового материала, с разошедшейся на углу молнией, внимание никто не обратил, поэтому появление ревербератора было триумфальным.

— Что это? — растерянно ткнул Алексей пальцем в непривычного вида корпус со странным дизайном панели.

— Полностью электронный ревербератор. Без шумов и плёнки, — лучился радостью Николай, приложивший руку к созданию маленького чуда.

— Раз, раз, раз, — по привычке проверил наш руководитель эхо, ожидая обычного отклика: раз, рав, гав... Эха не было. Эффект пустой комнаты, с объёмным звуком. Свою лепту внёс саксофонист, начав слегка хриплым звуком наигрывать популярную джазовую тему в микрофон. Я пощёлкал пресетами, показывая варианты звучания, добавил глубину реверберации и включил хорус. Звук саксофона ожил и поплыл по комнате.

— Где взяли? — спросил Лёха. Серьёзный и строгий вид ревербератора совсем не походил на привычную аппаратуру. Дорогой лабораторный блок, со светящимися цифрами на передней панели (взятыми от конструктора часов «Старт 7176»), покрытый кожей корпус, чёрная воронёная панель с обозначениями ручек на английском языке, колонкой кнопок и непривычной разметкой — вот на что это больше похоже. Посмотрев на наши сияющие лица, он всё понял, но никак не мог поверить.

— Лёха, давай после «репы» останемся. Поговорить надо, — предложил я обсудить возникшую у меня идею после репетиции. Отзанимались весело, на подъёме. Виктор оказался неплохим певцом, с высоким голосом, но петь зачем-то старался в манере Ободзинского. Этаким ласковым тенор с немного гротескным надрывом.

Саксофонист хорош. Чайковка готовит серьёзных музыкантов. В джаз его, ясное дело, прибывает, но это скорее издержки инструмента и его музыкального багажа. Зато оризонтовские песни, когда подошли девушки, он отыграл в самую тютельку. Вьюжн, или джаз рок — направление очень интересное и Оризонт своими песнями это замечательно показывает.

Девчонки нормальные. В меру серьёзные, в меру весёлые. Напоминают АББУ наоборот У нас светленькая, Ирина, повыше ростом и голосом. Закончила школу по фортепиано. Ольга пониже и чуть полнее. Школа по скрипке. Голоса звонкие, свежие. Обе второй год занимаются в институтском хоре. Будут учителями музыки. С микрофоном работать не умеют. Дважды пришлось напоминать, что петь надо чётко по оси микрофона, а не ему в бок и не в сторону от него. Себе взял на заметку, что необходимы мониторы, направленные в лицо. Небольшие такие колонки на подзвучку. Как только наши вокалисты перестают себя слышать, то тут же пытаются форсировать голос. Когда весь звук от голосовых колонок будет уходить в зал, то они и голос себе сорвут, и песню испортят.

После репетиции остались впятером. Нет только нашего ударника. Где-то он ещё отдыхает.

— Парни, идея в следующем. У нас скоро начнётся сезон. Площадка будет работать регулярно. Вспомните себя, как вы начинали? Как хотелось выступить на людях, песню обкатать, нормальный аппарат пощупать. Предлагаю подыскивать интересные коллективы и выпускать их на две — три песни. Даже два коллектива за вечер можем выпускать. Под такое дело надо будет аппаратурку покруче забабахать. Тут мне будет нужна ваша помощь, — я выдохнул и посмотрел на ребят. Пригорюнились. Глаза прячут.

— У меня на новый бас триста собрано... — первым откликается Коля.

— Я на орган собираю. Вельтмайстер местный, дворцовский, старый уже. Накроется и останемся без клавиш...

— Так, стоп. Простите парни, это я дурак. Не смог правильно объяснить. Денег от вас не надо. Нужна помощь информацией. Что продаётся из усилителей, динамиков. Может что-то сломанное есть. Потом шнуры, микрофоны, прожектора. Кто может корпуса из железа



делать, трансформаторы мотать. Коля, узнавай по фанере и раскрою. Её надо будет много. Алексей, с тебя организационные вопросы. Говори с директором, объясняй, что гости выступать будут бесплатно, а у нас появится разнообразие в программе, — я взял паузу, чтобы послушать, как кто отреагирует.

— С Зинаидой сегодня говорил. Интересные вопросы она задала, — издали начал Алексей, — Например, сможем ли мы выступать три раза в неделю и играть на час дольше.

— Очешуеть... — высказал Коля общее мнение.

— Да уж, — заскрёб в затылке клавишник, — Накрылись халтуры...

— Подожди, нам что, разрешат до полдвенадцатого играть? Раньше же она с нас, за лишние пятнадцать минут, стружку снимала, — всполошился Николай.

— До одиннадцати. Начинать тоже на полчаса раньше, — спокойно заметил Алексей.

— Блин, у нас же не ресторан. Это туда каждый вечер разные люди ходят, а у нас больше половины одни и те же. Я думаю, что репертуара не хватит. Послушают одно и то же три вечера подряд и на следующие выходные не придут, — запаниковал Юра.

— Мне одному не вытянуть, охрипну на второй день, — подал голос наш певец.

— Лёха, а директриса не сказала, с чего вдруг такие новшества? — невзначай поинтересовался я.

— На заводе какие-то гайки бухгалтерия закрутила. Вроде бы им запретили костюмы оплачивать, а у Зинаиды только народного танца два полных состава, старший и малышковый, хор и в бальном пар десять. Хор-то чёрт с ним, а танцевальные у нас по городу одни из лучших. Только ансамблю Поличкина уступают, но тем и проиграть не стыдно, они по стране каждый год призы берут. Вот и прикинь, сколько костюмов надо им на концерт. Народников в каждом составе человек тридцать, да переодеваются раз по пять. На хороводы в одно, на пляски в другое, а у них там ещё игрища всякие есть.

— Зинаида-то на месте, не знаешь? — я обдумываю своё предложение. Ничего нового я не придумал, всё когда-то уже было пройдено, но тут отлично может прокатить за новинку.

— Занятие у неё в малом зале. На лестнице музыку слышно, — подсказал Юра, ориентирующий в ДК по слуху, как эльф в лесу.

— Тогда слушайте, можно предложить ей более выгодный вариант, — кратенько обрисовал свой экспромт, детали подкорректировал при помощи дельных замечаний парней. Идём вместе с Лёхой общаться с нашим директором.

— Добрый вечер, Зинаида Степановна, — говорю я стоящей у стены директрисе. Она кивает в ответ, наблюдая, как четыре девчонки крутят «вертушку» в центре зала.

— Чего вам? — устало спрашивает она, когда фрагмент танца заканчивается и танцоры замирают.

— У нас есть хорошее предложение. Хотели бы обсудить, — я с удовольствием смотрю на танцоров, точнее, на их партнёров. Устали, покраснелись, а глазками всё равно стреляют.

— Галя, пройдите без меня третью и четвёртую фигуру, потом перерыв пятнадцать минут, — кричит директриса, на что ей в ответ кивает молодая женщина и идёт к другой группе, что-то объясняя им на ходу. Мы втроём уходим в кабинет директора.

— Предложение у нас простое. Давайте за один вечер устраивать по два платных мероприятия. Начнём в шесть, отработаем вечер «Тем, кому за тридцать», потом перерыв минут пятнадцать, зал проветрим, люди выйдут и дальше танцы для молодёжи. Музыка будет без перерыва, поэтому все натавчатся так, что ног чують не будут. Теперь что нам нужно. В ЦУМе появились магнитофоны, Маяк 001, по девятьсот восемьдесят рублей

Узнайте на заводе, их-то они могут оплатить? Это же не костюмы. Тогда мы вместо перерывов будем устраивать дискотеку. В Прибалтике такое сейчас очень популярно, — сослался я на чужой опыт, который не вдруг проверишь, — А для поднятия статуса, да и чтобы наш репертуар быстро не истощился, можно приглашать гостей, по одному — два ансамбля за вечер на пару песен, а то и отдельных певцов. Дадим молодёжи себя показать, и публика пусть про них узнает. Будет у них тема для обсуждений. Мы спрашивали у знакомых музыкантов, им это интересно, — я выдохнул и стал ждать ответ. Зинаида Степановна не на шутку задумалась.

— Сам придумал? — спросила она, с любопытством разглядывая меня. Вот этот вопрос я меньше всего ожидал. Я уже варианты ответов заготовил, на случай, если она отказываться будет, а тут... Просто кивнул.

— Музыка какая будет на ваших дискотеках? — посмаковала она незнакомое слово.

— Каждый раз разная, как в «Музыкальном киоске», — сослался я на популярную многие годы телепередачу, — Мы же её с обычных пластинок будем брать, — вот тут я соврал, даже не краснея. Хотя почему соврал? Пластинки действительно обычные будут, виниловые. Вот только сделаны не все у нас. Фифти-фифти. В конце концов, даже по телевидению иногда показывают приличных исполнителей, только ждать такое приходится долго, до следующего новогоднего Огонька.

— Если магнитофоны купим, — она полистала календарь на столе, — То начнёте семнадцатого. Афиши сами придумайте, но как-нибудь так, чтобы в них не звучало, что мы открываем новый сезон. Вдруг ничего не получится, пока сезон в парке не закрылся. Тогда пропустим, как эксперимент. Вроде бы ищем пути досуга для людей разного возраста, — сказала она, почему-то глядя именно на меня. Внимательно так...

— Ты зачем всё-таки за такие дорогие магнитофоны уцепился? Хотя бы мне можешь сказать? — остановил меня Алексей в коридоре.

— Есть у меня маленькая мечта — завести собственную студию. Для начала нам и таких магнитофонов хватит, но ненадолго.

— Да, с тобой не соскучишься. Правильно Коля говорит — моторчик у тебя в заднице. Знать бы ещё, что в голове, — вполголоса пробормотал он, но я услышал.

Полдня потеряно. Тренер вызвал в институт, где передал невысокому подполковнику. Тот с кем-то созвонился и на своих «Жигулях» повёз меня в Ленинский военкомат. Забрал приписное свидетельство, паспорт, а меня пустил по рукам — передал эскулапам в лапы. Фланирую с голым торсом по кабинетам. У окулиста происходит конфликт. Я отказываюсь снимать очки, согласен только на тёмную комнату. Оказывается, такая есть, с маленьким мутным оконцем. Заходим в узкую кладовку с полками. Всё завалено папками. В углу стоят швабры и вёдра. Снимаю очки, по щекам текут слёзы. Полноватая тётка, нацепив на глаз зеркало с дыркой, что-то пытается увидеть, а потом светит фонариком. Последнее, что слышу — грохот вёдер.

Запах нашатыря. Проверяю очки на ощупь. Целы. Поправляю их и осматриваюсь. Похоже к главнюку попал. Лежу себе на кушеточке, рядом медсестра пытается отравить воздух нашатыркой, а тот что-то строчит в бумагах, как будто у него всё идёт по плану.

— Всё, спасибо, — отодвигаю руку с ваткой, — Мне можно встать?

— Полежи немного, минут пять, — не отрываясь от бумаг, говорит врач. Минут через пять присаживаюсь, кручу головой. Вроде нормально. Подошёл к умывальнику, сполоснулся, а то всё лицо в дорожках от слёз.

— Мне что дальше делать?

— Домой иди. Не годен, — так и не оторвался врач от своих бумаг.

Нахожу подполковника. Тот уже в курсе. Отдаёт мне паспорт и отправляет домой. Сам чай остаётся пить, якобы. Делаю вид, что верю в чай, хотя для непьющего человека запах коньяка бьёт в нос достаточно резко. Военные — смелые люди. Он же на машине сам за рулём приехал.

Заскакиваю в свою поликлинику. Записываюсь на приём к участковому, а заодно и на прохождение медкомиссии для получения водительского удостоверения. Вдруг проскочу, но это уже завтра с утра. По дороге выкупаю в Хозтоварах два рулона искусственной кожи. Больше у них нет. Минут двадцать на обочине машу рукой. До гаража подвозит частник.

— Дядь Петь, привет. Машинки купил? — я увидел, что соседний гараж открыт, а рядом стоит знакомый Жук.

— Да, как договаривались, две штуки, — из темноты отвечает мой сосед, — И заказ твой выполнил. Тройник на компрессор, шуруповёрт и дрель, всё на пневматике. А шлифовальные машинки — электрические. Всё у нас в стране есть, места надо знать, — гулко засмеялся он из недр гаража. Хорошо ему ржать. Лет пятнадцать экспедитором — снабженцем работает от какой-то тюменской конторы. Что только не закупает для них на Большой земле. Про пневматический инструмент я случайно вспомнил, когда озадачился тем электрическим безобразием, которое в руки брать не хочется. Вот, кручу в руках промышленные образцы, которыми на заводах работают. Вес и размеры намного меньше, а скорость и мощность выше.

— Всё, да не всё. Вот мне трансформаторы хорошие надо, лучше немецкие или чехословацкие. Примерно вот такого размера, — как опытный рыбак развожу кисти рук, словно желая показать, какого размера глаз был «у той рыбы», то есть чуть больше, чем крупный грейпфрут. Схемы ламповых усилителей просты. Собрать их сможет даже средненький радиоловитель. Дьявол кроется в мелочах. В моём случае это сами лампы и

звуковые трансформаторы. К советским конденсаторам и сопротивлениям у меня претензий нет. Даже спустя сорок лет кучи форумов будут исписаны рассуждениями о качестве трансформаторного железа. Аудиофилы выяснят, что ламповые усилители дают самый нужный, естественный звук и за большие деньги будут собирать по всей стране знаменитые лампы и трансформаторное железо Мб. Оказывается, во всём виноваты чётные гармоники, которые лампы усиливают особенно заметно, а транзисторы грешат усилением нечётных.

— Чешские запчастя надо на ВИЗе поискать, а немецкие у вояк. Только покупать через мою контору придётся. Там официально всё надо, через счёт. Потом поменяем на что-нибудь другое, что в магазинах есть. У меня заказы на всякие гвозди, верёвки, лопаты не переводятся, а вот их как раз со счёта сложно купить. У магазинов лимит на безнал установлен.

— О, тогда мне ещё и лампы нужны будут, сейчас марки черкну, — выписал виды ламп, начиная со своих любимых EL-34.

— Как тут живёте? Давно я в гаражах не вечерял, — спрашиваю соседа, отдавая список.

— Побьют меня скоро, — вздыхает Пётр, — соберутся жёнки в ватагу и как есть отлупят. Мужики теперь с работы не в дом идут, а по гаражам. Повозятся там с полчаса и тут собираются. Где ж ещё под пиво можно посмотреть, как другие работают. Мы багажник на Волгу когда красить будем?

— Если готов, то хоть сейчас, — отвечаю, прикинув, что час времени у меня есть.

— И то дело, что тянуть-то. Я уже и краску подобрал, — Пётр тащит банку, чтобы показать, но посмотрев на мои очки, досадливо машет рукой. Мы с ним уже выяснили, что из-за очков я оттенки различаю не верно, особенно жёлтый и зелёный. Видимо стёкла очков искажают цвет. Покрасили. Засунули под лампы. Вытащили пустые ящики на улицу, сидим на них, размышляем. Пётр курит, а я смотрю на небо.

— Дядь Петь, вот смотри. Были бы у нашей страны спутники такие, чтобы оттуда всё видели и стрельнуть могли, — показываю на небо, где я рассматриваю облака, — Как думаешь, лучше бы мы зажили.

— Только у нас? — Пётр дожидается моего кивка и продолжает, — Тогда бы мы точно им кузькину мать показали и социализм где надо построили.

Вот и я о том же. Начни куда-то лезть с технологиями будущего, и покажет страна маман де кузьма где только сможет. На словах-то мы все мирные, что американцы, что русские, что иные другие нации, а на деле... Не может государство жить без развития и без Врага. Сразу вниз падать начинает. Сильно это прогресс тормозит. Придумали в пятьдесят шестом, что страны с разным строем могут существовать мирно, вот теперь и расхлёбываем. Мы придумали, сами...

Так же и с естественным отбором. Закон природы, его не обманешь. Он же не только на мышей или обезьян действует. На людей тоже, даже на коммунистов. Взять того же Хруща. С виду недалёкий крестьянин — весельчак, а историю почитаешь — натуральный палач. Когда он первым секретарём на Украине был, то руки не по локоть, по лопатки в крови извозил. Тысяч сто пятьдесят коммунистов жёстко репрессировал. Кого он там убивал? Врагов народа, шпионов? Как бы не так. Вычищал себе поле от тех, кто может думать самостоятельно и мнение имеет своё. Вот и прошёл естественный отбор. Выжили послушные болваны, кивалы и хитрые приспособленцы. Детей таких же родили и воспитали по-своему. Вот и дай таким прорывную технологию из будущего... Они или сами кнопку нажмут, или военные, почувствовав силу, их сменят. А там — здравствуй оранжевая

революция, бардак и гражданская война. Тут уж наши «друзья» своего не упустят, срежиссируют всё, как надо и очередного ленина пришлют, в дипломатическом вагоне. Мне даже с моим послезнанием все варианты такого будущего не просчитать. Слишком много неизвестных и непредсказуемых вводных в этой неподъёмной задаче.

С послезнанием, оно так же, как с предсказаниями. Всё слишком сложно. Спас ты тонущую девочку, вовремя прибежав к реке, а она выросла, вышла замуж и родила сына, который с бандой разбойников всю деревню вырезал, да и по соседям огнём и мечом прошёлся. Вот и думай, то ли ты ребёнка спас, то ли сотни жизней загубил.

Сижу, сам себя уговариваю, что я пацифист. За мир во всём мире, вроде как. Хитрю же, возникнет критическая ситуация, один же чёрт куда-нибудь залезу...

— Выключай лампы. Давай ко мне перенесём багажник-то. Вечером сам отдам, — от голоса Петра вздрагиваю. Далёко меня думки унесли.

График тренировок у меня изменился. Семёныч, с кем-то посоветовавшись, выписал мне шпаргалку на неделю вперёд. Бегаю два дня, потом день отдыхаю. Нагрузки увеличились. Бегаю больше, на ногах груз. Новые упражнения. Со стороны наверно смешно, когда я бегу, задирая колени выше пупа. Ничего, память у меня хорошая, я ему тоже что-нибудь придумую. Смех он хорош, когда всем смешно, а не кому-то одному.

Ольга пропала. Ещё день не увижу — устрою на неё засаду около института. Счастье — штука капризная, само не придёт.

Полчаса занимаюсь с ребятами. Прыгают лучше. Техники заметно добавили. Павел Степанович наблюдает в открытую, но не вмешивается. Сглазил, блин. Идёт к нам.

— Игорь, Стас. Давайте тройной прыжок попробуйте, — он смотрит на меня, я развожу руки в стороны и пожимаю плечами. Тут я не советчик. Меня самого надо учить. Парни прыгают, причём не только двое, которых тренер назвал, все пробуют. Довольны. Здорово добавили. Из любопытства прыгаю тоже. У меня результат чуть лучше, но совсем незначительно.

— Левую ногу провалил, — встречает меня Стас, — Ты не только толкнулся ей плохо, но и присел на неё.

— И разбег зря сократил. Скорости не хватило, — подсказывает Игорь. Вот же вырастил наблюдателей на свою голову. Прямо в глаза, не стесняясь окружающих, критикуют старшего товарища. Переглядываюсь с Павлом Степановичем. У того улыбка и хитрые морщинки у губ. Наверно думает, что уел меня с моей методой подготовки и дружескими отношениями.

— Так. Теперь наши критики идут и прыгают дальше, чем я. Пошли — пошли — я захлопал в ладоши, подгоняя ребят. Сначала прыгнули, потом заржали, как кони, но перед прыжком сумели собраться и прыжок получился вполне серьёзный. До моей отметки долетели. Почти... Поднимаю большие пальцы вверх. Ребята довольны. Оставшаяся троица тоже трусит на точки разбега. Всем весело, азартно, глаза горят. Прыгают заметно лучше.

— Молодцы! Красавцы! И Степаныч у вас классный, такую штуку подсказал. На тройном вы все здорово сможете выступить, — не жалею я добрых слов. Вовремя сказанная похвала дорогого стоит, а уж уверенности добавляет, и не описать.

По взгляду тренера понимаю, что наш необъявленный спор не окончен. Он учит авторитетом и знаниями, а я добрым словом и личным примером. Каждому своё.

Дома в душ, переодеваюсь и иду в школу. Покупаю по дороге у бабушки, стоящей с ведром около магазина, пять астр и иду к директору.

— Ой, Павел, заходи. Спасибо за цветы. Как ты за лето изменился. Подрос, загорел, наконец-то прическа приличная, а не то безобразие, что раньше, — похоже наша «железная леди» действительно рада меня видеть. Делюсь новостями, в основном рассказываю кто и куда поступил из знакомых. Напоследок получаю разрешение пользоваться иногда комнатой радиокружка. Удачно получилось. Нет у меня ни осциллографа своего, ни звукового генератора, а без них не обойтись. Планы-то наполеоновские, а приборов кот наплакал.

Теперь на Центральный рынок. Есть там, на самом краю «блошинные ряды». В основном старьё всякое продают, но трутся там «жучки», торгующие радиодетальями. Для близиру на прилавке лежит пара рваных динамиков от проигрывателя, старенький электродвигатель и по паре картонок, на которых шариковой ручкой написан список деталей. Осматриваю перечень деталей. У одного мужичка, лет сорока, есть почти всё, что мне надо. Отходим с ним в сторону, диктую необходимое. Заинтересовался, задёргался.

— Парень, а не секрет, что ты задумал? Тут деталей рублей под двести, — он снимает кепку и чешет приличную проплешину, которую раньше кепка удачно скрывала.

— Музыкант я, пульт буду делать на двенадцать входов, — вздыхаю, услышав предварительную цену деталей.

— Расскажи поподробнее, — просит он. Объясняю задумку. Попутно мужичок задаёт весьма необычные вопросы. Интересуется каскадами, глубиной регулировок темброблока и прочими, весьма специфическими моментами, — Меня Юра зовут, — протягивает он руку, — Могу тебе собрать все предварительные усилки. Давно ничего интересного не паял. По червонцу за штуку.

Знакомимся. Задумываюсь. Контакт сработал. Как специалист он выше меня на голову. Где только не работал. В последнее время увольняли его после третьего запоя. Пил Юра подолгу и с выдумкой. Начинал обычно красиво. Покупал себе самый дорогой коньяк, а знакомым колдырям со двора — ящик «бормотухи». Обычно это был Портвейн 72, по два двадцать за бутылку. На третий день он уже пил портвейн вместе со всеми, а через неделю — полторы ехал сдаваться знакомому главврачу на Агафуры. Так называли дом для умалишённых, где было отделение для алкоголиков. Врач всегда встречал Юру с удовольствием. Пока радиоинженера промывали капельницами, он успевал привести в порядок всю медицинскую технику, половину из которой сам и сконструировал, когда работал на заводе ЭМА (электромедицинской аппаратуры). На этом заводе Юра продержался дольше всего, целых пять лет. Сегодня он вышел торгаться деталями, потому что душа горела от несправедливости. Говорил же он ведущему конструктору конторы Орггазавтоматика (в разговорах между собой название всегда менялось — только ОргазмАвтоматика, и никак иначе), что транзисторы работают не в режиме и их надо на радиаторы ставить. Тот не послушал его, стал доказывать, что это он прав. В результате на испытаниях вагонетка с рудой упала с пятнадцатиметровой высоты, а выговор впаяли ему, и премии лишили.

— Юра, мне быстро надо. А потом такое дело, ты случайно не запьёшь горькую? — смотрю, как он густо краснеет, машинально проводя рукой по лицу.

— Клянусь, пока последнюю деталь не впаяю, капли в рот не возьму, — истово стучит он себя в грудь. Из его же памяти знаю, что слово он держит.

— Тогда мне ещё эквалайзер нужен будет, — нагло пользуюсь я стыренными из его головы сведениями. Эквалайзер он почти закончил. Для себя собирает. Звуком он заинтересовался давно. Поспорил, что соберёт из советских деталей и динамиков аппарат не

хуже, чем японский Пионер у его друга, купленный за сумасшедшие деньги. Выиграл спор, но сам заболел качественной аппаратурой. Купил проигрыватель Дюал и магнитофон Грюндик. Как бы Юра не пил, но дорогие его сердцу вещи сберёг.

Поторговались. Дороговато мне мои фантазии обходятся. Триста пятьдесят рублей только Юре надо будет отдать, а ещё мне придётся делать компрессор и кроссоверы, да и по мелочи набегит... те же ручки, кнопки, входы, панели, индикаторы. Рублей в пятьсот мне пульт встанет, блин.

— Слушай, ты же музыкант, — вдруг соображает Юра, — Микрофоны не надо? Сосед у меня четыре штуки продаёт недорого. Старенькие, но всё как часы работает.

Идём смотреть. Со скепсисом смотрю на обшарпанный фанерный ящик, с облупившейся краской, который сосед Юры по прилавку вытаскивает из рюкзака. Затёртый инвентарный номер на боку. Открывает. От удивления только что на затылок не падаю.

— Это что? — показывая пальцем, выдавливаю из себя, на большее воздуха не хватает.

— Микрофоны измерительные. Все рабочие. Они чистые, у меня акт о списании есть, — не понимает моё состояние продавец.

— И почём? — я беру себя в руки и формирую покер фейс.

— По полтиннику за штуку хочу, — слишком нагло говорит продавец, явно загибая цену.

— Возьму все за сотку, — урезаю я вдвое аппетит продавца, — Они же шестьдесят первого года, да ещё и блоки к ним дурацкие, на лампах небось.

Минут пять торгуемся. За сто сорок рублей покупаю четыре Ноймана Ю 47!!! Фотс Френка Синатры видели? Тогда вы видели сорок седьмой Нойман. В другие микрофоны Синатра отказывался петь. Обалдев от покупки, не сразу понимаю, что от меня хочет Юра. Привожу себя в порядок. Млин, у меня в руке ящик с целым состоянием. Ставлю его на землю, сажусь сверху. Юре нужен полтинник, у него на мой заказ не хватает деталей. Всё ещё нахожусь в состоянии грогги, как боксёр, пропустивший удар в подбородок. Вытаскиваю деньги и равнодушно сую их радиоинженеру.

— Вот просто так взял и отдал незнакомому человеку? — удивляется он.

— Да знаю я тебя. У меня двое друзей в твоём дворе живут. Я же про пьянку тебя не случайно спросил, видел, как ты там колдырил, — пользуясь информацией, полученной от него же, наступаю ему на совесть мозолистой пяткой. Снова краснеет. Сорок лет мужику, а краснеет так, как не каждая девчонка сумеет.

— Я тебе свой телефон запишу, — суетится он, в поисках ручки и бумажки. Чую, выполнит он мой заказ, и свалит в запой. Ладно, у всех свои проблемы. Пока у меня на Юру большие планы. Он не зашорен догмами. Всё ещё верит, что при грамотном инженерном подходе мы всех сделаем, а то что запойный... Мерлин Монро это помешало стать звездой?

На автомате покупаю за рубль новый микрофон для телефона. Треск домашнего аппарата уже просто неприличен. Половину слов не разобрать иногда. Цветные пятна на блестящем корпусе наводят на мысль, что его просто выкрутили из телефона — автомата. Там порошок какой-то в трубки насыпают, воришек метят.

Дожидаюсь автобуса. На радостях оплачиваю лишние десять копеек, положенные к оплате за провоз багажа. Скорее всего — это невиданный подвиг, судя по взглядам двух женщин, через которых я передал деньги на кассу. Вот так и палятся вражьи разведчики, которые прочитав над дверями надпись о том, что проезд стоит шесть копеек, а провоз багажа — десять, отдают шестнадцать. Советский человек, не задумываясь над такой

чепухой, едет за шесть.

Дома рисую макет микшерного пульта. Сделаю его просто, как всё гениальное. Одинаковые входы будут с одинаковыми панелями, отдельно эквалайзер и панель коммутации с моими прибабахами. Заднюю стенку рисую стандартной. Можно отдавать гравировщикам. Получилось весьма похоже на Электронику ПМ 01, из будущего, но надписи на английском. Вполне себе нормальная рабочая лошадка. Получше, чем нынешний Саундкрафт делают. Не дотягивают капиталисты пока, у меня фишек важных побольше будет. Лишь бы Юра с шумами не подвёл, но не должен, я его неплохо узнал и просканировал ему память.

Только вставил в трубку новый микрофон — звонок. Хорошо, что успел, а то и током могло наеб... ударить.

— Паха, тут оконечники срочно продают, — орёт в трубку Коля.

— Ты успокойся, а потом объясни кто, почему и какие, — мудро советую я, только что сам перестав трястись от купленных микрофонов.

— Теслы, две штуки, по сто тридцать ватт, но без всяких регулировок. Там такая ситуация, что парень с трёх троек уволился, а те телегу в военкомат написали. Так что ему теперь в армию, вот и продаёт.

Знакомо. Завод номер 333 был отдушиной у нас в городе, для тех, кто не хотел идти в армию. Рабочие получали иммунитет от призыва, а завод — послушную рабочую силу. На заводе работали до двадцати семи лет. Потом разбегались. Зарплата не устраивала и места освобождали, таким же, как они когда-то. Отдел кадров без промедления посылал документы на тех, кого уволили, или желающих уволиться до срока призывного возраста. Необъявленное рабство. Демидовщина, но это реально было. Интересно, конечно, как ему усилители достались, но при социализме спрашивать не стоит.

Прыгаю в жопорожец. Едем куда-то в сторону Верхней Пышмы. Один из крупнейших в стране медеплавильных комбинатов обозначает себя издалека. Сначала водоёмами с водой зелёного цвета, а затем дымом высоких труб.

— Как через это играть? — включаю я «дуру», показывая на усилки, к которым на спичках приделаны какие-то костыли из проводов. Спички, вставленные в аппаратуру — непременный атрибут среди музыкантов. Ими зажимают голые провода, которые вставляют на вход или выход.

— Ну, нам предусилки сделали по четвертаку, но за них доплатить нужно будет, — рыжий хлопец, своей огненной шевелюрой превосходящий обычного ирландца раз в пять, пытается продать непродávаемое. Знал бы ты, парень, как мне нужны твои усилки... Именно такие, с линейным входом и надёжностью утюга.

— Лишнего мне не надо, — я высокомерен, как английский лорд, — Это вот почём? — тычу пальцем в сто тридцатые Теслы.

— Шестьсот..., за каждый, — давится продавец. По паузе понимаю, что цена завышена вдвое. Он был готов сказать — за оба.

— За два дам триста, — я мысленно благодарю Грейми. Мой учитель, когда я был гномом, он специально выводил меня на рынок. Послушав мои потуги в торговле, устраивал целое представление и снижал цену раза в полтора, от достигнутого мной.

Торгуемся. Мне пытаются что-то рассказывать, я с умным видом ковыряю сбитую по углам корпусов краску. Четыреста пятьдесят за оба. Хлопаем по рукам, отсчитываю деньги и грузу усилки в наш папелак. Грейми может мной гордиться. Да, я использовал инсайд, зная,



что продавец уходит в армию, но результат...! Сам от себя млею...

Года полтора назад приезжали к нам в Свердловск «Весёлые ребята», офигительный коллектив по нынешнему времени, штампующий шлягеры, как блины, имеющий на первой линии, где воспроизводится голос, два Регента 60. У меня уже в два раза больше получается только на Теслах, а я ещё и две Электроники поставлю. По шестьдесят на канал. И Гармонию 70 в зал вынесу.

Сижу у Олькиного института. Каждый сам кузнец своего счастья. Дождался. Выходит с подругами и двумя менами. Не понятно, кто там и с кем заигрывает. Ташу три розы ей навстречу. Мда, меня не ждали.

— Симпатичные школьники у тебя на практике были, — ухмыляясь, замечает один из её попутчиков.

— Ты тоже не совсем страшный, — отвечаю, не отвлекаясь.

— Прикинь, юниоры борзые стали, — поворачивается тот к приятелю.

— Оль, солнце, это тебе, — успеваю я сказать, а потом без замаха бью в солнечное сплетение своему собеседнику. Он уже размахиваться начал..., типа щаас каак врежет...

— Могу по ушам добавить, — подтверждаю я вполголоса своё желание поплывшему бойцу.

— Ты как? — спрашиваю его друга. На самом деле понятно «как». Мне в лицо летит кулак размером с дыню — «колхозницу». Отскакиваю и пробиваю ему в ногу. Ему больно, даже глаза побелели. Дальше классика — в сплетение и носом на колено. Нокаут. Здоровый, гад. Под сотку будет. С таким мне биться нельзя. Надо сразу выключать.

— Пойдёмте, девчата, а то тут парни устали, — беру я за ухо первого, и не сильно стучу его головой лоб в лоб. Даже не дернулся, на инстинктивном уровне понял, кто нынче альфа самец. Оглядываюсь, понимание не только к нему пришло... Девчонок четверо, глаза квадратные, абзац. Переглядываются странно. Опять я что-то не так сделал. Посмотрел на его друга, уже ногами сучит, пора мне уходить. Весовые категории ещё никто не отменял. Они оба тяжелее меня. Сейчас мне просто повезло за счёт эффекта неожиданности. Хватаю Ольгу за руку и ташу к воротам. Она идёт, но не одна.

Сидим в кафе. Три бутылки шампанского уже покинули наш стол, пустые. Начиналось всё хорошо... Зашли на мороженое... Олька выпила не так много, но её нормально торкнуло. Подружайки её разогнались прилично. Я не пью.

Середина сентября. В город пришло бабье лето. Повсюду сжигают листья и улицы пропитаны сладковатым дымом. Сажу на Центральном стадионе, жду финального забега. Мой «знакомый», с которым была стычка из-за Ольги, в финал не попал, пробежал плохо. Других знакомых лиц не увидел. Смотрю на тех, с кем придётся встретиться в забеге. Трое мне не нравятся. Бежали хорошо и финишировали просто здорово. В отрыв придётся уходить пораньше. С такими финишёрами возможны неприятные сюрпризы.

На соревнования я попал от завода. Семёныч всё-таки устроил мои показательные выступления на стадионе «Трудовых резервов». Я волновался, но на второй попытке из восьми метров выпрыгнул. Меня потрепали по плечу, спросили, где работаю, недовольно покачали головой. Маховики чиновничьей машины провернулись и перспективного прыгуна устроили лаборантом на «Пневмостроймашину», обязав выступать на соревнованиях за честь завода. Вот и выступаю.

С Ольгой встречались три раза. Успел сводить её в кино и в кафе — мороженое. Есть у нас такое в центре города, «Пингвин» называется. Провожал до дома. Оказывается, она с подругой снимает квартиру. Целовались.

С аппаратурой закончили. Мощно и красиво получилось. Послезавтра попробуем на зале с людьми. Там акустика совершенно другая будет.

Съездил на рыбалку с Витей и Димой. Белоярское водохранилище. Огромный водоём, созданный для атомной электростанции. Белоярская АЭС — одно из первых детищ Курчатова. Ощущения непередаваемые, нет, не от рыбалки, от чувства Силы вокруг. Рядом с нами проходили две могучие линии электропередач. Кажется, стоит только захотеть, взмахнуть руками, и полетишь, как птица. Сдерживался, как мог. Надеюсь, друзья не заметили, как меня колбасило. От станции идёт канал с тёплой водой. Поплавал. Старался больше времени плыть против течения и под водой, обратно сплавлялся лёжа на спине. Скорость у меня слишком высокая, заметят, вопросов не оберёшься.

— Паша, мы тут, — оглядываюсь на трибуны. Стас с Игорем прибежали. Успели. Помахал им в ответ и пошёл разминаться. Скоро нас объявят.

— Участникам финального забега на восемьсот метров приготовится к старту, — разносится голос из динамиков. Восемь человек на дорожке, четверо точно знакомы друг с другом. На меня кинули взгляд и отвернулись. Видимо не впечатлил. Мужики все взрослые, лет по двадцать пять и старше. Двоим наверно даже под тридцать. Мои очки у них вызвали ухмылки. Думают, пижоню. Нас расставляют по дорожкам. Оказываюсь третьим от центра. Получается, что в отборочных забегах у меня было третье время. Старт.

До поворота вперёд уходит пара спортсменов. «Зайцы» или провокаторы? Бегунов, которые лидируют на определенном участке дистанции, увлекают за собой лидеров и затем, истощив свои силы, отходят назад, уступая им место, называют «зайцами», или, если применять английское название, «пейсмейкерами». Устраиваясь третьим в основной группе. На повороте вытягиваемся в цепочку, но пройти его на занятом месте мне не дают. Возникает угроза «коробочки». Приходится вываливаться из цепочки. Моё место у бровки тут же занимают и на прямую выхожу в стороне от группы. Выплеск адреналина, злость. Понимаю, что в следующем повороте для меня места у бровки не будет. Заставят бежать по большому радиусу. Добавляю темп и в поворот захожу первым, если не считать

оторвавшуюся пару, которая начала приближаться. Проходим второй поворот и на выходе из него настигаем беглецов.

— Паха, в отрыв! Паха в отрыв! — истошно орёт Стас с трибун.

Рано же, блин. Я позже хотел. Соображаю, что глазастый Стас что-то увидел. Он всегда замечания по делу даёт. Плюю на собственные задумки и взвинчиваю темп. Группа, замешкавшись с обгоном «зайцев», меня отпускает неожиданно легко. На повороте оглядываясь. За мной трое, остальные растянулись с большим отрывом. Держать скорость!

Последние сто метров. Меня кто-то догоняет. Финишную ленту рвём вместе. Яркие вспышки блицев. Слепну. Забегаю на поле, почувствовав под ногами траву, опускаюсь на колени.

— Парень, что с тобой? — трясёт меня кто-то за плечи.

— Фотовспышкой ослепили, глаза у меня больные, — отвечаю, размазывая обеими ладонями слёзы по зажмуренным глазам. Надеваю очки и пробую смотреть. Глаза режет, весь мир вокруг в разноцветных кругах. Мужик, один из тех, с кем я бежал, ведёт меня к трибунам, придерживая за плечо.

— В забеге на восемьсот метров победил Геннадий Львов, — раздаётся голос из репродукторов. Свист на трибунах, — Геннадий работает на заводе имени Калинина, мастер спорта, неоднократный чемпион и призёр РСФСР. В прошлом году он завоевал серебряную медаль на чемпионате страны в беге на тысячу пятьсот метров, а в этом году золотую, на той же дистанции. Приготовится участникам финального забега на три тысячи метров. Победителей просим не расходиться. Процедура награждения начнётся после окончания забега.

— Чьи «зайцы» были? — спрашиваю я у своего сопровождающего.

— Спринтеры, молодёжь. Увидели, что на восемьсот метров мало народа заявилось, вот и решили, что тут им что-то обломится, — выдаёт тот свою версию по участникам забега.

— Понятно.

— Схожу, время узнаю. Тебе большое спасибо, давно я так не бегал, — мужик дружески толкает меня в плечо и идёт к судьям. Подхватываю с лавки свою сумку и иду к ребятам.

— Не честно, — горячится Стас, — Все же видели, что ты первый ленточку задел. А ты откуда Львова знаешь?

— Не знаю я его, — пожимаю в ответ плечами.

— Да это же он тебя с поля вёл. Ты чего там после финиша упал?

— Вспышки ослепили, — тыкаю я в очки рукой, — Что, правда это чемпион был?

Только с моим счастьем можно было заявиться на одну дистанцию с чемпионом страны, пусть и на более длинной дистанции. Тем более странно его встретить на соревнованиях такого незначительного уровня.

— Я там ещё одного знаю. Вон того, в белой майке. Он бронзу взял на России в беге с барьерами. Его фотка у нас в фойе висит. Выпускник шестьдесят девятого года, — кивнул Игорь на одного из спортсменов.

Уже другими глазами смотрю на «заводских любителей бега». Забег на три тысячи проходит интересно. Три лидера, время от времени поочередно вырываются вперёд и притормаживают всю группу. Победители определяются на последних двухстах метрах, где вся группа резко ускоряется. Побеждает классный финишёр, устроив после выхода с поворота показательный спурт. В моём забеге могло бы получиться так же, если бы не Стас, с его своевременным советом. Иду к судейскому столу. Награждение начинается.

— Жаль, что уровень у этих соревнований никакой. Мы из минуты сорок пять выбежали, — вполголоса шепчет мне Геннадий, когда я с полученной статуэткой и грамотой возвращаюсь в строй, — Я свой личный рекорд сразу на секунду улучшил.

На нас косятся, осуждая за разговор в неподходящее время. Было бы чего слушать. Очередные здравицы любительскому спорту, от какого-то чиновника из Облсовпрофа.

— Молодой человек, можно вас на минуту, — мужчина, лет сорока с двумя профессиональными фотоаппаратами, один из которых снабжён внушительной по размеру вспышкой. Отошли к трибунам.

— Родионов Савелий Константинович, — представляется он, — фотокорреспондент «Уральского рабочего», здесь по заданию уралмашевской многотиражки. Хотел извиниться за себя и за своих коллег. Никто не знал, что на вас так вспышки действуют. Просто и вы нас поймите. Хороший кадр в движении можно только на очень короткой выдержке сделать, а для неё свет нужен. Поэтому таскаем с собой такие «тарелки». Кстати, забег у вас очень сильный получился. Мы с нашим журналистом уже обсудили набросок репортажа. Очень символично будет смотреться преемственность поколений. Заслуженный ветеран и вчерашний юниор вместе рвут финишную ленту. Да ещё и с лучшим результатом в сезоне, и это на обычных соревнованиях среди рабочих промышленных предприятий. Нет, такого наш редактор точно не упустит. Пойдёмте, я вас с Юрием Андреевичем познакомлю.

Худощавый, высокий, в приличном костюме и с живыми, умными глазами — такой портрет журналиста у меня получился в первые же секунды знакомства. Познакомились. Несколько быстрых дежурных вопросов по биографии. Чуть подробнее про тренера и соревнования. Мои ответы он записывает очень шустро.

— Хорошо, — он положил ручку с блокнотом на скамейку, — Давайте немного поговорим с вами, как с представителем нового поколения, со свежим взглядом на многое, к чему остальные уже привыкли. Вот как по-вашему, чего не хватает молодёжи в спорте?

— Слишком простой вопрос, — улыбнулся я, — Если коротко, то всего.

— Не понял, поясните, — требовательно попросил он, взъерошив волосы.

— Начнём с материальной части. Обуви приличной нет, костюмов нормальных нет, тренажеры отсутствуют даже в самых лучших залах. Выбор инвентаря скуден. Простейший турник для дома не купить. Теперь с организационной точки зрения. Любой вид спорта предполагает соревнование. Не у всех под боком есть спортклуб или стадион. И это если в городе. У нас и в сёлах есть спортсмены. Тем однозначно не пробиться в спорте до серьёзного уровня. Для них раз в год проведут районные соревнования и всё. Дальше — деньги. Хоккейная форма, спортивный велосипед, пластиковые лыжи — это не только дефицит, это ещё и дорогой дефицит. Предполагается, что молодёжь сама найдёт весьма приличные суммы и вложит их в свои увлечения, прежде чем покажет хоть какой-то результат на уровне взрослых разрядов? Как попасть молодому парню в греблю на каноэ или в бобслей? Не забывайте, что спорт требует специальной диеты, что тоже не всем доступно.

— Наверно поэтому вы выбрали бег? — неловкой шуткой попробовал сгладить мои высказывания Юрий Андреевич.

— Бегом действительно недорого заниматься, если ты не нацелен на рекорды и приличные результаты. Мои победы через месяц могут закончиться. Выпадет снег и бегать станет опасно. Зима без тренировок — это колоссальная потеря формы, иногда невозполнимая, — с огорчением развёл я руки в стороны.

— Есть же залы...

— Мне до «Трудовых резервов» надо больше часа ехать на троллейбусе. Три часа тренировки и обратно больше часа. Пять — шесть часов, пять раз в неделю. Надо быть фанатиком и забыть про всё остальное, в том числе и про то, как будешь жить, когда получишь травму или подойдёт предельный возраст. В нашем спорте подобие материальной заинтересованности наступает лишь у спортсменов высшего сегмента. Рекордсменов или игроков клубов из высшей лиги.

— Но остальные же как-то выкручиваются.

— Вот вы сами и ответили на свой вопрос. Выкручиваемся. Как-то... Вместо того чтобы думать о рекордах, ищем сложные решения простейших вопросов.

— И что, никакого выхода? — задал журналист вопрос, явно провоцируя меня.

— Ломать мозги и отношение. Это ваша работа, журналистов, а не спортсменов. Объяснять, что спорт — это лицо страны с не меньшим значением, чем армия, космос и культура. Доказывать, что спорт можно продавать. Показательные выступления фигуристов, матчи, коммерческие встречи боксёров. Объяснять, что вложение средств в производство качественных спортивных товаров несёт двойной эффект. Помимо хорошей прибыли для государства у спортсменов появляются достойные образцы одежды, инвентаря. Растёт их количество. Только контроль нужен жесткий, как у военных, а то начнут гнать брак или удешевлять, за счёт качества. Далеко ходить не надо. Вот сегодняшние соревнования. Если бы мне вместо этого, — я показал на статуэтку в своей руке, — Дали чек рублей на двести, то я смог бы уехать в Крым и прозаниматься там лишние пару месяцев. Сегодня наградили двенадцать спортсменов. Призовой фонд в три — четыре тысячи — это не те деньги, от которых разорится Облсофпроф.

— Спорт у нас любительский, — вмешивается фотограф.

— Двести рублей тоже не награда для профессионала, — улыбаюсь я в ответ, — Не тысячи долларов. Вот что страшного произойдёт, если спортсменам дать возможность зарабатывать своими выступлениями? Не только хоккеистам или футболистам?

— Тогда это будет уже профессиональный спорт, — кривит губы журналист.

— Странно, что это вы мне говорите. Один профессиональный журналист, а второй профессиональный фотограф, кстати, с хорошими и дорогими фотоаппаратами явно не советского производства. А почему бы вас не сделать любителями, а за статьи и фотографии расплачиваться с вами грамотами и статуэтками? Какая существует принципиальная разница между нами? Почему человек, который выстрадал звание мастера спорта не получает зарплату за это, а живёт на подачках и делает вид, что где-то работает? Для чего эти ужимки про любительский спорт? Бессмысленная ложь. Вы думаете, только я один знаю, что все хоккеисты Динамо или ЦСКА имеют офицерские звания и оклады? Да зарубежные газеты каждый раз высмеивают такое лицемерие, стоит СССР показательно победить где-нибудь. Дважды сами себе вредим. И спортсменов унижаем, и страну враньём позорим.

— Начнут платить зарплату за спорт, так туда миллион народа кинется, — качает головой Юрий Андреевич.

— Не больше, чем в фотографы, в певцы или в киноартисты, — парирую я, — А потом не забывайте — спорт честнее. Не хватило секунды — не сдал. Иди, тренируйся дальше. Да и регулировать его легче — набирается мастеров спорта с избытком — подними норматив слегка, половина тут же отсеется. Я поэтому и сказал — надо менять мозги и отношение. Смелее отбрасывать всё лживое и наносное. Перестать врать самим себе. Народ и без вас

знает правду, зачем ему сказки про мировых чемпионов — любителей?

— Мда-а-а, ничего себе, поговорили с молодёжью, — обменялись кривыми улыбками мои собеседники, когда мы прощались.

— Я подумаю про наш разговор. Сегодня другу позвоню, он собкором в Советском спорте работает. Посоветуюсь, — журналист кивнул мне на прощание и пошёл вслед за фотографом, забавно потряхивая головой.

Большие афиши на ДК:

«Для тех, кому за тридцать. Танцевальный вечер. Популярная музыка 50–60 годов. Утёсов, Адамо, Лемешев, Пресли и многие другие. Начало в 18–00.»

«Танцевальный вечер для молодёжи. Лучшие песни последних лет. Играет ВИА «Слайды». Гости вечера группа «Водопад». Начало в 20–15.»

— Я только что в кассе был. Половину билетов уже раскупили, — забежал на сцену довольный Николай. Хорошо. До начала ещё два часа. У нас последние приготовления и успеем немного разогреться.

Горячие выдались денёчки. Одних только проводов сколько пришлось делать, ужас. Витя с Лёхой тоже издёрганные. У них в последние дни что-то вроде филиала нашей тучи для «дискачей». Постоянно тусят с пяток парней с портфелями, меняют пластинки, тут же что-то записывают. Мой проигрыватель получил новую стереоиглу и переехал в ДК, надеюсь, что на время. Николай приволок из дома жуткого монстра — магнитофон Днепро. Трёхмоторный доисторический мамонт оказался просто незаменим, когда нам потребовалось распустить три километровых студийных бобины с широкой басфоровской плёнкой. Одну из направляющих выкрутили и вместо неё поставили винт с втулками на стандартный размер обычной плёнки. Осталось вставить кусочки лезвий от бритв и зажать всё гайкой. Немного изменили подкассетники и получили двенадцать километров плёнки обычной ширины 6,25. Четыре километровых бобины тут же отжал себе. Это мой неприкосновенный запас для будущей студии. Качество Свемы тип — 10 меня не устраивает, да и цена в семь семьдесят за катушку в триста семьдесят пять метров кусается.

— Ребята, мы свои песни прогоним? — патлатый нескладный паренёк, с симпатичным лицом. Это наши сегодняшние гости. Я уже слышал их песни два дня назад. Вполне приличные блюзовые композиции с забавным текстом. Все песни ребята пишут сами и мы с ними немного поспорили, какие им лучше сыграть сегодня у нас. Очень уж им хотелось спеть пару новых вещей, но никак они для танцев не подходят. Убедили с трудом. Музыканты подключили инструменты, а я пошёл в зал, чтобы послушать, как дела со звуком. Да, прилично мы аппаратуры нагородили. Хорошо, что сцена у нас большая и есть куда разнести стену колонок.

— Паша, мы себя не слышим, — говорит мне в микрофон их солист. Хлопаю себя по лбу. Я же мониторы не подключил. Бегу обратно. Единственные колонки, которые я оставил без изменений — смешные железные «палки» от Моно — 25. Использую их для мониторов, звук от которых пойдёт на нас, их громкости нам вполне достаточно и исполнителей они не закрывают. А по краям сцены стоит Моща! С каждой стороны по четыре пятнадцатидюймовых низкочастотника, четыре широкополосника и рупоры пищалок. Слегка видоизменённые колонки от Гармонии 70 повесили на стены в середину зала. Форма

у них для нашей колоннады не совсем подходящая и акустические ямы зала перекроют.

— Что так громко-то? — слышу сзади голос нашей директрисы. Улыбаюсь. Это всего лишь треть мощности, на пустом зале больше трудно добавить. Гул стоит.

— Здравствуйте, — кричу ей в ответ, — Аппаратуру проверяем.

В это время гаснет свет и по стенам начинают бегать разноцветные лучи прожекторов и зайчики от шаров с зеркалами. Дима свои поделки запустил

— Полностью свет не гасите. Пусть хотя бы аварийное освещение остаётся, — тут же выдаёт Зинаида ценные указания. Она ещё что-то хочет сказать, но тут у Водопада вступает солист и она лишь беспомощно машет рукой. Жестами вызывает со сцены Алексея и они выходят из зала.

— Аншлаг, парни! — с довольным лицом забегает тот через пару минут обратно, — Зинаида дала добро вторые танцы на полчаса дольше работать. Жалеет, что по рублю билеты не сделала. Спросила ещё, откуда столько аппаратуры притащили. Я ей говорю, что ты сварганил, а она не верит. Дима, аварийный свет не гаси, пусть всё время горит — кричит Лёха нашему осветителю. Тот лишь довольно скалится. Именно такое распоряжение он и ожидал, когда днём поменял там все лампы на красные.

— Девочки, мы сначала с вами две песни пройдем, потом с Пашей «Парусник» и всё наверно, больше не успеваем. Ещё переодеться надо, — наш руководитель осматривает девчонок, которые уже подготовились к первой программе. Причёски у них — мама не горюй. «Бабетта» у Ольги и «труба» у Ирины. Платья колокольчики, декольте, широкие пояса из лакированного кожзама. Выступать будем, одевшись под «стиляг» из начала шестидесятых. У меня припасён клетчатый пиджак, рубашка канареечного цвета, чёрные зауженные брюки, лакированные ботинки и дикой расцветки галстук. Пришлось знакомых просить, чтоб по шкафам полазили. Ирина лак притащила, обещает мне кок взбить. Минут тридцать у нас будет, пока народ под записи разогревается.

— И бежит куда-то вдаль,

— Одинокий парусник.

— Мечта моя, мечта моя. Мечта — успеваю допеть Колину песню только до второго припева, а от дверей уже контролёры машут. Заканчиваем репетицию, сейчас народ в зал запускать будут. Песенка получилась славная. Приложил руку к аранжировке, предложив немного изменить стиль. Показал, как я вижу песню, сыграв и спев её в стиле Агутина. Ребятам понравилось, а Коля выпал в осадок, когда услышал, что мы из его песни сделали. Очень вкусная танцевальная вещица вышла, особенно когда бонги добавили и бэк-вокал побогаче расписали. Там и на гитарах есть где поиграть. Тут уж мы с Лёхой оторвались в фантазиях. Песня же своя, вот и твори, что хочешь.

Переодеваемся, причёсываемся, время от времени подглядываем в зал. Неплохо народ разошёлся. Попробуй устоять под Пресли и Армстронга. Девочки с удивлением обсуждают увиденные танцы. Что, не знали, как оказывается можно танцевать танго и босса-нову. Вот смотрите на старшее поколение, учитесь.

Выходим на сцену. Первые аплодисменты заработали своим видом. Смотрю в зал, улыбаться-то нам улыбаются, но похоже недовольны тем, что мы их оторвали от позабытых мелодий. Ничего, у нас кое-что припасено. Негромко беру ноту соль, чтобы поймать тональность. Вступление у меня после короткого брэка ударника, без инструментов.

One, two, three oclock, four o'clock, rock,

Five, six, seven o'clock, eight o'clock, rock,  
Nine, ten, eleven o'clock, twelve o'clock, rock,  
We're gonna rock around the clock tonight. [1]

В зале визг. В центр бегом вылетают пары и начинается светопреставление. Во, старики жгут! Как бы чего себе не поломали. У некоторых ноги выше головы взлетают! «Рок вокруг часов» та ещё штука, мёртвого из могилы поднимет. Не давая остыть, тут же играем Чатанугу чучу, где от души отрывается наш саксофонист. Потом отыгрываем Старинный вальс. Там уже Ирина удивляет всех своим, почти что оперным голосом. Пара инструменталок из популярных в то время фильмов, и Неудачное свидание Цфасмана. Уходим на перерыв, пусть записи покрутят.

За сценой нас встречают аплодисментами. Первой стоит Зинаида Степановна и хлопает громче всех...

— Какие вы молодцы, мальчики. Я на первой песне сама чуть в зал не выскочила. Но мы и здесь неплохо оторвались, да? — спрашивает она у своей танцевальной группы. Действительно ведь танцевали, я смотрю, все покраснелись, — А вырядились-то, чистые стилиаги, — одобрительно цокает она языком.

— Зинаида Степановна, есть идея...

— А что, если... — смотрим с Лёхой друг на друга, киваю ему, чтобы он говорил, похоже нам одновременно одно и то же в голову пришло, — Давайте попробуем ваших танцоров выпустить на сцену. Мы микрофоны немного назад оттащим, и им места хватит.

Все высовываются из-за кулис, рассматривая передний край сцены.

— Степашкина и Воронцов, держите ключ. Бегом переодеваетесь в костюмы для фокстрота и сюда, — тут же подхватывает идею директриса. Ага, это она не с народниками, а с бальными танцами сегодня занималась.

— Шестнадцать тонн, — реагирую я на слово фокстрот. Коля вздрагивает. Это единственная песня, которую он у нас поёт, как солист. Специально её к этому вечеру разучивали. Колин низкий голос неплохо подходил под стиль исполнения Тома Джонса. Щёлкаю пальцами, обозначив наш темп, и начинаю напевать.

— Чуть медленнее, они с закручиванием не успеют, — улавливает мою мысль директриса. Вместе подбираем нужный темп.

— У них танец сколько по времени? — задумчиво спрашивает Алексей.

— Четыре десять, — подсказывает кто-то из танцоров.

— Импровиз на два квадрата сыграешь? — Лёха смотрит на саксофониста.

— На тему Шестнадцати тонн? Да хоть восемь отожду, — ни секунды не задумывается тот.

— Дима, иди сюда, — через сцену кричу осветителю и машу руками, чтобы он меня заметил, если не услышит. Тот за задником сцены перебирается на нашу сторону.

— У тебя куда были прожекторы сведены?

— На центральный микрофон, вон на тот, — показывает он пальцем. Прикидываю перестановку микрофонных стоек так, чтобы танцующая пара была под светом. Тревожное ощущение. Такое бывает, если ты в прицеле. Оглядываюсь. Зинаида на меня уставилась. Взгляд такой... оценивающий.

— Зинаида Степановна, не смотрите на меня так, не выйдет из меня танцора, — говорю



ей немного громче, чем нужно, привлекая внимание ребят.

— Это почему же? — машинально уперев руки в бок, отвечает она. Понятное дело, в танцах с парнями всегда напряжёнка, а меня ростом и фигурой не обидели. Углядела вдруг перспективного кадра.

— Вам не покажу, — застенчиво отвечаю ей, нарочито смущённо шаркая ногой. Через секунду уворачиваюсь от начальственного подзатыльника, и тихое похрюкивание свидетелей нашего разговора переходит в откровенный ржач. Зинаида и сама грохочет, аж лицом побагровела. А девчонки среди бальных ничего есть. С парочкой я бы вполне... потанцевал.

Прибегает переодетая пара. Алое пышное платье на девушке, и почти что настоящий чёрный фрак на парне. Показываю им на точку, где стоит микрофон, объясняю про свет. Выглянули, кивают, что поняли.

Выходим. Отодвигаем стойки с передней линии. Я на пульте снижаю чувствительность микрофонов, матерясь про себя о сбитых настройках. Микрофоны переехали ближе к инструментальным колонкам, и теперь могут ловить их звук. Свет приглушён, прожектор ловит одного Николая. Начало песни и тут на сцену выбегают танцоры. Очень сильная пара. Зал в восторге. Неплохо начали.

Играем десять песен. Последняя — Шизгара. Танцевальный гимн СССР. Замечательная песня, истоки которой начинаются в девятнадцатом веке. Стивен Фостер написал тогда песню «Ох, Сюзанна», которая стала знаменем Калифорнийской золотой лихорадки. В 1963 году группа «The Big 3» сделала свою обработку этой песни, назвав её «Песня банджо». Там уже слышно будущую Шизгару просто очевидно. В 1969 году неизвестная тогда ещё голландская группа Shocking Blue записала песню Venus, взяв красивую гитарную партию из рок — оперы Томми, группы Who, а мелодию — у малоизвестных Биг-3. В песне нет слова «шизгара». Такого слова вообще не существует. Солистка Маришка Верес поёт фразу «She's got it» («она это получила», в контексте значит нечто вроде «В ней что-то есть, она клёвая»). Вот в таких муках рождалась популярная песня, ставшая вечнозелёным символом нескольких поколений и заставившая взять в руки гитару тысячи людей по всему миру. Как бы то ни было, магическое слово — Шизгара было канонизировано в русском языке.

С первыми танцами закончили. У сцены толпится народ, слышу, что нас благодарят за отличный вечер. У девочек в руках цветы, пусть по три скромных розочки, но им приятно.

А у меня проблемы. Вспомнив, что туалет на первом этаже не совсем в порядке, бегу вверх. Слышу хлопок двери и звяканье ключей. Директриса, уже одетая в плащ, домой собралась.

— Зинаида Степановна, как наши финансовые успехи? — спрашиваю первое, что пришло в голову, чтобы скрыть смущение.

— Плохо, — отвечает она, и увидев моё растерянное лицо, фыркает, добавив сквозь смех, — Сорок рублей до тысячи не добрали. Билеты кончились, — неожиданно она целует меня в щёку, и помахивая сумочкой, идёт по коридору. Походка-то у неё, как у двадцатилетней, машинально отмечаю про себя.

Вторые танцы играем на подъёме. После перерыва выпускаем наших гостей — Водопад. Первые две песни у них проходят не плохо, на третьей танцующих мало, в зале начинают посвистывать. Правы мы оказались, когда убеждали ребят, что на танцах надо играть танцевальную музыку.

В зале объявляют «белый танец» и звучит запись медляка от группы Чикаго. С ним мы

угадали. Поможет вернуть залу желание потанцевать. Сейчас там девушки быстро настроение всем поднимут, вытащив на площадку приклеившихся к стенам парней.

Водопады делятся впечатлениями.

— Не наша публика, — вздыхает их бас — гитарист.

— Просто мы привыкли у себя в городке среди фанатов выступать, а тут нас не знают, — то ли спорит с ним, то ли соглашается ударник.

— Рано мы зазвездили, а звук классный был. Аппарат у вас — сила. Лёха, ты зови нас, если что. Мы в следующий раз с другими песнями выступим. Есть у нас парочка в запасе. Всё руки до них не доходили, а сегодня понятно, что для танцев они самое то, что надо, — высказывает своё мнение гитарист.

— Песню про пятницу можно вспомнить будет, только соло надо позабойнее, — подсказывает их басист, — Короче, спасибо за приглашение. Есть теперь над чем подумать, а то появились у нас апологеты элитарной музыки. Скоро только сами для себя играть будем, — бросил он уничтожающий взгляд на их смущённого клавишника.

Выходим на сцену. Тремя песнями заново разогреваем зал.

— Шизгару давай, — одинокий выкрик накрывается одобрительным гулом и поддерживается ещё десятком голосов. Свист, топот, забежавшие дружинники. Эта песня, как лакмусовая бумажка показывает градус настроения в зале. Если на танцах дошло до Шизгары, значит народ к веселью готов.

Три ударных шлягера, почти без перерыва, один за другим. Наши девочки минут десять назад убежали переодеваться в брючные костюмы. Будут учить народ танцевать регги. Пять минут побудут аниматорами. В Колиной песне они только в припевах мне подпевают и на коде, то есть, в самом конце. Наш басист уже красный, как варёный рак. Первый раз его песня сейчас прозвучит для публики.

Необычный ритм, мелодия, исполнение. Зал застывает в недоумении.

— Танцуйте с нами, — кричит Ирина в микрофон. Ай, молодец! Девочка — зажигалочка. В зале появляется стенка из пяти девчонок, потом ещё одна, они растут, извиваются змейкой. Много смеха. Первые аплодисменты на этих танцах.

— Эту песню написал наш бас — гитарист, — объявляю я в микрофон и показываю на Николая рукой, — Сегодня она прозвучала впервые.

Снова хлопают, одобрительный гул мужских голосов, повизгивания девчонок. Николай, с грацией ручного медведя, раскланивающийся во все стороны. Включаем записи, идём на перерыв.

— Да отвали ты, сказал же, всё чики — ладушки будет, поговорим пару минут и уйду, — слышу громкий голос в коридоре. Высокий парень отбивается от дружинника и пытается попасть к сцене.

— Ты тут главный? — видит он меня.

— Слава, пропусти его, видишь, человек поговорить хочет, — прошу я знакомого дружинника. Тот нерешительно останавливается, и парень просачивается к нам. Зову Алексея. Выходим на лестницу, присаживаемся на подоконник.

— Братишки, тут такая тема. Я тоже две песни написал, как этот ваш, ну с бас — гитарой который. Послушаете? — помогая себе распальцовкой, спрашивает наш гость, явно хулиганистого вида. Иду за гитарой. Есть у нас в репетиционной обычная, акустическая.

Мда, первая песенка ожидаемый шлак. Под три аккорда, гнусавым голосом про водочку — селёдку. А вот вторая, вторая уже интересная. Текст немного доработать и мотивчик

поменять, а то явственно слышно песню «Плачет девушка в автомате».

Забираю гитару и тащу парня за собой. Вытаскиваю кассетную Весну, ставлю перед ним микрофон.

— Пой про незабудки, — говорю ему, нажимая запись. Краснеет, затравленно оглядывается на наших девчонок.

— Слышь, друг, давай когда они уйдут, а?

— Тогда жди. Мы сейчас на сцену, а тебя Витя запишет, — с улыбкой смотрю, как он облегчённо выдыхает.

— Ты что, серьёзно про песню, что ли? — спрашивает меня Лёха, когда мы выходим.

— Я тебе притащил незабудки,

— Хоть немного, да дрогнули губки, — передразнивает он запомнившиеся последние строчки. Эх, рассказать бы тебе, как «Девушку в автомате» пели Антонов, Калинин, но лучше всех она у Осина получилась, да не поверишь же.

— Классная песня будет, вот увидишь. Во всех дворах петь будут, — обещаю я.

— Дворовая песня, я про это и говорю, — кривит губы Алексей.

— Лёх, а ты во дворе никогда не пел? Там никого не заставишь петь то, что не нравится. Во дворах у нас реальная демократия. Считай, что это современная народная музыка.

— Да он сам хулиган. Это же Гопяк был. Пивзаводской шпаной командует. Ты руки его видел? — вмещивается Коля. Видел я руки... Все в ссадинах от драк и жирная расплывшаяся накладка ЗЛО на пальцах.

— Коль, поверь на слово, что Есенин с Маяковским тоже ангелами не были. А теперь их стихи в школе учат, — пытаюсь я воззвать к его разуму. По сравнению с этими великими поэтами — Гопяк просто мелкий дворовый драчун. Вот те хулиганили, так хулиганили — с выдумкой и эпатажно. Не может тупой хулиган написать такие строчки, как у него в куплете.

Должно быть, оторвали  
От неба лоскуток,  
Чуть-чуть поколдовали  
И сделали цветок. [\[2\]](#)

— Я эту песню играть не буду. Мне пивзаводские в пятом классе фингал подвесили, — бурчит наш клавишник. Переглядываемся, и начинаем ржать, я даже к стене привалился, чтобы с ног не рухнуть. Юра, поглядев на нас, присоединяется чуть позже.

— У меня музыкальная школа была в их районе, и такая папка для нот с выдавленным скрипичным ключом и ручками — верёвочками. Вот они до папки и докопались. Хотели отобрать и с горки на ней кататься, — рассказал он сквозь смех, — Папку я отстоял, а хулиганов какая-то тётка шуганула, но по шее надавать мне успели и под глаз засветили.

С улыбающимися лицами выходим на сцену. Ещё полчаса музыки, побольше медленных танцев из-за умоляющих взглядов девушек из зала. И последним — битловский Yesterday.

Коля повёз наших девочек по домам. Эдуард, бросив на бегу кофр с саксофоном на полку, скрылся вместе с поджидавшей его девушкой. Творчески он использовал свободное время. Его саксофон нам не в каждой песне нужен, вот он и успел потанцевать, да ещё и девчонку видную отхватить. Заперли в кладовке всё ценное, включили мою хитрую

сигнализацию, сидим, пьём кофе.

— Не представляю, что завтра будет, — улыбается Алексей, — Сегодня уже в зале битком было, а завтра друзей с собой потащат. Видел, как всем понравилось?

— Нам сегодня дождик помог. Многие просто в ЦПКиО не пошли, — вносит свою толику скепсиса Юра.

— Те, кто у нас был сегодня, в парк уже не пойдут. Я туда ходил в прошлые выходные. Ничего интересного, — Александр поставил пустую кружку и посмотрел на часы, — Побежали бегом, скоро последний автобус.

Почему старт последнего автобуса всегда так резок и агрессивен? Таксисты умерли бы от зависти, увидев, на что способен Икарус, удирающий в парк.

До дома пять остановок. Идём под морозящим дождём, безнадёжно машем с обочины редким автомобилям. Вот и осень пришла в наш город.

С Михаилом Натановичем договорились встретиться в час. Сразу же после звонка решил, что никаких чудес больше являть не буду. Рано мне во что-то всерьёз вмешиваться. Впервые за все мои прожитые жизни мне комфортно в психологической матрице этого парня и я стараюсь своё сознание вытаскивать лишь изредка, в крайних случаях. Живу, как юноша, думаю, как он и мне близки его восторги и интересы. Несколько раз высунул свой нос пожилого циника, чего только не перевидавшего, потом дня три плевался. Мы оказались во многом близки, разве что девушки нам разные нравятся, да лично мои восторги от зарубежных шмоток и прочих товаров равны нулю. Ну, при любовании всякими импортными штуками я стараюсь совсем исчезнуть. Убрать своё сознание поглубже. Сейчас модно ими восторгаться, более того, они возведены в культ. Белой вороной мне быть ни к чему. Начни оспаривать превосходство фирмы — дураком прослывёшь.

Через пару месяцев мне так глубоко уже не спрятаться будет. Понемногу ослабевают влияние Павла на выбор поведения и сиюминутные реакции. А так не хочется...

Как назло на глаза частенько Ельцин попадает, то по областному телевидению покажут, где первый секретарь обкома что-нибудь открывает, то в газете фотография. Знать бы наверняка, сам он, по недомыслию пойдёт в будущем делить страну на таких невыгодных условиях, или длина поводка у него была отмеряна незримыми кукловодами. Бросить партбилет, взять власть, преодолеть коммунизм и бескровно перейти от рабовладельческого социализма к свободному обществу — это поступки. Кто ещё смог сказать на партийном съезде:

— Партия должна освободить себя от любых государственных функций.

Про такое даже думать боялись, не то что вслух говорить.

Странно, если бы и дальше он побеждал так же легко, оказавшись на привычном для капиталистов поле финансово — кредитных отношений, со страной, увязшей в кредитах. Шансов на победу столько же, как у новичка, севшего сыграть с гроссмейстером шахматный блиц. И ещё, мне очень интересно, зачем Россия приняла на себя все долги бывшего СССР.

— Михаил Натанович, Вы же вроде и врач, но в то же время постоянно с техникой возитесь разнообразной. Вот это-то чудо как к Вам попало? — я рассматриваю схему и чертёж магнитного сепаратора. По крайней мере на чертежах так написано.

— Возникла идея, что такое устройство может улавливать самые мелкие частицы. Например, отдельные виды клеток крови, — покусывая шариковую ручку, не спеша объясняет профессор. Так, у меня нехорошие подозрения начинаются.

— И тут Вы вспомнили про мои магнитные способности?

— Что? А нет, хотя...

— Больше ста грамм не дам. Мне тренироваться надо, — отодвигаюсь я от него вместе со стулом.

— Да что ты, что ты. Не нужна нам пока твоя кровь. Этот аппарат только на бумаге существует. Слишком уж заманчивая идея вырисовывается. Просто нужные нам частицы настолько малы, что и их магнитное поле по сути своей ничтожно.

— Михаил Натанович. Когда ракету для космоса делали, сколько разных учёных было? Я имею в виду — разных по профилю. Кто двигатели, кто сплавы, кто топливо изобретал. С Вашим сепаратором скорее всего так же надо. Одни должны искать способ увеличить

магнитное поле за счёт конструкции, другие изготовить материалы с аномально высокой магнитной проницаемостью, третьи думать, как им увеличить нужные Вам малые частицы или их поле.

— Да как их увеличишь? Это же кровь, — досадливо отмахнулся профессор.

— А я откуда знаю? Введите раствор какой-нибудь, сорбенты пробуйте, — я импровизировал на ходу. Для техники и медицины будущего никаких сложностей нет. Но там материалы и технологии абсолютно другие.

— Раствор точно нет, могу объяснить...

— Михаил Натанович, я Вас умоляю, где я и где понимание крови...

— Ну да, ну да. Кстати, Павел, я про тебя с Тахчиди говорил. Лучший офтальмолог в городе. Сейчас я тебе его телефон запишу. Только напомни ему, что ты по моей просьбе звонишь.

— Спасибо, обязательно позвоню. У Вас с Виктором Семёновичем получилось что-нибудь? — вспомнил я нашу последнюю встречу.

— Вроде вырисовывается работоспособная схема. Он просил спросить, где ты про мембраны узнал, — профессор подал мне листок с написанным им телефоном врача.

— Где узнал? Если честно, то в туалете. Отец у меня «Науку и жизнь» выписывает, вот и попала статья на глаза...

— Аха-ха-ха, охо-хо-хо-хо, ой, не могу, — под конец профессор закатился совсем уже неприличными тонкими повизгиваниями, — Иди уже, чуть не уморил. Обязательно ему расскажу. Посоветую кабинет сменить, чтобы лучше думалось... и журналов ему туда, журналов побольше...

Я шёл по коридору и думал, что не скоро появятся такие сепараторы, способные удалять даже раковые клетки. А надо-то не так уж много: хороший процессор, да микронные шарики из железа научиться в полистирол закатывать. Тогда многое станет доступным медицине. Очень многое.

Бегу по лестнице. С третьего этажа услышал, как в квартире надывается телефонный звонок. Не успел. Кто же меня разыскивает? На всякий случай набрал Алексея.

— Паша, хорошо, что позвонил. Тебя Зинаида разыскивает, говорит, что-то срочное. Просила тебя найти, — затараторил Лёха в трубку, даже не поздоровавшись, — Записывай телефон.

— Здравствуйте, Зинаида Степановна. Это Савельев. Говорят, искали меня, — я до звонка попытался прикинуть, для чего я ей нужен, но ничего в голову не пришло.

— Павел, что ты натворил? Мне уже три раза звонили из приёмной директора завода. Тебя вызывают, — в голосе нашей директрисы паника.

— Зинаида Степановна, чист, как агнец божий. Никаких грехов, кроме второго места на соревнованиях по бегу, за собой не знаю.

— Тогда оденься приличней и срочно к директору. Он ждать не любит, — она сбавляет тон. Одет я и так нормально, только от профессора. Подумав, беру сумку и засовываю в неё грамоту и статуэтку. Награды за соревнование.

— Здравствуйте, я Савельев, — говорю женщине в строгих очках, сидящей в приёмной. Она ненадолго задумывается.

— Совещание у него, производственное. Хотя, сам же сказал, доложить, как подойдёт, — она зачем-то поправила причёску и распрямила плечи, — Михаил Анатольевич, Савельев в приёмной, — сказала секретарь, нажав кнопку селектора.

— Пусть заходит, — послышалось в ответ.

Толкаю тяжелую дверь, вхожу. Накурили-то как! Человек двенадцать взрослых мужиков, смолят через одного. Хоть бы окно открыли.

— А вот и наш герой. Савельев, эээ, Павел, — зачем-то провёл пальцем по лежавшей перед ним газете полный мужчина, сидящий в директорском кресле, — Ну, рассказывай.

— Про соревнования? — дожидаюсь подтверждающего кивка и продолжаю, — Сказали выступить. Заявили на восемьсот метров. Прошёл в финал, занял второе место. Вот, награды принёс, — вытаскиваю из сумки грамоту со статуэткой, кладу на стол.

— Отдаёшь, что ли? — интересуется директор.

— У меня их ещё много будет. А тут я за завод выступал.

— С корреспондентом говорил, или тот сам всё придумал? — постукивая по столу всеми пальцами, спрашивает директор безразличным голосом.

— Говорил, — покаянно опускаю голову. Понятно, что у него на столе газета делает.

— Вот, — поднимает тот вверх указательный палец, — Он поговорил, а мне десять звонков с утра, причём два — оттуда, — указательный палец поднимается ещё выше, — И все так ехидно интересуются, как у нас дела обстоят с планом по ТНП. Не собираемся ли мы спортивные товары для нашего народа осваивать. И что я должен отвечать? — указательный палец, как ствол пистолета, теперь наведён на меня.

— А что там делать-то? Сплошной примитив. Вы вон какое оборудование производите, смотреть страшно. Неужели раздвижной турник или тренажёр не сможете сделать, да хоть гантели наборные или штанги? — возмущаюсь я под прицелом пальца, — Дайте мне пару мужиков рукастых, я вам за день образцы изготовлю.

На входе в заводоуправление висят фотографии продукции завода. Насосы, гидравлика разная, масляные гидростанции и ещё куча непонятных устройств. Тут хоть кто догадается, что без высокой точности изготовления такое оборудование работать не будет. Так что культура производства на заводе высокая и оборудование серьёзное.

— И что для этого из материалов потребуется? — с одобрительного кивка директора, спрашивает пожилой дядька, с густыми и длинными усами и носом — бульбой.

— Про штангу или гантели наверное всем понятно. Только гайки нужны будут с крупной резьбой. Для тренажёра потребуется квадратная труба, — прикидываю на пальцах размер, — Пятьдесят на пятьдесят, или на сорок, два блока, сиденье, стальной трос и такие же блины, как для штанги. Турник — это просто труба с винтовыми распорками, — показываю руками вращательные движения и понемногу развожу руки в стороны, — Тренажёр для пресса — это скамейка с захватами для рук на разной высоте. С беговой дорожкой или велотренажером сложнее, но попозже и их сделаем.

— Силантьев, справишься? — обратился директор к невзрачному мужичку, упоённо смолившему беломорину. Тот вздрогнул, посмотрел на меня и молча кивнул головой.

— Газету не видел? — Михаил Анатольевич увидел мой отрицательный жест, — Тогда держи на память. И в кассу зайди, там тебя профком поощрил.

Он передал газету и она по рукам начала двигаться в мою сторону.

— А парень-то первым прибежал, — ухмыльнулся вислоусый мужик, который спрашивал меня про материалы. Газета пошла ко мне медленнее. Теперь каждый внимательно рассматривал фотоснимок над статьёй. Крякают, ухмыляются. Да, не зря Стас на стадионе возмущался. Ленточку я первый на грудь принял. Львов на снимке так и не дотянулся до неё. Пусть чуть — чуть, на пару сантиметров, но отстал.

— Хех, и точно, первый, — сказал у меня из-за плеча Силантьев, когда я рассматривал снимок, — Пошли, чемпион. Сейчас узнаешь, что такое экспериментальный цех.

В цехе Кузьмич, так мы по дороге определились с Силантьевым, позвал двух мастеров. Начал им объяснять, как я вижу разборные гантели. Слушают, переглядываются. Потом один из них идёт к тумбочке и вытаскивает почти то, о чём говорим. Гантели. С любовью сделано, для сына. Ни одного острого края или заусеницы.

Показывают мне три обрезка от червячных валов. Определяемся с шагом резьбы и начинаем взвешивать каждую деталь. Весы обычные, как у нас в Гастрономе. Ручка с гайками полкило, блины по 1,25 и 2,25 килограмма. Получаем три варианта веса: в три, пять и семь с половиной килограмм. Сразу прошу, чтобы всё блестело, как у кота... хозяйство. Кузьмич обещает договориться с гальваническим, чтобы отникелировали.

— Дороговато выйдет, надо попроще что-нибудь, — замечает он, как бы невзначай.

— Резинки есть на заводе, что-нибудь похожее на ручки мотоцикла? — спрашиваю его в ответ.

— Гриша, сгоняй во второй цех, пусть пару резиновых ручек от насосов дадут, от переносных, — кричит он молодому парню, работающему на электрокаре. Тот возвращается быстро, мастера даже перекурить не успели. Вполне приличные ручки — трубочки, с «сеточкой» и напльвами на концах. Делаем самые простые гантели на два разных веса, с глухими блинами и обрезиненной ручкой. Блины уносят в покраску. Турник они и без меня изготовят. Обычная труба и два упора с резьбой.

Рисую три простейших тренажёра. Вроде всё поняли.

Штанги пока встали. Сегодня точно не сделать. Нужна накатка на гриф, чтобы он был рифлёным, а это другой цех. Блины тоже позже — нет в экспериментальном токарного станка на такой диаметр. Сделают, но завтра.

— Иди домой, на сегодня всё. Завтра раньше трёх можешь не появляться, — говорит Силантьев, прикинув какие-то свои расчёты по работам.

По дороге заскакиваю в кассу. Получаю шестьдесят рублей матпомощи от профкома «за активное участие в спортивной жизни завода» и аванс в тридцать пять рублей. Оказывается, зарплата лаборанта — восемьдесят семь в месяц. Маме отдам, вроде, как первая зарплата сына. В обычных семьях это своего рода традиция.

Агнета Фальтског — вроде простой набор звуков. Девочка из города Йончепинге. На самом деле — легенда! Удивительная женщина. Солистка уникальной группы АББА. Вот вроде бы и не в моём вкусе, а взгляд постоянно выискивает именно её, как только группа показывается на экране. Вряд ли кто знает, что она виртуозно играет на рояле и не любит концерты и гастролы.

Наивно думать, что в Швеции АББА стали национальными героями. Ничего подобного! Ни одна группа у себя на родине не подвергалась таким нападкам прессы, радио и телевидения, как АББА в Швеции. Основной мотив обвинений: группа уводит слушателя от социальных проблем, исполняет развлекательную музыку с глупыми текстами, АББА — «машина для загребания денег». Моральное давление на музыкантов было очень тяжёлым. Но почему-то при этом не говорилось, что 85 процентов (!) прибыли квартета в качестве налогов забирает государство, что группа вносит существенный вклад в валовый национальный продукт Швеции... Музыкантам часто предлагали переехать в любую другую страну с более благоприятным налоговым климатом, но всегда получали от них жёсткий отказ. Вот такой он, патриотизм по-шведски.



Кстати, «шведский социализм» построен на теориях Каутского, того самого, о котором говорил незабвенный Шариков в «Собачем сердце». Почему-то в СССР это не принято обсуждать.

Простенькая песня I Do I Do I Do I Do I Do, но её сложно хорошо сыграть. Как они переходят с припева на куплет, не только не теряя энергетику, а даже прибавив ощутимо накала. У нас не получается. Пытаемся сделать запись. Первая подложка всех устраивает, а при наложении вокала — провал.

Для чего нам перепевать, а тем более записывать прошлогодний хит? Учимся работать в студии. АББА — шикарные учителя. Феноменальные. Планку качества поп — музыки они задрали так высоко, что даже спустя тридцать — сорок лет до них дано дотянуться единицам, и то, встав на цыпочки. Вырасти до такого уровня им помогла студия. После победы на Евровидении группа стала для слушателей героями одного хита и публика на их концерты не пошла. Шведам часто приходилось выступать в полупустых залах. В Гамбурге и Мюнхене билеты на концерты бесплатно раздавали на улице прохожим, концерты в Цюрихе и Дюссельдорфе были отменены совсем. Этот провал надолго отбил у музыкантов желание гастролировать. Группа засела в студии. Вместо гастрольной деятельности они сделали основной упор на участие в телепрограммах и съёмках видеоклипов. Только после долгой и кропотливой работы появилась та АББА, которую мы знаем. Триста семьдесят пять миллионов проданных пластинок за шесть лет — этот рекорд никому не превзойти.

Прослушали ещё раз нашу запись. Сыграно и спето всё правильно, а песня не та, не заводит.

— Парни, перерыв, покурите минут десять, — Алексей выпроваживает всех из репетиционной, а сам с девочками идёт к пианино. Ага, вот он что сообразил. Голоса у наших девочек высокие, молодые. Бенни и Бьорн заставляли своих жён петь на пределе их верхнего диапазона, создавая дополнительное напряжение, а наши девочки могут петь выше.

Песня получилась! Стоило поднять тональность на полтора тона и мы слышали то, чего нам так не хватало — драйв и энергетику.

Хорошая школа — запись. Никому объяснять ничего не надо — сами слышат. Ударник чешет голову и поглядывает на свою Трову. Плохо звучат и барабаны и железо. Это мы ещё на записи вытянули из них всё что можно, выставив шесть микрофонов только на одну «кухню», как называют музыканты ударную установку. На бочке стоят сразу два микрофона — один снимает сочный шлепок с пластика, второй работает на «мясо», улавливая основной звук.

Следующая песня — Парусник. Николай сияет от счастья. Наверняка не раз переписет свою песню на кассеты и раздаст всем знакомым. Инструментальную часть мы записали сразу с предыдущей вещью, чтобы не перестраивать аппаратуру дважды. Пишем в два приёма — сначала инструментальные партии на один магнитофон, а потом на неё накладываем вокал, записывая его наложением на первую фонограмму.

С четвертого раза получается вполне прилично. Дважды переписывали из-за меня. Один раз слово «проглотил», а второй — взял неправильно дыхание, вдохнув перед самым микрофоном. Третий дубль испортили девочки, опоздав вступить в аккорд на припеве. На всякий случай пишем ещё один дубль — Алексей требует от меня более разборчивой дикции. К всеобщему удивлению всё получается с первого раза. Все спели чисто и правильно. Всё-таки насколько запись дисциплинирует и позволяет лучше понять собственное же исполнение, услышать его со стороны.

Слушаем ещё раз. Все довольны, особенно девушки. Сегодня они поняли свой потенциал. Спели обе просто здорово. Оказывается, мы вполне приличный ансамбль, способный выступать не только на танцах. Понятно, что студия у нас так себе, одно название, и инструменты не самые лучшие, но результат мы выдали вполне достойный.

Бегу на завод. Очень интересно посмотреть, какие тренажёры получились.

— Сейчас их из покраски привезут и можно директору доложить, — встречает меня Силантьев приятным известием. Я осматриваю штангу. Мне нравится, но надо бы кого-то из штангистов позвать, пусть они оценят.

— Кузьмич, а на заводе штангой никто не увлекается?

— В инструментальном есть один. Раньше даже по соревнованиям ездил. Хочешь ему показать?

— Ага, давайте позовём. Вдруг напортачили что, а так хоть он подскажет, — Кузьмич кивает и идёт к внутреннему телефону.

— Добре, хлопцы, добре, — грузный штангист осмотрел готовую штангу и потягал её прямым и обратным хватом, — Получше многого будем, с чем заниматься приходилось, но есть и недоделки. Замок лучше с кнопкой делать, а если гайкой хотите оставить, то диаметр надо побольше и выемки под пальцы должны быть. Теперь по грифу. Для тренировок насечку такую глубокую не надо. Руки смозолишь. А вот гантели ладные вышли, такие и себе бы купил.

Виновато развожу руки. Вот тебе и простенькая штанга, казалось бы...

В цех заезжает электрокара. Привезли первый тренажёр. Вполне прилично выглядит и сварные швы ровненькие, хорошо зачищены. Всё выкрашено в белый цвет, блестит. Помогаю установить блоки и прикрутить сиденье. Вокруг потихоньку собираются любопытные. Штангист одобрительно похлопывает по сидушке, трясёт саму станину, проверяя на прочность.

— Это когда мы такие делать будем? — спрашивает он, — Я своим в клубе расскажу, они враз такой станок закажут.

— Это как начальство решит, — отвечает Кузьмич, начиная готовить в свободном углу цеха площадку для демонстрации образцов. Через полчаса всё закончили. Силантьев уходит к себе, чтобы позвонить директору завода.

— Сказал, что сам придёт, минут через десять — пятнадцать, — начальник цеха вытирает вспотевший лоб. Волнуется, а с чего бы? Сидим на тренажёрах, иногда отвечаем на вопросы любопытных.

— У — у, разбегаемся, всё руководство пожаловало, — водитель кары, увлеченно крутивший гантели, первым демонстрирует завидную прыть и оседлав свой пепелац, сматывается подальше от начальства. Оглядываясь, через цех идёт директор и свита в три человека.

— Кузьмич, а кто с директором?

— Парторг, профком и зам по производству, — затвердев лицом, отвечает Силантьев, — Неудачно я со звонком попал, они как раз все у директора в кабинете были. Теперь разведут говорильню...

— Да вроде не перед кем, — оглядевшись вокруг, успокаиваю я его. Мы вдвоём остались. Народ, построив сосредоточенные лица, уже разбежался, кто куда.

— Показывайте, что вы тут изобретали, — потирает директор полные руки.

— К сожалению, ничего не изобрели. Всё уже до нас изобретено. По всему миру что-то

подобное делают, поэтому слава «изобретателей велосипедов» нам ни к чему, — улыбаюсь я, — Мы только размеры примерные вымерили, а потом под раскрой трубы их подкорректировали, чтобы в обрезки меньше уходило.

Профкомовец, как сорока, ухватил самое блестящее — сверкающие никелем гантели.

— Вот, — машет он ими перед собой, — Вон они подарки наши будут! И гостям, и передовикам теперь своё дарить будем.

Парторг что-то считает, загибая пальцы.

— Восемь. Двух не хватает. Восемь не звучит, а вот десять... — он прикрывает глаза и выдаёт, — В соответствии с решениями партии и правительства наш завод в кратчайшие сроки разработал и подготовил к внедрению десять новых образцов товаров народного потребления, призванных улучшить и разнообразить жизнь советского человека.

Во, жжёт! Это он, видимо, свой победный рапорт на верх уже сочиняет.

— Ещё два сделаете? — улыбается Михаил Анатольевич, глядя на примлевшего парторга. Он переводит взгляд на Силантьева, тот поворачивает голову на меня.

— Шведскую стенку для дома и детские гантели, на килограмм и очень яркие, — предлагаю я, подумав. Силантьев одобрительно хмыкает.

— Завтра обоим приказом отмечу, — важно кивает директор.

— А мастеров, которые делали? — не выдерживаю я.

— А список рабочих составит Силантьев. Ибо иерархия власти есть и должна быть, — вздевает директор вверх толстый палец — сосиску.

Вот нет бы мне промолчать. Вылез и получил щелчок по носу. Справедливый и заслуженный. Ладно, переживу. Зато дал возможность директору что-то умное сказать.

— В конце месяца в Доме техники будет областная выставка товаров народного потребления. Мы завтра тоже подадим заявку на участие. Будешь там наш завод представлять, — палец упирается в меня. Похоже, это приказ и обсуждать со мной его никто не собирается. Выпучиваю глаза, как кот, который гадит, и согласно киваю. Придётся посидеть пару дней у стенда. Ссориться с руководством завода в мои планы не входит. Директору моя пантомима нравится. Он довольно улыбается и важно идёт на выход. За ним, в кильватер, пристраиваются остальные.

— Чай будешь? — отмирает Кузьмич, глядя на двери, через которые ушло руководство, — Пошли, у меня Три слона есть и конфеты шоколадные.

Вечер свободен. Звоню друзьям из телефона — автомата.

— Паха, ты свою фотку в Комсомолке видел? — от Витиново вопроса леденеет затылок. Узнаю, что Комсомольская правда перепечатала статью из Уральского рабочего. Успеваю услышать, что оба моих друга сегодня приглашены на день рождения их сокурсника из УПИ. Вылетаю из будки и бегу к автобусной остановке. Там есть газетный киоск.

Устраиваюсь на лавке и ищу статью. Вот она, на третьей странице. Статья перепечатана полностью, от себя Комсомолка добавила:

— «Мы обсудили свердловскую инициативу с видными деятелями культуры и спорта. Вот что сказал Николай Николаевич Озеров, известный спортивный комментатор, народный артист РСФСР, заслуженный мастер спорта СССР:

— Вопрос с качественными товарами для спорта очень своевременный и архиважный. Мы знаем, насколько сильны наши спортсмены, но не всегда им удаётся полностью реализовать свой потенциал. Современный спорт — это квинтэссенция не только личных качеств спортсмена и большая тренерская работа, но и его снаряжение всем необходимым,

причём высочайшего уровня. Все мы помним, как досадно ломались клюшки у наших хоккеистов, как мы оставались без медалей, когда наши лыжники оказались не готовы к переходу на пластиковые лыжи. Вопросов назрело много и их надо решать».

Не побоялся Николай Николаевич, напомнил про клюшки, а ведь когда-то именно за этот репортаж, где он посетовал на отечественные клюшки, которые ломались одна за другой, его обвинили в «пораженческих» настроениях. Дорогой Леонид Ильич лично попросил тогда комментатора «не так эмоционально комментировать». Интересно, почему Комсомолка обратилась к Озерову? Может потому, что он за всю свою жизнь так и не стал коммунистом и более-менее свободен в высказывании мнения. Хотя нет, небольшое замечание про профессиональный спорт он «не заметил». Не так уж и свободен...

Немного покорежила фраза про «свердловскую инициативу». Одного такого «инициатора» я каждый день вижу, в зеркале, когда причёсываюсь.

Еду домой, размышляя по пути, через кого лучше получится вбросить идею о шефстве завода над спортивным интернатом. Наверно парторг мне больше всех подходит. Уж он найдёт, как это правильно подать «в свете решений партии и правительства».

Дома меня ждёт мама и картофельное пюре с котлетами. Кастрюля с пюре заботливо укутана в полотенце. Котлеты на чугунной сковороде ещё пышут жаром.

— Сосед сверху заходил, тебя искал, — мать сидит напротив, по-бабьи подперев щеку ладошкой, и смотрит, как я ем. Она уже и всплакнуть успела, когда я деньги отдал и объяснил, за что получены. Отца ещё нет, они что-то важное третий день сдают. Он допоздна на работе.

Переодеваюсь в рабочее и иду в гаражи.

— Дядь Петь, привет, — кричу в приоткрытую дверь соседнего со мной гаража. В ответ слышится грохот металлического листа.

— Чего орёшь под руку. Напугал, млин, — Пётр выходит из гаража, являя собой изумительный типаж индейца. Весь словно присыпан пудрой, оранжевой. Куда нам, бледнолицым, до него. Не могу удержаться от смеха. В открытую дверь вижу край оранжевого багажника. Становится понятным необычный окрас моего напарника. Это он деталь к покраске шкурил, вот и превратился в большой апельсин.

— Это чей такой? — показываю я на багажник. Судя по форме, он от Москвича 412.

— У Тимохина сын из армии пришёл, вот и решил ему папа машину отдать, а он под перила задом заехал, когда разворачивался. Старший-то Тимохин вот-вот Жигули себе купит. У него очередь подошла на заводе.

— Колька, Рыжий? Подожди, он же только в ноябре должен дембельнуться.

— Комиссовали. Говорят, на учениях под БТР попал, ногу поломало. Теперь хромает.

Рыжий Колька, или Лис, был до армии знаменит не только в нашем дворе. Цвета своих волос он нисколько не стеснялся, назло всем ходил в невообразимо широких брюках, с клёшем чуть ли не в полметра, сшитых им самим из оранжевого панбархата. За плечами всегда болталась старенькая гитара. Играл он плохо, но восполнял это очень громким исполнением и нечеловеческой самоуверенностью.

Пока красили багажник, я обдумывал одну идею. Не так давно я купил десяток разных конструкторов и завёз их ребятам в интернат. В фойе был кусок стены, на котором, как живые были нарисованы два хоккеиста, на большой скорости рвущиеся к воротам.

— Нравится? — спросил меня Стас, когда увидел меня рассматривающим замечательно выполненный рисунок.

— Здорово, как будто фотография, — признался я.

— Мы с Юрком перерисовали. Это фотка была в журнале. На весь разворот.

— Да ладно, — не поверил я.

— Наш классный — учитель по рисованию. У него тут знаешь какая мастерская. Он даже на выставки свои картины возит, а в школе кружок по рисованию ведёт. Мы с первого класса там занимаемся. Подожди тут, я сейчас свои альбомы принесу, — Стас умчался по лестнице и через пару минут я с удивлением рассматривал отличные рисунки, выполненные разными способами. Карандашные наброски, акварель, пастель. Основная тематика — спорт, во всех его видах. Улыбнулся, увидев на нескольких рисунках одну и ту же гимнастку в разных купальниках. Стас тогда это заметил и надулся.

Вспомнив про их таланты, я подумал, что с Колей я запросто договорюсь про аэрографию на багажник. Такой эксперимент вполне в его стиле. Надо, чтобы появился живой образец, дальше легче будет. А у парней появится шанс заполучить необычную специальность и возможность зарабатывать, если всё удачно сложится.

Украшательство машин в СССР не развито. Максимум, что можно увидеть — это дополнительные противотуманки, хромированные колпаки на колёса и козырёк на лобовом стекле с надписью Автоспорт.

На обратном пути заскочил к Рыжему. Там — пир горой. Отмечают возвращение сына. Кое-как удалось отказаться от застолья и вытащить Колю на балкон. Объяснил ему задумку, он воспринял её на ура и притащил мне иллюстрацию, вырванную из какой-то книги.

— Вот смотри, если бы нас на учения неожиданно не погнали, то мне бы её на груди выкололи, — поделился он со мной своими дембельскими фантазиями. Хорошая картина. Матёрый лис, встав передними лапами на пригорок, всматривается куда-то вдаль.

Обговариваем детали, и со всех ног лечу домой. Как чувствовал! Только успел зайти — звонит телефон. Олька позвонила. Сама. Первый раз.

Сижу на выставке, жду открытия. В обычных солнечных очках. Сходил я к врачу, которого Натанович нашёл, тот прописал мне капли и посоветовал есть боярышник с мёдом. Капли помогают часа на полтора — два. В помещении с ними можно обходиться обычными солнечными очками. От мёда пока результатов нет, но вкусно.

— Я пойду по стендам пройдуся, — пышненькая хохотушка — секретарь комсомольской организации завода, вызвалась помогать мне на выставке. Киваю, что услышал. Сижу прямо под чеканной эмблемой завода, которую выпросил у профкома для выставки. Её для демонстраций сделали, таскают перед колонной завода, как хоругвь на крестном ходу. В центре стенда у меня выстроена пирамида из сверкающего железа. Четыре десятка никелированных блинов к штанге увенчаны наборами гантелей. За этим великолепием выстроились тренажёры. Пять штук! Мы успели сделать беговую дорожку и велотренажёр. Три режима нагрузки и индикация скорости из пяти лампочек. Простенько конечно, но для первых образцов пойдёт. Из основной продукции завода — три вида бытовых насосов для воды. Из товаров народного потребления завод больше ничего не производит. А вот и первые ласточки. В зал начали запускать посетителей.

— А тот белый для чего нужен? — тётка с ярко — рыжей башней волос на голове меня уже прилично достала. Для чего я ей выдал лист с описанием продукции? Дело в том, что я лихорадочно записываю будущих заказчиков, а она всё спрашивает и спрашивает. Машку — комсомолку где-то черти носят, как ушла, так и нет до сих пор. Отвечаю, записываю координаты будущих клиентов, раздаю листы с описанием и ценами. Меня плотненько окружили и всем чего-то да надо. Хорошо, хоть светокопий успели сделать приличное количество, но боюсь, мне их на день не хватит. У меня два листа исписаны полностью. Наши будущие заказчики. Неожиданно гомон вокруг меня начинает стихать, и люди расходятся в стороны. Поднимаю голову от тетради. Борис Николаевич Ельцин, собственной персоной. Окружающая его свита понемногу вытесняет от стенда остальных посетителей.

— Так, кто это тут у нас сверкает на весь зал? — широко улыбается первый секретарь Свердловского обкома партии своей простой и искренней улыбкой.

— Завод Пневмостроймашина, Борис Николаевич, — отвечаю ему, поднимаясь из-за стола, — Показываем товары для спорта и насосы для домов.

— Спорт я люблю. Сам иногда грешен часок — другой на корте мячик погонять. А что, хороши? — спрашивает он у сопровождающих, подхватив в руку самую большую никелированную гантелину. Вокруг начинают щелкать фотоаппараты, — Вот он наш уральский ответ, а то звонят, понимаешь, что у вас там за свердловская инициатива, — Ельцин охотно позирует с гантелей в руке, подняв её на уровень лица. Услышав про «инициативу», я невольно закашлялся. Один из свиты, поглядев на меня и на секунду задумавшись, подходит и что-то шепчет Борису Николаевичу на ухо. Сквозь гул голосов слышу только слова «тот самый».

— Молодой человек, а вы случайно не спортсмен? — спрашивает у меня «шептун» из свиты.

— Спортсмен, и не случайно, — я понимаю, что надо срочно спасать ситуацию, — Борис Николаевич, уральцы — люди дела. Увидели недостаток, не побоялись про него сказать, не побоятся и за дело первыми взяться. У нас директор на заводе замечательный.

Он, как статью в газете увидел, так и отправил меня эскизы всего этого рисовать, — обвожу рукой экспонаты стенда, — А уж мастера не подвели, всё к выставке успели. Теперь уже знаем, что спрос есть. Вон сколько заказов за первые полчаса от торговли поступило, — показываю на тетрадь со своими записями. Наблюдаю, как по мере моего рассказа разглаживаются морщинки на лице будущего Президента. Смотрит добрее, а не как сквозь прицел, — Не откажитесь подарок от завода принять. Нам приятно будет, а вам для здоровья полезно, — поднимаю те гантели, с которыми он фотографировался, и после его одобрительного кивка, отдаю их «шептуну», который шустро оказывается рядом со мной. Не Ельцин же их таскать по выставке будет.

— Умный у вас директор, надо как-нибудь познакомиться будет, — понимающе улыбается он и протягивает мне руку.

— «Эх, Боря, Боря. Как же много надо тебе будет рассказать, но не сейчас. Позже», — думаю я про себя, слегка затянув рукопожатие, для того, чтобы фотографы успели нас снять. Вижу, что Ельцин вздрогнул. Улыбка с лица исчезла. Неужели что-то почувствовал? На полдороге к соседнему стенду он остановился, оглянулся на меня и резко мотнул головой, словно отгоняя наваждение.

Только сейчас замечаю перед собой вытаращенные глаза нашей комсомолки. Нашлась, потеря. Стоит, вся из себя удивлённая, рот открыла, а в руках большой кулёк с пирожными и две бутылки лимонада. Ага, пока я тут работаю в поте лица, она в буфете отоваривается. Ладно хоть, про меня не забыла... Не одна же она всю эту гору сладостей собирает съесть.

На городских соревнованиях между ВУЗами города с утра пришлось бегать, а после обеда прыгать. До дома довёз Семёныч. У меня первая травма.

— Как же ты так подставился? — спросил меня тренер, когда увидел, что возле меня собралась толпа народа, через которую ко мне пробирается женщина с брезентовой медицинской сумкой. Ответить не могу, у меня болевой шок. Смотрю на разорванную шиповку, из которой хлещет кровь.

В прыжках мы решили особо не высовываться. Городские соревнования среди студентов для нас ничего не решают. Надо просто попасть в тройку призёров, чтобы их пройти.

В отборочных соревнованиях прыгал вполноги. На второй попытке показал семь метров сорок сантиметров. На третьей изобразил заступ и прыгать не стал. Какой смысл ж... жилы рвать, если эти соревнования для нас проходные. Да и устал я после двух забегов на восемьсот метров.

Смотрю, как мне обрабатывают рану. Шипы вошли в два пальца. Здоровый спортсмен, под два метра ростом, показавший второй результат, очень неудачно затеял переодевание. После отборочных прыжков он решил натянуть на себя спортивные штаны. Я и сам подумывал, что надо сделать так же, чтобы мышцы не остыли к финалу. Он, не снимая шиповки, начал натягивать штаны, которые вполне ожидаемо зацепились за шипы. Запрыгав на одной ноге, неудачливый прыгун в конце концов приземлился мне на ногу. Здоровенные стальные шипы прокололи мне два пальца и достали до подошвы.

— Ты понимаешь, что по правилам мы не можем пропустить три попытки? Тебя снимут с соревнований, — жужжит Семёныч над ухом.

— Один раз прыгну, — отвечаю ему, наблюдая, как мне заливают пальцы зелёной жидкостью.

— Я тебе прыгну. У тебя кость повреждена — санитарка тычет в средний палец и достаёт бинты.

— Лейкопластыря нет? — спрашиваю я у неё, понимая, что с забинтованной ногой мне в обувь не влезть. Ворча, женщина лезет в сумку, вытаскивая оттуда рулончик пластыря. Сам заматываю пальцы, а затем, надев шиповку, прихватываю её тем же пластырем, обернув его в несколько слоёв поверх обуви. Жестом подзываю тренера.

— Один раз прыгну. Толчковая нога в порядке. Дай мне минут десять, чтобы в себя прийти, — шепчу ему на ухо. Оглядываюсь. Вокруг меня вытаращенные глаза. Даже один из судей смотрит на мои действия с побледневшим лицом. Семёныч вроде понял. Крякнул, и пошёл к судьям. Судя по его энергичным жестам, там назрел неплохой скандалчик. Я сижу, гоняю энергию по ноге, помогая себе руками. Регенерация, ты со мной? Ау.

— Я сказал, что ты будешь продолжать. Надо хоть как-то один раз изобразить прыжок. В зачёт идёт лучший результат, неважно на какой попытке он был показан. Две попытки пропускать можно, а вот три, уже нет. Тогда по правилам тебя с соревнований снимут. Просто сделай вид, что ты прыгнул и ты всё равно попадёшь в призёры, — шепчет мне тренер, вернувшись от судей.

Сделать вид, ну сделаю, я так вам сделаю... Понимаю, что надо успокоиться. У меня одна попытка. Первые две в финале я пропущу. Не успею восстановить ногу и с болью справиться. Судя по тому, как на меня поглядывает виновник травмы, на ногу он мне прыгнул совсем не случайно. Пока он отстаёт от меня на двенадцать сантиметров, но если я вылечу с соревнований, то он займёт первое место. Даже с таким результатом. Не ожидал я подлости, расслабился и отдыхал, прикрыв глаза.

После второй попытки в финальных прыжках меня обогнали. Смотрю, как раскланивается тот подлец, который меня травмировал. С трибун ему хлопают, даже девчонки какие-то визжат. Понятно, что трибуны не в курсе, что тут у нас произошло.

Объявили третью попытку. Встаю, хромаю к своей отметке разбега. От ямы, криво ухмыляясь, навстречу мне идёт мой «знакомый». Справляюсь с захлестнувшей меня злостью. На прыжок даётся одна минута. Сжимаю кулаки, закрываю глаза. «Боли нет, боли нет», — твержу я сам себе. Разбег... неплохо взлетел, метра полтора в верхней точке и с приземлением порядок. Оглядываюсь, не заступил, и судья дал отмашку, что прыжок засчитан. Сам встать не могу. Ногу свело судорогой. С помощью Семёныча допрыгиваю на одной ноге до скамеек. Долго ждём результат. Судьи втроём всё несколько раз перемеривают. Восемь метров два сантиметра! Первое место! Дальше всё помню, как в тумане. Сильно меня откатом накрыло.

Сижу дома, лечу опухшую ногу и вспоминаю рецепты. Некоторые виды бальзамов и лекарств мне бы совсем не помешали. Я после неудачного прыжка в парке заметил, что с мазями регенерация быстрее действует. Помню, как и что нужно делать, а вот из чего... Нет на Урале таких растений. Может на юге есть, там климат больше похож на тот, который у эльфов Великого леса был. Можно пшеницу использовать, она вроде и в том и в этом мире одинакова, но что из неё сделаешь, хотя...

Медицина тут ещё уверена, что химические лекарства универсальны. Лет через двадцать только поймут, что чистая химия свой потенциал исчерпала. Тогда и наступит возрождение биотехнологий. Вспомнят про пророщенные зёрна. Так, бальзамов я из пшеницы не сделаю, а вот вытяжка из ростков мне нужна, как воздух. В химическом составе пророщенной пшеницы уже присутствует ценный природный иммуномодулятор, блокирующий негативное влияние веществ, препятствующих усвоению организмом железа, цинка, магния, кальция. Заодно токсины выведу и воспаление сниму с раны. Странно, что я лишён магии. Запас сил я



в себе чувствую. Раньше проще жить было — кастанул Дыхание Жизни, и получи ростки уже через десять минут. Без волшебства мне больше суток ждать придётся, пока ростки на пару миллиметров подрастут.

Пшеница дома точно есть. Мы её для попугая покупали, а он заботы не оценил и однажды улетел, воспользовавшись открытой на ночь форточкой. Так и осталась почти полная трёхлитровая банка. Промываю стакан зёрен, всплывшие выкидываю. Они уже умерли, не прорастут. Выкладываю всё на несколько слоёв влажной марли и делаю из бинта «хвостики», которые опускаю в стакан с водой. Теперь не надо заботиться, что марля высохнет. С помощью магии можно было бы сделать полезнейшие омолаживающие экстракты, но и так, пророщенная пшеница — это чудо. Настоящий источник биологической энергии и витаминов. Ставлю себе напоминалочку о том, что надо будет сходить в местный дендрарий, может, что знакомое увижу из полезных травок и растений.

Гоняю энергию по ноге, смотрю, как понемногу спадает опухоль и зарастают раны. Нога стреляет и жутко чешется. А каналы-то у меня заметно подросли, и на руках и на ногах.

Пробую скастовать Малое исцеление... Там, где руки касались кожи, даже шрамов не осталось... Я снова маг? Кастую магию на проращиваемые зёрна.

— Эту песню нам подарил Игорь Гопнырев, которого многие из Вас хорошо знают, — объявляю в микрофон, после премьеры Незабудок. Сегодня мы впервые спели будущий дворовый шлягер. Полминуты тишины в зале...

— Г-о-о-п-я-к! Это Гопа написал, — наконец-то один из пивзаводских соображает, кто такой этот Игорь, и орёт дурниной. В зале куча — мала. Через минуту видим взлетающего над всеми Гопяка. Его качают на руках, как народного героя...

Уходим со сцены, наступила очередь гостей. Сегодня это ВИА Февраль. Слышал их репетицию. Одна песня из репертуара Слэйд и две их собственных, близких по манере к Смоки. На мой взгляд там перебор с гитарными «запилами», но тут, как говорится — на вкус и цвет... Недаром же Гловер из ДипПёрпл в своё время жаловался на Блэкмора, говоря о том, что если их гитарист решил сыграть соло на сто пятьдесят тактов, то он всё равно доиграет его до конца.

Наши гости залом приняты на ура. Со сцены идут довольные.

— Павел, привет. Меня Игорь зовут. Лёха рассказывал, что вы вроде студии у себя что-то сделали? — спрашивает у меня клавишник Февраля. Взрослый парень. Прическа, усики и борода «под Христа». После рок — оперы «Иисус Христос суперзвезда» вполне себе модный образ.

— Студией это с большой натяжкой можно назвать, но «для себя» вполне потянет, — самокритично отвечаю ему. До нормальной студии нам далеко. Слишком мало обработки, особенно индивидуальной, пулыт слабенкий, инструменты так себе, магнитофон бы многодорожечный...

— Нас не запишешь?

— Материала много?

— Шесть песен. Примерно по четыре минуты каждая.

— Навскидку это пять — шесть часов. Лучше разбить на два этапа. Сначала запишем инструментал, а на следующий раз наложим вокал и инструментальные соло. Сейчас с Витей переговорю и если он завтра свободен, то скажу время. Плёнка ваша.

— О, так даже лучше. Вокалистов у нас двое, а гитарист всегда свободен. Да, и ещё... насчёт пары таких комплектов тоже с тобой говорить? — Игорь показал на комплект бас

гитары, из двух колонок и усилителя.

— Басовый и гитарный?

— Угу, — почему-то вдруг застеснялся Игорь, разглядывая комплект ещё раз. Что он там высматривает? Они же его полчаса назад сверху до низу облазили...

— Динамики какие есть? — задал я немаловажный вопрос. Игорь подозвал Сеню, их ударника, и тот перечислил мне, чем богаты февральцы. Весьма прилично. Два биговских низкочастотника от басового комплекта Биг — 100 и четыре широкополосных динамика РФТ на двенадцать дюймов от Регента. Есть над чем подумать.

— Гитаристу какой звук нужен? Можно сделать, как у Фендера или Регента — ровненько и чистенько, а можно Маршалловский, с перегрузом предусилка и «английским» звуком, — задал я вопрос, от которого музыканты на минуту «зависли».

— Однозначно, маршалловский. Нам же не музыку дома через комплект слушать. Нам звучару и драйв надо. На «линейке» пусть Гостелерадио» играет, — решительно рубанул воздух ладонью подошедший гитарист, намекая на линейные характеристики бытовой аппаратуры. Я улыбнулся. Парень абсолютно прав. Эстрадная аппаратура отличается от бытовых усилителей и колонок так же, как болид Формулы 1 отличается от Мерседеса — «членовоза». Словами такое передать трудно, а вот при сравнении всё становится сразу же понятно.

У меня в голове натуральный шторм идей и перспектив. Вроде как намечается неплохой бизнес, и схема его выстраивается, но, к нему можно приложить мои нераскрытые способности и знания. А что нам говорят знания из будущего? Да всего лишь то, что у приличных гитаристов, даже спустя сорок лет, за спиной будут стоять Маршаллы...

С февральцами договорились, что два комплекта им сделаем. Срок назову позже, когда узнаю, в каком состоянии нынче Юра Филимонов, мой знакомый запойный инженер — уникум.

Я не боюсь толпы. Она может заставить замолчать любого из людей и заставить принять своё, удобное для всех, мнение. Непонятно откуда, вдруг возьмутся «знатоки», которые прячутся глубоко в задницу, когда официальные структуры лепят откровенное дерьмо. Охаять вслух и официально дерьмопродукцию, выпускаемую государственным заводом, да упаси Бог, на то их смелости никогда не хватит, но стоит кому-то сделать что-нибудь лучше и не по «канонам», тут же налетит куча этих милых насекомых, и они начнут умничать... Звезданутая страна... Хаять, до визга, уникальные вещи, при всём том, сами они, как правило, рукожопые теоретики, не способные починить дверной звонок. Те, кто может и умеет ДЕЛАТЬ, покажут себя работой, а не охаиванием и пустословием. А долбастёбы... ну пусть рассуждают о том, что они от кого-то слышали, как оно «надо делать»... и верят в это... Это их выбор... их мировоззрение... Я им не навязываюсь, но и к себе близко не подпускаю, заразно... Зачем я буду с ними спорить... Пусть верят в то, что у них в багажнике автомобиля стоит сабвуфер на полторы тысячи ватт..., хотя свой штатный генератор, на четыреста ватт, в своём авто они не меняли... Ржу над такими... им в Бога сам Бог велел верить, ибо питаются их усилители явно святым духом. Вот мне оно надо, объяснять им, что для колонки в полторы тысячи ватт надо питание на усилитель в три с половиной тысячи, а не в четыреста ватт... Их нормально залечили «специалисты по автозвуку», а мне своего времени и нервов — жалко.

Не обращайтесь внимания, это я от разговора с «экспертом» по радиоаппаратуре с завода номер семьдесят девять отхожу... Они собрались запустить в производство усилитель УЭМИ

— 50. Мистическим образом созвучный проект с самой дерьмовой в мире электрогитарой «Урал». Вот пришло ко мне долбанутое чудо в ДК, представилось инженером — конструктором и начало плести языком про линейные характеристики, искажения и уровни шумов. Я по прошлой жизни помню это чудовище — УЭМИ 50. Транзисторный усилитель, в корпусе от лабораторного блока питания и колонка, с пиписечными динамиками, которые можно «высадить» любой гитарой минут за пять, а бас гитарой и за три минуты, хотя обычно усилитель успевал сгореть раньше. Разговор с суперконструктором я закончил очень не вежливо. Его идею эстрадного комплекта назвал угрёбищем, и об авторах таких изделий отозвался, как о гомогоях, только более ярко, по-уральски... Нет, первые пять минут говорил с ним спокойно, но когда понял, что у себя он ничего переделывать не собирается, а пришёл, чтобы мои комплекты высмеять и самоутвердиться...

Трудно представить себе, сколько достойных материалов советские производители перевели в откровенное дерьмо. Речь не только про гитары «Урал», усилители и колонки «Уэми — 50», а это просто отдельные примеры из тысяч им подобных..., а есть ещё обувь, мебель, одежда, автомобили... Говорят, Сталин за такое расстреливал. Сомневаюсь, но если это правда, то я, в душе, наверно сталинист...

Мессией быть тяжело, особенно когда ты один во всём мире владеешь послезнанием и понимаешь, что твои слова — Истина. Не приведёт такое Знание к счастью и успеху целый народ. Всегда найдётся противодействие и когда целые государства начнут выяснять отношения, что будет значить жизнь одного человека, раздавят, как муравья дорожным катком, и не заметят.

Менять надо мозги. Мировоззрение и воспитание. Тогда появятся те, кому можно без страха передать технологии, кто не будет чувствовать себя в родной стране униженным и угнетённым. Каким образом тут повлияют те же дворовые песенки? Не знаю. Времена нынче такие, что молодёжь на них обращает больше внимания, чем на стихи и прозу. До кино мне не дотянуться. Слишком сложно, долго и подконтрольно всё там, а с музыкой я уже в теме. Вот и попробуем, так сказать, импортозамещающую продукцию понемногу внедрять. Смотришь, и появятся на пару лет раньше иные Машины Времени и ДДТ Наутилусы Помпилиусы и новые Высоцкие, которые в моём прошлом не сумели себя реализовать. До начала бума на советские рок — группы ещё четыре года. Большой срок, многое можно успеть. Для запуска процесса мы подготовили кассету на шестьдесят минут. Там наши песни и песни наших гостей записаны. Только собственное творчество, никаких перепевок. Насчёт формата записи в шестьдесят минут мы крепко поспорили с Алексеем. Часовые советские кассеты — это просто беда. Они часто скрипят, их «зажёвывает» и у них просто болезнь с прижимным механизмом, который часто отваливается. До массового появления импортных кассет, которое потоком обрушится на прилавки страны, ещё ждать и ждать, а пока властвует МК — 60, со всеми её недостатками. Альтернативный вариант — покупать кассеты с записью, МК — 44. Они чуть лучше по качеству и их почему-то магнитофоны «жуют» редко. Поэтому я предлагал собрать первый сборник с расчётом на сорок четыре минуты, а Алексей требовал шестьдесят. Сделал два варианта, из своего сборника выкинув три самые грустные песни. Жизнь покажет, кто из нас прав.

— Ты бы посмотрел, чего там твои художники нарисовали! Это же, это же... у-ух, — Пётр ворвался к нам в квартиру после трели звонков, выдернув меня из душа. С трудом уговариваю его выпить чай, пока я хоть немного обсохну. Из его восторженного рассказа понимаю только одно, ему рисунок понравился. По моей просьбе он съездил на Жуке в

интернат, чтобы забрать готовый разрисованный багажник от оранжевого Москвича.

— Да, сила... — я рассматриваю необычную аэрографию. К рисунку надо присматриваться. Общий фон так и остался оранжевым, но стоит приглядеться и видишь Лиса, вышедшего на пригорок на фоне закатного солнца. Постарались парни. Глаза у зверя живые и всё прорисовано очень тщательно, чуть ли не каждую ресничку и волосинку видно. Сейчас мы эту красоту югославским лаком покроем. Даже сомнений нет, что Рыжий будет в полном восторге.

— Настоящая картина, а зверь-то, как живой, — не унимается мой напарник по гаражным ремонтам, — Её в музей надо, или на выставку какую-нибудь.

Не думал я, что ребята такое смогут нарисовать. Чую, тут их учитель руку приложил. Ох, горячий сегодня вечерок будет в гаражах. Наверняка все не по разу пройдутся по нашему нововведению. Судя по ухмылкам Петра, он о том же думает и заранее воинственно топорщит усы.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Паха, побежали к Пашенцеву, у него брат приехал, из Владивостока, — в двери гаража просовывается кудрявая голова Вити.

— Ну, приехал и приехал, нам-то что... — пытаюсь я понять связь между приездом старшего брата нашего школьного друга и необходимостью немедленного ускоренного марша.

— Да он же во Владике живёт. Радистом на сухогрузе работает, — напоминает мне Виктор очевидное. Саня нас задолбал уже рассказами о своём старшем брате, который отслужив три года на флоте, устроился на сухогруз и ходит то в Корею, то в Японию. Брательник лет на пять старше Саши и поэтому мы по школе с ним не пересекались.

— Вить, я-то зачем туда пойду?

— Так Саня сам мне звонил, брат какую-то гитару привёз, японскую, продавать собирается. Посмотреть не хочешь? — удивляется мой друг.

— Вот с этого и надо было начинать. Дядь Петь, давай к тебе багажник перенесём, да пойду я. Может действительно что путнее покажут, — отключая лампы, говорю я соседу.

До 1976 года фирма Ибанез делала копии гитар. Так было до тех пор, пока однажды фирма Гибсон не подала иск в суд. Предметом иска послужило незаконное использование торгового знака, что выразилось в копировании дизайна головы грифа Gibson. По иронии бизнеса, судебный процесс заставил Ibanez быстро создавать оригинальный дизайн своих гитар, что в результате помогло Ibanez завоевать еще большую популярность. Но от иска также была и мгновенная выгода: согласно книге «Music Trades» Gibson в итоге отдали Ibanez «непреднамеренную дань уважения. Знаменитый производитель едва ли не признал, что между гитарами Ibanez и Gibson не было ощутимой разницы в качестве. Этот иск способствовал признанию качества японской продукции в индустрии».

Знатоки годами рубятся на форумах, доказывая друг другу, какие гитары тех лет были лучше — американские оригиналы или их более качественные японские копии. Судя по ценам на аукционах — выигрывают японцы...

Я вытаращенными глазами смотрел на незнакомую гитару. IBANEZ Model 2674 Professional ARTIST. Это произведение искусства, а не инструмент! Чёрная гитара, вся в перламутровой инкрустации, с золочёной фурнитурой, выглядела сногшибательно. Сдвоенные датчики, реплика Гибсон Лес Пол, идеальный гриф... Не меньшее впечатление производил и оригинальный кофр, сделанный из отличной кожи. Почти новая, почти...

— И сколько за японца хочешь? — я вовремя сумел подобрать отпавшую челюсть, которая лязгнула по полу при виде такого барства.

— Две тысячи прошу, — Валера, брат Сашки Пашенцева, того самого, который в своё время нашёл клад из золотых монеток, приоткрыл окно и закурил сигарету, усевшись на подоконник. При этом пачку Кэмела он небрежно бросил на стол. Следом полетела зажигалка в прозрачном корпусе, внутри которого начали проступать контуры обнаженного женского тела. Я ухмыльнулся... Наверно я сейчас должен удивляться немерянной крутизне продавца, демонстрирующего дикарю своё обладание удивительными артефактами, — Там ещё микрофон и педалька есть, — ткнул моряк пальцем в сторону кофра.

Открыл небольшое отделение внутри кофра. Микрофон Shure 565 и приставка Electric Harmonix Electric Mistress. Слегка поюзанные, но без внешних косяков.

— Валера, у меня вопрос по существу. Гитара и всё остальное не новое. Откуда дровишки? Я это к тому спрашиваю, что если они у кого-то в Союзе «ушли», то их могут и найти. Музыканты народ коммуникабельный, быстро разнесут информацию, — попытался озадачить я продавца.

— Не парься. В Осаке куплено. Там, за контейнерной станцией есть специальный рыночек для моряков. Что только не продают... Может и гитара там не просто так появилась, но это уже не наши проблемы. Больно уж лавка там интересная, да и продавцы такие, все в наколках. Места живого нет. Я сначала телевизор хотел купить. Гитару так, для блезиру посмотрел, а они уцепились и уговорили, черти речистые... — Валера затянулся ещё раз и решительно вмял окурок в пепельницу. Насколько я понимаю, он мне сейчас рассказал про лавку, в которой японцы торгуют краденым. Конечно им очень захотелось продать такую заметную вещь советскому моряку. Уехала гитара в Союз и никто её никогда не найдёт. Не похоже, чтобы её хозяин решился продать тщательно вылизанный инструмент, прошедший к тому же через умелые руки мастера — настройщика. Я же вижу, что над полировкой ладов и порожком поработали очень умелые руки. Гриф в идеальном состоянии, вычищен и пропитан, колки смазаны. Для микрофона и приставки сделаны свои ячейки, всё в чехлах, тут же аккуратно уложены салфетки и фланельки для протирки, два комплекта струн, даже провода скручены, как на выставку, и уложены в замшевые мешочки.

Я вынул гитару из кофра и не спеша пробежался по всему грифу. Зазвеневшие о лады струны я и без усилителя услышу, хотя судя по состоянию инструмента, такого «подарка» тут ожидать не стоит. Предыдущий хозяин был редким педантом.

— Паха, как тебе гитара? — не вынес Саня моего затянувшегося молчания.

— Если честно, то я в сомнениях и метаниях. Инструмент хороший, но есть свои сложности. Для начала он японец и сделан под джазовую гитару, точнее, под блюзовую. Я вообще-то мечтал, что когда-нибудь куплю американца и всё-таки более «роковую» гитару, вроде Фендера Стратокастера. Потом название — Ибанез... Чистая матерщина... Ну, и цена не детская... За японскую копию, не новую, отдать как за нового американца, пусть и не самого навороченного — это перебор... Думаю, что то же самое тебе любой другой покупатель скажет, — легко выдал я очевидные минусы предлагаемого инструмента. Не говорить же мне, что эта модель Ибанеза легко даст фору многим более именитым гитарам.

— А деньги-то у тебя есть? — спросил Валера, потянувшись за следующей сигаретой.

— Полторы тысячи могу принести через десять минут, — прикинул я ситуацию и выгоду приобретения. В принципе, если удачно продать микрофон и флейнджер, то покупка уже отобьётся. Вот только продавать я их не буду. Слишком лакомые вещицы

попали мне в руки. Из тех, которые всегда будут ценимы и востребованы знатоками.

— Погоди немного, мы посоветуемся, — Валера прыгнул с подоконника и утащил за собой младшего на кухню.

— Короче, Саня мне сказал, что ты не болтун. Тащи полторашку, но давай сразу договоримся, что гитару ты у меня не покупал. Что хочешь плети, только про меня и Саню не упоминай, — моряк пошуршал пакетами и протянул Витьке три кассеты Сони, — А это тебе. Подарок за твоё молчание. Устроит?

Витька кивнул, и с интересом начал рассматривать яркие кассеты на девяносто минут записи. Оставив ребят в квартире, я метнулся за деньгами. По дороге в голос заржал, представив себе, как Лёха отреагирует на мой новый инструмент, когда его опробует. Вот уж кто прочувствует все нюансы дорогого профессионального инструмента, доведённого до идеала умелыми японскими руками. А перламутровые инкрустации по всей гитаре и грифу — это же такая красота... И тематика интересная, растительная... эльфов бы точно впечатлило...

— Ты о том же думаешь, о чём и я? — задал Витя мне вопрос по дороге к дому.

— Если ты про клад, который Пашенцев нашёл, то скорее всего да, про то же, — ухмыльнулся я, вполне очевидно представляя, куда из клада ушла половина золотых монет. По слухам именно столько свободного места оказалось в большой жестяной коробке из-под конфет Монпансье, в которой нашли клад.

— Братан ему ещё магнитофоны привёз, кассетные, но продавать их они не будут. Я так понимаю, что Сашка этими Шарпами с остальными кладоискателями расплатится, — улыбнулся Виктор, оценив провёрнутую одноклассником комбинацию.

— Тс-с-с, — напомнил я ему.

— Да я — могила, — заверил меня друг, изображая руками, что он зашивает себе рот.

Торт, две бутылки шампанского, коробка конфет, пачка кофе, много сыра и колбасы, свежий батон и не забыть цветы... Подготовился.

— У меня завтра Галка уезжает домой на все выходные. Буду одна вечерами скучать, — вздохнула Ольга, хитро посматривая в мою сторону. Вчера я сводил её в кино. Шикарная французская комедия «Игрушка» с Пьером Ришаром. Смеялись оба, когда не были слишком заняты... последний ряд — такое дело...

— Я завтра до полдвенадцатого работаю, а потом могу приехать. Будешь ждать гостя? — задал я вопрос, улыбаясь, как чеширский кот, от уха до уха.

— Буду. Я тебя, Паша, всегда ждать буду...

Итак, на дворе 1976 год. Любимое время для критиков социализма. Период «застоя» и «двойной морали». Любимый Леонид Ильич только недавно «скушал» своего вдохновителя Подгорного и сел сразу на два кресла. Сделано это было нагло и бесцеремонно. Подгорному даже не дали выступить, когда снимали. Лёня не так давно провёл три месяца на лечении и уже ничего сам не говорит, только бумажки читает. Все его речи проходят через Кузнецова, а в Москву стягивается «днепропетровская» группа. Справки и выступления за Брежнева готовят помощники из его секретариата. Они и определяют направление деятельности Генерального секретаря ЦК, следовательно, определяют политику ЦК и правительства.

В Политбюро со второй половины 70-х годов сложилась группа товарищей, которые подготавливали предложения, вопросы, касающиеся как внутренних, так и внешнеполитических проблем. Эта группа состояла из наиболее приближенных Л.И. Брежневу людей, которым он полностью доверял и полагался на их предложения и рекомендации. В нее входили в разное время Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, А.А. Громько, Д.Ф. Устинов, Н.А. Тихонов. Они часто собирались (вне рамок Политбюро ЦК), обсуждали наиболее важные проблемы внутренней и международной жизни, политики, решений партии и правительства, докладывали свои предложения Л.И. Брежневу и по согласованию с ним вносили вопросы в Политбюро ЦК. Иногда какие-то вопросы решались ими в оперативном порядке. Их предложения, как правило, проходили в Политбюро, ибо они их дружно отстаивали, пользовались своими близкими отношениями с Генеральным секретарем ЦК КПСС, да и просто в силу занимаемых должностей.

Неудачным было ближайшее окружение Л.И. Брежнева — его помощники, референты, консультанты. Во многом влияли на выработку внутренней и внешней политики такие люди в аппарате ЦК или внештатные консультанты, как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Черняев, Шахназаров, Загладин и другие. Отношения строились на принципах угодничества и беспрекословного подчинения патрону. Материалы и предложения готовились только угодные Генеральному секретарю. Докладывалось то, что было ему приятно слышать.

Все это плохо воспринималось в партии и народе, порождало различные слухи, пересуды и анекдоты. Падал авторитет Генерального секретаря ЦК. Этому способствовали и личные слабости Леонида Ильича Брежнева. Он очень любил получать награды и всяческие почести. Никак не украшали его четыре звезды Героя Советского Союза, многие ордена, полученные в мирное время, главным образом, по случаю дней рождения и других дат. Так, за подписью многих видных военачальников — министра обороны СССР А.А. Гречко, всех его заместителей, членов коллегии министерства, почти всех маршалов Советского Союза в Политбюро ЦК КПСС поступило письмо — предложение о присвоении Л.И. Брежневу звания Маршала Советского Союза (поскольку он является Председателем Совета обороны страны). Коллегия Минобороны в полном составе пришла на заседание Политбюро при рассмотрении этого вопроса. Решение было принято, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР. Появился новый Маршал Советского Союза, а потом он ещё и орден Победы нацепит.

(Орденом «Победа», как высшим военным орденом, награждаются лица высшего командного состава Красной Армии за успешное проведение таких боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка

в пользу Красной Армии).

Один из делегатов IV съезда ПОРП (компартия Польши) — крестьянин, рассказал с своем хозяйстве, что у него 10 гектаров земли, несколько лошадей, коров и т. п. Он попросил выделить ему 100 гектаров угодий, продать трактор и другие сельхозмашины. Брежнев был очень удивлен этим выступлением.

— Это же кулак, у него в хозяйстве батраки! И это член коммунистической партии, — высказал тогда своё «фе» всеми любимым вождь Гомулке, первому секретарю ЦК ПОРП.

Знаю я про этот случай и особых иллюзий по нынешнему руководству страны не питаю. Ничего они в ближайшее время менять не собираются и другим не дадут. Болото. Застой. Что-то делать придётся аккуратно, по миллиметрам, и желательно при этом оставаться в стороне, на вторых и третьих ролях. Вроде, меня тут не было, просто мимо проходил...

Всё ещё не могу отказаться от длинных пробежек. С Семёнычем мы определились, что будем работать на прыжки. Вроде бы мне бегать столько теперь не надо, даже вредно, но я пока не могу себя перебороть — не идёт тренировка, если километра четыре-пять до неё на ноги не положу. На бегу мне хорошо думается. После пробежки иду в институтский зал. Октябрь в Свердловске выдался холодный и дождливый. При зале выделили большую комнату под тренажёры. Наши тренажёры, с Пневмостроймашины. Там и работаю на ноги под нагрузкой. Через неделю зональные соревнования в Новосибирске. Они у меня в личном плане особняком стоят. Там надо побеждать и обзаводиться личным тренером, в подмогу Семёнычу. У него сейчас завал по работе. Целыми днями пишет и пишет всякую белиберду, которую ему по должности оформлять положено.

Претендент на место моего второго тренера уже третий вечер над курсовой сопит, что характерно, по методике тренировок для прыгунов, забавно потряхивая спадающей чёлкой. А что я, я люблю и помогаю в спорных моментах. Вчера даже ужин сам приготовил, чтобы любимая не отвлекалась.

Двухкомнатную квартиру я снял на полгода, в Витькином доме. Стоило только заикнуться, что неплохо было бы найти такой вариант, как Витька выдал информацию по двум квартирам только у них во дворе, хозяева которых готовы их сдать приличным людям. Внук у Марьи Степановны уехал в Уфу, будет там учиться в институте на нефтяника. Вот и простаивает у неё квартира, от его погибших родителей оставшаяся, а пятьдесят рублей в месяц — это почти что вторая пенсия, по которой она шестьдесят рублей получает. Так хоть будет, чем внуку помочь, в его студенчестве.

Заявление в ЗАГС мы подали неделю назад. Свадьба в декабре. Мои родители в шоке. Ольгиных ещё не видел. Они в Нижнем Тагиле живут. В будни она занята, а в выходные я не могу уехать. Поэтому в ближайшие дни ждём гостей. Потенциальные тесть с тещей пожалуют. Надо мне как-то хитро до своего отъезда на соревнования их обратно отправить, а то не нравится мне Олькина реакция при упоминании про её маму. Боится она свою маман, а мне это, как ножом по сердцу... Никому не дам свою малышку обидеть.

— Родители завтра приезжают. Уже билеты купили на первый рейс, — докладывает моё солнце, вылетев с телефоном в руках из кухни и таща за собой длинный провод. Аккуратно забираю у неё аппарат, он у нас инвалид, корпус весь склеен из кусочков. Давно надо новый купить, да всё некогда. Пользуемся пока тем, что от старого хозяина остался.

— Так. Принцесса моя, Дюймовочка, а расскажи-ка мне, что за родственники нам перепадут по твоей линии, — прошу я у Оли, любуясь, как она по-боевому вскидывается на Дюймовочку. Я вот от её миниатюрности млею, а она злится, как услышит. Зато страх в



глазах сразу же исчезает. Ловлю пару диванных подушек, летящих в меня, и пристраиваю Ольгу у себя на коленях. Притворно охаю, получив локотком под ребро.

— Маму в этом году с начальника отдела ОТК убрали в профком, — начинает она повествование о будущей родне.

— С этого места поподробнее, — прошу я, закручивая пальцем её кудряшки около уха.

— Это папа так сказал. Она у меня слишком принципиальная. Брак даже в конце месяца не пропускает, когда у завода план горит. Папка у меня классный. Я всегда к нему убегаю, если натворю что-нибудь. Он меня защищает, даже если я не права. Он у меня знаешь какой заслуженный. Пять лет начальником сборочного цеха работает, а до этого там же начальником смены был.

— Подожди, у вас же там вагоностроительный вроде. Он вагоны собирает?

— Какие вагоны... Танки, — ошарашивает меня моё чудо, болтая ножкой. Хм, ну да, что-то я не учёл, что у нас на Урале при любом крупном заводе военпреды присутствуют, — У него даже орден есть, Трудового Красного Знамени СССР и куча медалей.

— Подожди, не понял, а чего они тогда на автобусе едут? Ему давно «Волгу» пора купить.

— А перестали ему предлагать машины. У него со слухом ещё с юности беда. Он начинал простым рабочим, а внутри танковой башни грохот стоит ужасный, вот и стал плохо слышать, а потом его ещё и контузило, когда испытателем работал. Маме недавно Жигулёнка купили, а она в первую же неделю велосипедиста сбила, когда со двора выезжала. У того пара синяков, а маму валерьянкой целый вечер отпаивали. С тех пор и сама за руль не садится и мне не даёт. Я этим летом просила — просила, а она ни в какую...

— Подожди, так у тебя права есть?

— Конечно есть. У нас в школе автодело преподавали. Я даже на трёхтонке могу ездить, только там видно плохо, мне роста не хватает, — несмело улыбнулась она, ожидая от меня очередной шутки по поводу своего роста.

— Не, грузовиков нам не надо, а вот Жигулёнок молодой семье не помешает. Тем более без дела стоит, — улыбнулся я, погладив Ольгу по спине. Я тоже скоро буду с правами. Медицинскую справку уже сделал и заявление в ГАИ написал, на сдачу экзаменов экстерном. На справку ушло три коробки конфет, бутылка армянского коньяка, ну и связи мамы помогли. Как-никак, а многие из её бывших учеников в нашем районе так и живут до сих пор.

В квартире негромко играет музыка. Наш первый сборник крутиться. Скоро второй запишем, уже три своих новых песни записали и от других коллективов пять новых вещей отобрали. Кассету Ольга сама выбрала и поставила, видимо нравится. Вот и сейчас что-то готовит, а сама пританцовывает. Мда, два коктейля сделала из пророщенных зёрен, а на ужин будет рыба с рисом. Милая крепко взялась за моё питание. Она высчитала, что у меня два килограмма лишнего веса, а объём мышц ног маловат. Теперь питаюсь по всем правилам современного спортивного питания, в разработке которого сам исповдоль принимаю участие. Всё посчитано и сбалансировано. Ольга журнал ведёт. Каждый день меня взвешивает, обмеривает и записывает тренировочные нагрузки. Свою кухню тоже подробно расписывает. Пусть пишет. Хороший материал выйдет, а вот её заметки про пользу пророщенной пшеницы я потом Натановичу подсуну.

— Здравствуйте. Я с Павлом разговариваю? — телефон у нас почти всегда беру я. Ольге звонят редко, — Я хотел бы поинтересоваться насчёт аэрографии...

Третий клиент за неделю. Вот уж не думал, что такой спрос будет на автохудожества. Рыжий тут как-то рассказал, что однажды таксист целую погоню за ним устроил. Очень пассажиру картинка понравилась, даже лишнюю пятёрку приплатил сверх счётчика, чтобы догнать машину с нарисованной лисой. С оплатой за рисунок он потом тоже не поспешил, за снежного барса на капоте белого ВАЗ 2103 молодым художникам перепало сто пятьдесят рублей.

\* \* \*

А у меня вчера произошла интересная встреча. К нам на репетицию заглянул Вершинин Владимир Владимирович, инженер — конструктор с соседней Свердловской диплома второй степени фирмы клавишных музыкальных инструментов «Урал», именно так он и представился, вызвав ухмылки у всех наших ребят. Заглянул он к нам как раз тогда, когда мы на перерыв собрались и уже вышли в коридор. Очень интересно пообщались.

— Владимир Владимирович, а расскажите, откуда «Тоника» взялась? — задал я ему вопрос, который меня давно мучал.

— Мы делали эту гитару по готовым чертежам из Ленинграда, там её в 1967 году разработали.

— Но почему Вы так электрогитары не любите? На том, что Вы делаете, невозможно играть, — не выдержал Лёха, вставив в наш разговор свои пять копеек.

— Тут Вы правы. Электрогитары у нас не любят. Мастера все уже в возрасте и абсолютно не воспринимают электрогитару, как инструмент.

— А почему Ваши гитары так «фонят»?

— Ну фон, видите, у нас к электрогитарам как относятся — это не основное производство, здесь возможен брак. Потому что в основном наши работники — это музыкальщики, связанные с театром оперы и балета, настройщики старых школ, и они гитары, особенно электро, воспринимают, как что-то новомодное и неприятное, а поскольку ни я на гитаре не играю, ни они не играли, о всякого рода усовершенствованиях не может быть и речи. К тому же темброблоки с датчиками мы получаем в готовом виде.

— Расскажите о технологии производства самой гитары? — прошу я его, чтобы получить представление о том, во что меня собираются втянуть.

— При производстве электрогитар проблем нет. Набираем по радиальным спилам буковые бруски квадратного сечения. Причем бруски по разному радиально направлены. Набор аналогичен набору массивов для мебели. Затем их нужно верно склеить, естественно клеим не на смолу, а на ПВА, под температурой, он не сковывает древесину. Затем из массива выпиливаем корпус гитары по контуру. После фанеровка красным деревом, а поверх наносим отделку, тонируем цвет, и заливаем полиэфирным лаком. Лак подается из машины, наносится на деку, схватывается, потом тонкой наждачной бумагой доводим до нужных пропорций. Толщина покрытия лака составляет около миллиметра. Затем устанавливаем электронику, гриф. В гриф вручную вбиваем лагунные лады. Натягиваем струны, и после проверки инструмент идёт на склад готовой продукции.

— Владимир Владимирович, я правильно понял, что у Вас на фабрике нет ни одного музыканта, играющего на электрогитаре? — с удивлением поинтересовался я у конструктора.

— Именно так, Павел, именно так, — как китайский болванчик закивал головой наш гость, — Мне про ваш ансамбль рассказал один из наших рабочих, у него сын сюда на танцы приходил. Говорит, что гитары у вас очень модные и играете вы замечательно. Вот я и решил зайти по-соседски, так сказать. Попросить поделиться опытом.

— Владимир Владимирович, если честно, то ваша «Тоника» вся создана из ошибок. Куда не посмотри, сразу видна необходимость переделки. Колки ни к чёрту, головка грифа сильно отогнута, сам гриф почти не обработан, порожек из плохой пластмассы, лады из латуни, а не из стали, они слишком широкие и слишком высокие. Геометрия грифа так себе, расстояние над двенадцатым ладом у вас миллиметров восемь, а не три — четыре, как положено. Датчики расположены отвратительно, по крайней мере тот, который у кобылки. Он должен быть развёрнут на сто восемьдесят градусов. Крепление грифа к корпусу отвратительное, дальше пятнадцатого лада уже не подлезть. Струнодержатель ужасный, он мало того, что строй не держит, так ещё и увеличенную длину струн требует. Форма корпуса просто некрасивая. Вот такие замечания для начала разговора, — под конец перечисления недостатков я немного сбавил напор. Слишком сильно побагровел мой собеседник. Того и гляди апоплексический удар его хватит. Вон уже искривлённая улыбка и тяжёлое дыхание налицо.

— Павел, я понял, что мы криворукие и гоним потоком непотребщину. Допустим это так, но тогда что в вашем понимании есть хорошая электрогитара? — конструктор с трудом сумел остаться вежливым. Всё-таки воспитание у человека присутствует, впрочем, как и выдержка.

— Тут Вы удачно зашли, — улыбнулся я, — Хорошие гитары у нас действительно есть. Скажу даже больше, пара гитар у нас экстра-класса, а ещё одну я сам очень прилично переделал из чешской Иоланы. Заодно увидите самые популярные формы инструментов, — я сам только что понял, что все три наши гитары могут служить отличной иллюстрацией традиционных электрогитар, которые так и останутся классикой этих инструментов. Стратокастер, Лес Пол и СГ, вряд ли существуют другие настолько популярные формы электрогитар, которые оставались неизменными по своему внешнему виду по пятьдесят лет.

Показываю свою переделанную гитару. Объясняю, что именно и почему я изменил в ней. От души смеюсь, что внутренности гитары Владимир называет громким словом — электроника. Там минимум деталей, спаять которые может любой школьник, освоивший паяльник. У меня в школьном радиокружке шестиклассники собирали намного более сложные схемы. Второй раз конструктору становится плохо, когда я из кофра достаю своего японца. Глаза у нашего гостя становятся, как у безвинно побитой собаки. Опытный производственник, он прямо сейчас может назвать точную дату изготовления такого чуда на его фабрике. Дата проста и состоит из одного слова — никогда. Слишком уж много собрано на моём Артисте деталей высочайшего качества. Да что там говорить, если при социализме даже нормальные колки так и не научились делать. Хотя казалось бы, чего там сложного...

— Павел, а можно с этой гитарой тебя завтра к нам пригласить. Пойми, рассказывать я долго могу, а вот увидеть и почувствовать разницу, да и музыканта послушать — это для наших мастеров очень важно. Уверен, что после такого разговора, как ты мне сейчас всё объяснял, у них много чего в голове поменяется и отношение будет совсем другое.

— Лучше бы кто-то за мной на машине заехал. Я тогда усилитель прихватю, — кивнул я на свой Регент, — Сразу буду показывать и объяснять откуда у гитары что в звуке берётся. А заодно и разницу в звучании послушаем. Было бы совсем здорово, если бы вы вот этот

датчик на одной из Тоник развернуть успели, — постучал я по датчику у струнодержателя, или как его позже стали называть, бриджа, — Забавный эксперимент получится. Разницу сразу можно будет услышать. Гитара звонче станет и разборчивость улучшится. Но я только в три часа дня могу в ДК подъехать, до этого занят буду.

— Отлично, тогда завтра в три. Про форму гитары тоже интересно твоё мнение было бы узнать. Подумаешь? — явно с подначкой задал вопрос конструктор. Задело его, что я их Тонику назвал некрасивой. Хм, а я ведь ещё мягко высказался... Реально уродская у неё форма.

— А почему бы и нет. Сделаю пару набросков, — отозвался я, вспомнив свои фантазии на темы электрогитар. Всегда хотел посмотреть, как будет живьём выглядеть двурогий Телекастер. Его стандартная форма мне никогда не нравилась, а вот если сделать два пропорциональных рога, то должно получиться очень даже прилично и без лишнего выпендрёжа, — Только тогда уж и вы красное дерево на корпусе и клён на грифе не красите краской и головку грифа дешёвой пластмассой не обклеивайте. Оставьте красивое дерево под прозрачным лаком.

На следующий день был показ гитар в Красном уголке — зале мест на сто. Вместе с планируемого часа просидели до шести вечера. Рабочий день давно закончился, а люди не расходились. Вопросы, порой самые неожиданные, разбирали тут же, на месте. Попутно выяснили, что изменение корпуса даст существенную экономию дорогого и дефицитного бука, а замена допотопного струнодержателя снизит вес гитары и её себестоимость. Оказывается пластик с «искрой» покупали за рубежом, за валюту от экспорта клавишных инструментов. Никто даже не задумывался над тем, что такое «украшение» давно вышло из моды. Изначальный скепсис о том, где брать комплектующие, удалось победить. Я пообещал, что переговорю с директором соседнего завода «Пневмостроймашина». За серийное производство не ручаюсь, но образцы нам точно сделают.

— А он тебе кто, родственник? — нехорошо улыбнулся один из мастеров, когда услышал от меня такое заявление.

— Нет, он просто мой директор. Я там работаю. Недавно назначен начальником отдела по разработке товаров народного потребления, — ответил я, не уточняя, что весь этот отдел состоит из меня одного. Так получилось, что после выставки меня повысили в должности. Комсомолка на весь завод растрепала про разговор с Ельциным, да ещё заказов мы притащили на полгода вперёд. Посторонней работой меня загружать не стали, но директор ясно дал мне понять, что минимум две — три новых идеи в месяц он ожидает. С чертежами и образцами. Вот и отрабатываю задание. Зачем голову зря ломать, если потенциальный заказчик у нас прямо за забором находится.

С замом по производству мы быстро общий язык нашли. Хватило одного моего вопроса про то, что у него из оборудования не загружено. Когда он сообразил, что я в своих проектах предлагаю отталкиваться от его трудностей, то диалог начался вполне продуктивный. Список станков, которые можно смело загружать работой, он мне за пять минут надиктовал.

— А седло-то зачем переделывать? Можно и наше оставить, — один из работников рассмотрел весьма похожую деталь на всех гитарах.

— У вас струны проходят по мягкому железу. Плохой материал. Латунные седла дают хорошо сбалансированный тон с равными порциями высоких, средних и низких частот. Сталь холодной закатки ярче, чем латунь, придаёт звуку перкуссивность. Нержавейка даёт более ярко выраженную середину, чем латунь. Термически обработанная сталь похожа по

свойствам на нержавейку, но гитары с такими бриджами звучат теплее. Титан очень похож на латунь, но отличается искристыми верхами. Алюминий — самый яркий сплав. Много верха, хороший низ, но немного провалена середина. Надо будет поэкспериментировать с материалами, заодно и вес бриджа увеличим, он на сустейн положительно влияет. Пусть гитара поёт, нам банджо изображать ни к чему.

— И когда соседи нам комплектующие сделают?

— Завтра смогу точно ответить, а если навскидку прикинуть, то за неделю должны управиться, — почти не задумываясь ответил я, собирая в кофр все причиндалы.

— Вот и хорошо, мы тогда через неделю новый корпус изготовим и варианты с другим креплением грифа проработаем, чтобы до двадцать четвёртого лада можно было играть, — вслух высказал Владимир Владимирович свои планы.

Интересная страна СССР. Только у нас музыкальные инструменты могут конструировать и совершенствовать люди, которые даже не имеют представления о том, как на них играть. Собственно, та же самая картина и с эстрадной аппаратурой, и с тренажёрами, да много с чем ещё. Джим Маршалл, руководитель и основатель известнейшей фирмы, производящей эстрадную аппаратуру, сам музыкант. Его инженеры разрабатывают аппаратуру именно под требования реальных исполнителей, а не под ГОСТы и показания приборов. Разница очевидна. Полвека Marshall стеной стоит на сцене в качестве инструментального усилителя у самых известных исполнителей. Внутреннее чутьё мне подсказывает, что из папуаса, который всю жизнь ходит в набедренной повязке, дизайнера верхней одежды не выйдет. Плохо получается что-то изобретать, когда не имеешь даже представления о том, что надо сделать, как и почему.

— Здравствуйте, а Юра дома? — спросил я у полной пожилой женщины, открывшей мне дверь. Юрина мама меня уже не раз видела, когда мы колдовали над микшером, поэтому узнала и пустила в квартиру.

— Дома-то дома, а толку-то. Хотя, если сегодня не продолжит гулянку, то может и прекратит пить, — глядя мне в глаза, сказала она.

— Попробую его в этом убедить, — пообещал я ей.

Юра мне нужен для решения двух вопросов сразу. Мне нужны усилители и я придумал, как снимать алкогольную зависимость. Заклинание пришлось изобретать самому. Когда ко мне вернулись зачатки магии, я озадачился её практическим применением. Ничего особенного я пока накастовать не могу, только самые простые заклинания с минимальным расходом энергии и их передачу исключительно контактным способом. Вчера с метра даже свечку не смог зажечь. Над каналами надо работать и работать, тогда может быть что-то и получится. А пока попробую проверить, что у меня получилось из симбиоза эльфийской магии и метода Довженко.

— Юра, привет. Как жизнь у творческой технической интеллигенции? — прикололся я, увидев его помятое серое лицо, с набрякшими мешками под глазами.

— Лучше бы я умер вчера... — откликнулся мой знакомый алкоголик.

— Вот ты мне ответь, только честно. Тебе самому пить нравится? Только подумай сначала. Мне правдивый ответ нужен.

— Нет. Точно нет, но тут дело такое... Организм иногда просто требует, а я устоять не могу, ну, или кампания соберётся подходящая, тогда тоже отказаться трудно, — высказался он после недолгих размышлений.

— А приляг-ка на диванчик. Я сейчас одну штуку проверю, и если получится, то потом

поговорим, — я почти насильно утолкал Юру к дивану и подкинул ему одну из подушек — думочек, чтобы положил под голову, — Лежи, не дергайся. Тут дел на одну минуту.

Ладони положил на виски, пальцами оплёл затылок. Заклинание малого исцеления кастуется быстро. Руки отнял даже раньше, чем обещал — секунд через тридцать.

— А теперь как ощущения? — спросил я подопытного алкаша.

— Ух, блин... Как свежим ветром всего просквозило. Голова не болит, сердце не выскакивает, а вот привкус во рту остался, как будто там кошки нагадили, — заелозил он головой по маленькой подушечке, с явным недоумением фиксируя ощущения.

— Так, значит у нас всё работает. Уже неплохо. Ну что, будем избавляться от алкогольной зависимости или нет? Сразу говорю, что насколько сильно поможет и на какое время, я не знаю, но то, что какой-то результат будет, ты сам только что убедился.

— А-а, давай, — с каким-то азартом ответил Юра, залихватски махнув рукой.

— Тогда закрывай глаза и лежи спокойно. Слушай внимательно и мне не мешай, — я размял руки, похрустев пальцами, как пианист перед сложным исполнением. Ещё раз мысленно пробежался по всем заклинаниям и их порядку. Свои действия я буду прикрывать рассуждениями про алкоголь и алкоголизм, а в конце симитирую что-нибудь «от Довженко».

— Итак, что такое алкоголь и откуда берётся состояние опьянения, — я положил руки Юре на виски и кастанул заклинание концентрации, — Алкоголь — это испражнения дрожжевых бактерий. Под микроскопом хорошо видно, как бактерии, поглощая сахар из сока или сула, выбрасывают за собой мутное облачко. Когда содержание в бочке или сосуде этих экскрементов достигает одиннадцати процентов, как всякий живой организм, оказавшийся в полном «дерьме», они в этой же своей гадости захлёбываются и погибают. Далее эту жидкость разливают по бутылкам и называют вином. Алкоголь обладает интересным свойством — он склеивает эритроциты — кровяные клетки в «виноградные грозди». Склеиваются они из-за того, что алкоголь снимает, с поля клетки, отрицательный заряд и вместо того, чтобы отталкиваться друг от друга, они начинают слипаться, образуя тромбы. Если для крупных вен и артерий эти тромбы не представляют большой угрозы, то про сосуды и капилляры такого не скажешь. Когда к месту разветвления капилляра или сосуда подходит такая склейка эритроцитов, она его закупоривает, сосуд раздувается и отмирает. Мозг состоит из более чем 15 млрд. клеток нейронов, и каждая клетка питается кровью. Когда такой тромб пытается пройти к клетке, он закупоривает подход, из-за узкого прохода сосуда, и кровь перестает поступать к клетке.

Кислород в клетку не поступает с кровью, она начинает голодать и через 7–9 минут, после прекращения поступления крови, такая клетка умирает. После каждой, так называемой умеренной выпивки, у человека появляется целое кладбище убитых клеток нейронов.

В результате гибели нейронов, поведение человека меняется кардинально, он начинает «дуреть» в прямом смысле этого слова. Степень этого одурения у разных людей протекает по-разному. У одних начинает разрушаться затылочная часть мозга и вестибулярный аппарат, поэтому их болтает и пошатывает при походке. У других разрушается нравственный центр, поэтому про таких говорят, что трезвый бы он никогда бы так не поступил. У третьих разрушается память и поэтому на следующий день, человек не помнит, что он делал пьяным, — я кастанул заклинание гипносна, — Убитые клетки начинают гнить и разлагаться. Именно эти гниющие клетки и являются причиной головной боли, когда у

человека состояние похмелья. Чтобы мозг от этих клеток не умер совсем, организм вынужден закачивать в мозг, под череп, огромное количество жидкости, чтобы растворить мертвые клетки и вымыть токсины. Повышается внутричерепное давление, создающее дополнительную боль. На утро, вместе с этой жидкостью, через мочеполовую систему, организм выносит из себя продукты пьянки — мертвые клетки — в канализацию, — по подёргиванию век я вижу, что мой пациент меня слышит.

— Запомни — кто выпивает водку, вино и пиво — тот мочится своими собственными мозгами. Нет нормы употребления, нет культуры употребления алкоголя — это сказки для оправдания алкоголизма. Даже 20–30 грамм алкоголя в день убивают твой мозг, — я перешёл к заключительной стадии. У эльфов есть интересное заклинание, превращающее их в абсолютных вегетарианцев. Я в нём поменял знак мясной пищи на алкоголь. Вот его сейчас и применю, — Я освобождаю тебя от алкогольной зависимости. У тебя больше нет тяги к спиртному. Ты понимаешь весь вред таких напитков и не хочешь стать идиотом с высушенными мозгами, — я сильно надавил Юре большими пальцами на начало надбровных дуг и прижал указательные пальцы к середине его лба. Так целители у эльфов закрепляли долговременные заклинания.

— Через три минуты ты проснёшься. Ты будешь чувствовать себя отдохнувшим и полным сил. Тяги к алкоголю нет, и больше не будет, — я оторвал онемевшие руки, а пальчики-то у меня подрагивают. Прилично я выложился. Оглянулся на шум в дверях. Юрина мама, заметив, что я её увидел, уже не сдерживаясь, заревела в голос, вытирая своё лицо передником.

— А вот это вы зря. Лучше бы чаем меня угостили, — улыбнулся я женщине, переключая её внимание.

— Ой, пойдёмте, я шанежек напекла, с творогом, — сорвалась она с места с неожиданным проворством, — А что это вы делали?

Вот же... Очень неудобно себя чувствую, когда человек намного старше тебя вдруг на Вы начинает говорить.

— Дед научил. Вроде бы это одна из разновидностей метода Довженко. Вот только я самостоятельно сегодня первый раз его пробую, но по-моему всё хорошо получилось. Сейчас Юра проснётся, и посмотрим, — спустя пару минут я ушёл к своему пациенту и провёл выход из сна.

— Засоня, пошли шанежки кушать, — улыбаясь, сказал я заметно порозовевшему инженеру, — А потом заказ обсудим. Мне тут срочно усилители понадобились.

— Я схемку одну подработал, на наших лампах 6ПЗС — Е, на предварительном 6Н2П будут. Сто ватт уверенно можно снимать, — успевал говорить Юра, бодро заталкивая в себя шаньги, — Там только блок питания надо помощней сделать, очень полезно для звука будет. Заодно буст добавим, двумя дополнительными кондёрами можно выполнить на первом каскаде, — он отвлёкся на большую кружку с чаем, а его мама, счастливо улыбаясь, подложила ему в тарелку следующую порцию горячих шанежек.

Посмотрим, надолго ли моей магии хватит. Лет десять меня вполне бы устроило, а больше получится, ещё лучше. Мало того, что мне Юра очень нужен, так и эффект от лечения на нём будет хорошо виден. У меня в планах ещё одного земляка такой магией в будущем «причастить», а то зачем стране нужен сильно пьющий Президент. Баловство это.

— Закон перехода количественных изменений в качественные в диалектике Гегеля и материалистической диалектике, а также ряде близких философских концепций — всеобщий закон развития природы, материального мира, человеческого общества и мышления. Закон сформулирован Фридрихом Энгельсом в результате интерпретации логики Гегеля и философских работ Карла Маркса, — негромкий голос преподавателя слышу в полусне. Вот же птица — баюн, её надо записать на магнитофон и можно применять вместо снотворного.

— Предметом закона является переход от незначительных и скрытых, постепенных количественных изменений к изменениям коренным, открытым — качественным, где качественные изменения наступают не случайно, а закономерно, вследствие накопления незаметных и постепенных количественных изменений, не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, через ломку линейного закона изменения и перехода к нелинейным законам и формам изменения. Закон перехода количественных изменений в новое качество — момент закона развития меры, — под монотонный бубнёж лекторши мои мысли текут не спеша. Делаю вид, что что-то записываю, а сам черкаю чёртиков в тетради.

— Переход количественных изменений за пределы меры ведет к изменению качества предмета, то есть к его развитию. В этом и заключается закон перехода количества в качество — развитие осуществляется путём накопления количественных изменений в предмете, что приводит к выходу за пределы меры и скачкообразному переходу к новому качеству. При нарушении меры количественные изменения влекут за собой качественное преобразование. Таким образом, развитие выступает как единство двух стадий — непрерывности и скачка. Непрерывность в развитии — стадия медленных количественных накоплений, она не затрагивает качества и выступает как процесс увеличения или уменьшения существующего. Скачок — стадия коренных качественных изменений предмета, момент или период превращения старого качества в новое. Эти изменения протекают сравнительно быстро даже тогда, когда принимают форму постепенного перехода. Широко употребляемое выражение «переход количества в качество» фактически является неточной формулировкой и может сбить с толку тех, кто не знаком с данным вопросом, — уф-ф, наконец-то звонок. Лекция закончена.

— Принцип перехода от количественных изменений к качественным получил существенное развитие и конкретизацию в синергетике. Значительно детализированы и углублены знания о переходах (скачках) на всех уровнях развития материи, от элементарных частиц до общества, — добивает нас вдогонку эта неутомимая женщина, полностью игнорируя демонстративное исчезновение тетрадей со столов и стоящих на старте студентов. Впереди большой перерыв, студенты проголодались. В дни, когда в институте добавляются заочники, очередь в столовой вырастает раза в полтора. Поневоле задумаешься, как не опоздать и не остаться голодным. Я на обед не собираюсь, до дома потерплю.

Только сейчас до меня доходит, что вся эта словесная тягомотина мёртвым научным языком описывает то, чем я занимаюсь. Вот же как меня усыпила мертвогоголосая сирена, казённым сухим языком рассказывающая то, что мне самому оказывается нужно и интересно. Неужели преподаватели не понимают, что такая подача материала самого



любопытного студента демотивирует.

Я пытаюсь раскатать лодку и вытолкнуть её из болота на чистую воду. Вроде бы делаю всего понемногу, но делаю. Для восемнадцатилетнего парня, всеми силами желающего подольше сохранить относительную свободу, не так уж и плохо получается. А тут ещё и закон о качестве и количестве на моей стороне.

Одна из больших проблем у молодёжи сейчас — это масса свободного времени, которое не очень-то чем займёшь. Развлечений мало, а по-настоящему интересных так почти и нет. Прошёл тот период, когда вся страна билась, чтобы выжить и победить. Как-то сами по себе пропали ДОСААФы, дрова колоть и воду таскать тоже стало не нужно, даже колоски на полях пропали... никто их теперь не собирает. Исчезла борьба, пропал враг и народ обленился.

Вот вроде бы хорошие вещи люди придумали, а только делается всё через одно место. Та же «картошка». Приехали студенты помогать колхозам — совхозам с уборкой, а их не поселить не могут нормально, не покормить прилично, да ещё и обсчитают при расчёте, выдав по тридцать рублей за месяц тяжёлой работы. Или практика школьников на заводе, вроде хорошо задумано, но как плохо организовано... Поручат тебе такую работу, на которую рабочих просто не найти. Кому интересно сдирать целый день облой с отливок, или перетаскивать ящики с заготовками от станка к станку. Понятно, что потом этих школьников на завод и палкой не загнать. Они там уже были, натерпелись. И всем наплевать... Меня всегда умиляло, что наши люди даже около собственного дома порядок наводят лишь раз в году, во время субботника. Далёко ещё им до идеологии английского газона.

— Оп-па, извиняюсь, — поток студентов вынес меня из аудитории в полутёмный коридор, где я с размаху приложился подбородком в женскую грудь...

— «Ничего так размерчик, не хуже, чем у Ленки был», — вспомнил я не к месту Пашину любовь и поднял глаза вверх. Довольная улыбающаяся девушка хохочет вместе со своей менее рослой подругой. Ага, вот в чём дело... «Уралочка» — наша свердловская волейбольная команда тоже в СИНХе на заочном учится. Молодцы девчата, они сейчас на взлёте. Насколько я помню, лет пять подряд будут наши волейболистки первые места по Союзу занимать. Смеюсь вместе с ними, а сам смотрю ей на ноги. Вот теперь шутка стала понятна. У неё и так рост под два метра, а она ещё залезла в туфли на платформе, да с каблуком. Раз уж я со своим ростом в сто восемьдесят восемь ей в ти... декольте упёрся, то представляю, какой шок у парней обычного роста.

— Нет уж, за такое простого извинения мало. Да, Галка? — переходят к следующей фазе своего розыгрыша расшалившиеся подруги.

— Ой-ёй-ёй, какие мы грозные, а локти на баскетбольное кольцо положить можете? — я разрываю им шаблон, с удовольствием наблюдая за двумя озадаченными мордашками молодых волейболисток, и показываю, как складывает руки приличный ученик за партой.

— Пф, может быть, ты покажешь? — отмирает подруга участницы столкновения.

— Всему учить приходится, — вздыхаю я, всем своим видом требуя сочувствия, — Ну, пойдём в спортзал, так и быть, покажу.

Мне однажды довелось прочитать интервью с рекордсменом по прыжкам в длину, Бобом Бимоном. Тем самым, который на Олимпиаде в 1968 году прыгнул восемь метров девяносто сантиметров. Там он рассказывал, что когда-то увлекался баскетболом и мог в прыжке положить локти на кольцо. Такого испытания я упустить не мог и неоднократно

продельывал то же самое. Очень эффектно этот прыжок со стороны смотрится. Желаяющих его повторить немного. Чаще всего зрители подходят, задирают голову на кольцо, и, покачав головой, отходят, даже не пытаясь прыгнуть.

Спортзал закрыт, но это не страшно. Мне Семёныч давно уже собственный ключ выдал. Заходим в зал, девчонки ещё на пороге снимают туфли. Нормально их Карполь выдрессировал. Я в кроссовках, поэтому просто тщательно шоркаю подошвами по влажной тряпке у входа. Подхожу к кольцу, пытаюсь до него дотянуться рукой, и с жалобным видом оглядываюсь на начинающих хихикать девчат. Задумчиво чешу в затылке, оглядываюсь ещё раз. Те уже откровенно ржут. Короткий разбег, толчок и демонстративно лёгкое исполнение обещанного фокуса. Оглядываюсь, девчонки «показывают выхухоль». Широко распахнутые глаза, вытянутые, от удивления, физиономии.

— Ну, давайте знакомиться, что ли. Меня Павел зовут, а вас?

Отлично проболтали весь длинный перерыв между парами. Нормальные девчата, только немного комплексуют из-за своего роста. Много интересного от них узнал про ту сторону спорта, о которой у нас вслух не говорят — материальной мотивации. Девчатам выплачивают неплохую зарплату, в двести двадцать рублей в месяц, бесплатно возят на сборы и снабжают спортивной одеждой и обувью. Вот такая у нас изнанка «любительского спорта».

Ну ладно, это семечки, а возвращаясь к нашим оленям стоит отметить, что очень непопулярные и нелюбимые мной, существуют Развилки. Желаящие поумничать, называют их Точка бифуркации — смена установившегося режима работы системы.

Для Перезагрузки системы надо определиться с переходом количества и качества. Тогда образуется критическое состояние системы, при котором и возникает неопределённость: станет ли состояние системы хаотическим или она перейдёт на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности. Попросту говоря, можно создать возможность изменения событий будущего вполне мирным и естественным путём.

Например, многие ансамбли, которые мы приглашаем к себе на сцену выступить в качестве гостей, уже записали на нашей импровизированной студии свои песни и аппаратуру нашу посмотрели. Вроде бы мелочь, но это как сказать. Мне очень интересно наблюдать сам процесс познания. Музыканты ВДРУГ понимают, что не так страшен чёрт, как его малюют и оказывается очень многое можно сделать своими руками, было бы желание. Гости у нас из разных городов, и уже не только нашей области. Приезжали ансамбли и из Челябинска, и из Перми, а после Нового года приедут из Уфы и Тюмени. Вот так, понемногу, но разрастается наш опыт. Из Первоуральска и Верх — Нейвинска нам уже присылают записи, сделанные самостоятельно, причём не только своего коллектива, но и «соседей», находящихся в их районе или городке. Почему нам? У нас неплохо раскрутились Дима с Виктором. Познакомились с десятками «писателей», которые занимаются магнитофонной перезаписью и продают им качественные «мастер — ленты» наших сборников, записанные на скорости 19,05. Те, в свою очередь переписывают сборники на кассеты и распространяют их по своим каналам. Кассеты от «писателей» расходятся в большом количестве, а зачастую и не раз перезаписываются, так что я нет — нет, да и слышу наши песни на улицах города. То молодёжь на скамейках сидит с переносным магнитофоном, то из окон студенческой общаги донесётся знакомая музыка. Вот и разрастается понемногу движение, как ветка на дереве. Для чего мне это нужно? Наверно, чтобы молодёжь больше слушала свою, советскую музыку, а музыканты стали бы понимать,

какие из их песен пользуются успехом, а какие нет.

Для изменений общества в первую очередь надо менять мышление. Проще всего это осуществить с молодёжью. Поменять приоритеты у подрастающего поколения. Для этого у меня есть послезнание. Понимание будущих ошибок. Рычаг вроде бы мощный, но всё зависит от того, как я сумею его использовать.

Тренажёры в магазинах разбирают, как горячие пирожки. Больше всех этому рады заводские снабженцы. У них в руках появился свой «дефицит», который они используют в хитромудрых обменах. Начальник отдела снабжения на днях выловил меня на заводе, и ухватив за пуговицу, минут десять проникновенно вещал, как надо им, обычным советским снабженцам, что-нибудь эдакое, чего ни у кого нет. А глаза честные — честные... Из пяти видов продукции, которые я смог сходу придумать и описать, ему больше всего понравился электротермос. Мои сомнения по поводу дефицитной нержавеющейки он рассеивает одной фразой.

— Для современного самовара, да ещё постоянно дающего кипяток и не такое найдём.

Любит народ чай погонять, и не только дома...

Соседи выпустили первую сотню электрогитар «Тоника — Люкс». На доводке первых образцов сам посидел с мастерами, заодно и недоделки выявил. Обещали исправить к следующей партии. Гитара вышла вполне себе «играбельная». Не хуже немецкой Музимы. Наш завод активно поучаствовал в производстве комплектующих. Теперь время от времени делаем гитарную мелочёвку. Долго ли накатать пару километров стального профиля для ладов на гриф. Скоро намоточный станочек получим, так ещё и звукосниматели начнём мотать. Ферромагниты с Верхнепышминского опытного завода уже получили, ждём керамомагниты. Прессформу для корпуса звукоснимателя тоже заказали. Держись, ДиМарцио, уральские «звучки» на подходе! Директор нашего завода зачем-то за сердце схватился, когда я рассказал, в каком количестве и по какой цене такие датчики за рубеж можно продавать. После нашего разговора начал в Москву звонить. Это я по селектору случайно услышал, когда из его кабинета в приёмную вышел.

Продаю понемногу усилители с колонками. Юре с Николаем от этих сделок прилично денег перепадает. Я тоже нормально зарабатываю. Три усилителя отправил в Москву, навожу каналы с одним крупным дельцом, занимающимся аппаратурой. Если всё удачно получится, то они уйдут в расчёт за ударную установку Амати, а то старенькая Трова у нас совсем разваливается.

За девятьсот рублей продал Иолану с Регентом — 30. Себе поставил ламповый усилитель и колонку на четыре двенадцатидюймовых динамика РФТ, от Регента 60. Ищу «свой» звук. Гитарист группы Queen Брайан Мэй у меня в качестве путеводного факела.

Молодёжь не знает, чем заняться. Основные интересы сводятся к моде, музыке, спорту и любви. Понятно, что есть и другие увлечения, но уже не в том количестве. Для меня это интересно. Наблюдаются кризисные точки, которые могут перерасти в серьёзные неприятности. Вполне возможно, что некоторые углы удастся сгладить. Надо только разобраться, что и как лучше сделать. Пока плавно залезаю в музыку и спорт. Вроде не слишком заметно, но насколько я помню, тех же электрогитар Тоника в СССР будет произведено почти столько же, сколько и родных Фендеров Стратокастеров в США. Спортивные тренажёры тоже найдут своих ценителей, недаром их чертежи у нас уже попросили ленинградцы и хабаровчане.

В мир моды просто так не влезть. Слишком узкий и закрытый социум там образован.

Придётся идти другим путём. Для сцены заказали себе в ателье спортивные пиджаки из льна, чем-то напоминающие блейзер. Я себе сразу два пошил — серый и чёрный. Они у нашего ансамбля различаются по цвету и немного разнятся в деталях. Общим выступает тонкий белый джемпер из хлопка с неглубоким треугольным вырезом. Вниз надеваем или джинсы с кроссовками, или легкие летние брюки с нарядными ботинками на невысоком каблуке.

Я же теперь жених, вот и познакомился с продавщицами из салона новобрачных. Есть у нас на Луначарского такой магазин, где можно отхватить иногда очень неплохие вещи. Поэтому коллекция югославской обуви оказалась под пристальным вниманием наших музыкантов, а девочки из магазина были задарены наборами шоколадных конфет и шампанским. С джинсами всё тоже не так сложно. Те тёмные личности, которые частенько таскаются к нашим парням с импортными грампластинками в портфелях, попутно прифарцовывают и импортным шмотом. Так что мы все немного приоделись и попутно с выступлениями демонстрируем свой взгляд на молодёжную моду. Довольно успешно, кстати. Люди к нам на танцы стали одеваться заметно приличнее теперь, чем в первые дни. Весьма возможно, что этому поспособствовало одно маленькое происшествие.

— Паха, открой, свои, — услышал я однажды перед танцами голос за дверью, после весьма тактичного стука. Подошёл, открываю, стоят двое парней. Гопяка узнал не сразу. Короткая стрижка, почти под «ноль» и вполне приличная одежда.

— Это тебя в ментовке обкорнали? — ухмыльнулся я, глядя на его новую причёску. Почему-то именно такая мысль первой пришла в голову.

— Не, я в армию ухожу. Вот друга привёл познакомиться. Это Монс, то есть Юра, — он кивнул на своего сопровождающего. Высокий парень, лет семнадцати, с широким и глубоким шрамом на всю щеку.

Теперь и с причёской Гопяка понятно. Оказывается, он сам заранее побеспокоился о стрижке в парикмахерской, чтобы не попасть в лапы армейского цирюльника и не щеголять потом ссадинами и «антеннами» на подстриженной голове, как все призывники.

— Тоже песни пишет? — не совсем понял я причину знакомства.

— Он за меня остаётся. Короче, тут такое дело. Встречались мы с парковскими, Нижним Щорса и с Переходным, — перечислил Гопа основные группы местных хулиганов, — В общем порешали, что Гагры теперь мирная территория. Неохота всем, если из-за драк тут «скачки» закроют. Монс за этим последит, а ты, если что, к нему обращайся, ну и он тоже чтоб знал тебя, а то мало ли, как оно всё повернуться может, — намекнул он мне, что может и мне придётся иногда его другу помочь.

Так что теперь у нас на танцах мир, дружба, жвачка. Понятно, что совсем без конфликтов не обходиться, но такого как раньше, чтобы драка шобла на шоблу, уже не бывает.

— Да не сделать нам столько! Ты понимаешь, не сделать! Я тебе где сборщиков найду? — Силантьев разоряется так, что уже любопытные к нему из цеха заглядывают в приоткрытую дверь.

— Кузьмич, не ори. Найду я сборщиков. Сколько надо будет, столько и найду, но ты мне поможешь, — успокаиваю я начальника цеха, ухмыляясь. Мне его спектакль до лампочки, так что не фиг меня «на горло» брать.

— Чем я помогу?

— А вот так же орать на меня будешь у директора, или у его зама. Лучше давай вместе

прикинем, кого нам к этому делу припрячь, чтобы с интернатом договаривался, — я искренне веселюсь, глядя на постепенно спадающую расцветку багрового лица Силантьева.

Дефицит «джеков», пальчиковых штекеров для эстрадной аппаратуры, я ощутил на себе, как только кончились мои личные запасы. Купить их просто негде. Нет ни в магазинах, ни на базаре. Подсчитал, сколько только в нашем ансамбле таких штекеров надо. Ужас. Тридцать восемь штук. С разобраным «джеком» примчался к заму по производству. Прикинули с ним загрузку токарных полуавтоматов. Тысяч двенадцать — пятнадцать в месяц спокойно можем делать. Попёрся в экспериментальный цех. Раз уж так сложилось, что они застрельщики всей новой продукции, то с ними и буду решать, как из отдельных деталюшек собрать готовый штекер. Идея с интернатом возникла экспромтом, когда я увидел, как своими прокуренными пальцами Кузьмич пытается ухватить мелкие детали. Неуклюже у него выходит, а вот школьникам с их пальчиками самоё то. Взглянув на часы, сам собираю штекер. Почти три минуты вышло.

— Пять копеек за сборку? — спрашиваю я совета у Кузьмича. Тот тоже засёк время, что-то считает про себя.

— Интернат наверняка у них половину заберёт, — вздохнув, подсказывает он.

— Тогда ориентируем наше руководство на восемь копеек, — предлагаю я.

— Много. Это же сколько они в час будут зарабатывать? — машинально тянется он к пачке с папиросами, которую я так же невзначай отодвигаю от него на недосягаемое расстояние.

— Кузьмич, ты на детях три копейки решил сэкономить?! — чувствую, что теперь уже у меня морда лица начинает наливаться кровью.

— Да я что, пусть начальство решает, — Силантьев делает неожиданный рывок и отвоёвывает свои папиросы, — Сейчас к расчётчикам зайду, пусть расценку подтвердят, а потом можно профкомовца с парторгом в интернат отправить. Только на это указание директора нужно получить, — вздыхает он вверх указательный палец.

Успокаивающе машу рукой и спешно ретируюсь, подгоняемый клубом дыма от первой, самой сладкой затяжки. В следующий раз возьму в заводском бомбоубежище сумку с противогазом, а то ишь ты, наловчился он меня из своего кабинета выкуривать.

По моим прикидкам, за двухчасовую работу по два-три раза в неделю у школьников рублей пятнадцать — двадцать в месяц должно выходить. На мороженое и шоколадки вполне себе хватит, а потом ещё чего-нибудь им подкину, например те же сетевые шнуры к электротермосу. Нет ещё в это время штампованных проводов. Всё надо вручную на гаечках — болтиках собирать. Вот и пусть ребята моторику пальцев тренируют и не боятся своими руками качественно сделать простейший ремонт тех же вилок — розеток. При социализме это очень полезный навык. Я только в ДК уже отремонтировал или поменял десятка три таких чудных электроизделий, болтающихся на одних проводах, обгоревших и хлябающих. Для меня любой искрящий контакт, как нож в сердце. При включенной аппаратуре грохот в колонках от них стоит, как от пулемёта.

С Ольгиными родителями познакомился за обедом, когда вернулся из института. На столе заметно добавилось солений — варений, извлечённых ими из двух пухлых хозяйственных сумок. Нормальные у неё предки, без лишних закидонов. Тёща правда не в меру любопытная, но кто из нас без греха... Под вечер утащил всех знакомить со своими родителями. Папашки общий язык нашли быстро. Производственные темы под коньячок с лимоном, чем не повод для хорошего вечера. Мамахены притирались дольше. Перелом

произошёл, когда мой отец, ненадолго отвлекшись от эээ... лимона, обронил между прочим, что у него есть возможность вступить в кооператив. Завод у них новый дом строит недалеко от автовокзала. Вроде бы ему предлагали вступить, а он подумал, что пока ни к чему.

Первым сделал стойку я. Сначала отец с недоверием выслушал, что я ему деньги за двухкомнатную квартиру через двадцать минут принесу, и не только на первый взнос, а потом подключилась тяжёлая артиллерия... Через полчаса, под Кагор, мамахены уже спорили, у кого из них припасены лучшие шторы для будущей кухни. Что характерно, наше с Ольгой мнение их абсолютно не интересовало. Сгонял по-быстрому за пополнением алкогольных припасов в наш Гастроном, а то дело уже к семи вечера. После этого мы с Ольгой почувствовали себя лишними на развернувшемся празднике жизни и спокойно пошли к себе. Раз уж родители выключили телевизор и начали перебирать пластинки, то не стоит им мешать.

— Семёныч, нет. Ты же сам прекрасно понимаешь, что мой вариант лучше, — размешивая сахар в чае, уговариваю я своего тренера, — Ольга за мной и присмотрит, как надо, и стимулирует меня на результат она будь здоров. Давай не будем доводить этот вопрос до антагонистических противоречий, — неожиданно даже для себя, завершаю я свою часть диалога. Вот же, начитался перед поездкой учебников, скоро плакатными лозунгами начну вещать. За окнами поезда уже Омская область, сплошные болота и непонятные проплешины полей. Нам только что проводница принесла чай. Мы возвращаемся из Новосибирска, с зональных соревнований с первым местом и результатом в восемь метров десять сантиметров. Установку тренера на первое место и на то, чтобы выпрыгнуть за восемь метров я выполнил. По его словам, мне надо показать стабильность и пока не слишком высовываться. Так что прыгал не в полную силу, лишь бы к восьми метрам поближе. От соревнования к соревнованию будем помаленьку наращивать результат. Семёныч говорит, что на такую статистику чиновники от спорта должны среагировать гораздо сильнее, чем от разовых достижений. Создаётся видимость, что спортсмен бодро прогрессирует в развитии и стабильно показывает высокие результаты.

— Да не смогу я её оформить на ставку. У неё даже прописки нет, наверное, — немного подумав, приводит он очередной довод. Вот ведь упрямый. И причины-то какие находит, чтобы своё решение продавить. Нет уж, тут вам не там, полюбуйте на индейское жилище. Фигвам называется. Я тоже упрямый, если для дела надо, и на одних морально — волевых тоже умею побеждать.

— О как, так там даже ставка... Я, в общем-то, про полставки думал, по совместительству. Да за ставку я пять человек пропишу, если надо будет, — «успокаиваю» я его, — Семёныч, ты лучше честно скажи — нам с тобой золотые медали нужны или нет? Если мы никуда на международные соревнования не собираемся, то мне без разницы, кто у меня будет вторым тренером. Деньги в этом вопросе не главное.

Тренер хочет что-то сказать, но задумывается. Едем мы с ним на фирменном поезде «Байкал», в СВ. Я, честно говоря, был немного ошарашен, когда по факту выяснилось, что в Новосибирск мы поедем в плацкартном вагоне. Обратная дорога предполагалась таким же образом, но тут уж я встал насмерть. От десяти лишних рублей за билет я не обеднею и за нормальный сервис готов их доплатить из своего кармана, а если надо, то и за обоих могу рассчитаться. Видимо на Семёныча моя эскапада впечатление произвела, и довод про деньги и медали он воспринимает верно.

— Сколько ты на этих соревнованиях мог добавить? — зачем-то понизив голос,

спрашивает он.

— Сантиметров двадцать — двадцать пять уверенно, с первых двух попыток, а остальное по счастью, как повезёт, — скромничаю я, так как уверен, что запас у меня больше, а отсутствие заступов и разбег давно отработаны до автоматизма. Дело в том, что на улице уже снег выпал, не попрыгаешь, а в зале у нас нет прыжковой ямы, вот и не могу точно сказать, сколько я на сегодня могу прыгнуть. В голове крутится восемь пятьдесят, но мне самому кажется, что это очень много. Некий психологический барьер, однако. Магия цифр.

Тренер в раздумьях. Сидит, машинально помешивает уже остывший чаёк. Схожу к проводнице, ещё закажу, пусть думает.

Новосибирск мне понравился. Хороший город. Я бы не отказался там жить. Шикарная река, обалденное водохранилище — Обское море, длиной в двести километров и шириной в двадцать с лишним и лес, не хуже, чем у нас, на Урале. А уж какую я там рыбку прикупил на базаре... Ух-х... Везу домой шесть кило стерляди и пятикилограммовую нельму холодного копчения, разрезанную на три части, чтобы в сумку влезла. Понятное дело, продавалось всё это из-под прилавка и чтобы добыть деликатесы, пришлось проявить спортивную и настойчивость. В конце концов, даже паспорт показал, что я из другого города, а то дебилая торговка никак не хотела со мной общаться, предполагая во мне «засланного казачка».

Довелось мне в Новосибирске немного поиграть в футбол. Целых пятнадцать минут в конце второго тайма. Половина нашей, свердловской команды, доехала до Новосибирска с температурой. Время года такое, гриппозное. Команду добирали, из тех спортсменов, кто на ногах остался. Я сел вторым на скамью запасных, твёрдо пообещав своему тренеру, что в силовую борьбу не полезу. На меня никто и не надеялся, когда пришла пора замены. Минут через десять я насмерть загонял правый фланг наших соперников. Они прилично устали под конец игры и не хотели уже бегать много и быстро. Ха-ха три раза, куда им деваться, если я нагло кричу: — Играем в стенку, — скидываю мяч на центр и ломлюсь, как лось, по своему флангу, за счёт скорости отрываясь от защитников. В итоге заработал два угловых, которые сам и подал. Один из них реализован. Прямо в голову нашему нападающему попал, а от неё мяч в ворота влетел, как от дерева. Вратарь соперников только руками развёл. Ничья. Свердловчане вышли в финал. Намёки футбольного тренера мы с Семёнычем «не поняли», а ибо нефиг. Приехали у тебя сегодня поездом твои же запасные, которых ты сам не один год тренируешь, не разевай рот на нечаянных волонтеров. Есть на финал полный состав у твоей команды, вот и выигрывай. Успехов и удач! Лично меня дома невеста ждёт. Без пяти минут жена. Что характерно, живым и здоровым.

Мне хватило того, что в первой жизни, во время футбола на ОФП (общефизическая подготовка), мне вывихнули колено. «Неудачный» подкат со спины. Про жутко неприятный хруст, когда иглой, толщиной в стержень от шариковой ручки, прокалывают хрящи, чтобы откачать сгустки крови из разбарабаненного колена, рассказывать не буду. Смысл в том, что после некоторых травм спорт в этой жизни заканчивается. Навсегда. Суицид среди «неудачников» советская пресса никогда не озвучит, это Запрещено и писать про такое не только бессмысленно, но и опасно. Разрешены лозунги и плакаты, прославляющие Чемпиона, одного из многих тысяч, того, кто добился успеха. Ему посвящено всё внимание и он пожинает лавры. Судьба спортсменов, оказавшихся за бортом, мало кого волнует, как бы сладко про «советский спорт» не пели те, кому это положено. Имена «неудачников» забыты тут же, а их судьба определена личными возможностями и пенсией по инвалидности, в лучшем случае. Может быть товарищи по команде скинутся потом по десятке, чтобы отдать

дань человеку, полжизни положившему на алтарь советского спорта. И всё. У нас на болоте снова всё тихо и благостно, а то что камушек только что влетел, так на болоте ничего и не дрогнуло, вон, даже ряска толком не разошлась. Это не камушек, звезда упала, вот даже как, спортсмен умер, не умер, покончил... эээ нет, наши люди отличаются от капиталистического... Чего? Куда пойти? Да как ты смеешь! Ми-ли-ци-я!

Что в Советском Союзе необычно, так это традиции критической мысли и экспериментальные достижения. На спор наши люди могут сделать хоть плавающий танк, хоть подводную ракету. Но запустить потом эти достижения в серию, да с сохранением качества, до такого доходит не часто. Особенно, если не касается обороны. Далек ходить не надо. Из окон нашего поезда видны зерноуборочные комбайны, вернее скелеты, наполовину разобранные. Их производство каждый год увеличивается, а качество всё хуже и хуже. Вот и работают они один — два сезона, а потом зачастую становятся донорами для своих выживших собратьев. Их начинают понемногу разбирать на запчасти. Некачественный «сырой» металл, допотопная конструкция, даже вращающиеся пары от пыли толком не защищены. Взять бы этих конструкторов, да посадить за штурвалы комбайнов на уборочную. И чтобы ремонт делали своими силами в полевых условиях... И так каждый год. Допустим, такое возможно, но дальше в борьбу с качеством вступит Его Величество План. Жуткая разрушительная сила! Дамоклов меч, висящий над любым директором завода. В эпоху Великих Приписок за качество с него не очень-то и спросят, а вот за невыполнение плана легко могут снять с должности, как «не справившегося и не оправдавшего доверия».

Продвинутый советский покупатель обязательно посмотрит перед покупкой, когда произведён тот товар, за который он собирается отдать деньги. Если в штампике на дате изготовления стоят последние дни месяца, то от приобретения лучше отказаться. В автомобилях, изготовленных в дни борьбы с планом, можно найти приваренные к салазкам сидения, сухие стойки, наживлённые, но незакрученные гайки и ещё кучу самых неожиданных чудес, ни одно из которых будущего владельца не порадует.

Дом встречает визгами и писканиями. Ольга повисает на шее, прямо на лестничной площадке. Роняю сумки на пол и кружу её. Накружились так, что в квартиру заходим, как пьяные.

Начинаю демонстрацию подарков.

— Тут у нас рыбка, вкусная. Ещё рыбка, о, опять рыбка, уже совсем другая рыбка, но тоже объедение. Надо будет с родителями поделиться. А это мне перепали кроссовочки, зимние. Тренер один из Барнаула приторговывал. А в пакете куртка, тоже финская, вроде Аляски. Да, сейчас одену, посмотришь. Ну вот, вроде всё.

Демонстративно отвожу в сторону глаза от новенькой спортивной сумки Адидас, которую ещё не трогал и не открывал.

— А там что? — моя милая обличающе указывает пальцем на незнакомую ей сумку.

— Ой, совсем из головы вылетело. Я же тебе сумку купил...

— А в ней что? — в радостном предвкушении Олька сверкает глазами. Озадаченно гляжу в потолок.

— Слушай, даже не помню. В такой спешке собирался. Там наверно тебе мелочи какие-то лежат, — я с удовольствием смотрю, как любимую моментально сметает с дивана.

— А-а-а, класс-класс-класс, — как девочка скачет она на одной ноге, разглядывая кроссовочки из красной замши с кокетливой опушкой из белого меха. Повезло, что был её размер. Ножка-то у неё почти что детская. Любопытство перевешивает дальнейшее



любование и она снова зарывается в сумку. Там же выглядывает ещё один пакет, и не маленький. Устраиваюсь на диване поудобнее. Сейчас будет весело. Из пакета появляется бумажный свёрток, перетянутый бечёвкой. Ольга обводит взглядом комнату, но ничего режущего ей на глаза не попадает и она начинает распутывать узел, периодически сдувая падающую чёлку. Обёрточная бумага через минуту разлетается, но там снова такой же свёрток. Ольга шипит от возмущения, грозит мне кулачком и бежит за ножницами. Под бумагой оказался пакет, перетянутый лентой. С бантиком она справляется быстро и вытряхивает на стол белый адидасовский пуховичок. Пискнув от восторга гладит его рукой, заодно крутит головой, проводя анализ на соответствие цветов у подарков.

— Руку в рукава засунь, — подсказываю я с дивана. Вязаная шапочка, в красно — белую полоску. Всё это она тут же прикладывает друг к другу. Ольга любит со стороны, отступив от стола на пару шагов.

— Там вроде в карманах что-то было, — сдерживая улыбку, говорю я, как бы между прочим. Держу покер фейс. Лицо у меня безмятежное, с явным налётом имбицильности. Ольга, разъярённой кошкой кидается к столу, бросив на меня возмущённый взгляд. Сдерживаться дальше невозможно, и я начинаю подхихикивать. В одном знакомом мультфильме такую же суету устроила белка с орехом.

Из карманов вытаскиваются красненькие перчатки с полосочкой белого меха на запястье. Издав восторженный вопль, милая уносится к зеркалу. Да, кстати. Сумка-то тоже красная. Только надпись Адидас, значок фирмы и полоски по бокам белые.

Спасибо жене барнаульского тренера, приехавшей с командой их гимнасток. Задача перед ней стояла нелёгкая. На Ольгин размер нашлась всего одна пара подходящей обуви. Всё остальное пришлось подбирать, отталкиваясь от кроссовок.

Через пять минут на подиуме нашей квартиры состоялся показ мод. На мой взгляд курточка для наших зим легковата, но сидит исключительно замечательно. К привезённому мной комплекту добавились джинсы в обтяжечку и белая водолазка. Комплект Зима 76–77 встретил восторженное внимание зрителя и звезда подиума была отловлена и зацелована, по самое не могу. Дальнейшее обсуждение, вместе с манекенщицей, было перенесено в более подходящее помещение с большой кроватью.

Через два часа звоню родителям. Нас уже ждут на пельмени. Мать торопит. Наряжаемся в обновки, грузим в пакет рыбу и бодрым шагом идём к родителям.

— Здравствуй, Паша. А кто это с тобой, новая девушка? — я не среагировал на хлопок двери, проходя мимо знакомого подъезда. Даже зачем-то отвернулся.

— А, Лена, Галка. И вам здравствуйте, — слегка притормаживаю я, осматривая одноклассниц, — Это моя невеста, Ольга. Скоро на свадьбу вас пригласим. Уже немного осталось ждать, — улыбаюсь я, как бы не заметив ехидный намёк моей «бывшей». Девушки молчат. Помахал им рукой, обнял Ольгу за плечи и пошёл дальше.

— А она тебе кто? — спрашивает моё чудо, когда мы отходим подальше.

— Она... — я оглядываюсь на двух девушек, одна из которых уткнулась подруге в грудь, — Просто девочка из детства.

— Михаил Андреевич, что решили с новосибирской катастрофой? Будете освещать в прессе? — Брежнев, выслушав доклад Сулова о текущих делах, перебирал на столе свои более ранние записи.

— Нет. Психологи проработали ситуацию и выдали заключение, что таран дома самолётом произошёл по бытовым, семейным причинам. С очень высокой долей вероятности можно считать, что примером послужил похожий инцидент трёхлетней давности, когда бортмеханик угнал самолёт и хотел врезаться в дом любовника своей жены. Произошло это там же, в Новосибирске. Такие примеры нашему народу не нужны.

— Всё равно узнают. Такое ЧП в миллионном городе...

— Прикроем блоком позитивной информации. Дали необходимые указания средствам массовой информации на интервью со специалистами по Луне — 24. Пусть опубликуют новые фотографии. Согласована целая серия очерков и рассказов по нашими героями Олимпийских игр. Активно освещается завершение участка Тында на БАМе. Готовим материалы по вводу нового жилья, улучшению бытовых условий, появлению новых товаров. Это народу ближе и интереснее.

— Со «свердловской инициативой» разобрались? — Брежнев внимательно посмотрел на собеседника из-под густых бровей.

— Рябов пообещал в конце недели дать полную информацию по своему протезу и необходимый анализ ситуации. Проблема у них будет в противостоянии с Госпланом.

— А вот тут им помогите. Мне внучка интересный анекдот из института принесла. Идёт парад на Красной площади и вдруг лязг техники и чеканный шаг сменяет тихий шелест. На площадь выходит колонна людей в плащах, костюмах и с портфелями. Я, якобы спрашиваю — «А это кто такие?», а мне отвечают — «Наш Госплан. Жуткая разрушительная сила», — Брежнев выдержал паузу, переложив пару листов на край стола, — Вот и попробуйте на примере одной области провести эксперимент. Выделите им средства в разумных размерах и пусть задействуют свои, областные ресурсы. Понятное дело, план им никто отменять не будет. А мы посмотрим, что получится, проанализируем. Кстати, как там наша четвёрка поживает? Не ссорятся?

— Пока дружно работают. Иногда даже с перебором. На прошлой неделе пытались провести одно решение до одобрения его полным составом Политбюро. Одёрнули. Предупредили.

— Присматривай за ними, чтобы не спелись. Власти мы им много дали, как бы голова не закружилась.

К директору завода меня вызвали во вторник на одиннадцать пятнадцать.

— Ну что, допрыгались? — не совсем понятно начал он разговор, уже знакомо барабаня пальцами по очередной газете, — Вот полюбуйся, — подтолкнул он мне газету «Труд».

Статью я прочитал ещё в воскресенье. Четыре абзаца про выпуск товаров народного потребления и небольшая фотография Ельцина с гантелями. Половинка моего лица на заднем плане почти незаметна. Зато эмблема завода на фотографию вошла почти полностью, хотя и не в фокусе, немного размыто получилось.

— Я читал. Вроде вполне доброжелательно написано, — осторожно высказал своё мнение, косясь на стул, который мне никто не предложил.

— Эх, молодой ты ещё. Не била тебя жизнь. Сейчас не война, где стоит подвиги творить. Это там — или грудь в крестах или голова в кустах. Гхм, — покосился директор на парторга, вскинувшегося на неудачную поговорку, — По мелочам мы под план по ТНП кое-что достать можем, а вот под крупный заказ такое начнётся... Одних документов и согласований не один десяток потребуют и это на каждый вид изделия, — значительно постучал он по столу, где лежали папки с документами.

— А как же мы тренажёры выпускаем? — поинтересовался я феноменом наших изделий, вышедших в серийные партии за месяц.

— По ТУ делаем. Если на них нормативные документы готовить, то года на полтора всё затянется, а по техусловиям можно их четыре месяца выпускать, как экспериментальную партию, — просветил меня Михаил Анатольевич по современным реалиям бумаготворчества, — Затем надо будет изменения вводить в само изделие и название ему менять, но это всё мелочи. Нас на завтра, к двум часам, в обком вызывают.

— Нас? — не поверил я.

— Меня и инициативную группу. Так что втроём и поедем.

— Оденься поприличней и чтобы никаких джинсов — шмынсов, — не удержался парторг и вылез со своими ценными указаниями, а то я без него не догадался бы.

— Михаил Анатольевич, а может нам подготовить себе небольшую памятку, так сказать, взгляд производителей на то, что нам мешает жить. Те же сроки по ТУ растянуть на год, часть средств от экспериментальных партий оставлять на заводе, по повышенным нормативам, и так далее. Предложить системный подход. Можем высказать заинтересованность в координационном центре, который поможет ввести глубокую интеграцию, — закинул я пробный камень, не отвечая на выпад парторга, — В качестве примера можно предложить посмотреть на наше сотрудничество с соседями. Без нас они бы ни одной приличной электрогитары не сделали. Я вчера разговаривал с их конструктором. Он доволен, как слон. У них все новые гитары с прилавков смели и ещё просят. Люди премии получили, а у фабрики в кои веки электрогитары торговля сама заказала.

— Неплохой пример, — взъерошил всей пятернёй свою прическу директор, — Мы на тех деталях пятнадцать процентов месячного плана по ТНП закрыли без особых хлопот. Ещё бы новинок в разговоре подкинуть, было бы совсем здорово.

— А вот с новинками как раз можно будет на отсутствие взаимодействия между заводами пожаловаться. Например, готовы мы выпускать железные двери, или наборы для теплиц, а необходимого оборудования нет. В то же время у кого-то на заводе оно наверняка простаивает.

— Что за двери? — заинтересовался парторг, почуяв свежий материал для написания победных отчётов.

— Металлические двери для квартир. Такие наверняка будут покупать, особенно для новых квартир, где их из ДСП делают. Что это за дверь, если её можно с одного пинка выбить. Кстати, а мне можно будет один образец себе выкупить, а то родителям давно хочу дверь поменять? — поинтересовался я, раз уж удачно зашёл разговор на эту тему.

— Можно, но только после того, как я документы от расчётчиков увижу. Пока ничего такого мне на подпись не поступало. Что ещё нового придумали? — спросил директор, что-то помечая в ежедневнике.

— Два разных комплекта для теплиц. Их часа за два любой мужик сможет сам собрать. Кухонный набор из трёх кастрюль, сделанных из нержавеющей стали, электротермос, настенные

светильники трёх видов и спортивный руль для Жигулей. Инструментальный цех должен был подготовить набор кухонных ножей, но я туда сегодня не успел зайти, поэтому не знаю, сделали или нет.

— Зачем ножи? Их в любом магазине достаточно, — спросил парторг, тоже начав записывать перечень новинок.

— Такие, как у нас, ещё не скоро начнут делать. Со сталью 95Х18 нужно уметь выдерживать правильную закалку и обработку, а у нас и специалисты есть шикарные и оборудование подходящее. Соседи с буковыми накладками для рукоятей обещали помочь. Он у них на корпуса электрогитар идёт. Пока для сигнальных комплектов их нам сделали из ореха, но постоянно его не обещают. Получиться должно качественно и красиво.

— Для спорта что нового планируете? — уже благожелательнее спросил парторг, впечатлённый собственными записями.

— Чисто для спорта в планах новые гантели, на большее количество грузов и штанга олимпийского стандарта. А вот для туризма и отдыха предложений больше, но первые образцы будут недели через две. Силантьев и так уже на меня волком смотрит. Поэтому больше одного — двух образцов в неделю не сделать. Это ладно шампуры попутно получились. При раскрое нержавейки весь лист теперь без остатка расходуем, а вот уже сам мангал или коптильню придётся ждать. Да, Михаил Анатольевич, я при случае обещал за конструкторский отдел Вам напомнить. Мне без их помощи не справиться, а им мои эскизы перерабатывать в рабочие чертежи не интересно. Лишняя работа. Можно их будет как-то заинтересовать?

— Решаемо. В декабре дополнительно премируем, раз заслужили, а ты вроде умный же парень, неужели думаешь, что они бесплатно работали? Нет, записали они себе все чертежи в табель и зарплату им за это начислили, — вскрыл директор лукавство начальника конструкторского отдела, запустившего меня на выбивание им дополнительной премии. А вроде такой милый старичок, как он мне убедительно втирал про то, какие у чертёжников оклады низкие. Вот и сижу теперь, хлопаю глазами от очевидной подставы. Зато директора в который раз повеселил своей неопытностью.

Здание обкома партии — серая пятиэтажка казённого вида, особой помпезностью не отличалась. У нас в городе есть здания поинтереснее, взять тот же штаб УралВО, театр оперы и балета или пафосный кремль горисполкома, с обязательными часами на башне. Когда вышли из раздевалки, директор одобрительно посмотрел на мой вид. Одет я солидно и официально. Мне бы возраст добавить, да брюшко отрастить — чистый чиновник с виду получится. Как всё-таки одежда меняет образ человека.

Костюм я купил себе на свадьбу вполне приличный, из ГДР. Правда брюки по поясу великоваты, но тут уж выбирать не приходится, хватай, что успеваешь урвать. Даже в салоне новобрачных ассортимент невелик. Ещё раз посмотрел на себя в зеркало и пошёл вслед за директором. До назначенного нам времени минут пятнадцать осталось.

В приёмной сидело пятеро солидных мужиков. Михаил Анатольевич вместе с парторгом обошёл их всех, здороваясь с каждым за руку. Директора заводов, понял я по их дальнейшим разговорам. Приёмная понемногу начала наполняться людьми. Неожиданно я увидел своего знакомого.

— О, Павел, вот уж кого не думал увидеть. Ты что тут делаешь? — подошёл ко мне Виктор Семёнович, тот академик, с которым я встретился как-то у Михаила Натановича.

— Сам не понимаю. Скорее всего меня пригласили из-за выставки. Я там на нашем

стенде новые товары показывал, даже на снимок в газете «Труд» попал половинкой лица, — стараюсь я шуткой сгладить ту неловкость, которая возникла из-за того, что окружающие явно прислушиваются к нашему разговору. Я и без того постоянно ловлю на себе недоумевающие взгляды подходивших в приёмную людей. Слишком сильно выделяется мой возраст на фоне лысоватых и седых руководителей, многие из которых заметно старше пятидесяти лет, — А Вы как тут оказались?

— Академия наук постоянно проводит исследования, в том числе и по товарам народного потребления. Я как раз один из немногих, кто занимается непосредственной работой с промышленностью, а не только чистой теорией, — витиевато обосновал своё появление академик. Ну да, так то всё сходится. Нашего директора тоже вызвали не по основной продукции, а именно по товарам для народа. Наверно в лесу кто-то сдох, раз партия вдруг решила повернуться к народу не тем, чем обычно. Хотя, могут ограничиться стандартной говорильней, но тогда тем более странно, что я тут делаю. В приёмной уже собралось человек тридцать. Наконец секретарь, переговорив по телефону, пригласила всех «накопленных» пройти в малый зал. Ничего так, уютный зальчик, и главное, не надо ломать голову с выбором места, как в кабинете, а то кто его знает, какие тут порядки с распределением мест за столом. В зале проще, мы втроём уселись на четвёртый ряд, с краю, а основная масса руководителей разместилась поближе к центру. Всё равно зал на две трети пуст.

— Борис Николаевич немного задерживается, но сказал, что обязательно подойдёт, — неприметный человек, представившийся, как инструктор обкома партии по промышленности, появился за столом президиума, как будто материализовавшись из воздуха. Свою речь он начал негромко, под смолкающий гул голосов в зале. Дальше пошли обычные казённые слова, навевающие скуку с первых предложений. Чего-то там про партию, народ и решения очередного съезда. В завершении выступления он изящно выкрутил свой набор штампованных словесных заготовок, перейдя к основной теме, и пригласил выступить главного инженера завода имени Калинина. Вот это номер! Тизяков Александр Иванович, главный инженер, а выступает раньше всех директоров. Видимо со сменой нынешнего директора всё уже решено и это выступление просто ставит точку на его карьере. Презентация нового партийного ставленника. Для тех, кто понимает толк в номенклатурных интригах, абсолютно понятно, что традиции партии сильны. Всем присутствующим ненавязчиво дают понять, какой директор меняется и кто выбран на его место. Мда, интересная персона, этот выступающий. Будущий член ГКЧП, один из восьми руководителей «августовского путча», который должен был привести к власти хунту силовых ведомств. Под его выступление в зале появился Ельцин с двумя незнакомыми мне деятелями, не простыми даже по внешнему виду. Он успокаивающе помахал рукой выступающему, и новые участники совещания расселись за столом президиума. Тем временем, Тизяков прогромыхал цифрами заводской статистики, которые были не интересны никому из присутствующих, и вернулся на место.

— Товарищи, хочу представить вам наших гостей из Москвы. Начальник отдела легкой промышленности и товаров народного потребления ЦК КПСС Мочалин Федор Иванович и инструктор идеологического отдела ЦК КПСС Плешкин Владимир Спиридонович. Причиной их приезда послужила очень необычная ситуация, которая родилась в нашем городе и которую теперь с лёгкой руки журналистов называют свердловской инициативой. В какой-то степени для меня это тоже неожиданность, но на совещание приглашён один

молодой человек, который и является автором этого начинания. Хочу сразу отметить, что партией наш почин замечен и одобрен. Теперь дело за нами. А сейчас давайте предоставим слово автору начинания, — Ельцин ещё во время выступления Тизякова увидел меня в зале, и прищурившись, хитро улыбнулся, собрав морщинки по краям глаз. Знакомая практика. Точно так же поступают капитаны кораблей. Как отдавать команды, так всегда говорят о себе от первого лица, а как только неприятности, так сразу делят их на всех. В жизни это выглядит так:

— Я дал команду «Полный вперёд». Мы сели на мель.

Вот вроде бы всего несколько предложений первый секретарь обкома сказал, но в «нашем начинании» он теперь по-другому смотрится и даже «мальчик для битья» у него на всякий случай есть — это я. Так что от потенциальных неприятностей он при свидетелях подстраховался. Случись что — виноват буду я и журналисты. Собственно, меня такое положение дел устраивает. Терять мне нечего, а вот запрыгнуть на социальный лифт могу очень даже здорово. Рановато получилось, но не факт, что такая возможность мне ещё раз представится.

— Здравствуйте, меня зовут Павел Савельев. Я работаю исполняющим обязанности начальника отдела товаров народного потребления на заводе «Пневмостроймашина». Тёмные очки на мне не для красоты, а по назначению врачей. Я активно и удачно занимаюсь спортом. После моего выступления на одном из соревнований я попался на глаза журналистам. В интервью я посетовал на отсутствие нужных товаров для спорта. К счастью для меня, директор нашего завода оказался современным прогрессивным руководителем и заинтересовался этой проблемой. За месяц мы разработали и начали выпускать десять видов новых товаров для спорта. Все они очень востребованы торговлей и пакет заказов у нас сформирован прямо на выставке. Тем не менее, успех надо развивать. Поэтому уже сейчас мы готовим новые виды товаров, в том числе и с экспортным потенциалом. Каждую неделю наш экспериментальный цех успевает подготовить не меньше одного образца новой продукции. Например, в прошлом месяце таких изделий было шесть, а в этом будет девять.

— Как вы познакомились с Борисом Николаевичем? — вдруг услышал я вопрос со стороны. Повернувшись к столу президиума, рассмотрел гостя из Москвы. Ага, идеологический отдел интересуется персоналиями, а не продукцией.

— Месяц назад руководство обкома посетило стенд нашего завода на выставке. Жаль, что журналисты не дали нам поговорить, — улыбнулся я московскому гостю, глядя ему в глаза. Неприятный взгляд. Такой обычно бывает у следователей и ревизоров. Вопрос у него явно не по теме моего выступления. Гаденький такой вопросик.

— Что за изделия выпускает цех? Какой институт разрабатывал? — продолжил свои вопросы «идеолог».

— Все разработки наши собственные. На сегодняшний день в чертежах подготовлено больше двух десятков новых изделий, половину из них уже можно посмотреть вживую и пощупать руками. Я говорю только про новые образцы, без учёта тех товаров, которые мы показали на выставке и производим.

— О чём бы вы хотели поговорить на выставке, раз высказываетесь с таким сожалением, что это не удалось? — московский товарищ ведёт себя совсем уж неприлично, но все молчат. Мало того, что он меня прервал, так ещё и вопросы задаёт специфические.

— Да хотя бы о том, что наши уральские заводы, могут делать очень многое. Я экспромтом могу внести не один десяток предложений прямо сейчас, хотя я не институт и

не министерство. Надеюсь, вы понимаете, что я говорю сейчас не только про товары для спорта? — подпустил я шпильку гостю нашего города, не обременённому излишками воспитания.

Наблюдаю за всеми, кто сидит за столом президиума. У Ельцина мелькнула достаточно ехидная ухмылка. В нашем диалоге он почувствовал, что я перешёл к определённому интеллектуальному противоборству и высказал сомнение в таких же способностях у партийного минибосса.

— Интересно было бы послушать, — цедит идеолог, даже не оглянувшись на остальных. Он действительно чувствует себя хозяином положения или эта такая толстокожесть от врождённого хамства?

— Боюсь, что это интересует только вас. Я по нашему заводу знаю, что директора очень занятые люди, у которых каждая минута на счету. Я до окончания совещания составлю для вас небольшую записку, а сейчас, если есть такая возможность, то лучше послушать нашего директора. Я знаю, что у него есть более серьёзные предложения по теме сегодняшнего совещания. Для выпуска новых товаров одних идей мало. Нужны условия, сырьё, станки и специалисты, нужен системный подход ко всей проблеме в целом. Предложений у нас не просто много, а очень много. У себя на заводе мы отталкивались от свободного станочного парка. Будет такая информация от других заводов, поработаем и под их возможности.

— Какие нынче спортсмены грамотные пошли, — наконец-то соизволил заметить окружающих московский гость, предлагая всем посмеяться над его сомнительной шуткой.

— Спорт у нас в стране пока что любительский, а вот институты — государственные. Поэтому я сначала студент, обучающийся по специальности Планирование промышленности, и только потом спортсмен, — немного приукрасил я действительность, заодно используя своё образование, как громоотвод. Вряд ли кто будет интересоваться, на каком я курсе учусь и что именно успел узнать. Насколько я помню, обучение коммунистов в Высшей партийной школе по своей сложности находится между ПТУ и техникумом, хотя и называется громко. По сути своей, страной давно уже руководят люди с весьма посредственным образованием и адовым самомнением. От реальных руководителей они отличаются примерно так же, как комиссары от боевых офицеров.

— Ну что же. Давайте послушаем директора, раз за него, понимааш, даже молодёжь просит, — пользуется Ельцин возникшей паузой, восстанавливая подобие приличия на собрании.

Михаил Анатольевич волнуется, даже листок положил перед собой, чтобы не было заметно, как дрожат у него руки. В его выступлении словосочетание «системный подход» звучит три раза, что наводит наших гостей на мысли.

— Может, попросим Михаила Анатольевича изложить его выступление более развёрнуто, а не в формате краткого выступления. Какие-то рациональные зёрна в нём есть, но пусть над документами поработают товарищи из Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований. Зря что ли мы его недавно создали, — впервые подаёт голос Мочалин Федор Иванович, начальник отдела ЦК КПСС.

Так, а вот это уже мне не нравится. Слишком мутная игра затевается. ВНИИСИ организация очень специфическая и крайне опасная.

Просидел на совещании ещё час. На составление записки потратил минут двадцать. Мыслью по древу растекаться не стал. Обозначил группы товаров, отметил, что разработка силами нашего завода, основанная на методе хозрасчёта, даёт примерно десятикратный

выигрыш по времени и средствам. Умный поймёт.

В 1968 году был создан так называемый Римский клуб — структура, объединившая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Создал клуб итальянский предприниматель Аурелио Печчеи, благодаря непосредственному участию которого в СССР был построен Волжский автозавод в Тольятти, на котором началась сборка копий «Фиат-124» под новым названием: «Жигули».

Осенью 1972 года неприметный заместитель начальника Госкомитета СССР по науке и технике Джермен Гвишиани вылетел в Австрию, чтобы в Лаксенбургском замке под Веной встретиться с представителями Римского клуба и Международного института прикладного системного анализа (МИПСА, или, в латинской транскрипции, IIASA). МИПСА на то момент был только-только основан — его учредителями стали США, СССР, Канада, Япония, ФРГ, ГДР и ещё несколько европейских стран. За глаза МИПСА называли «проектом двух разведок» — КГБ и ЦРУ, и считали некоей переговорной площадкой для элит капстран и государств социалистического лагеря.

Сорокатрёхлетний Гвишиани был именно тем, кому советская партноменклатура поручила наводить мосты между СССР и Западом. В этой самой партноменклатуре он оказался вовсе не чужим человеком: Гвишиани был зятем советского премьера Алексея Косыгина, ни больше ни меньше — второго лица в государстве. Косыгин дружил с его отцом, генерал-лейтенантом НКВД Михаилом Гвишиани. Они были обязаны друг другу жизнью: Гвишиани спас Косыгина во время процессов по так называемому Ленинградскому делу в конце 40-х годов и не дал ему разделить участь главы Госплана Николая Вознесенского, чьим протеже Косыгин считался. В свою очередь, Косыгин пришёл на помощь Гвишиани, когда его чуть было не привлекли к суду вместе с заместителями министра МГБ Лаврентия Берии в 1953 году (генерал отделался лёгким испугом, лишившись погон, и был принудительно выдворен на пенсию, в то время как остальных соратников Берии расстреляли).

В Вене Гвишиани провёл секретные переговоры с представителями Римского клуба.

Вначале слово взяли Печчеи и лорд Цукерман. Они прочитали Гвишиани что-то вроде политинформации. Население славянских республик СССР не увеличивается, в то время как в Средней Азии оно растёт, как на дрожжах. В то же время именно Россия обеспечивает прожиточный минимум среднеазиатских республик, выделяя им колоссальные дотации — в советской империи не окраины кормили центр, как это было принято в нормальных империях, а наоборот. Положительное сальдо по ВВП было на тот момент у России и Азербайджана, более-менее сносно чувствовали себя и Украина с Белоруссией. Печчеи обратился к Гвишиани с просьбой изложить руководству СССР — премьеру Косыгину и главе КГБ Андропову — предложение Запада. Сводилось оно к следующему: повышая дотации окраин, Россия обречена нищать. Модернизация при этом почти не проводится, технологическое отставание нарастает. В это же время Китай уже готов к технологическому прорыву. Если Россия, Украина и Белоруссия освободятся от окраин в лице среднеазиатских республик и успеют провести форсированную модернизацию, то новому Союзу найдётся место где-то в экономической нише между развитым Западом и развивающимся Китаем, в так называемой полупериферии. Если же нет — СССР неизбежно придёт к экономическому коллапсу.

Накануне австрийских переговоров Гвишиани встретился с председателем КГБ Андроповым. О чём они договаривались, достоверно неизвестно: протоколы встречи по



понятным причинам не велись. Но известно вот что: в случае провала — то есть, если о его миссии станет известно Михаилу Сулову или кому-то из «твердолобых», как называл Андропов сторонников неизменного курса на противостояние с Западом, — Гвишиани лучше покончить с собой. Ибо в этом случае КГБ придётся от него откреститься.

После того как Гвишиани провёл переговоры и вернулся в Москву, он снова встретился с Андроповым. Решено было не торопить события, а для начала просчитать все риски и выгоды, которые могло принести разделение СССР. Понятно, что для такого дела была нужна площадка и нужны были специалисты — экономисты, политологи, социологи, в конце концов. МИПСА для этого не годился, нужен был научно-исследовательский институт внутри страны. Три с половиной года ушло на подготовку такой площадки — учёных отбирали по двум критериям, они должны были быть не слишком болтливыми и не должны были симпатизировать советскому укладу экономики. В идеале же они должны были быть тайными антисоветчиками — явными они быть не могли в принципе, ибо вряд ли смогли бы долгое время находиться при этом на свободе.

И вот летом 1976 года заработал Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ) — как советский филиал Международного института прикладного системного анализа. Первым директором института стал не кто иной, как Джермен Гвишиани, и проработал он на этом посту 17 лет. За это время Гвишиани стал академиком АН СССР (в 1979 году), членом Римского клуба, почётным доктором Пражской высшей экономической школы, почётным членом Шведской королевской академии инженерных наук, Финской академии технических наук, почётным доктором Хельсинкской школы экономики, членом Американской академии управления, членом Международной академии управления... И почти все эти и десятки других регалий он получил, оставаясь советским подданным, неприметным и мало кому известным учёным.

На то, чтобы разработать в деталях идею распада СССР, ушло несколько лет. Лишь в декабре 1982 года, после того как Андропов станет генеральным секретарём ЦК КПСС и фактическим руководителем советского государства, наработки подчинённых Гвишиани будут систематизированы. Оставалось представить их Политбюро и принять, таким образом, окончательное политическое решение.

Всё нарушила внезапная смерть Андропова.

Пыль с подготовленного проекта стряхнут только в 1985 году, когда страну возглавит Горбачёв.

— Это что за хозрасчёт? — скривился москвич, изучая мою записку, — И где подробный перечень новинок?

Совещание закончилось, но народ пока не расходился. Все чего-то ждали.

— Хозрасчёт описан в работах Ленина, а про список возможных товаров говорить рано. Ради величины списка мы работать не собираемся. Будет интерес у заводчан, подтверждённый свободным станочным парком, выработаем им необходимые предложения. Заметьте, сделаем быстро и недорого.

— Вы собираетесь продавать идеи за деньги? — язвительно поинтересовался идеолог, в сладком предвкушении ответа прищурился и без того узкие щелочки глаз.

— Я сегодня ни от кого не услышал, чтобы нашим конструкторам, чертёжникам и рабочим было предложено финансирование, хотя слушал всех внимательно. Раз денег не предлагается, значит, оплачивать всё придётся самим, а это предусматривает только единственный способ ведения хозяйственной деятельности — хозрасчёт. Или у вас есть

другое предложение? — перебросил я скользкий вопрос обратно, на поле оппонента.

— Значит, просто так помочь стране вы не хотите?

— Дайте подумать. В пятницу у меня свадьба, затем начнётся сессия в институте, после Нового года соревнования и надо будет разобрать завал на работе... В конце февраля, в крайнем случае, в начале марта, у меня должно появиться время на личный энтузиазм. Я наверно и денег к тому времени накоплю на оплату работы чертёжников. Значит в конце марта, а скорее всего в апреле я смогу помочь стране лично, — я сделал имбицильное выражение лица, и, рассуждая вслух, загибал пальцы, подсчитывая сроки. Шум вокруг нас затих. Все ждут реакции москвича.

— То есть за деньги вы всё сделаете быстро, а без денег неизвестно когда, так?

— За деньги мы найдём конструкторов и технологов. Объяснить, что мне от них нужно, я смогу минут за десять, а вот чтобы довести идею до рабочих чертежей им потребуется не меньше недели. Уточняю, что мы сейчас говорим про простейшие изделия. Что-то вроде красивых и качественных дверных ручек, современной фурнитуры для окон или простого рабочего инструмента.

— У нас в стране не хватает дверных ручек? — мой оппонент сделал вид, что он удивлён.

— Как может не хватать того, чего нет, — искренне удивляюсь я в свою очередь. Наш спор затянулся, и вокруг нас уже образовалось кольцо любопытствующих директоров, задержавшихся с выходом из зала, — Те страшенькие трубочки, болтающиеся на смешных накладках, или не менее уродливые силуминовые загогулины в моём понимании к качественной фурнитуре никакого отношения не имеют. Да хоть миллион таких уродцев сварганьте, они от этого красивей и лучше не станут.

— Жила страна столько лет спокойно, и вдруг появился юный гений, который собирается учить опытных конструкторов и инженеров. Ну, это ли не чудо! — в притворном восторге всплеснул руками мой собеседник.

На это высказывание я отвечать не собирался и со спокойным лицом смотрел собеседнику в глаза. Пусть покуражится, от меня не убудет.

— Позвольте, я скажу, — Виктор Семёнович подошёл ближе к столу президиума, — С Павлом я познакомился два месяца назад. Мы тогда бились над достаточно сложным агрегатом, который никак не получался. Он предложил изменить схему устройства и могу вам сказать, что именно его идея легла в основу той концепции, которая была утверждена и принята к производству. Может быть его озарение можно списать на случайность, но до этого он так же подсказал правильное решение нашим коллегам, и поверьте мне, в очень серьёзном вопросе. Самое смешное, что всё было именно так, как он говорит. В моём случае ему потребовалось именно десять минут, чтобы разобраться со сложным чертежом и внести своё предложение.

— А вы, простите, у нас кто? — второй москвич поднял голову от блокнота, в который он время от времени что-то записывал.

— Липанов Виктор Семёнович, Уральское отделение академии наук, — представился учёный.

— Очень кстати. Задержитесь, пожалуйста, после совещания. Мне надо с вами переговорить, — сверившись с записями в блокноте, негромко сказал начальник отдела легкой промышленности.

Заметив, что на меня перестали обращать внимание, я отступил за спины собравшихся

директоров и не спеша пошёл к выходу. Для восемнадцатилетнего студента у меня сегодня явный перебор с разговорами. Понятно, что меня слегка высекли и проверили на прочность, но если я всё правильно понял, то отдувался я сегодня за двоих. Очень уж ловкую позицию занял первый секретарь обкома, выставив меня главным возмутителем спокойствия.

— Михаил Анатольевич, вы как думаете, откликнутся директора на наше предложение? — дождавшись в коридоре своего директора, поинтересовался я вполголоса.

— Конечно, нет. Свои отделы начнут пинать да поторапливать, — ухмыльнулся мой руководитель, предварительно оглянувшись.

— То есть всё зря? — не поверил я в такой прогноз.

— Завтра поговорим. В одиннадцать чтобы у меня был, — улыбнулся мой шеф и неожиданно подмигнул.

— Спасибо вам, Михаил Анатольевич, за помощь и советы, — озадачил я директора явной нелепицей, после чего он сам сунул мне руку на прощание, поторопившись расстаться с непонятным ему юношей.

Контакт.

Хм, ну и какие идеи бороздят чело моего шефа? Так, то, что московские гости через день — другой уедут, а наше, местное руководство останется, с этим всё понятно. Не слишком-то он их и боится. Ага, со всех сторон проанализировал, грозит ли чем-то ситуация ему лично и причин для особых страхов не увидел. Ух, как он про себя-то смело Борю флюгером обозвал. Тоже оценил его позицию. Тому хоть как теперь можно вывернуться, от осуждения нашей инициативы до её полной поддержки, в зависимости от того, какие ветра из столицы задуют. Меня директор жалеет. Понимает, что если Ельцин начнёт критику, то я первый на раздаче. Уволят с завода меня с треском. Они с парторгом перестраховались, план по году покажут с перевыполнением в двадцать процентов. Это очень много. Обычно директора стараются перевыполнение больше пяти процентов не показывать. При таком проценте заводу не поднимут плановые показатели на следующий год, а вот при двадцати добавку нарисуют сразу же. Причём, эти самые двадцать процентов к плану следующего года и добавят. А вот с хозрасчётом интересно. Два года назад заводу зарубили уже один проект. Зато теперь, под общий шум, у него есть большие надежды на получение разрешения. Надо же, оказывается и директорам, с их приличными зарплатами надо больше денег. Всерьёз рассчитывает Михаил Анатольевич поднять своё благосостояние за счёт хозрасчётных выплат. Буду иметь в виду. Заодно и будущего начальника, которого он мне планирует, попробую отменить.

Собственно, что я завис в сквере, перед входом в обком. Жду знакомого учёного. Надо и из него информацию выкачать. Очень мне любопытно, что московские товарищи придумали. Зачем-то же его задержали после совещания.

— Виктор Семёнович, а я вас дожидаюсь. Совсем забыл сказать, что у меня поменялся телефон, — я не стал изобретать ничего сложного, чтобы провести Контакт. Учёный вышел из обкома минут через двадцать и остановился у входа, пытаюсь увидеть машину, на которой он приехал, — Я почему-то третий раз не могу дозвониться до Михаила Натановича. Если вдруг вы его увидите, передайте ему мои новые координаты, — листок, с записанным на нём номером, я передал неловко. Впрочем, мне вполне хватило секундного соприкосновения, чтобы Контакт сработал. Простившись со своим знакомым, я попытался разобраться с его мыслями.

Самый яркие впечатления у него оставил последний разговор, полный намёков и

недомолвок. Фёдор Иванович, начальник отдела лёгкой промышленности товаров народного потребления ЦК КПСС, отошел с ним в сторону от всех и там достаточно долго расспрашивал о состоянии промышленности в области. В заключении он попросил составить для него аналитическую записку по перспективным направлениям промышленного развития в регионе и пригласил учёного в середине января посетить Москву. Познакомиться, так сказать, с научными кругами, близкими к политике, как он выразился.

Представляю, как у академика сейчас кипит мозг. Говорил москвич много, но никакой конкретики при этом сказано не было. Вот и думай теперь, то ли тебе предложение сделали, то ли подписали на бесплатную услугу сомнительного свойства.

Я из всей полученной информации понял только одно — москвичи играют в какие-то свои игры и преследуют не один слой целей и задач. Не удивлюсь, если окажется, что оба гостя принадлежат разным кланам. Скорее всего, прав наш директор — гости со дня на день уедут, а мы займёмся делом.

Нащупав в кармане двушку, иду к телефону — автомату.

— Котя, я минут через десять буду дома. Если ты меня вкусно накормишь, то возьму тебя с собой на запись, — я хохотнул, услышав возмущённый писк на другом конце провода.

С Ольгой на танцы я зарёкся ездить раз и навсегда. За весь вечер нам в зал удалось вырваться три раза, а остальное время она сидела за сценой и смотрела, как мы играем. Вот такой я собственник. Понятно, что потанцевать всласть у неё не получилось.

К сожалению, музыка в зале и музыка за сценой — это далеко не одно и то же. Совсем другой баланс звука и грохочущие барабаны. Никакого удовольствия она не получила, только скучно провела вечер. Пришлось пообещать, что как-нибудь покажу ей работу в студии. У нас как раз подготовлены три новые песни, которых так не хватало для завершения второго альбома. В этот раз все песни только наши. Точнее, почти что наши, так как тексты четырёх из них нам написали посетители, а одно стихотворение мы взяли из стихов Есенина. Остальные — совместное творчество Николая и его девушки.

Музыку сочиняли сами. Я очень хотел донести красоту песен эльфов, но в разных мирах разная музыка. У нас в октаве двенадцать полутонов, а у эльфов шестнадцать. Чтобы было понятнее, представьте пианино, на котором стало больше клавиш и аккорды которого звучат очень непривычно для нашего слуха. Наверно так же сложно научиться правильно говорить на тайском языке, где гласные буквы имеют по четыре — пять разных звучаний, а согласные обозначаются сорока четырьмя знаками. На редкость изощрённое головоломство, учиться которому надо с детства.

— Малыш, а вот и я. Боже, какая же ты у меня красивая...

Развилки. Сплошные развилки и прочее дерьмо. Точки бифуркации, млин... кто этот термин придумал... Кручусь с максимальной нагрузкой, всё время бегом, чудом успеваю уследить за делами. Сплю мало, свободного времени нет. Тренировки сократил до предела.

Итак, что я имею... ммм... не, ну не после свадьбы, а вообще...

Для начала, я поругался с директором. С тем, который заводской. Он возомнил, что поймал Фортуна за хвост и решил стать барином. Мне в ультимативной форме высказана общая концепция, исходя из которой моё место самое главное, после нашей уборщицы. Ибо нас в отделе, по его замыслу, будет трое — уборщица, я, и мой новый начальник. Сюрприз, однако. Это я про начальника... Хотя вру, я про эту задумку знал, но не думал, что мы с директором перейдём на такой уровень общения. Получилось не так, как планировал. Михаил Анатольевич неожиданно вышел на новую ступень гонора. Минут десять, а может и больше, мы говорили вполне корректно. Доводы директора — на мои аргументы. А потом разругались, как позорные форумные тролли. Даже до идиоматики дошло с обеих сторон. Я был явно сдержаннее, методик боя дроу никто не отменял, а хумансы так уязвимы... Короче, директор выжил два раза, один раз сам, а второй раз — меня. По его глазам видел, что в последний момент он что-то сообразил, но я уже тоже был на взводе и времени «на подумать» ему не дал.

— Уволен! — услышал я его крик, когда выходил из кабинета.

В ответ дверью хлопнул так, что штукатурка посыпалась. Сожалею, но все «домашние» заготовки улетели в тугудым и вот он я: — женатый, весь из себя спортивный и музыкальный. Теперь и безработный... Надо будет зайти, трудовую книжку в кадрах забрать.

Жизнь зашелестела крыльями, чаще, чем пчела над цветком. На следующий день нашему ВИА предложили покинуть ДК. Так-то жёстко... Мы как раз только что оформили документы на профессиональную категорию. Была надежда перейти с ДК на договорные отношения. Зинаида ушла на больничный. Я её понимаю. В наш спор ей влезать не с руки — против шефов и балансодержателей она не попрёт, а без нас — всё кисло. И это перед Новым Годом. Самый сенокос! ДК может за декаду заработать столько же, как за два следующих месяца.

Мы остались без клавиш и магнитофонов. Вельтмайстер — старенький немецкий электроорган, принадлежал ДК. До Нового Года десять дней. Предложений — уйма, а у нас нет клавишного инструмента. Понятно, что «халтуры» можно отыграть и с одними гитарами, но у нас уже сложился тот минимум, который мы приняли за стандарт. Клавиши нужны, кровь из носу.

Студийный опыт просто так не проходит. Ребята свой уровень всей душой прочувствовали. Не хотят музыканты играть абы как, хуже, чем могут. Понять нас трудно, но это принципиально — лажу никому из нас не надо. Не так много людей в мире, которые откажутся от денег, если их не устраивает качество выполняемой работы. В первые ряды можно записать музыкантов. Это та категория людей, для которых жизненно важно, что и как они играют.

— Валера, реально деньгами можем дать три штуки, а остальное отдам усилками за полтора месяца, — денег у нашего клавишника на инструмент не хватает, поэтому я договариваюсь на частичный бартер.

— Половину деньгами, а вторую — усилителями до февраля. Могу оконечниками принять по восемьсот, — абонент на том конце провода выставил свои предложения. Оба говорим, немного шифруясь, но друг друга понимаем отлично. Пару недель назад я отправил в Москву новые образцы усилителей. Цену немного загнул, вот сейчас меня и «приземляют», сразу на двести рублей. Собственно, такую дельту для торга я и заложил изначально, но не сдаюсь, и в итоге выторговываю столик обратно к своей цене.

Целый вечер убиваю на телефонные переговоры. Наконец-то в столице нашли нужное. Спиртус Валера, бывший хоккеист пермского «Молота», звукооператор «Цветов», а точнее группы Стаса Намина, как они стали называться с этого года. Именно у него я выменял в своё время ударную установку за усилители. Он по-крупному фарцует музыкальной аппаратурой в Москве. Завтра вылетаем с Николаем за новыми клавишами Fender Rhodes Stage 73 electric piano. Коля тоже поднакопил денег на бизнесе с колонками и усилителями, поэтому будет выбирать себе бас гитару. Надеюсь, у нас всё получится, и тогда мы инструментами будем полностью «упакованы».

Москва, Бережковская набережная, репетиционная база Ирины Понаровской и Стаса Намина в стареньком двухэтажном ДК. Случайно попадаю на скандал, который переживаю в коридоре. Стас привёз с гастролей шубу не только жене, но и одной из нынешних «звёзд», Сенчиной. В зале ДК идут «разборки», кто из музыкантов об этом проболтался его жене. Вопрос не шуточный. Жена подала на развод.

Ждём. Инструмент нам привезли и он должен немного постоять в тепле. Морозно сегодня в Москве. Я знакомлюсь с музыкантами, а Николай выбирает гитару. Выбор не велик, гитар всего две. Раздолбанный Фендер Джаз Бас и Эпифон, фантазийной формы. На вопросы музыкантов, кто мы и что играем, вытаскиваю из сумки кассеты с нашими песнями. Дарю кассеты каждому, одну из них тут же ставят на потрёпанный Шарп. Слушаем Колин «Парусник». Неожиданно разговоры смолкают. Оглядываюсь, вижу, что в репетиционную комнату зашёл Стас Намин, и тоже слушает регги, покачиваясь с носка на пятку. За его спиной, в дверях, маячит пожилой полный мужчина, явно не русской национальности.

— Что это? — показывает Стас пальцем на магнитофон.

— Парни из Свердловска привезли, — кивает в мою сторону Сергей Дюжиков, гитарист Цветов, — По мне, так вполне прилично, и звучит свеженько.

— Где писали? — этот вопрос Намина адресован уже ко мне.

— Всё сами. Пульт и два магнитофона. Запись наложением, — отвечаю я на вопрос, чувствуя себя слегка неловко. Стас одет, как на приличную вечеринку, даже шёлковый платок на шее повязан, да и второй мужчина тоже не прост. Костюм на нём дорогой, явно сшит на заказ, и всё остальное подобрано с большим вкусом. На их фоне мой молодежный спортивный «прикид» как-то не совсем уместен. Успокаиваю себя тем, что музыканты вокруг меня тоже одеты неформально, а двое так и вовсе неряшливо.

— Песни чьи? — спрашивает Намин, подходя ближе к нам.

— Конкретно эта — его, — показываю я на Николая, увлеченно терзающего в углу бас гитару, — Точнее текст его, а музыка и аранжировка уже коллективная. Остальные песни примерно так же. Тексты от разных авторов, а музыку мы вдвоём обычно пишем.

— Перемотай дальше, — просит Стас Дюжикова, показывая на магнитофон, — И как вдвоём пишется? — обращается он уже ко мне. Такой интерес у человека, написавшего не одну замечательную песню, мне понятен.

— Нормально. Я обычно выбираю стиль и примерное звучание. Алексей рождает

мелодию. Затем вместе мудрим с аранжировкой, — пожимаю я плечами, рассказывая, как у нас появляются новые песни.

Слушая каждую песню по минуте — две, и затем перематывая кассету, пробегаемся по нескольким песням. Намин смотрит на администратора и несколько раз утвердительно ему кивает, на что тот только удивлённо вскидывает густые брови. Похоже, что их безмолвный разговор напрямую касается наших записей.

— Звучание действительно необычное, — кивает композитор, слушая следующую композицию. Драйвовый рок в две жесткие, агрессивные гитары, с энергичными ударными. KISS — I Was Made for Lovin' You. Эту песню я крутил в голове, когда предлагал Лёхе стили и варианты гитарных рифов. Получилось совсем по-другому, но настроение и энергетику мы передали, — Лишняя кассета есть?

— Э, нет, — улыбаюсь я, глядя на удивленные моим отказом лица, — С вами только обмен. Две кассеты на две пластинки, и обязательно с автографами присутствующих.

Вроде и шутка, а всем приятно.

В сумке у меня как раз заготовлены кассеты Сони с цветными вкладками наших фотографий. На дорогие кассеты записаны «на всякий случай». По-моему такой случай сейчас наступил.

— Ого, Володя, глянь-ка, — Дюжиков, выглядывающий из-за плеча Стаса, подозвал бас-гитариста, — Неплохо музыканты на Урале живут.

На фотографии мы, в лучшем стиле тех лет, расположились в костюмах и с гитарами в руках.

— Да уж, Гибсон SG и Ибанез Артист. Жируют парни, — Владимир задумчив повернулся к «оттаивавшим» клавишам, а потом глянул на Николая, и бас в его руках, — Точно, фанатики..., но инструментами упаковались круто. Таких, как они, в Москве по пальцам пересчитать можно.

— Интересные костюмы, — замечает мужчина, пришедший с Наминим, который тоже рассматривает одну из кассет, — Очень неплохо смотрятся. Надо нам для музыкантов что-то похожее заказать, а то ходите, как отрехолоки, прости Господи.

Стаса позвали к телефону, а мы со Степаном Арамовичем, так оказывается звали спутника Намина, отошли немного в сторону.

— Павел, мы обязательно послушаем все записи. Скажите, а ваш коллектив не хотел бы немного поработать вместе с нами?

— Степан Арамович, я не совсем понимаю, что Вы предлагаете.

— Сейчас поясню, — концертный директор группы Стаса Намина раскрыл элегантную записную книжку, — С третьего января мы уезжаем на гастроли. По три концерта в день работать сложно. В прошлом турне музыканты вымотались за месяц. Поэтому решили, что будем работать только в конце первого отделения и полностью второе. Вот смотрите, седьмого и восьмого мы работаем в Перми, десятого и одиннадцатого в Свердловске, тринадцатого и четырнадцатого в Челябинске. На Уфу и дальше у меня уже есть второй коллектив. Наша филармония просила найти коллектив на разогрев зала только до четырнадцатого. Я предлагаю вашим ребятам поработать с нами первое отделение. Думаю, минут сорок музыки. За каждый концерт отдельная ставка, по вашей категории, и сверху тоже подкину. Решать надо быстро, а то я не успею заказать афиши. Да, и вышлите мне тексты, ноты, и все данные по авторам. Песни надо официально провести и залитовать.

Я немного завис. Восемнадцать выступлений на большой эстраде, и замечу, в очень

неплохой компании... По времени тоже неплохо выходит — у всех должна закончиться сессия, хотя вот в этом я точно не уверен.

— Степан Арамович, мне надо сделать несколько звонков в Свердловск. Сможете организовать?

— Нет проблем, мой кабинет на втором этаже.

— Коля, пошли нашим звонить, — оторвал я басиста, размышляющего над выбором, — Всё равно ни одну из этих гитар я тебе не дам купить.

— Это почему, — насутился Николай.

— Для твоей же пользы. Пошли, всё позже объясню.

Переговоры у нас затянулись. Алексея сразу найти не удалось, он на экзаменах. Витя пообещал срочно его разыскать, но надо ждать. Заодно ему остальных ребят нужно обзвонить.

Пошёл утрясать технические вопросы. Площадки будут серьёзные, два Дворца спорта и «Космос» в Свердловске. Заодно и с бас гитарой вопрос решил. Часа через два привезут другие. Аж три штуки, на выбор.

Предполагаемый звуковой комплект аппаратуры меня не устроил. Для Дворца спорта, на пять-семь тысяч зрителей, откровенно маловато будет. Предложил свой вариант. Немного поспорили. Валера засел за телефон и начал обзвон. Ищет динамики. Готовую аппаратуру мы ему привезём в Пермь. Для кого как, а мне очень импонирует мысль, что на сцене такой группы, катающейся с гастроями по всей стране, будет стоять моя аппаратура с моими лейблами. Реклама — двигатель торговли. А то у меня что-то деньги заканчиваются. Свадьба, взнос за квартиру и финансирование усилителей с колонками бесследно не прошли. Производство растёт, а теперь ещё покупатели из Москвы добавились. Прибыль у меня пока вся в запчастях вложена. Половина гаража в деталях и заготовках.

Домой возвращались поездом, выкупив целое купе. Две верхние полки занимали Фендер пиано, бас гитара Рикенбекер и много коробок с динамиками JBL — будущая начинка для заказанных Цветами колонок.

Экзамены в институте начинаются в девять утра. Один я уже сдал до поездки, поэтому моя группа с удовольствием пропускает меня в первую волну и ожидает повторения аттракциона «сумасшедший студент». Экзамены я сдаю без подготовки. Взял билет, спросил у преподавателя, можно ли отвечать, и вперёд. С моей памятью и учётом того, что у заочников конспектов нет, а есть только учебники, не такой уж и сложный фокус. Учебник, примерно в пятьсот страниц, я могу фотографически точно запомнить за час, чем и занимался в поезде. Коля только рот открыл, когда я первый раз зашелестел страницами. Дома, при Ольге, я пока такого не показываю. Нежную женскую психику берегу. У неё сейчас тоже сессия и ей приходится всё учить, как положено. В общем, дольше хожу до института и обратно, чем трачу времени на сами экзамены.

Все планы на день пришлось менять после телефонного звонка. Интересно, как секретарша инструктора обкома по промышленности разыскала мой новый телефон. Немного озадачило время, на которое меня пригласили — восемнадцать тридцать. Даже переспросил, подумав, что ослышался.

Над причиной вызова в обком, хоть и озвученное секретаршей, как вежливое приглашение, раздумываю, занимаясь «садоводством». Магических силёнок у меня мало, как я установил экспериментальным путём, хватает на шесть заклинаний утром и вечером, причём из разряда наименее затратных. После посещения местного дендрария, где удалось



познакомиться со славным дедушкой в одной из оранжерей, я стал обладателем десятка семян женьшеня. Шесть из них сейчас выращиваю. Пять минут утром, чтобы слить энергию до того уровня, который не сказывается на общем самочувствии, и столько же вечером. Заодно и ложку сапропеля на литр воды каждый раз добавляю при поливе. Магия — магией, а что-то кушать растениям всё равно надо. Они у меня феноменально быстро растут. Вот и тренирую в себе магию, а заодно и основной ингредиент для будущего эликсира выращиваю ударными темпами.

Опустевшие коридоры обкома, по которым я шёл под стук собственных каблучков, гулким эхом усиливали абсурдность происходящего. Не знаю, рассчитывал ли на такой эффект пригласивший меня инструктор, но до его кабинета на четвёртом этаже я добрался с лёгким чувством тревоги и растерянности. Странный вызов, тем более в такое время.

— Проходи, Павел, присаживайся. Надеюсь, ты никуда не торопишься? — ответил на моё появление хозяин кабинета. Скромненько тут у него. Стол, обтянутый зелёным сукном, два вполне обычных стула для посетителей, трехстворчатый шкаф, напольные часы и сейф. На стене висят портрет Ленина и карта области. Свет притушен, на столе горит старая настольная лампа, — Ты даже вечером очки не снимаешь? — кивает он на окна, за которыми уже час, как стемнело.

— Мне глаза молния повредила. Ваша лампа для меня светит ярче, чем для Вас Солнце.

— Надо же, чего только в жизни не случается. Слышал, у тебя большие изменения произошли, — то ли спросил, то ли констатировал факт Юрий Степанович.

— И не одно, — соглашаюсь я, — Сам до сих пор пытаюсь понять, какое из них самое важное.

— Рассказать можешь? Очень уж интересно, чем молодёжь живёт. Так что, прости меня за любопытство, — улыбается добрый дядюшка, совсем не похожий на того безликого чиновника, которого я запомнил по совещанию. У него даже речь человеческая, а не набор заезженных штампов.

— В Новосибирске выиграл соревнования с хорошим результатом. Теперь, если удастся победить на следующих, то открывается дорога на Универсиаду и может быть на чемпионат Европы. Надо будет показать результат на уровне республиканского или союзного рекорда.

— А сможешь? — прерывает мой рассказ инструктор.

— На тренировках смог, а на соревнованиях — как повезёт. Спортивное счастье ещё никто не отменял, — пожимаю я плечами и продолжаю, после паузы, — Что касается музыки, то тут тоже всё интересно. Мы получили предложение проехаться с концертами по трём городам вместе с группой Стаса Намина. Это бывшие «Цветы», если знаете про таких...

— Ещё бы не знал. «Звёздочка моя ясная». Любимая песня у жены. Вторую пластинку уже заездила.

— Ну, и ещё я женился. Вот в основном и все изменения, — я намеренно не заикаюсь о заводе и той теме, по которой меня могли вызвать к инструктору обкома по промышленности. Это такой толстый намёк, что у меня в жизни есть очень интересные занятия, в которых я успешен, а их возня с «инициативами» разного рода для меня второстепенна.

— Значит, Михаил Анатольевич правду сказал, что ты сам с завода уволился? Старею. А я, было, ему не поверил...

— С директором мы не сошлись во мнении по организационным вопросам, и скорее

всего, по перспективам, — обтекаемо отвечаю я, стараясь переключить его внимание на менее сколький момент. То, что мы с директором поссорились, нас обоих не красит. Завод — не детский сад.

— Поясни, не понял, — покупается Юрий Степанович на мой посыл.

— Я вот только что рассказал вам о своих изменениях в жизни. Согласитесь, что любое из них очень перспективно и интересно. А теперь попробуйте предложить равную перспективу в том, чем я занимался на заводе. При этом учтите, что про Стаханова и Пашу Ангелину я знаю.

— И чем же они тебе не нравятся?

— Всем. И тем, что их движение благополучно умерло, и судьбой их самих. Знаете, мне как-то рановато через год становиться общественным деятелем и проводить свою жизнь на митингах и собраниях. Ещё не все песни спеты и не все рекорды побиты.

— Вот значит как. Ты и директору своему это высказал? — с каким-то любопытством естествоиспытателя поинтересовался мой собеседник, разглядывая меня, как занятный образец незнакомой зверушки.

— Нет. С директором мы не сошлись в оценке моих способностей и в связи с полным отсутствием у него интереса ко всему, что находится дальше заводского забора.

— Допустим, твои способности просто попали в струю. Знал бы ты, сколько изобретений и предложений со всей страны каждый день поступает, то наверняка вёл бы себя скромнее. Директор же, он не просто директор, а директор ЗАВОДА, — выделил голосом наиболее важное слово мой собеседник, — Так что тут он в своём праве, и за такое отношение ему никто и слова поперёк не скажет.

— А я с этим и не спорю. Хотя, насчёт «струи» всё спорно, у меня были очень важные дополнения. Просто считаю, что лично моя перспектива роста при таких масштабах слишком мала. Человек я теперь женатый, семейный. Вот и приходится думать, где же я окажусь наиболее эффективным, чтобы потом не было стыдно собственным детям в глаза смотреть. Тяжёлый выбор, знаете ли... Как в той сказке, где про богатыря, перед которым три дороги, — технологии вербальных знаков при проведении переговоров ещё никем не озвучены и книг про них не написано, поэтому инструктора я «читаю» с очень высокой степенью вероятности. Пока не вижу никаких признаков, что моя точка зрения им не воспринимается. Пощупать бы его ментально, но боюсь, что такой паузы в разговоре у меня не будет, да и я, после бесконтактного изучения, буду в состоянии «овоща».

— И в чём же твой директор тогда оказался неправ?

— В том-то и дело, что прав он полностью, ну, или почти полностью. По крайней мере, в большинстве организационных вопросов он разбирается лучше меня. Я теперь тоже понимаю, что другие заводы наши разработки не примут. Всё будет именно так, как Вы сказали — у нас тысячи изобретателей, а к тому же все руководители считают, что «мы и сами с усами». Статус конструкторского бюро отдельного завода такое отношение предполагает сам по себе. Этаким местечковый патриотизм, он не только по площадям работает, но и по предприятиям, — я беззастенчиво использовал свой опыт проведения переговоров «из будущего». С оппонентом лучше соглашаться, слушать то, что его интересует, но и не забывать свою цель. Плавно разворачивать его именно к ней, как крупную рыбу при вываживании.

— То есть, про директора ты ничего плохого сказать не можешь? — наш «неформальный разговор» уже начинает меня напрягать. Цель беседы Юрий Степанович так

и не обозначил, а собственных догадок у меня несколько, и все разные.

— Даже мысли такой не возникает, — открестился я, понимая, что некоторые вопросы инструктора с двойным, а то и с тройным дном. Как он ловко вернулся обратно к тому вопросу, от которого я его отвлек, и изучает моё отношение к бывшему директору, с которым я расстался достаточно недружественно. Словно заранее хочет знать, как я себя поведу в такой же ситуации, и что буду говорить.

— Сам дальше собираешься заниматься конструированием?

— Спасибо за столь высокую оценку моей работы. Я даже про себя её так не называл. До конструктора мне далеко. Я просто предлагал идеи и наброски к ним.

— Был я позавчера у вас на заводе. Образцы посмотрел и то, что уже выпускаете. Идеи все хорошие, реализация интересная и, как мне сказали, ни одного промаха с продажами. Всё востребовано торговлей. Да что там востребовано, к вам настоящая очередь стоит. Вот так бы, да на всех заводах, но ведь почему-то не получается, — хозяин кабинета откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел мне в глаза. Он что, хочет, чтобы я прямо вот тут и сейчас предложил ему какое-то универсальное решение?

— На самом деле идей у нас было намного больше, но не всё можно сделать. То станков нужных не хватает, то материалы дефицитные требуются. От такого приходилось сразу отказываться, ещё на стадии самой идеи. Собственно, Михаил Анатольевич на совещании много интересного предложил, чтобы выпуск товаров ускорить и облегчить, — мне тоже надо понять, что за цель у нашего разговора, поэтому стараюсь перенести тему беседы в иную плоскость.

— Ну, это всё полумеры, — как-то пренебрежительно отмахнулся от моих слов собеседник.

— Большая дорога начинается с маленького шага, — процитировал я чужую мудрость, — С чего-то же надо начинать.

— На этом «маленьком шаге» не один десяток ног переломать можно, — выделил голосом слова из цитаты Юрий Степанович, — Ты просто не представляешь, сколько барьеров надо преодолеть, чтобы те предложения увидели жизнь.

— А кто кроме вас такое сможет сделать? — я жестом показываю, что имею в виду всю махину обкома, — Пусть на какое-то время, пусть только для области или хотя бы для нескольких заводов.

— На время эксперимента, для ограниченного числа предприятий, — закрыв глаза, вполголоса пробормотал инструктор, видимо переводя мои слова на казённый чиновничий язык, — Не уверен, что сработает, но как вариант это можно будет продумать.

— Юрий Степанович, если не секрет, то объясните пожалуйста, а я-то для чего Вам понадобился? — воспользовался я подходящим моментом для неожиданного вопроса. На самом деле вся моя бравада и внешняя независимость — это напускное. Я отыгрываю свою роль доброжелательного юноши, в меру умного и рассудительного. Откуда человеку в моём возрасте знать, что существуют многоходовые интриги и аппаратные игры. Я же молод и верю, что «Партия — наш рулевой» и не озабочена ничем больше, как заботой о народе и улучшением жизни социалистического общества. Главное, не переиграть.

— Москва одобрила нашу инициативу. Более того, выделены весьма значительные средства и будет на следующий год выделено ещё больше. Чтобы не складывать все яйца в одну корзину, мы собирались и ваш завод в этот проект подключить. Представить, так сказать, солидный проект наработок на будущее и показать разнообразие ассортимента

Товаров.

— Да у нас в городе полно новинок! Я на выставке столько нового для себя увидел...

— Ты первый раз на выставку попал? — перебил меня собеседник.

— Ну да, раньше как-то не слишком интересовался, — признал я очевидное.

— Вот, а я ни одну ещё не пропустил, — скривив губы и наставительно погрозив пальцем, заметил Юрий Степанович, — И хочу тебе сказать, что ничего особо нового там не было. Некоторые предприятия даже стенды с прошлой выставки не поменяли. Что весной показывали, то осенью выставили. За новации такое не выдать. Наши товары и в столице неплохо знают, так что потёмкинские деревни изображать не стоит. Есть и другая сторона медали. Запоминается всё новое, то, чего наш покупатель не видел. Не просто ещё одна модель чего-то уже знакомого, например того же пылесоса, а абсолютно новый товар, которого до этого не было. Тот же электротермос... Да, электросамовары были, и электрочайники, но ни один из них не даёт кипятка всегда, а термос — даёт и вид очень современный, опять же. Тренажёры... тоже красиво, интересно и полезно.

— Но Вы же знаете, что на заводе я уже не работаю, а в частном порядке я сделать ничего не смогу.

— Вот смотрю я на тебя, и у меня картинка не складывается, — задумавшись, пробежался несколько раз пальцами по столу хозяин кабинета, — Глазами вижу молодого парня, а по изделиям ощущаю работу зрелого мастера. Нашу делегацию летом в Италию опраивали, для расширения кругозора, так сказать. Там сейчас новое веяние пошло — промышленный дизайн. После выставки в Нью-Йорке, в 1972 году, итальянцы стали чуть ли не законодателями моды в мировом дизайне. Понимаешь, когда на дизайнера ложится полная ответственность за производство той или иной продукции, и он вынужден выполнять функции технолога, инженера, материалововеда, экономиста, то иногда получаются удивительной красоты вещи. У них этому ещё и в ВУЗах обучают.

— Я понимаю, — решил я заполнить паузу, после того, как мой собеседник замолчал, о чём-то задумавшись, — Не так давно итальянскую люстру видел, действительно очень современно и красиво, а главное, с каким вкусом всё сделано. Вроде и материалы простые, а смотрится великолепно.

— Вот, ты меня понимаешь. А у нас на выставке люстры видел?

— Вроде были какие-то, но мне наверно не понравились, так что рассматривать не стал.

— В том-то и дело. У них на выставке все люстры красивые, а у нас ни одной. Да, наши надёжные и сделаны крепко, а купить их не хочется. Глаз не радуют. А мебель...

— Даже не знаю, чем тут я могу помочь. Наши конструкторы далеко не художники. Может быть лучше итальянцев пригласить? Строили же они когда-то дворцы в России, да и нам от Фиата вон какой автозавод перепал. Скоро полстраны на Жигулях будет ездить.

— Дорого, долго, идеологически неправильно, — рубанул инструктор воздух ребром ладони, — И Москва такой проект не одобрит, — добавил он, заметно тише.

— Может быть создать молодёжную общественную организацию, под эгидой обкома комсомола? — сделал я пробный посыл идеи, — Почти без штата, но на хозрасчёте. Тогда можно студентов неограниченно много привлечь. Вот уж кто с радостью мозгами будет шевелить, если им за это платить по результату.

— Ну-ка, ну-ка... подробней, — заёрзал в кресле Юрий Степанович.

— Сильно подробно сегодня вряд ли смогу. Мысль минуту назад родилась, — улыбнулся я, — Если коротко, то можно создать из молодёжи инновационный центр,

который будет работать на результат и фонтанировать идеями.

— Уж прямо так и фонтанировать? — не поверил мне собеседник.

— Вы же сами сказали, что у нас в стране полно изобретателей. Вот только никто и никогда с ними не работал, так как надо. Я об этом говорю на своём собственном примере. Не было бы на заводе конструкторов, чертёжников, технологов и мастеров — ничего бы я там не сделал. Ни одного образца сам до стадии производства довести бы точно не смог. Чертить я не умею, на станках если что и смогу выточить, то только на самых простейших. Технологическая оснастка и режимы для меня вообще тёмный лес.

— Ну и откуда все эти люди вдруг возьмутся в вашем центре?

— Прирастут, Юрий Степанович. Пусть не сразу, но сами найдутся. А для старта может и моих идей хватить. У меня много чего ещё не реализовано, — я про себя усмехнулся от осознания того, сколько я новинок могу предложить в качестве перспективных товаров. Весь ассортимент будущего этого мира на сорок лет вперёд. При этом мне зачастую даже не потребуется вспоминать досконально, как и что нужно делать. Достаточно концепции и понимания ключевых моментов.

Поясню на простейшем примере, да хоть на том же наборе кастрюль, образцы которых мы сделали. Я когда-то, ещё в первой жизни с удовольствием прочитал, как достаточно умный человек грамотно размазал цептеровскую рекламу кастрюль. Действительно, нержавейка способна служить очень долго, вот только это не достижение фирмы Цептер, а свойство самого металла. Толстое дно у кастрюль делает не только Цептер, а и многие другие производители. Говорить про экономию энергии при варке в таких кастрюлях вряд ли стоит — само по себе это дно греть не будет, его приходится дополнительно нагревать, чтобы оно потом смогло какое-то время отдавать накопленное тепло. Поэтому качественно сделанная кастрюля из нержавеющей стали, с достаточно толстым дном, от сверхдорогого бренда отличается только видом и ценой, за которую можно купить три — пять аналогичных изделий другой фирмы. Отсюда вычленим главное: кастрюля делается из нержавеющей стали, применяемой для пищевой промышленности. Ключевые моменты: качество, красивый внешний вид, толстое дно, округлая крышка с плотной посадкой. Остальные детали сами добавятся по мере совершенствования изделия.

С таким подходом — зная концепцию удачного изделия и ключевые моменты, обеспечившие ему успех, можно быстро разработать сотни новых товаров, лишь бы заводы вытянули их по технологиям и производственным мощностям.

— А есть у тебя в запасе что-то такое, что можно запустить быстро и по всей стране? Такое, чтобы все покупали? — весьма неопределенно помахал перед собой руками инструктор.

— Да не вопрос. Выбирайте: газовые зажигалки, растворимый кофе, обеденные зоны, джинсы, плееры, спортивная обувь, автомагнитолы, искусственное Солнце, недорогое жильё, «американские» сигареты, — загибал я пальцы на руках, пока они не закончились.

— Это шутка? — похоже, хозяин кабинета сердится. Ишь, как зыркает исподлобья.

— Что именно? — я, придав своему лицу самое доброжелательное выражение, задаю вопрос достаточно искренне и как бы с недоумением.

— Да почти всё, что ты тут наговорил. Я же не фантастику просил рассказывать, а что-нибудь дельное.

— В том, что я перечислил, фантастических проектов нет. Всё выполнимо и зависит только от сроков и средств. Что именно Вас не устроило? Давайте, пару примеров объясню

прямо тут, — я примерился к стопке листов на столе и искал глазами карандаш.

— Недорогое жильё и искусственное Солнце, — определился инструктор с выбором.

— Для жилья есть два пути, которые не исключают друг друга. На начальном этапе по первому из вариантов можно повторить и организовать производство быстровозводимых домов по принципу тех финских посёлков, которые нефтяники закупают для себя уже не первый год. Те, кто в них побывал, не устают хвалить их качество и комфорт, даже в условиях Севера. По второму варианту я предлагаю организовать производство строительных плит и блоков при Рефтинской ГРЭС. Там разом будет использовано очень много преимуществ: золы уноса, которые сами по себе имеют вяжущие свойства, почти как у цемента, рядом расположен Сухоложский цементный завод и наконец — масса дешёвой электроэнергии, территорий и переизбыток тепла, которое скидывают в водоём.

— И сто километров до города, где такие материалы нужны, — снисходительно улыбнулся Юрий Степанович. Видимо поговорку вспоминает — за океаном телушка стоит полушку, да рубль перевоз.

— А вот это как раз не проблема, — теперь уже я отмахиваюсь от его вроде бы убойного довода, как от незначительной мелочи, — Напомните мне, Рефтинская электростанция у нас что использует, как топливо?

— Уголь...

— Правильно. Экибастузский уголь, из Казахстана, — поднимаю я палец вверх, акцентируя происхождение топлива, — По сорок — сорок пять полувагонов в сутки сжигает. А обратно эти полувагоны идут в Экибастуз порожняком, и что характерно, через Свердловск. Больше полутора тысяч тонн в сутки можно вывезти. С учётом того, что плиты и блоки мы будем делать из пористого бетона, то вес одного кубометра у нас получится около тонны. На строительство дома с размерами десять на восемь метров на стены требуется двадцать пять кубометров стенового материала, понимаем, что каждые сутки можно получать стройматериалов на шестьдесят — семьдесят домов. В среднем по две тысячи домов в месяц. Это жильё для ста тысяч населения в год. А когда появится повышенный спрос, то кто нам помешает сгонять за стройматериалами ещё один — два состава в сутки.

— Ты про индивидуальное строительство говоришь, а как же социальные программы?

— Да без проблем, пусть разрабатывают проекты своих домов с учётом использования других материалов, кроме кирпича и железобетона. Кстати, если можно было бы выбирать самые неудачные стройматериалы, то это как раз были бы те самые кирпичи и железобетон. Слишком уж у них высокая плотность, а соответственно, и самая низкая теплозащита. Характеристики удельного веса и теплозащиты практически линейны. Во сколько раз один материал легче другого, во столько же раз он и «теплее». Дома из наших материалов будут теплее в два с лишним раза домов из железобетона и в полтора раза теплее тех, что из кирпича.

— Но это же такое строительство...

— Какое — «такое»? При тех каналах горячей воды, которую электростанция сливает просто так в водоём, достаточно четвёртую часть этой воды провести под полами будущих цехов. Тогда там всегда будет тепло, даже если стены сделать из фанеры.

— Хм, вполне возможно, был я как-то там, действительно, каналы с горячей водой впечатляют. Ну, допустим эту идею вы вчерне обосновали, а что за «искусственное Солнце»?

— Тоже всё не так сложно и фантастично, как кажется. Представьте гигантский зонтик,

диаметром метров в сто, который выведен в космос и выглядит, как подобие ромашки, с лепестками из металлизированной алюминиевой фольги. По своему назначению — это зеркало, которое направляет свой зайчик на Землю. Ориентировочно им можно подсветить круг диаметром в десять — двенадцать километров на пятьдесят лунетов. Один лунет — это освещённость Земли Луной в полнолуние, а сто лунетов — то освещение, которое мы наблюдаем на закате Солнца. Лепестки и механизм раскрытия мы сделаем быстро, а вот электронику и системы наведения пусть делают те два наших радиозавода, которые уже имеют необходимые наработки и опыт.

— Про какие заводы вы говорите? — мой собеседник уже второй раз обращается ко мне на Вы. Интересно, с чем это связано?

— Практика в школе у меня проходила на пятьдесят девятом радиозаводе, а отец работает на семьдесят девятом. Дальше надо рассказывать, что именно там можно изготовить для нашего проекта?

Мы оба обмениваемся понимающими улыбками.

— И что можно такими «зеркальцами» подсвечивать?

— Тот же Норильск или Мурманск, например. Там зимой светлое время суток всего полчаса бывает, а остальное время — почти, как у нас ночью, — кивнул я в сторону окна, за которым окончательно стемнело, — Да и у нас неплохо было бы, если бы сейчас на улице было светло. Москва прилично экономит на уличном освещении, если им продлить световой день часа на три — четыре. Да и в других странах заказчики найдутся, — мысленно я облизнулся, представив, какой ажиотаж произойдёт в крупных столицах или на престижных курортах, когда они узнают о возможности такой подсветки. Только Токио, с его многомиллионным населением и проблемным энергоснабжением зафрахтует с десятков таких космических светильников.

В своё время я знал, что такие идеи в 1994 году уже пытались воплотить российские учёные, но для реализации замысла им не хватило качества исполнения. Поэтому столкнувшись с гигантскими отражателями, которые другие цивилизации использовали при терраформировании планет, я из любопытства изучил их устройство. Всё оказалось на удивление просто. Лепесток отражающего материала имел каркас из тончайших нитей пружинистого сплава. Позже я наткнулся на воспоминания конструкторов таких устройств. В основу построения лепестков он заложил схему крыла насекомого, очень похожего на нашу стрекозу. Я в своих замыслах предполагал использовать для каркаса бериллиевую бронзу, из которой делают самые надёжные часовые пружины. Мои лепестки не будут таких сумасшедших размеров в сотни километров, как у терраформеров. Для начала вполне хватит длины лепестка в пятьдесят метров.

— А что за американские сигареты? — не выдержал инструктор, задав вопрос ещё про одно предложение.

— Там всё дело в табаке. Они его перемальвают и фактически пропускают через бумагоделательную машину, пропитывая при этом селитрой. Получается равномерная нарезка из табачной бумаги, которой не даёт затухнуть селитра в её составе.

— Фу, какая гадость, — поморщился мой собеседник, — Ну ладно, когда я увижу твои соображения по предлагаемой организации?

— Послезавтра после обеда устроит? — прикинул я время, необходимое для написания этого опуса страниц в шесть — восемь. Даже если мою идею примут, то всё равно ещё не раз перекроют её по-своему. Смысла нет, сразу все детали расписывать.

— Вполне устроит. Если меня на месте не будет, оставишь в приёмной у первого секретаря, только подпиши, что для меня, — дальше затягивать разговор незачем. Интересующей меня цели я достиг. Прощаюсь, и выхожу на улицу. В городе начинается метель.

На улицах пустынно. Сквозь рой снежинок размытыми пятнами светят фонари. Порывы ветра подстерегают меня в промежутках между домами, а когда я выхожу к реке, ветер, получив свободу, разыгрывается не на шутку. Сухой, колючий снег пригоршнями летит в лицо. Прикрывшись поднятым воротником, я иду к пешеходному мостику, который перекинут около дендрария через реку. Тропинку, петляющую по берегу замело, и я уже проклял ту минуту, когда решил, что пешком до дома доберусь быстрее, чем на троллейбусе. Метёт так, что в пяти шагах уже ничего не видно. Пытаюсь понять, где я нахожусь, и тут, в момент секундного затишья, вижу знакомый силуэт смешного старинного особняка. Сколько раз я как-то интуитивно обходил это место, и вот надо же... Воспоминания заставили меня замереть на месте.

Мужчина, лет пятидесяти, оглянулся на громкий стук дверей. Из смешного старого дома, стоящего на фундаменте из дикого камня, вышла девушка с парнем, и весело щебеча о чём-то своём, они прошли мимо, даже не посмотрев в его сторону. Понятно, кому интересен одинокий алкаш, расположившийся с целой упаковкой пива на берегу реки. Хотя наряд полиции вряд ли обойдёт его вниманием. Да и внешний вид... Три дня беспробудной пьянки начинались пивом, с плавным переходом на коньяк к вечеру. Так легче пережить предательство тех, кто ещё недавно называл тебя своим другом. Очередная банка, прощально щелкнув крышкой, ушла по назначению. Лето, река обмелела, и на возникшем посреди русла островке, расположились два выводка утят, вместе с их беспокойными мамами. Собственно, из-за них он тут и устроился. Даже батон поделился, оставив себе маленький хвостик. Птицы неожиданно забеспокоились и мамы — утки стали сгонять разбежавшихся утят в кучу. Оглянувшись, мужчина увидел бегущее нечто, выглядевшее, как растаман, надевший хламиду. Яркая бесформенная шапка, борода, многочисленные косички и грязный чёрный халат с вышивкой. Для своего возраста и внешнего вида это чудо бежало очень шустро. Шагов с десяти пробегающий мужик сделал рукой жест, в сторону наблюдающего за ним пьяницы, словно пытался поймать пушинку в воздухе. После чего сбился с бега и перешёл на шаг, всё ещё недоверчиво рассматривая сидящего человека с банкой пива в руке.

— Денег хочешь получить? Много, — растаман ещё раз поводит руками, словно собрался дирижировать невидимым оркестром.

— Пробегаю мимо — пробегай, — неприветливо отозвался пьяница, которому вчера двое шустрых молодых людей предлагали то же самое, уговаривая за тысячу рублей оформить на себя покупку телефона в кредит.

— Дом купишь. Большой и красивый, — растаман присел рядом с ним на корточки абсолютно не обращая внимания на то, что в его халат с удовольствием вонзили свои коготки шишечки репейника.

— Срок я куплю, а не дом, — равнодушно отозвался алкаш, примеряясь к очередной банке. Нет, с места не дотянуться. Привстав, он выковырял следующую банку из упаковки.

— Вот смотри. Это надо спрятать. А деньги — задаток, — перед его лицом появился загадочный тёмный кристалл размером чуть меньше банки пива, по которому пробегала вязь светящихся незнакомых знаков, и сложенная пополам стопка тысячных купюр.

— Куда спрятать? — спросил тогда я, разглядывая кристалл. Даже по внешнему виду



камня было понятно, что это что-то безумно дорогое. Приглядевшись, можно было заметить тончайшую сеточку на его поверхности, в которой нити, тоньше волоса, сплетались в сотни удивительных узоров.

— Лучше всего под землю, где много металла и энергии, — зачастил растаман и в его говоре при быстрой речи явно проявился акцент.

— А не боишься, что я со всем этим куда-нибудь сбегу? — ухмыльнулся алкаш, продолжая любоваться камнем.

— Нет. Я тебя всегда смогу найти, но если в течение двух дней я не появлюсь, то дальше он и так станет твоим.

— Это как так?

— Раз я не появился, значит, меня уже нет в живых, или Ворота закрылись, — растаман приложил свой указательный палец к тыльной стороне ладони руки, в которой была зажата банка пива. Кольнуло, на руке появился значок, похожий на голограмму, но когда пьяный захотел это рассмотреть, то увидел только растворяющийся рисунок. Через пару секунд и он исчез.

— Это метка, — предвосхитил растаман вопрос удивлённого человека, — Я её везде почувствую. Времени мало, поэтому слушай внимательно. Сейчас прячешь Семя, а потом продолжай пить те же напитки, которые ты пьёшь. Все два дня. С ними твою память не прочтает никто. Раз уж я не смог, то им и подавно не светит.

— Э, стой, а если ты не придёшь, то куда ЭТО девать и кто тогда заплатит? — алкаш продолжал смотреть на камень, который как-то сам по себе оказался уже у него в руке.

— Рано или поздно тебя всё равно найдут. Вот тогда с них и получишь всё что хочешь. Можешь не стесняться. Они тебе могут дать хоть корону, хоть воз этих ваших денег.

— Ага, а ещё молодость и бессмертие, — пробурчал пьяница.

— А ты знаешь, хорошая мысль. Будет забавно так их озадачить. Точно. Проси именно это.

— Да кто они такие...

— Вы, люди, называете их Боги, — донёсся до него откуда-то издалека голос растамана. Оглянувшись, он увидел, как его силуэт исчезает прямо на глазах, подёргиваясь туманной рябью.

Почти протрезвев от такого зрелища, алкаш вприпрыжку принял с места. Гудящий сетевой шкаф в подвале, с уродливой ручкой — рубильником на боку, он присмотрел ещё в лихие девяностые. Молодой и деятельный в то время, он организовал за шкафом тайник. Ни один человек в здравом уме не будет совать руки под шкаф, а тем более шарить ими по задней стенке, над пучком входящих кабелей. Найти там чёрную металлическую коробку, прилепленную на магниты, можно только тому, кто знает, где искать.

— Только не говори мне, что у тебя снова ничего не получилось, — незнакомый голос, казалось прозвучал прямо в голове.

— Попробовал бы ты выпить кувшин гномьей водки, а потом, когда торкнет, нарисовать пентаграмму девятого уровня, — заплетающимся языком ответил ему кто-то другой.

Открыв глаза, мужчина вскинулся и одним рывком присел на диване, вжавшись в спинку.

— Что вам тут надо? — срывающимся спросонья голосом, спросил он у двух незнакомцев, непонятно как очутившимся у него в комнате.

— Ха, смотри, он бодр и свеж, а ты вдрыбоган, — неожиданно развеселился один из незнакомцев, сидящий в кресле у окна.

— Ты бы меня ещё к арховым отродьям заставил в мозги залезть, я бы ещё не так окосел, — пьяным голосом отозвался тот, который сидел на краю дивана. Что странно, рта ни один из них не открыл. Голоса воспринимались, как звуки, но в том то и дело, что в квартире было тихо, и только слабый уличный шум подсказывал, что со слухом всё в порядке.

— Сам Семя отдашь? — с нехорошей интонацией поинтересовался тот, кто сидел на диване.

— Мне за него пообещали молодость и бессмертие, — неожиданно для самого себя выпалил мужчина.

— Не мог ОН такого тебе пообещать, — уверенно сказал незнакомец из кресла.

— С ним у меня была своя договорённость, а вот о других мы с ним договорились именно так, — не стал спорить хозяин квартиры с неведомыми визитёрами.

— Не врёт, — огорченно заметил незваный гость, устроившийся на диване.

— Ты же понимаешь, что такое невозможно... — начал было тот, кто читал мысли.

— У нас осталось очень мало времени, — напомнил ему второй, — Бессмертия не существует, а вот череду жизней...

— Переселение...

— Хм, даже интересно.

— А мгновенный поиск тела?

— Подключим к Информаторию...

— К общему списку миров?

— А почему бы и нет. Зато с гарантией, что нужное тело всегда будет найдено.

Обмен мнениями у незнакомцев происходил настолько быстро, что мужчина не успевал крутить головой.

— Мы согласны. Показывай место. Времени осталось совсем мало, — быстро проговорил тот, что сидел в кресле.

— Э, нет. Давайте Договор составим. Такой, чтобы вы его не смогли нарушить.

Незнакомцы переглянулись, и в ту же секунду перед глазами возник Документ. От земных бумаг он отличался так же, как берестяная грамота отличается от банковского векселя.

— Я должен прочитать...

— Все твои условия я взял у тебя в голове. И чтобы ты дальше не спорил, запомни — Боги никогда не обманывают. Остались секунды. Быстрее, вспомни место, где ты спрятал Семя.

Воспоминание пришло мгновенно, стоило лишь зажмуриться, и тут же раздался лёгкий хлопок, как будто рядом открыли бутылку шампанского.

Когда мужчина раскрыл глаза, в комнате никого не было. И только расправляющаяся кожаная обивка кресла указывала на то, что мгновение назад там кто-то сидел.

Чем отличается плеер от кассетного магнитофона с точки зрения конструкции? Да только тем, что в нём намного меньше деталей и поэтому низкое энергопотребление. В плеере отсутствует динамик и усилитель к нему, нет всего каскада записи с дополнительной стирающей головкой. Ему не надо много разъемов и большого отсека под батарейки. В нём нет блока питания и объёмных клавиш переключения. Эх, мне бы ещё аккумуляторы такие, какие потом появятся в сотовых телефонах, использующие каждый миллиметр внутреннего объёма. С аккумулятором я вывернусь, конечно, поставлю четыре таблетки Д-0,25. Электроника в плеере простейшая. Стереоголовка и две отечественные микросхемы, с двумя с половиной десятками навесных деталюшек копеечной стоимости. Новосибирск с 1974 года такие микросхемы выпускает, серии 284. Хотя, тут лучше Юру подключить, может у него появится более грамотное решение, например на микросхемах 140 серии. Мне нужен предусилитель с выходом на наушники.

Вечерняя головоломка для меня началась с поездки в интернат. Там, каждый вечер, ребята обвешивали деталями по четыре усилителя. Это только кажется, что для такой работы нужны какие-то особые знания. На самом деле, если перед глазами стоит образец, то дальше всё просто — прикручивай такие же панельки и трансформаторы куда надо. Паять им ничего не нужно, этим занимаемся мы с Юрой, а вот своими отвёртками и плоскогубцами они нам время на сборку сокращают раза в два. Я им за каждый усилитель плачу по десять рублей. Сомнения, которые у меня возникали, по использованию детского труда, развеялись, когда я узнал, куда они собираются потратить деньги. На новогодние подарки своим девушкам. Вот такие они дети. Вопрос с учителем труда парни сами решили за десять минут, как только про «халтуру» узнали. В кабинете по труду и работают, а днём я заезжаю и меняю уже обвешанные шасси усилителей на голые. Кстати, езжу с личным шофёром. Сам права ещё не получил, поэтому за рулём жена.

Обратная дорога у нас проходит мимо Центрального рынка, на «блошинные ряды» которого я сегодня и заскочил. Разбитый магнитофон Легенда — 401 мог похвастаться только тем, что у него всё крутилось. Звука не было, и касание к выводам головки доказало, что электроника в нём накрылась. Поэтому мне его и продали «на запчасти», за пятнадцать рублей. Вот раскидал его на столе и изучаю лентопротяжку от арзамасского завода. Хочу сделать кассетный плеер на три — четыре года раньше, чем они станут популярны во всём мире.

Понятно, что на первый взгляд я начал слишком уж издалека с этой затеей, но для меня такой плеер — важное звено. Наладит промышленность их выпуск, и конец придёт государственной монополии на музыку. Это пластинки и радио можно контролировать и «не пущать» туда тех, «кто идеологически не дорос», а с кассетами такой фокус уже не пройдёт. Их обладатели сами себе музыку выберут. Казалось бы — какая разница, магнитофон или плеер? Огромная! Нет сейчас компактных стереомагнитофонов, которые дают качественное звучание и которые можно носить с собой без рюкзака или сумки. Заодно и СССР в кои веки удивит мир товаром, а то технологичных новинок из раздела «товары для народа» от нас давненько никто не видел.

— Пап, привет. У меня два вопроса и оба срочные, — пятнадцать минут назад, изобразив «рукалицо», я быстро оделся и помчался к родителям. Какого чёрта я всё пытаюсь

разгрести сам, если у меня в прямой родне целый изобретатель и рационализатор.

— Ага, а просто так к родителям уже и зайти нельзя, — не удержалась мама, открывшая мне дверь, — Вот держи твой ключ от новых дверей, а то сам и домой теперь не попадёшь, когда нас нет. Есть будешь?

— Нет, ты же знаешь... — по сути, я ответил очевидное. У Оли с мамой не так давно был первый конфликт, в который и мне пришлось вмешаться. Мы пытались маме объяснить, что для спортсмена очень важен правильный вес и питание, а ей, как всегда казалось, что я похудел.

— Что за срочные вопросы? — выручил меня отец, подмигнув. Мать уже было открыла рот, чтобы продолжить тему еды и моего внешнего вида.

— Вот, смотри, — я выложил на стол остатки магнитофона. Всё лишнее откручено и отпилено, — Это лентопротяжный механизм от Легенды — 401. Мне его надо «сплющить» на сантиметр, а лучше на полтора. Ещё я хотел поменять движки, на более компактные и экономичные. Питание нужно от шести вольт.

— Хм, механизм неплохо выглядит. Исполнение слегка топорно, а в целом интересно придумано, — сам про себя бормотал отец, разглядывая фрагмент магнитофона.

— Ну да, корни-то европейские. С Филипса содрали, — улыбнулся я. Эпоха кассетников в нашей стране началась в 1969 году, когда на основе магнитофона «Philips EL-3300». Харьковским радиозаводом «Протон» был выпущен аппарат под названием «Десна». Позже на этой же базе были выпущены «Спутник» и «Легенда-401». Советский клон со своим рождением отстал от европейской модели на пять лет.

— А питание какое?

— Четыре аккумулятора Д-0,25.

— Ой, как мало. Их на полчаса только хватит, и то вряд ли...

— А какие есть варианты? Мне надо всего лишь моторчик и усилитель для наушников запитать. Усилители на микросхемах будут, думаю на серии 248.

— У неё мощности не хватит, да и двигатель лучше один сделать. Больше места останется.

— О, а вот тут и второй вопрос созрел. Как ты думаешь, если мы наушники прямо в ухо засунем, то мощность усилителя на сколько можно будет снизить?

— Вот насмешил... Кто же тебе такие динамики — малюськи сделает, да и что от них толку-то... они же звук не дадут.

— В стандартном варианте, конечно да, а если вот так? — я притащил из своей комнаты ручку и тетрадь и нарисовал совсем иное построение динамика.

— Это что?

— Твоя будущая разработка. Миниатюрный динамик. Тут нет магнитного кольца и внутреннего керна. Магнитное поле создаётся двумя плоскими пластинами, между которыми и помещена катушка, подающая колебания на якорь. Тот, в свою очередь, жёстко связан с мембраной вот этой перемычкой.

— Ты это откуда взял? — осипшим голосом спросил отец, после минутного расчёсывания шевелюры.

— А что, не будет работать? — я-то ответ знал. Будет, и ещё как будет. А если туда магниты поставить те, какие надо... Хотя и пышминских по земным меркам вполне достаточно. Такие динамики у меня в скафандре стояли. Музыка через них слушать одно удовольствие. А чем ещё развлекаться при многочасовом патрулировании в дальнем

космосе? Связи там нет, а скафандр по регламенту положен. Подробное устройство скафандра и всех его систем приходилось изучать любому пилоту, а базы знаний так устроены, что всегда можно получить справку на любую его деталь.

— Что там у вас? — мать в разговор не вслушивалась, но отца изучила вдоль и поперёк. Поэтому его голос и интонацию уловила моментально.

— Мать, а ты знала, что сын у нас гений? — взглянул на неё отец поверх очков.

— Представь себе, знала. Витина мама рассказала недели две назад. Наш-то молчит, а тот своей матери все уши прожужжал, что там наш Пашка на своём заводе навывдумывал.

— Так, что хочешь говори, но это дело надо отметить. Надо же, вот она, моя кровь-то как сыграла, мне бы так, в его-то годы, — энергично потёр руки отец.

— Бать, а ничего, что я не пью? — для проформы спросил я отца. Слишком уж он покраснелся и по его поведению понятно, как он впечатлён.

— А и не пей, но с отцом чокнуться должен, — батя решительно рванул «кепку» с бутылки водки.

— Я с тобой не чокнулась, так ты до сына решил добраться, — скаламбурила довольная мать, захватив и для себя рюмку сладкой настойки, и словно из воздуха достала тарелку с порезанной колбаской и сыром.

Минут через пять отец с сожалением проследил, как со стола исчезли рюмки — бутылки и снова уставился на мой рисунок.

— Батя, ау, отвлекись... — мне пришлось выводит его из транса, — С моторчиком и аккумуляторами что можно сделать?

— Про моторы я завтра попробую узнать на оптико-механическом заводе, есть там у меня друзья — приятели, — батя закатил глаза в потолок и беззвучно зашевелил губами, что-то высчитывая, — А вот с питанием у тебя ничего не выйдет, раз в пять больше надо, если хочешь, чтобы часа на три — четыре постоянной работы хватало.

Мда, технологии, они такие технологии, блин. Вчерне вроде всё продумал, а вот по факту... И что, мне теперь ещё и батарейки или аккумуляторы изобретать? Батя — монстр! Как он меня только что сделал... Взял и по косвенным признакам просчитал мощность будущего девайса. Я бы и рад её снизить, но ведь не провернёт тогда советскую кассету маломощный движок. Она, эта кассета, существо капризное и непредсказуемое. Может подклинивать начать, а то и «заболеть», затеяв издавать характерный свист. Любой её каприз — это смерть моим аккумуляторам — «таблеткам». Раньше мы кассеты «на карандаше» перематывали, чтобы батарейки спасти от разряда. Вытаскивали кассету, насаживали на карандаш, и крутили. Сам себе перемотка. Есть у меня один вариант, конечно. Зафигачить выносной аккумулятор. Примерно такого же размера, как и сам плеер. Угумс, как в «Ералаше» — вот телефон, а аккумулятор к нему в рюкзаке, под скамейкой. Итак, что я имею на выходе, или как любил выражаться Пашкин учитель химии, в «сухом остатке».

В полном объёме мне подвиг «СОНИ Волкман» не повторить. Слишком рано я «родил идею». Тем не менее, варианты есть. По ряду параметров возможен прорыв.

— Так, тогда ещё вопрос. Я в магазине как-то видел радиокассеты, но они на длинные волны. Стереозвук у нас только на УКВ. А можно такую радиокассету сделать для УКВ — диапазона и со стереозвучанием?

— А это ещё зачем? — спросил отец. Вот как ему объяснить, что когда-то у меня были разные плееры, и когда батарейки садилась так, что кассету уже не могли крутить, то на

радио их ещё хватало часа на полтора — два.

— Пусть проект сразу обрастает опциями, тогда и выглядеть всё будет убедительней. Создаётся понимание его продуманности. Я ещё и вторую пару наушников туда включу, чтобы записи вдвоём можно было слушать.

— Давай начнём с деталей. Питание я предлагаю сразу задать в девять вольт. Пара типовых аккумуляторов 7Д — 01 даст тебе час — полтора работы. Двигатель поставим на 3,6 вольт, а усилитель на шесть. Пока питание докатится до таких значений, всё будет работать. Эти аккумуляторы всегда есть в свободной продаже и поменять их на заряженные — минута времени. Места, опять же, много не занимают, — отец задумался, а я ещё раз поразился тому, как советские инженеры умеют выкручиваться из-за нехватки нужных компонентов. В его предложении для меня есть определённый стёб, объяснять который я отцу не буду. Тот аккумулятор, который он предлагает, изготавливают только в СССР. Если наши плееры уйдут за рубеж, то велкам, господа буржуи... Познакомьтесь с нашими стандартами на русские расходники. Сразу себе пометить на будущее — надо сделать позолоченные контакты и поставить головки из сендаста. Раз уж мы в СССР делаем самую абразивную в мире магнитофонную ленту, то и головки должны ей соответствовать на износостойкость. А позолота, ну, чисто маркетинговый ход. Сам я ни разу не видел следов коррозии и на обычных сплавах, но покупателю будет приятно. Находились же в моей первой жизни миллионы таких «знатоков и ценителей», которые позолоченным штекерам пели осанну.

- Давай я расскажу тебе моё видение этого изделия? — начал я. И, дождавшись кивка отца, провёл свою небольшую презентацию. К концу моего выступления отец выглядел несколько пришибленным, но новые мысли у него появились. Обсудили его замечания и отложили всё до завтра. Мысли должны уложиться в голове и «переночевать».

Возвращался не спеша. Последний месяц выдался напряжённый, и никак не удавалось поразмыслить, правильно ли я всё делаю в этой новой жизни. Особых ошибок в своих действиях не нашёл. Даже ссора с директором завода может обернуться к моей же пользе. Остался бы я при заводе, и накрыло бы меня рутинной, а так появляется шанс перейти на другой уровень воздействия на окружающую меня действительность. Конечно, мне хочется изменить историю, и не только в отдельно взятой стране. Но и свою жизнь я тоже мечтаю

прожить интересно, без пафосного донкихотства и противопоставления себя всему миру. Может, кто и посчитает меня циником или эгоистом, ну тогда пусть он сначала продаст свою квартиру и отнесёт все деньги в фонд помощи голодающим детям Африки. Желаящих быть добренькими за чужой счёт всегда с переизбытком, а как до дела доходит, их сразу же становится ничтожно мало. В принципе, я не против добрых дел и умеренного альтруизма. Приносить свою выгоду в жертву ради общего блага имеет смысл, особенно если удастся сохранить свои цели и не дать обществу захватить своё я, оставшись через какое-то время у разбитого корыта. Добрые дела иногда наказуемы. Альтруизм — по Э. Дюркгейму — это общественное состояние, при котором индивид полностью поглощается группой и не имеет собственных целей, отличающихся от целей группы. На такие жертвы я не готов. Может из-за того, что понимаю, кто и как в этой стране перераспределяет материальные блага, и в какие бездонные дыры всё исчезает.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — Оля задала этот вопрос ненатурально безразличным голосом, не отрываясь от чтения конспектов. Быстро огляделся вокруг, и сообразил, о чём она меня спрашивает. Шторы на подоконнике откинута, а рядом с

вымахавшими

зарослями женьшеня лежит линейка. Недавно мои растения выкинули плоды. Благодаря этому событию мне удалось примерно сосчитать, насколько их рост происходит быстрее обычного. Получилось примерно раз в двадцать — двадцать пять. Точнее сказать трудно, так как я только недавно догадался применить подсветку, чтобы подкорректировать растениям биологические часы. Раз положено им плодоносить летом, значит, и световой день у них должен быть соответствующей длины. В библиотеке мне удалось найти нужную книгу, из которой я и узнал, что женьшень плодоносит в возрасте старше полутора лет. Дальше всё просто, разделил одно на другое.

- А что именно ты хочешь знать?

- Всё. И начни с того, почему ты каждое утро и вечер размахиваешь руками над ними. — кивнула она в сторону цветов, забавно взмахнув чёлкой.

- Тогда давай я сначала тебе кое-что покажу, — я быстро сообразил, на чём прокололся. Лакированная дверь шкафа. В её отражении из другой комнаты видно окно с моими посадками.

Я принёс компас, взял с подоконника линейку и провёл замер своего поля.

- Шестнадцать сантиметров, — озвучил я результат измерения. После этого пошёл к своим подопечным. Забавно смотреть, как женьшень отвечает на заклинание роста. В тех местах, где я к нему прикасаюсь, листья начинают расти быстрее и кажется, что это ласковый щенок тянется к своему хозяину, подставляя себя под его ладони. Закончив с заклинаниями, снова провёл измерения.

- А вот теперь десять с половиной сантиметров. Размер моего поля снизился в полтора раза. Восстановится утром.

- Но что ты делал?

- Делился с ними Силой. После того, как меня шибануло молнией, я стал экстрасенсом. Результат сама видела. Сразу отвечу на твой следующий вопрос, — остановил я её поднятой вверх ладонью, — Ничего не рассказывал, потому что сам не понимаю, как всё получается и для чего мои новые способности можно применять. А ещё боялся тебя потерять, кто его знает, как ты к этому отнесёшься, — зарылся я лицом в Олькины волосы.

- Подожди, получается тогда, что ты и к экзаменам поэтому не готовишься? — прищурившись и состроив мордашку хитрой лисички, сообразила моя ненаглядная.

- Готовлюсь, только делаю это быстрее тебя. Намного быстрее. А ты знаешь, давай кое-что попробуем. — каналы у меня понемногу растут, так что ещё одно заклинание я должен потянуть без особых последствий. — Пошли на диван пересядем.

Заклинание Концентрации чуть сложнее, поэтому мне лучше закрыть глаза и спокойно сосредоточиться. Технику воздействия я на Юре испытал, поэтому ничего нового изобретать не стал, воспользовавшись той же методикой.

- Вот, вроде получилось. Теперь просто попробуй просматривать страницы, а не читать всё подряд, как обычно.

Ольга смотрела на страницы и переходила к следующим по моим командам. Времени я ей отвёл больше, чем тратил сам. После десятой страницы мы остановились.

- Рассказывай, что запомнила. — попросил я.

- Да как тут что-то запомнить... Ой, мамочки... Я сейчас буду говорить, а ты проверяй. — она быстро вернулась к той странице, с которой мы начали. Весь текст Оля воспроизвела безошибочно, только глаза у неё становились всё шире и шире, — Такого не

может быть. — жалобно произнесла она, когда мы закончили. — Я всё помню, даже все буковки и запятые могу сказать, как написаны, а сейчас, когда

проговорила вслух, то вообще всё по смыслу поняла. А это у меня надолго?

- Представления не имею, — улыбнулся я, глядя, как она крутится перед зеркалом, пытаюсь найти у себя внешние изменения.

- Так, всё. Я учить. Ужин на плите, — кинулась жена к столу и зарылась в учебники.

Успел поваляться в горячей ванне, поужинать в одиночестве, заготовить и нарезать в размер запас проводов для усилителей, а милая всё так и продолжала увлечённо шуршать страницами. Пойду, проверю, что она там так долго учит.

- Это ещё что такое? — сердито спрашиваю я, отбирая у жены словарь английского языка.

- К экзаменам я всё выучила. Вот и решила, что с такой памятью можно и словарный запас быстро нарастить...

- И это говорит тренер, — обхватил я её руками, не давая дотянуться до отобранного мной словаря. — А скажи-ка мне, солнце моё, если к тебе на тренировку придёт новичок, то ты в первый же день ему максимальные нагрузки дашь?

Не сразу, но вижу, что начинает понимать. Моська у неё боевой задор потеряла и стала виноватой. Вот и глазки забегали.

- Но ты же много учил...

- Не так много и не сразу начал. Глупостей делать не будем, добавляй знаний понемножку, а как только почувствуешь хоть какое-то недомогание, то сразу останавливайся. Относись к этому, как к тренировкам. Опаснее всего надорваться и заработать травму. — объяснил я ей дозировку нагрузок на понятном, тренерском языке. Вроде бы прониклась. Не спорит, хотя глаза хитрющие и нет-не, да убегают на книжки. — И давай сразу договоримся, что про мои способности никто не должен знать.

- Ну почему... — обиженно надувает она губки.

- А ты сама подумай... Вот проболталась ты подружкам, и они понимают, что для того, чтобы всерьёз облегчить себе учёбу им всего-навсего надо быстренько соблазнить такого красивого меня...

Вот теперь бежать. Кулачок у милой не тяжёлый, но острый, и по рёбрам мне может прилететь вполне чувствительно. Зато мотивация на сохранение тайны просто убийственная и теперь точно можно быть спокойным, что болтать она не будет. Забегаю в спальню и там подхватываю на руки и крепко прижимаю к себе шипящий милый сгусток негодования. Боевая ничья.

А ещё я заметил, что мне очень нравится быть молодым. Всё настолько яркое, и эмоции через край...

С утра проснулся с ощущением тревоги. Вторую ночь подряд мне снятся странные сны досмотреть которые ни разу не получилось. Проводил Ольгу на экзамен, а сам мечусь по квартире. Мой опыт просто вопит о том, что не бывает такой долгой, безоблачной и спокойной полосы в жизни, без особых неприятностей. Неужели я что-то не учёл?

Перебираю последние события. Даже ссора с директором завода меня не сильно напрягает, тогда что же? Вот, вспомнил. Мочалин Федор Иванович, начальник отдела ЦК КПСС, это его оценивающий взгляд я дважды ловил на совещании. Ох, и посмотрел он на меня, когда я озвучил, какими темпами мы разрабатываем новинки... А потом неожиданное увольнение... или у меня паранойя и эти события не связаны между собой? Прямые гадости



он вряд ли будет делать, зато найти, кто из Москвы сможет надавить на директора завода, для него пустяковая проблема. Получается, что не всем в столице наша инициатива по нраву. Значит, вполне может быть так, что меня восприняли, как одну из ключевых фигур и красиво нейтрализовали. Расчёт на то, что инициатива без инициаторов станет беззубой и накроется медным тазом сама по себе. Тонко играют, если всё так, как я вообразил. Судя по оговоркам про один интересный институт, которые

Федор Иванович сделал на совещании, он вполне может быть в клане Андропова. Знать бы ещё, к какой группе этого клана он относится. Слишком уж сам Андропов разносторонняя и загадочная личность. Наверно и клан у него собрался под стать. Этакое единство противоположностей.

Что я знаю и помню про Андропова... Биография у него придуманная. Поступки, если их рассматривать во времени, от событий в Венгрии до его войны со Щелоковым, настолько не характерны, что создаётся впечатление, будто внутри него уживается сразу несколько личностей. Сейчас он всерьёз рассматривает возможность сохранения СССР в списке развитых стран, исходя из тех соображений, что стране не вытянуть одновременно развитие промышленности и продолжение финансирования отсталых окраин. Для этого им созданы МИПСА и ВНИИСИ.

С другой стороны — факты. За пятнадцать месяцев его руководства страной была сделана самая отчаянная послевоенная попытка провести экономические и промышленные реформы. Впервые, со времён Сталина, зажавшиеся функционеры и чиновники с ужасом поняли, что их безнаказанность и «непотопляемость» эфемерны, а за преступления придётся отвечать. Всех внутриклановых противоречий я не знаю, как

собственно и борьбу между кланами в своё время не отслеживал. В конце концов я просто пылинка в жерновах, перетирающих миллионы судеб. Можно сутками размышлять о масштабах тех игр, которые ведутся во властных структурах, понимая при этом, что сам ты на них повлиять не способен. Хотя...

В бассейне среднего течения бурной реки Попигай на севере Красноярского края расположен крупный метеоритный кратер, входящий в десятку крупнейших кратеров Земли. Попигайская астроблема (звездная рана) представляет уникальный по степени сохранности и обнажённости импактный кратер диаметром 100 километров и возрастом около 35.7 млн. лет.

В начале 1971 года, при исследовании образцов породы из Попигайского кратера, была открыта новая коренная порода алмазов — импактиты.

Более 120 лет геологи считали единственным коренным источником алмазов кимберлитовые породы. Но открытие новых месторождений алмазов в Австралии и изучение Попигайского метеоритного кратера ознаменовалось появлением новых коренных алмазосодержащих

пород — лампроитов и импактитов.

Импактиты образовались за счет переправления кристаллических пород при ударном столкновении с космическими телами. Попигайское месторождение импактных алмазов считается единственным в мире.

С начала 1972 года в течение двух лет были выполнены работы, которые подтвердили предположения ленинградских геологов о метеоритном образовании Попигайской котловины и наличии здесь нового вида коренного источника алмазов — импактитов.

На территории Попигайской котловины импактиты во многих местах выходят на

поверхность и уходят на глубину около 1,5 км. Их площадь превышает 1750 квадратных километров. Алмазы рассеяны по всей котловине и встречаются почти везде, как в породах, так и в россыпях. Они образовались при ударном сжатии пород (твердофазный переход), когда графит переходит непосредственно в алмаз.

Общие запасы алмазов Попигайского месторождения, по подсчетам исследователей, превышают все известные запасы алмазов кимберлитовых провинций мира.

Импактные алмазы значительно отличаются от кимберлитовых. Внешне они совсем не похожи на обычные алмазы. Они неказисты на вид

и в основном имеют темную окраску. Также их отличает также высокая плотность и твердость. По этим качествам импактные алмазы незаменимы в технических целях.

В середине 70-х гг. была создана специальная Полярная геологоразведочная экспедиция с базой в п. Хатанга Таймырского автономного округа Красноярского края. Научным руководителем этой экспедиции был назначен В.Л. Масайтис.

В короткие сроки была не только проведена доразведка открытых импактных алмазов, но и подсчитаны их запасы. Были выявлены наиболее богатые участки, два из которых — «Ударная» и «Скальная» были изучены досконально. В Хатанге была построена небольшая обогатительная фабрика, а в Попиге вырос целый геологический поселок. Несколько тонн импактов было отправлено на обогащение даже в Мирный на фабрику № 3.

Несмотря на хорошее качество импактных алмазов, вопрос об их добыче так и не решили. Из-за удаленности Попигайского месторождения и исключительной твердости импактитов, извлечение алмазов из этих пород показалось делом дорогостоящим. Да и Министерство станкостроительной промышленности СССР, которому было передано более 10 тысяч карат импактных алмазов, не заинтересовалось ими.

В начале 80-х годов прошлого века в СССР уже наладили производство недорогих синтетических алмазов и они вместе с природными техническими алмазами в полной мере удовлетворяли потребности отечественной промышленности. Дорогие и качественные импактные алмазы тогда никому не понадобились. Геологические изыскания месторождения свернули и Полярную ГРЭ расформировали.

За время изысканий была проведена большая исследовательская работа: было пробурено 500 скважин, некоторые достигали в глубину 1700 метров, собрано 1000 тонн уникального керна. Стоимость затрат на исследования в «те еще времена» составила ни много ни мало, а полтора миллиарда долларов США.

— Виктор Семёнович, не уверен, что я обращаюсь по адресу, но не знаю никого, кроме Вас, кто смог бы мне помочь. Я почти уверен в успехе, и именно с Вами мне было бы приятно его разделить. — мои размышления о роли восемнадцатилетнего парня в истории страны, непостижимым зигзагом привели меня к крайне неожиданному результату. Я сообразил, какие знания можно использовать так, чтобы их

значимость создала вокруг меня непробиваемую стену. Личную зону безопасности. Это будет открытие мирового значения, опирающееся на уникальное месторождение, расположенное в СССР.

- Что такое у тебя случилось, что ты вдруг забил во все колокола и даже заставил меня отложить важную встречу? — посмотрел на моё раскрасневшееся от бега лицо академик поверх очков. В принципе, я его понимаю. Трудно устоять, когда тебе говорят, что возможно открытие, опровергающее целые разделы науки и имеющее чуть ли не моментальное практическое применение. Эмоций по телефону я на него высypал, не стесняясь. Про суть

говорить отказался. Все подробности только при личной встрече и в самое ближайшее время.

- Михаил Натанович рассказывал Вам, что у меня и электричества имеются свои личные, можно сказать, интимные отношения? — серьёзный разговор я решил начать в шутовском тоне, заранее создавая легкую интригу, — Вот про него, про любимое электричество, я и хотел поговорить. Обычная энергия, возникающая то в физических, то в химических процессах и с лёгкостью переносящаяся по самым твёрдым металлам. — улыбнулся я и развёл руки в стороны, демонстрируя, что вопрос-то простейший. — Вроде бы всё что можно, там открыто и объяснено. Вот только мы с этим не согласны.

- Мы — это кто?

- Я и электричество. Та самая молния, которая в меня прилетела, заставляла много думать. Кое-что я понял, но ни одна теория под мои исследования не подойдёт. — я, как мог, попытался вывернуться на этом скользком месте. Ну, не рассказывать же мне, что одна из гуманоидных цивилизаций нашла у себя в системе такие импакты и на их основе сделала уникальные источники питания. Сколько копий учёные там поломали, пытаясь подвести теорию под полученные результаты, не счесть. Зато государство несказанно обогатилось.

- И чем же мы будем удивлять мир? — наконец-то улыбнулся учёный.

- Компактными аккумуляторами. Для начала увеличим их мощность раз в десять, а потом и к другим цифрам перейдём. — я действительно точно не знаю, насколько поднимется емкость аккумулятора, возможно и в сто раз. Слишком сильно отличается сама их конструкция и применяемые материалы от тех, которые мне довелось держать в руках, когда я пытался из двух повреждённых планетарных зондов собрать один, но работающий. Вот тогда, проводя диагностику деталей, я и сообразил, что на моей планете тоже было месторождение таких же кристаллов, которые установлены в диагностируемые мной аккумуляторы. Тысячи планет могут прожить

миллионы лет, но вероятность того, что астероид нужной массы, из определённой породы, попадёт с необходимой скоростью в угольный пласт, а потом получит водную закалку расплава... Достаточно сказать, что миры, входящие в Империю, объединяющую десятки рас, аналогов у себя не нашли.

- Слишком фантастично, чтобы могло быть правдой. — покачал головой академик.

- Проверить можно просто. Мне нужны материалы, которые самому не достать. После того, как я их получу экспериментальные образцы можно сделать за сутки.

- И что же необходимо?

- Мне нужны алмазы. Ни в коем случае не ювелирные. Но и не совсем обычные. Нужны импактные алмазы или импактиты, если Вы знаете, что это такое. Один — два кристалла, примерно по 0,1 — 0,2 карата каждый.

- Представь себе, я знаю, что такое импактиты. Всё-таки на промышленность работаю. Удивляет, откуда ты про них знаешь. Что-то я не помню, чтобы информация по ним появлялась в свободном доступе, — заметно напрягся учёный.

- Я недавно в Новосибирск ездил, на соревнования. Абсолютно случайно разговорился там с одним парнем, он вроде лаборантом в Академгородке работает. — я выдал более-менее приемлемую версию, зная, что новосибирцы тоже занимались изучением этих минералов. После распада СССР, когда секретность с Попагайского месторождения сняли, именно на международном инновационном форуме в Новосибирске выступил директор Института геологии и минералогии (ИГМ) академик Николай Похиленко, впервые публично

рассказав то, что было раньше засекречено.

- Почему именно они? Обычные синтетические алмазы не подойдут?

- У них разная кристаллическая структура и прочность, — одним предложением ответил я на оба вопроса сразу.

- Так, постой-ка. Объясни мне, как ты за сутки собираешься сделать аккумулятор?

- А я и не буду его делать. Сама батарея у меня типовая. — я вытащил из кармана обычный 7Д — 01. Потом мне надо полчаса, чтобы помудрить с расслоителем и час, чтобы собрать зарядное устройство. Дальше время на зарядку. Так что сутки — это даже с запасом.

- Хм... В идею твою я, конечно, не верю, но должок за мной есть, и я про него не забыл. Ты же на заводе работаешь?

- Уже нет. Свободен, как птица в полёте. — я не стал ничего уточнять и вдаваться в подробности.

- Вот как... Собственно так даже лучше... Завтра с утра с документами ко мне. Устроим тебя на месяц младшим научным сотрудником, заодно и подписку оформим. Сам понимаешь, выдать тебе кристаллы я не имею права, да и как потом объяснять, откуда и что взялось, а не дай Бог, почему и куда делось.

- Виктор Семёнович, только давайте сразу договоримся, что если всё получится...

- Да прекрати. — прервал меня учёный.

- Тем не менее, если всё получится, то аккумулятор будет носить мою фамилию, а само открытие — обе наши. — упрямо продолжил я.

- Ты мне лучше расскажи, с чего это тебя на эксперименты потянуло? — поинтересовался академик, давая понять, что деловая часть разговора у нас закончилась.

- Понимаете, я сейчас занят разработкой плеера. Это такой очень компактный магнитофон. Вот и столкнулся с тем, что мне не хватает мощности батареек. — я остановился, услышав хохот. Учёный ржал, вытирая с глаз выступившие слёзы.

- Ой, насмешил... Ну конечно, что ещё нужно сделать, если хочешь магнитофон сконструировать. Да как минимум, изобретение мирового уровня при этом родить, ну так, между прочим, это же такая мелочь... — продолжил он веселиться.

- Зря Вы не верите. Мой плеер миллионами штук будут покупать. — не смог сдержать я эмоций, зная, что Волкмены разошлись по миру тиражом в двести миллионов.

- Да верю я, верю. Вот как только увижу твой супераккумулятор, так даже сам поучаствую в твоей разработке, — вытаскивая платок, замахал им учёный в воздухе и вытер слёзы с лица.

- Выключай иллюминацию. Завтра продолжим, а то времени-то уже почти двенадцать ночи. — Виктор Семёнович устал, даже с лица спал, и круги под глазами. Это сколько же мы чая и кофе выпили, пока у него запасы не закончились. В лабораторию он зашёл в полпятого, значит, лампочки у нас уже почти семь часов горят. Новенькая батарейка «Крона», к которой я подключил такую же нагрузку из небольшой гирлянды лампочек, «умерла» часов шесть назад. Стрелка вольтметра, подключенного к одному из экспериментальных

аккумуляторов, гордо стоит на одной и той же отметке. Пока никаких признаков разрядки.

— Я завтра моторчик Вам принесу...

— А, чего... — не понял усталый академик.

- Мотор мне другой нужен, для плеера. Желательно с кварцевой стабилизацией. —

терпеливо объяснил я.

- Ты о чём... — начал было учёный, но тут до него «дошло», — Ну, ты и наглец...

- А я Вас вчера за язык не тянул. Сами сказали, что будете участвовать в разработке. С остальным пока справляюсь, а вот мотор мне надо бы лучше.

Посмотрев на моё абсолютно серьёзное лицо, будущий соратник в борьбе за мировую известность только хмыкнул.

Человеческий разум легко может победить здравый смысл. Наверно это аксиома, которую знают обычно только удачные правители и управленцы. Остальные тоже когда-то про такое слышали, но то ли забыли, то ли не используют на практике.

Мирное противостояние систем. Борьба идеологий. Социализм и капитализм сражаются за души и за зоны влияния. Казалось бы, что непонятного? Приоритетное направление определено и является основной целью. Но вместо того, чтобы практически показать, как хорошо живётся людям при социализме и блеснуть достижениями в этой сфере, руководство страны ведёт абсолютно провальную политику, словно не понимая, что безнадежно проигрывает одну из ключевых позиций.

— Неплохо было бы узнать зарубежные аналоги микросхем, тогда и скопировать можно будет со временем. Наши козлы этим летом все

основные собственные разработки закрыли. — Юра напомнил мне один из наиболее позорных моментов для советский радиоэлектроники. Действительно, в июне 1976 года СССР прекратил самостоятельно разрабатывать многие виды микросхем и свернул все работы по разработке собственных микропроцессоров.

29 июня 1976 г. Министр электронной промышленности СССР А.И. Шокин подписал Приказ N168 «Об образовании НПО «Научный центр», в соответствии с которым Специальный вычислительный центр прекратил существование.

Вслед за этим, такая же судьба постигнет и собственное производство процессоров.

Если быть точным технология производства процессоров у нас не пошла дальше клона i8086. Назывался он КР1810ВМ86. Если не врут тогдашние разговоры в курилке, то после того, как наши успешно послонно своровали технологию изготовления кристаллов процессоров и контроллеров (580ВВ55-i8255) до поколения i8086, следующий кристалл процессора i80286 буржуи выпустили с искривлением в плоскости слоев, и снять послонно разводку уже не получилось.

Обидно. В 1967 году в СССР начала работать БЭСМ-6, выполнявшая около 1 млн операций в секунду. В течение нескольких лет она была самой высокопроизводительной ЭВМ в Европе.

- Подожди, а если мы сами нарисуем схему, то где нам нужную микросхему смогут сделать?

- В Зеленограде, скорее всего, хотя у них там пыльно. Брака много будет.

- В каком смысле — пыльно? — не совсем понял я высказывание инженера.

- При изготовлении сложных микросхем в кубе воздуха рабочей зоны должно быть не больше трёх десятков пылинок. С учётом того, что в обычном городском воздухе их около пятидесяти миллионов, то задача ещё та... — озвучил мне Юрий одну из тонкостей микроэлектроники.

- Хм, надо же... как иногда всё в жизни-то хитро переплетается. Я тут как раз недавно прикольный фильтр видел. Правда, пока в чертежах, но очень интересный. Там пыль вообще по нулям должна пройти.

- У электронщиков?

- Скорее у микробиологов.

— Тогда ничего не выйдет. Иное ведомство. У нас беда с информацией. Никогда не

знаешь, что у соседей есть. Шикарных разработок тысячи, но у каждого они под себя сделаны, и иногда не по одному десятку раз одно и то же разрабатывалось. Я когда-то коллекцию собирал. Разные виды радиаторов для транзисторов одного типа. Больше тридцати разновидностей собрал. А ведь это не только конструкторы работали, но и оснастку каждый раз новую разрабатывали. Там у меня каких только радиаторов не было, и литые, и фрезерованные. Казалось бы — сделай их два-три типоразмера на весь Союз, да выпусти на одном заводе, так нет — каждый своё начинает придумывать. Вроде мелочь, но в итоге получалось так, что не все они даже на троечку тянут. Делали-то, как проще, да побыстрей, вот и доупрощались, а сколько ещё для обороны всего сделано, и не узнаешь, — вздохнул мой знакомый, а я тут же поставил себе напоминалочку — радиаторы. Абсолютно реальная тема на ближайшие десятилетия. В будущем ей только совершенствоваться и дорожать. А то так и будет моя страна вывозить за рубеж свою медь и алюминий в вайербарсах и слитках. Зато потом, какой-нибудь корейский «Залман», из этой меди начнёт ваять радиаторные шедевры, окупая с двадцати килограммов израсходованного металла все затраты на покупку тонны слитков.

В 1972 году ЦРУ США располагали информацией, что интегральные схемы в СССР производились на заводах в Брянске, Воронеже и на заводе «Светлана» в Ленинграде. Также они могут производиться на площадке в научно-исследовательском центре Зеленограда, предполагала американская разведка. По данным ЦРУ, в разработке и производстве микросхем также участвуют заводы в Борисполе и Киеве, а также в Минске, Москве, Новосибирске и Риге.

- А что тебя на микросхемы вдруг потянуло? Сам же сказал, что пока будем головки от «Вильмы» ставить. Её-то характеристики мы шутя своими усилителями перекроем. Другое дело, когда что-нибудь получше появится, тогда и будем думать. Электроника тоже на месте не стоит. Глядишь, и микросхемы интереснее станут. — Юра давно уже крутит сигарету в руках, а я рассматриваю целый блок сигаретных пачек «БАМ», которые распечатанными сушатся у него на батарее. Это сколько же он здоровья курением гробит.

- Предчувствия у меня дурные. Знаешь, такое ощущение, что я проспал до обеда, а потом за оставшееся время пытаюсь все дела

сделать, которые на день распланировал. Везде опаздываю, и отложить ничего не получается, потому что завтра ещё больше дел предстоит. Планов громадье, а как схватишься за что, то понимаешь, как у нас все технологии отстали. Скоро можно будет телефоны делать, которые с собой получится носить, а на АТС до сих пор коммутаторы на механических реле и очереди на телефонный номер, — мне не давали покоя достижения Нокии. Рядовая финская фирма, из малепусенькой страны, за шесть лет совершила уникальный рывок. Как? Ни капитала, ни технологий, сравнимых с теми, которые уже есть в СССР. А каков результат! По известности бренд Нокia займёт почётное место между Мальборо и Мерседесом. Допустим, на таких монстров, как Apple замахиваться рано, но вот финнов-то мы на сегодняшний день во всём превосходим.

— В телефонную тему влезть не сложно. Надо только шаги грамотно распланировать. Те же очереди на телефон запросто можно расшить, если поставить мини — АТС. Есть у предприятия десять своих номеров, а хочется сорок. Ну и поставить им такую АТС, десять на сорок, всё равно редко когда бывает, чтобы все десять номеров были разом заняты. А там, глядишь, и до серьёзных коммутаторов дело дойдёт.

- Наши вроде бы на базе ЭВМ «Нева» должны были неплохие коммутаторы сделать.

Ничего не слышал?

- Да кто его знает. Это же наверняка по линии Министерства связи проходит, а у них отдельная епархия. Надо в библиотеках рыть их ведомственные журналы, может там что и будет. Только зря ты этим голову забиваешь. Слишком уж неподъёмно всё выглядит. Наверняка в той сфере своих талантов хватает. Обидно будет, если перегорят быстро. У нас ведь как происходит. Дали тебе сто двадцать рублей зарплаты, и хоть заизобретайся, но вряд ли кто тебя отметит. Само отношение по рукам бьёт. Творчество — это износостойкий труд, и без его восстанавливающей компенсации личность быстро выгорает. Кроме того, познавательная неуемность влечет рост здоровой самооценки, человек ощущает свое право быть выделенным среди других, рассчитывает на признание окружающих. И — что важно подчеркнуть — заслуженное... — Юра остановился посреди фразы, увидев мои вытаращенные глаза. — Ну, это я так... Личное, короче. Просто наболело, и уравниловка достала. — уже тише добавил он, смутившись.

- У нас с тобой насчёт компенсации всё благополучно, — ухмыльнулся я и полез за бумажником, — Чуть было не забыл, тебя заслушавшись. Держи, тут денежка за четыре усилителя. Потом скажешь, сколько за плеер буду должен.

«Со своими затеями я похож на ёжика, нашедшего арбуз. Вроде, вот оно счастье, а на самом деле не унести и не проглотить», — размышлял я, пробираясь по тротуарам, ещё не почищенным от недавно выпавшего снега. Похолодало к вечеру, мороз градусов под тридцать.

Дома меня встретили Ольги в двух лицах. Никакой мистики или оптических эффектов, просто в гости зашла двоюродная сестра. Она заезжала к моим родителям за журналами, откуда и была направлена к нам, с приличным запасом ватрушек и пирожков, напечённых мамой. Две Ольги увлечённо шуршали журналами и активно «баловались плюшками», поставив перед собой ватрушки и банку земляничного варенья. Пирожки с «рисовым мясом», как я с детства называл начинку из фарша и риса, дожидались меня. Хотел было пошутить по поводу сладкожек, но кое-как сдержался. Накопленные за все жизни житейская мудрость и опыт беспомощным теннисным шариком отскакивали от бетонных зигзагов женской логики. Никогда заранее не знаешь, как женщина объяснит тот или иной поступок. Поэтому нашёл по Олькиной подсказке какао, и занялся поеданием чуть-чуть ещё тёплых пирожков.

Сестрёнка, в лице жены, нашла себе объективного советчика. Мамы своим дочкам всегда предлагают что-то не то — приличное, практичное и не модное, а вот подружки... именно про них сейчас и шёл разговор. Судя по всему, сестрёнка выбирала фасон платья на Новогодний бал.

- Ни в коем случае, — решительно рубила воздух жена. — Сиреневый цвет тебе не идёт, а фасон, просто с ума сойти, неприталенный балахон с тремя дырками...

- Вот Катька, зараза. А ещё лучшей подружкой себя называет. Это она мне насоветовала... Журналы снова подвергаются штурму и мимолётному обсуждению наиболее удачных фотографий.

Меня же, сытого и разомлевшего в тепле, накрыли воспоминания.

Разбираюсь ли я в женских платьях? Ну, ещё бы... Их же шьют для мужчин, чтобы те оценили. Каждый читатель всегда скажет, нравится или нет ему книга, а слушатель уверенно определит свой выбор песни. А раз я такой великий эксперт, то какие же платья мне запомнились больше всего... Пожалуй, эльфийские, особенно те, которые с открытыми



плечами, и разрезом... допустим, от бедра. Хотя разрезики-то там были... ух.

Утянув у девчонок лист бумаги и карандаш, на память начинаю рисовать эльфийку. Художник из меня так себе, мордашка на рисунке получается не очень, зато детали я прорисовываю уверенно. Натренировался на производственных эскизах. Треугольные ушки, причёску и диадему рисую в полном молчании.

Жена пододвинула стул и смотрит сбоку, а сестра сопит за плечом.

- Эльфийка. — гордо объявляю я, отодвигая своё творчество, и, предваряя вопросы, быстро добавляю, — Самый красивый сказочный персонаж.

Расспросы на меня обрушиваются сразу же.

- Виктор Семёнович, что-то я до Михаила Натановича никак не дозвонюсь. Не знаете почему? — я всерьёз озадачился фильтрами воздуха для производства микросхем и хотел разузнать, как с ними дела, а заодно и вбросить учёному информацию, где такие фильтры

будут на вес золота. Прямой телефон не отвечал, а секретарь отказалась говорить, когда профессор появится. Пришлось звонить его другу — академику.

- Павел, у него радикулит, причём в острой форме. Как говорится — не вздохнуть, не охнуть.

- Понятно. Как вы думаете, он не обидится, если вы дадите мне его домашний телефон, а я завезу ему лекарство?

- Сомневаюсь, что у тебя есть что-то такое, чего он сам не смог бы достать, — даже по голосу слышу, что академик улыбается. Конечно, профессор, связанный с медициной наверняка имеет доступ к самым дефицитным препаратам.

- Я и не буду ничего доставать. У меня свои рецепты. Опять же ваши сомнения мне только на руку. Предлагаю пари. Я за сутки поднимаю профессора, а вы мне обеспечиваете пару кристаллов для личных опытов.

- А если проиграешь?

- Тогда с меня два армянских коньяка «Двин коллекционный», - я ухмыляюсь про себя, называя ставку. Элитный напиток, гордость СССР. Недоступный простым смертным и овеянный легендами.

«Никогда не опаздывайте к обеду, курите гаванские сигары и пейте армянский коньяк!» — говорил Сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль. Из множества армянских коньяков он выделял пятидесятиградусный коньяк «Двин», который был создан к Ялтинской конференции по распоряжению самого товарища Сталина. После того как Сталин предложил Уинстону Черчиллю рюмочку армянского коньяка, британский премьер-министр стал поклонником этого напитка. Поставки же этого коньяка сэру Черчиллю тоже контролировались лично Сталиным. В 1949 году к 75-летию Уинстона Черчиля Сталин послал 75 бутылок коньяка «Двин». Подарок понравился Черчиллю, о чем свидетельствует сказанная им ответная фраза: «Как жаль, что мне исполнилось не 100 лет».

Однажды премьер заметил, что «Двин» утратил былой вкус. Он высказал свое недовольство Сталину. Оказалось, что мастер Маргар Седракян, который занимался купажем «Двина», сослан в Сибирь. Его вернули, восстановили в партии. Черчилль стал снова получать любимый «Двин», а Седракяну присвоили звание Героя Социалистического Труда.

— Записывай телефон. — пророкотал в трубку академик, жутко довольным голосом.

- Ну вот, через часик полегчает, но сегодня всё равно лучше отлежаться и мясного больше поесть, может даже чего-то жирного и с хрящиками. — я улыбнулся закутанному в

плед профессору, который только что выпил полстакана моего эликсира.

- Нельзя ему. У него язва. — жена профессора, скрестив руки на груди, недовольно покачала головой из стороны в сторону. Не доверяет она моему голубенькому напитокку, налитому из поллитровой молочной бутылки. Даром, что там корешок женьшеня растопырился и на дне травки листики раскинули.

- А что же сразу-то не сказали. Тогда придётся ещё делиться. — я вытащил из пакета бутылку и налил ещё половину стакана, прикрыв его блюдцем. — Это выпить завтра утром. Но тогда у меня просьба к вам. Где-то через недельку сходите, проверьтесь, что у вас с язвой стало.

- Что же это за лекарство такое, от всех болезней сразу? — опять вмешалась женщина, кутаясь в шаль.

- Клава, прекрати. Мне вроде вот уже полегче. — скорее всего соврал профессор и попробовал потянуться. — А ты знаешь, действительно легче. Боли пропали. — он недоверчиво поводит плечами.

- Ну-ка, ляг обратно. Ты слышал, что тебе эээ... молодой человек сказал. Сегодня отлежаться. — тут же перестроилась жена профессора. По-моему она меня только что чуть доктором не назвала. — Только отпустило, а он уже подскочил. Забыл, как три дня подряд на стены лез?

- Значит, думаешь, что твоё тибетское зелье и от язвы поможет? — наклонив голову набок, прищурился учёный, игнорируя ворчанье жены. Легенду про приготовленный мной эликсир я ему выдал в полном соответствии с канонами рекламы чудодейственных средств.

- Не только. Помолодеете лет на пять. — я посмотрел на добавочную порцию, — Хотя, с учётом добавки, скорее всего на десять.

- Десять лет, неплохо, — явно не веря моим словам, заулыбался профессор, — У меня в те времена шевелюра была густейшая, а сейчас, вот, только лысина блестит. — хлопнул он себя ладошкой по голове. Улучшившееся самочувствие явно подняло ему настроение.

- Тогда так и сделаем. Как только волосы начнут расти — так сразу и идите на обследование язвы. — поддержал я его шутливый тон. — Кстати, а фотоаппарат у вас есть? Для чистоты эксперимента можно контрольные снимки сделать.

- Клара, принеси фотоаппарат и плёнку. Она на полке лежит, над столом. — он зачем-то потёр руки и поинтересовался, — Ты действительно думаешь, что что-то получится?

— Дед у меня до девяносто трёх лет прожил, а ему и шестидесяти никто не давал на вид. И улы сам, в одиночку ворочал. Так что, есть у меня предчувствие, что всё может быть. — подтвердил я, хотя определённые сомнения у меня были. Всё-таки с эликсиром пришлось повозиться. Например, ту же воду я не настаивал месяц в серебряном кувшине, в виду его отсутствия, а получил электролизом. Для этого пожертвовал серебряным полтинником, с изображением молотобойца на нём. Да и травки не совсем идентичные. Хотелось всё оформить элегантнее, но неожиданная возможность проверить эликсир не дала довести оформление до нужного уровня. Бутылки из-под кефира пришлось использовать потому, что корешки женьшеня, похожие на фигуру человечка, не влезали в узкое горлышко обычных, а резать корень на части я не захотел. Не тот антураж создаётся. На будущее надо будет присмотреться к лабораторной посуде, наверняка что-нибудь более приличное смогу подобрать.

В качестве испытателя Михаил Натанович для меня идеальный пациент. У него есть болезни, излечение от которых можно чётко зафиксировать, и возраст подходящий. Кроме

того, он сам за собой понаблюдает и всё исследует. Омоложивать кого-то, младше двадцати пяти лет нет никакого смысла. Результат никак не проявляется. По крайней мере в том мире, где я обучался зельеварению, всё так и было.

- Михаил Натанович, хотелось бы на берегу договориться, чтобы результаты оставались конфиденциальными. Не горю я желанием осчастливить всё человечество, в том числе и некоторых партийных вождей.

- Павел, а могу я узнать — почему? — в одну минуту став серьёзным, поинтересовался профессор.

- Причин много. Одна из них — уже имеющийся переизбыток населения на планете. Вторая — это то, что растительные ингредиенты крайне редки и не всегда одинаковы по качеству, а значит и результаты могут быть разными. Третья — чисто кадровая. С возрастом люди теряют вкус к получению новых знаний. Меня не прельщают руководители, которые при принятии решений будут руководствоваться замшелыми понятиями и представлениями. Да, они станут моложе, восстановят здоровье, а мозги и знания у них останутся такие же убогие. Ну и, конечно же, личное... Кроме меня эликсир сделать никто не сможет, а я не заинтересован в потере своего персонального способа заработка. Думаю, что его потенциал вы представляете намного лучше меня.

- Подожди. Я так понимаю, что ты собираешься это средство продавать?

— Я его могу изготовить. Правда, в очень малых количествах. Что же касается продажи, то я рассчитывал на вас.

- Но почему... Хотя, понятно. Да уж, лихо, что ещё могу сказать...

- Предлагаю не торопиться. После Нового года увидим результат, тогда и поговорим. — поспешил я свернуть разговор, услышав, что жена профессора возвращается. Натаныча я изучил. Тот ещё фрукт, своего не упустит. Не мне ему рассказывать, как надо людям мозги полоскать. При социализме учёные, добившиеся хоть какой-то известности, науку втирания очков властимущим освоили в совершенстве. Профессор медицины при любом раскладе эликсир продаст как минимум втрое дороже меня, а уж наши возможности по подбору клиентов я и сравнивать не хочу.

Мда. В этом вопросе из меня всемирного благодетеля не выйдет. Получится не совсем обычный барыга. Наверно дело в том, что я не современный. В обратном смысле этого слова. Ну, не готов я существовать, как нынче положено, на тех девяти нормативных квадратных метрах и довольствоваться смешной зарплатой. Не к тем нормам жизни уже привык. Вот жили же когда-то люди в коммуналках, по пятнадцать — двадцать человек в одной квартире, и пользовались общей кухней и одним туалетом на всех. Многим даже нравилось, находили в этом свои плюсы, а взять сейчас моих родителей, да они пальцем у виска покрутят, слушая про такую «жизнь». Вот и у меня

особого желания «жить как все» не возникает. К подачкам не привык, а рассчитывать, что государство, с «барского плеча» чем-то существенным меня отметит, по меньшей мере наивно. Очень любопытно, чем меня за изобретение супераккумуляторов одарят. Денег страна на нём должна заработать никак не меньше, чем на продаже нефти.

С алмазиками, которые я получу за выигранное пари, надо будет проверить теоретические выкладки. Дело в том, что мощность аккумулятора связана с размерами импактита. Есть там какая-то хитрая зависимость, выраженная замудрённой формулой. Говоря проще, не потянет кристалл, даже обычный автомобильный аккумулятор, если он меньше одного — двух карат. Тут-то и срабатывает особенность импактитов, а точнее то,

как они «рождались». Короткое астероидное «блымсь» никак не похоже на те условия, когда алмаз «растёт», достаточно долгое время пробираясь через земную кору. Так что все импактиты мелкие, и дай Бог на них создать хотя бы батарею для мощного ноутбука, а вот что побольше — уже никак. Можно попробовать собрать пачки маленьких аккумуляторов в кассеты, но тоже до определённого предела. Рано или поздно такая кассета по весу и габаритам превзойдёт уже существующие модели таких же параметров.

Определённый выход появиться при создании аккумуляторов следующих поколений, которые сами по себе будут мощнее в десятки раз. Но и на них можно поставить импактиты, уменьшая их вес и размер в десять — двадцать раз. Так что основное будущее у «аккумуляторов с устройством Савельева» — переносные девайсы разного назначения.

Может, стоит мне подсказать академику, чтобы он кристаллическую структуру импактитов внимательно изучил. Очень уж она интересная. Такая же, как у графена, который откроют только лет через сорок. Понятно, что расскажу не сразу. Посмотрю сначала, как он наше сотрудничество себе представляет.

— Почему ты не хочешь, чтобы про твои способности узнали другие люди? — вопрос жены застал меня врасплох. Хотел отшутиться, как обычно, но взглянув на Ольгу, понял, что в этот раз ничего не получится. Такой я её ещё не видел. Жанна д'Арк, во всём её блеске справедливого негодования, млин. Похоже, в молодой семье назревает первый скандалчик. Со вздохом отодвинул от себя предпоследнюю партию травок и корешков, понимая, что на сегодня работа закончилась. Магия требует жёсткой концентрации.

— Оля, ты хочешь поговорить серьёзно? Хорошо, давай рассуждать, как взрослые люди. Да, я не хочу афишировать свои способности. Более того, я много думал, и считаю, что любой человек, способный немного на большее, чем остальные, должен вести себя, как разведчик — нелегал в чужой стране. Никаких демонстраций возможностей и абсолютно достоверная легенда по всему случившемуся. Допустим на минуту, что я решил показать свои способности по улучшению памяти. Ты запомнила десять тысяч английских слов за два дня. Попробуй сама догадаться, как Держава использует такую возможность. Не знаешь? Не верю. Догадываешься, но не хочешь про такое думать. А вот я даже не сомневаюсь, что мне придётся сидеть в какой-нибудь закрытой разведшколе, и постоянно, как только накоплю достаточно энергии, передавать такую способность очередному курсанту — разведчику. В результате, не только я, но и ты, и наши дети всю свою жизнь вынуждены будем жить в каком-нибудь «почтовом ящике». При этом я не исключаю возможность, что найдётся какой-то ухарь, из начальства, который решит, что раз мы на казарменном положении, то и к тебе, фактически «зечке», ему можно подкатить яйца, не особо и церемонясь. Разумеется, я его убью, или сделаю для этого всё возможное, вот только наша нормальная жизнь тут же и закончится. Что ты лицо скривила? Никогда не слышала про «шарашки»? В них и не таких, как я, сгоняли сотнями. Вот ты летом

на юг на ТУ-104 летала? Это туполевский самолёт. Туполев, авиаконструктор, как раз в такой «шарашке» побывал. Практически это зона, и он там был «зека». И мы с тобой попадём туда примерно в том же формате. Так что, тренерша ты моя начинающая, всем будущим победам можешь сказать «до свидания», и до пенсии гордиться, что именно ты загнала нас в такое положение, — последние слова я произносил уже по инерции, прижав к себе моё маленькое рыдающее чудо.

Ох, вещует мне сердце, что это не последний этап снятия «розовых очков» с жены. Вот же времена! Вроде и понимают люди, что их обманывают, а всё равно верят каждому слову,

если оно появилось в газете или сказано по телевизору.

Утро наступило с размышлений. Экономика! Вот то ключевое средство, которое, как увеличительное стекло позволяет изучать нюансы жизни общества. Надо только понимать, на что ты смотришь. Хорошо, когда все показатели сведены в одну плоскость, а если нет? Как определить, что выгоднее — работать десять лет за мизерную зарплату, в надежде получить «бесплатное жильё», или те же десять лет работать, отчисляя на покупку половину приличной оплаты своего труда, но получив дом своей мечты через год? Тут бесплатная медицина и образование, там — пособия, гранты и страховка. Как же всё запугано! Чем выгоднее платить? Деньгами, за то, чтобы получить результат, который хочешь, или временем, потерянным из своей жизни. Опять дилемма. Сложный выбор из двух нежелательных возможностей. Непрекращающееся противостояние слона и кита.

— Ругай меня сегодня. Последний экзамен, — озвучила жена студенческое суеверие, и спустя пару поцелуйчиков, выскочила за двери.

Я подошёл к окну, чтобы убедиться, что машина у неё завелась, и, грея руки об кружку с чаем, смотрел, как она проворно машет щёткой, скидывая с автомобиля снег. Это только кажется, что зимой жизнь во дворе замирает, переносясь в квартиры и подъезды. Тройка снегирей деловито клюет замерзшие ягоды рябины. Из подъезда выскочила кошка и шмыгнула через дыру в заборе. Одинокий курильщик у соседнего подъезда, в тёмном пальто с каракулевым воротником и серой кроличьей ушанке, с белым пятном на одном из ушей. Дождался, когда Ольга уедет и пошёл одеваться. Сегодня у меня тренировка, затем репетиция и вечером играем на новогоднем банкете для работников торговли.

Пару неторопливых кругов по Зелёной роще, а потом в спортзал института. По пути привычно посматриваю вокруг себя. Киваю знакомым студентам, приостанавливаюсь, чтобы перекинуться парой предложений со знакомыми волейболистками. Здороваюсь с преподавателем истории и уже хочу кивнуть соседу по подъезду, покупающему газету, но он наклоняется к окошечку за сдачей.

Бегу в спортзал, но вижу приоткрытую дверь на кафедре физкультуры.

- Физкульт привет! — зычно рявкаю в макушку Семёныча, склонившегося над бумагами.

- Шутник, блин. Что встал, заходи уж, раз пришёл. — вздрагивает тот от моего приветствия.

- Семёныч, я что зашёл. Если после Нового года не сразу увидимся, то ты меня не теряй. У меня небольшие гастроли будут.

- Садись, и объясни подробнее, — махнул тренер в сторону стула. Рассказал, когда и на сколько уеду. Семёныч записал даты в ежедневник. Заодно и про увольнение с завода пришлось рассказывать. Тренер засопел, ещё что-то черкнул себе в записях.

- Не можешь ты жить спокойно. Иди, тренируйся. — вынес он вердикт, и выпроводил меня из кабинета.

Алексей нашёл временную базу, где можно репетировать и немного подхалтурить на новогодних вечерах. Стена к стене к его музучилщцу примыкает ДК имени Горького, неказистое снаружи здание, но со старинной, недешёвой отделкой внутри. Дубовый паркет, мрамор, массивные старинные двери с витиеватыми полуметровыми бронзовыми ручками.

Забежав в ДК, я кинулся было к лестнице, но меня остановил аромат ванили и свежее испечённой сдобы. Нос уверенно подсказал направление, и я развернулся в сторону буфета. Эквилибристика четырьмя горячими булочками, положенными в свёрнутый кулёк, и

горячим кофе в картонном стаканчике, чуть не закончилась в дверях. Вовремя притормозил, пропуская навстречу мужчину в кроличьей шапке с белым пятном.

— «Надо же, миллионный город, а я соседа третий раз за день встречаю», — подумал я про себя, поднимаясь по лестницам. И тут вдруг дошло. Сердце на секунду упало вниз и пропустило один удар. — «Какой к чёрту сосед. Это же за мной следят».

Вот это я опростоволосился! Сам вчера Ольге рассказывал про разведчика, а сегодня на эти грабли и наступил. Понятно, что город это не лес, не пещера и не космос, где меня натренировали на постоянном контроле и наблюдении, но самокритику и оправдания лучше оставить на потом. Сейчас мне нужен план действий.

- Коля, куртку бери и пошли, срочное дело есть, — я заглянул в комнату, где на репетицию начали собираться ребята. — Лёха, я минут через двадцать буду.

Вытащив Николая в коридор, встал так, чтобы видеть в нижний пролёт лестницы и всех, кто по ней будет подниматься.

- За мной полдня какой-то пинкертон таскается. Может менты, а может и воровайки. Ты первым выходи на улицу, а я минут через пять пойду, и на остановке от него оторвусь. Мне надо знать, куда он после этого направится. Присмотри за ним издали. — я хорошо изучил Колю, а он меня. Надёжный парень, не задающий лишних вопросов, который знает, что если я его о чём-то попросил, значит так надо. Подождал минуту, услышал, как за Николаем хлопнула уличная дверь. Я спустился по лестнице на один пролёт и встал к окну. Глядя на улицу, не спеша выпил кофе и съел булочки. Освещённый холл ДК отчётливо отражался в оконном стекле, и я видел, как мой преследователь выглянул из буфета и скрылся обратно.

Теперь главное всё правильно рассчитать. Я вышел на улицу. Николай заметил на другой стороне дороги, у тумбы с афишами. Не торопясь пошёл к остановке. Мне надо будет изобразить человека, желающего попасть на нужный маршрут. Дверь ДК у меня за спиной хлопнула ещё раз секунд через тридцать, так что фора по времени известна.

В автобус девятнадцатого маршрута с надписью «Экспресс» я заскочил вслед за бегущей тройкой студентов. Кавалеры галантно придержали двери, а я успел посадить отстающую девушку, и запрыгнув сам, немного пододвинул парней, после чего двери автобуса захлопнулись. Назад оглянулся, когда мы отъехали метров на сто. Филёр бодро топал в сторону городского пруда, а среди группы пешеходов пару раз мелькнула знакомая помпошка Колиной лыжной шапочки.

Обратно вернулся, дав небольшой круг, чтобы подойти к ДК с другой стороны. Николай, с красным от бега и мороза лицом, примчался минут на пятнадцать позже.

- Он в «Динамо» зашёл, на третий этаж. — вполголоса сообщил Коля, раздеваясь.

- Ты за ним, что ли туда пошёл?

- Нет, конечно. Там лестница, как аквариум. С набережной хорошо видно, кто и куда поднимается. — обиделся Николай.

- Коль, извини. По крайней мере, теперь всё прояснилось. Вот только с усилителями пока завязываем. Интересно, откуда они мой новый адрес узнали?

- Да тут и гадать нечего, — кивнул Николай в сторону Вити.

К Вите мы подошли с двух сторон и под недоумевающими взглядами ребят, под локотки вывели его в коридор.

- Расскажи мне, друг мой, за сколько сребреников ты меня динамовцам продал? — елевым тоном поинтересовался я у Виктора.

— Я... да ты что, да я...

- Кому опять растрепал? Вспоминай. — тряхнул парня за плечо Николай,

конкретизируя вопрос.

- Так я это... мы в хоккее играли, а тут дядя Саша с третьего подъезда к корту пришёл. Спортсменов, говорит, ищу. Он же по конькам мастер спорта. Только старый уже. Вот и думает тренером стать.

- И ты... — мягко подтолкнул Коля зависшего парня.

- А я говорю, вон Пашка у нас теперь в доме живёт. Первое место в Новосибирске только что занял.

— А он...

- А он ничего, спросил только по какому виду, ну, я и рассказал.

- Так, находка для шпиона. Если ты про меня ещё хоть раз что-то сболтнёшь, то сразу можешь забыть, что мы когда-то были друзьями. Витя, детство закончилось. Ты понял?

- Да понял я, понял. А что случилось-то? — закивал головой Витька, как китайский болванчик.

- Давай я ему сам в ухо врежу, если тебе неудобно? — предложил мне Николай, посмотрев на моего друга, как на недоумка. — Слышь, ты, информагенство. Тебе только что русским языком сказали, что от тебя, болтуна, одни неприятности. А тебе опять всё надо знать? Кому на этот раз побежишь рассказывать, жертва словесного поноса? — вид у Николая свирепый, того и гляди, Витьке реально может в ухо прилететь.

- Витя, а ты вечером у отца спроси, кто у вас из родни и сколько отсидел из-за таких, как ты, Павликов Морозовых. Только тот пионер — герой болтал якобы из идеологических побуждений, а ты — из-за словесного недержания. Надеюсь, теперь сообразил, что второй раз я с тобой разговаривать не буду и ребятам объясню, почему, — подтолкнул я Витьку обратно в комнату.

- Зря ты так, пару подзатыльников надо было ему выдать. Это я тебе на личном опыте воспитания младшего брата говорю, — проводил Николай взглядом скрывшегося Виктора. — Что дальше думаешь делать?

- Есть мысли, но сначала с тренером посоветуюсь, — успокоил я друга.

Семёныч ничего неожиданного мне не расскажет, но какие-нибудь реальные случаи я у него выпытаю. Надо мне это знать, для иллюстрации. Откуда нынче такое рвение у динамовских волонтеров, я догадываюсь. Щёлоков с Чурбановым перед Брежневым хвалятся, как они за советский спорт радеют. Вот и прогибается местное руководство, получая соответствующие приказы сверху. Вручат мне медальку за спортивную победу, завоёванную в обществе Динамо, глядишь, кто-то и получит внеочередное звание, или ещё какую-нибудь плюшку. Хотя, это я сейчас такой умный, а вот до того, как узнал про Динамо, что только не передумал...

Семёныч не подвёл. Ожидаемо поделился новостями «из жизни спорта», как динамовцы вратаря из молодёжки вербовали, под заявление об изнасиловании, как биатлонисту через губу цедили, что раз не хочет он быть среди чекистов, то значит не всё у него в порядке с Советской властью, да и ещё много чего. С другой стороны Динамо многих спортсменов устраивало. Хорошие оклады, квартиры, машины, дополнительное снабжение. Кто от такого откажется. Добивайся побед и получишь социалистическое счастье. А так-то да, мы все в одинаковых условиях, и спорт у нас любительский. Вот только барак в нашем социалистическом лагере, у динамовцев посытнее.

- Это что!? — сорвался на крик академик, дав «петуха».

- Вы же будете писать об открытии «наверх»? Вот и приложите первый вариант письма



к своему докладу, — спокойно ответил я ему. Даром, что ли я вчера целый вечер сочинял, да на машинке печатал.

- Я такое не подпишу!

- Не возражаю. Там и так стоит только моя подпись. Пусть это письмо идёт, как моё личное мнение. Можете в докладе этот момент указать.

- А второй вариант для кого?

- Для нашего «молчи — молчи». Там ничего секретного, кроме ожидаемой прибыли страны в триллионы.

- Какие триллионы? — осел в кресле учёный, словно мячик, из которого выпустили воздух.

- На месторождении триллионы алмазов. Даже если их продавать по доллару за штуку, то такие цифры и получатся. Умножать на один я умею без ошибок, можете даже не проверять.

- Но вы же крупными буквами написали, что ни один кристалл не должен быть продан, как сырё, ещё и про недопустимость концессий упомянули. Так. подождите, а для чего первому отделу вы написали?

- Так шпион за мной следит. Виктор Семёнович. Вот и сейчас, скорее всего вокруг здания ходит. — ухмыльнулся я, последний раз зафиксировав наблюдателя из лестничного окна, когда поднимался к академику. Всё-таки пробили учёного астрономические цифры. Как он вдруг с чего-то на Вы со мной заговорил.

- Какой шпион?

- Наверно американский, а может английский. Я в них не разбираюсь.

- Юлий Феликсович, прошу срочно зайти ко мне. Очень срочно! У нас ЧП! — заорал академик в трубку, когда я, в щель между шторами, показал ему соглядатая.

- Так. Давайте ещё раз. Что за ссылка — см. прил. Норильск? — поглядывая то на окно, то на двери, спросил учёный.

- С этим как раз всё просто. Норильск — это не только никель, но и достаточно закрытый город. Аккумуляторы у нас будут сначала никель — кадмиевые, и только потом никель — металлгидридные. Для отдельных видов продукции возможно никель — цинковые. Они мощные, но долго не живут. Откроем сначала производство в Норильске. Там все друг друга чуть ли в лицо знают. Любой шпион, если в первый день от холода не умрёт, то на второй день станет на весь город знаменит. С ним даже бабушки будут здороваться, и интересоваться, как у его президента здоровье.

- Откуда такие знания?

- Я свободно читаю немецкие издания, а жена английские, но вот разговорной практики у нас нет. Так что про будущее аккумуляторов информацией владею. А про Норильск...

- Виктор Семёнович, что случилось? — наконец-то соизволил появиться начальник первого отдела, пинком отрыв дверь. Судя по багровой морде, по лестницам бегом бежал, вот только что-то долго у него это вышло. Наверняка в нормы ГТО не уложился. На первый взгляд он чуть больше центнера весит, при росте метр шестьдесят.

— Беда у нас. Собственно, ознакомьтесь, — академик подтолкнул листок с моим анонсом нашего будущего триумфа. — Вопрос наиважнейший, экономическая необходимость для страны запредельная, а у вас тут за нашими сотрудниками шпионы наблюдение устроили. Вот. полюбуйтесь на того человека в серой шапке. Второй день следит за нашим главным изобретателем, — снова выглянул академик на улицу, — Вылитый

американский шпион.

Феликсович обозрел «объект» и взревел корабельным ревуном. Не знаю, слышно ли его на улице, а вот сотрудники в здании наверняка вспоминают, когда и где они последний раз видели противогаз на занятиях по ГО.

Примерно через полчаса начались внеплановые учения КГБ. Лично я со смежу покатывался, когда видел, как парковались ГБэшные Волги, видимо рассчитывая, что все шпионы в мире полуслепые идиоты, а потом от них расходились люди, чётко формируя три концентрических кольца вокруг здания. Время от времени им подавали знаки, и тогда кольца приобретали более правильную геометрию. Половину сотрудников явно выдернули из кабинетов, и они вполне очевидно приплясывали на морозе в лёгких ботиночках и модных, но не греющих пальтишках. Потом был сюр...

Когда с одной стороны к тебе идут четыре здоровенных водопроводчика, вылезшие из УАЗовской «буханки» с соответствующей надписью, а с другой четыре медбрата, каждый ростом под два метра... Туг даже наш «шпион» затрепыхался, выкатив глаза так, что нам, со ста с лишним метров было видно. «Неожиданно» подойдя, объединённая медико — водопроводная бригада спеленала несчастного, на всякий случай отметившись по разу скупыми, но жесткими ударами. Всё правильно, команду «обездвижить и зафиксировать» попробуй не выполнить. «Обездвижил» каждый, как умел. «Фиксировали» скопом. В шесть ремней и двое наручников. Выбор направления, к месту парковки привёзшего их транспортного средства, выиграла команда «медиков», бессовестно воспользовавшись своим физическим и весовым преимуществом. Они просто выдернули «объект» из рук «водопроводчиков», оставив тем только одну из брючин, ботинок и накладной карман от пальто. Медицинский РАФик стартанул через секунду после того, как туда закинули захваченное тело. «Медбратки» запрыгивали на ходу. Четыре черных Волги попытались изобразить блокировку трассы, но после того, как две из них треснулись бортами, решили ехать в режиме обычного транспорта. Скорее троллейбуса, чем такси. Гудяще — вопящий караван отбыл на Ленина 17. В Управление КГБ по Свердловской области. Из-за особенностей своего зрения я получал большое удовольствие, рассматривая из окна все детали произошедшей «спецоперации по захвату американского шпиона». Словно плохой боевик посмотрел, «про русских». Режиссура ни к чёрту, но забавно.

— Вот спасибо, Виктор Семёнович, а то хожу и не знаю, как дальше жить, — я попрощался с академиком и очень убедительно попросил его разузнать, чем дело кончится. Каюсь, слегка магией даванул. Запас-то энергии растёт понемногу.

— «Шшез ми эд. глырх юшез дивайн», — только на такое ругательство меня хватило, когда я узнал, что накопили чекисты. Любителям лингвистики скажу сразу, что перевести его, без трёхтомника пояснений, вряд ли возможно. Заковыристо у гномов всё с их местным матом.

Оказывается, при доскональной проверке в недрах Динамо всё — таки был обнаружен враг. Шестидесятипятилетний сторож стадиона в прошлом оказался одним из бандеровцев, отметившимся сотнями жертв. Убивал он во время войны не только поляков, но и своих соседей, из тех, кто позажиточней, и в ответ не мог настучать ему в репу. Это по секрету академику Феликсович потом рассказал, а уж тот — мне.

С соглядатаем всё грустно. Их троих, курсантов училища МВД, отправили на практику. Прикрепили к Динамо, где им было дано задание: отработать подготовку вербовки сотрудника. Так витиевато обозначало руководство будущих перспективных спортсменов, на

которых им указали тренеры. Один из курсантов, у которого папа работал в областной прокуратуре, закончил практику сразу, резко свалив по путёвке на зарубежный чехословацкий курорт. Второй внезапно заболел. Даже не буду спрашивать, где работают его родители. А третий пытался что-то изобразить, вроде наблюдения. В результате был захвачен во время спецоперации КГБ. Что характерно, именно его и постарались сделать крайним.

Красиво динамовцы спрыгнули? Для кого как. По бумагам может и гладко, а вот у тех, кто их бумаги не читает, осадок остался. Во всей красе и спорт наш увидели, и свою готовность.

Я от случившегося происшествия свои бонусы уже получал. Даже мой участковый теперь извещён, что при возникновении интереса у его ведомства к моей персоне, сначала надо позвонить в первый отдел Уральского научного центра АН СССР. Там я эээ... числюсь... точнее, работаю старшим научным сотрудником в отделении, где руководит Виктор Семёнович. Полное его название ещё не могу выговорить без запинки. Свободное расписание я себе выторговал под обещание, что я и в дальнейшем буду подкидывать идей не меньше, чем все остальные наши сотрудники, вместе взятые. Почему-то мы оба старательно обошли стороной обсуждение незначительной детали — входит или нет мой руководитель в это число.

Старшим научным сотрудником я стал внезапно, когда мы своё послание на утверждение нашему руководству подали. Ушло моё письмо, подписанное МНС, а вернулось уже с новым званием, или должностью. Тут я ещё не разобрался, в их иерархии. То ли дело в армии — там со званиями всё сразу понятно. А тут — мешанина из должностей и степеней. Даже академик-то. вовсе не академик на проверку оказался, а всего лишь доктор наук. Я сам это в наших бумагах увидел, там, где он подписывался. То-то он в праздники в обычном костюме таскается, а не в мантии и такой прикольной шапочке с кисточкой и квадратной нашлёпкой сверху.

Кристаллики импактитов для себя я отбирал минут двадцать, шипя ругательства себе под нос и неоднократно перетасовывая те кучки, по которым я их разделил.

- Виктор Семёнович, ничего не получится. Мне не хватит двух кристаллов. Десяток — минимум, и то для первоначального изучения. — я с раздражением отодвинул четыре кучки алмазов, которые по моему разумению годились только в брак. Слишком много в них примесей, и форма, а точнее, её отсутствие. — Нам прислали отходы? Или это усреднённые образцы?

- Насколько я в курсе, то выходит так, что самые приличные камни ушли на огранку.

- И чем они собираются их гранить? — столько ехидства в моём голосе ещё никогда не было, поэтому я вполне себе наслаждался новым, незнакомым ощущением, — У импактитов твёрдость в полтора раза выше, чем у обычного алмаза. Разве только часть сырья перемелют на полировочные пасты.

- Думаю, что с огранкой как раз всё не так сложно. Ты прав, сделают пасты и с их помощью обработают алмазы.

Я задумчиво ссыпал рассортированные мной алмазы по разным конвертам. Интуиция просто вопит, что я упускаю что-то крайне важное.

но мне не удаётся поймать хотя бы краешек идеи, за который можно ухватиться. Мне подошли всего четыре камня из разобранной сотни.

- Павел, с тобой всё в порядке? — от вопроса учёного, наклонившегося ко мне. я

немного пришёл в себя.

- Не могу поймать мысль. Это как-то связано с качеством алмазов или огранкой. — я отвечаю, как сомнамбула, всё ещё находясь в поиске решения.

- Чистота, увеличение площади рабочих граней, другой тип накопителей энергии. — начал перечислять Виктор Семёнович, желая мне помочь.

Да! Другой вид энергии! Я же сам по себе получаюсь, как аккумулятор. Я накапливаю и расходую энергию, причём весьма схожей природы. Меня даже затрясло от нетерпения, так захотелось попробовать понять, что в моей магии может изменить кристалл.

Наскоро попрощавшись, я забрал четыре наиболее подходящих импактита и помчался домой. Уж не знаю, что обо мне думал учёный, наблюдая за торопливой суетой, которую я создал перед уходом.

Следующие сутки прошли, как в тумане. Я собрал ионизатор, на который извёл весь свой запас диодов. Потом израсходовал все салфетки и бинты, которые были в доме, промокая кровь с изрезанной руки. У человеческой кожи оказалось высокое сопротивление и у меня ничего не получалось, пока я не догадался вставлять кристалл в свежий разрез на руке, сделанный скальпелем. Резать пришлось правую руку. От постоянной игры на гитаре, пальцы левой руки приобрели твердые мозоли на подушечках, которые вряд ли быстро зарастут.

Ионизатор, создающий поле с высоким напряжением, позволил провести необходимые эксперименты без постоянной беготни на «подзарядку» к трансформаторной будке. Положительно сказалось расстояние до разрядников, которое моя домашняя установка позволяла сократить до минимума.

Сутки без сна, с двумя перерывами. Один раз пришлось отвлечься на Ольгу, которая с ужасом увидела, как я режу себе пальцы, а потом, капая кровью, лезу к высокому напряжению. Пришлось успокаивать и объяснять, для чего мне это нужно. Она покрутила пальцем у виска и с книгой умотала в другую комнату, чтобы только не смотреть на мою живодёрню.

Второй раз отвлёк Лёха. Он сочинил новую песню и не придумал ничего умнее, чем тут же притащиться ко мне вместе с гитарой. Посмотрев на наш стол в зале, где вразброс лежал разложенный по блокам ионизатор и валялись окровавленные бинты, он опасливо

перебрался на диван. Окончательно Алексей выпал в осадок, когда увидел, как я мажу пальцы клеем и перематываю их синей изолентой, чтобы не испачкать в крови гитару. Даже мои объяснения, что бинты и лейкопластырь у меня закончились ещё вчера, не помогли. Дар речи к нему вернулся только после того, как я сунул ему в руки чашку с кофе.

- Ты сам себе резал руки? — проблеял он, нерешительно указывая на тот угол стола, где у меня была «операционная». Пузырёк со спиртом. Скальпель, комки ваты и полная тарелка окровавленных бинтов и салфеток.

- Давай пей кофе, а то того и гляди в обморок хлопнешься. Чего побледнел-то? Крови боишься?

- Просто представил, как я сам себе руку режу... А ты знаешь, я бы наверно не смог. Нет. смог бы. если бы от этого жизнь зависела, а вот так. раз за разом...

- Лёха. вообще-то это очень секретные опыты, и тебе лучше о них сразу забыть. Я даже пояснить тебе не имею права, что, зачем и почему, подписку дал. Ладно, показывай, какую нетленку родил. — подтолкнул я его размышления в нужном направлении.

Подстроив свою гитару по моей, он сыграл вкусненькое блюзовое вступление, и скорее,

показал, чем спел песню. Поёт Лёха так себе, и жутко этого стесняется, отчего получается ещё хуже.

- Петь Саша будет? Для меня тональность не очень подходит, а у тебя во «вступе» постоянно открытые струны задействованы. — примерил я песню на свой голос, и на слух сопоставил некоторые особенности гитарного вступления и моего вокального диапазона. Мне придётся петь «не в голосе», низковато. Тот драйв, который интуитивно чувствует любой слушатель, когда певец берёт «на горло», вытаскивая себя на высокие ноты, у меня в этой тональности пропадёт. Я ещё терцию вверх могу дать без особого напряжения, но тогда надо переписывать очень удачное гитарное вступление.

- Так-то я про тебя думал. Сашка весной в армию пойдёт. Он сессию завалил, и вряд ли сможет её пересдать.

- Вот даже как. Он вроде не глупый. Как можно завалить сессию на журфаке?

- Да ну его... Представляешь, он написал курсовую по творчеству «Битлз». Ладно бы критиковал их. так нет же, взял и написал всё честно, как есть. Говорят, что её на парткоме универа разбирали. Короче, хана Сане. Его теперь преподы нагло валят, что по истории КПСС, что по научному коммунизму.

- Не понял, а в чём проблема? Надо просто выучить первоисточники и учебники, и пусть хоть удавятся с переэкзаменовкой.

- Да ты что? Ты сам-то эту муть хоть раз читал? Там же ни одного слова живого нет. Как там что-то можно запомнить?

- Ты попробуй Сашу сегодня найти. Пусть мне позвонит и договоримся, как встретиться. Скорее всего я смогу ему помочь. — подумав, сказал я. Раскрываться лишний раз не хочется, но тут я придумаю подходящее объяснение, да и напиток какой-нибудь подсуну. Придётся улучшить память нашему солисту. Не дело, своих бросать, если можешь помочь.

Напряжение последних дней меня доконало, и я на какое-то время выпал из реальности, откинувшись с гитарой в руках на спинку дивана. Очнулся минуты через три. так и продолжив машинально перебирать струны на гитаре. Приоткрыв глаза, повторил сыгранное ещё раз. добавив напеваемую без слов мелодию.

- Что это? — заторможенно спросил Алексей.

- Твоя песня, не слышишь разве? — расслаблено проговорил я. начиная понимать, что только что переложил его мелодию на абсолютно иное построение аккордов. Григорианские хоралы синтезированы из интонационных формул восточно-средиземноморских музыкальных культур и фольклора германских и кельтских племен. Лет через двадцать в музыке появится даже особое направление, которое назовут Энигматик.

- Потрясающе. Я такого никогда не слышал. — не сводил Лёха глаз с моих рук. особенно с правой, где я замотанными в изоленту пальцами, извлекал искусственные флажолеты над грифом и попутно отстукивал своеобразный ритм. Звук и сама музыка получались непривычно расслабляющими, как и всё моё состояние.

- Добавим эффектов и неожиданной ритмики, тогда и будешь кайфовать. А пока давай хотя бы запишем, что сотворили.

- И точно. Наиграй ещё раз. — попросил Алексей, вытаскивая из своего кофра тетрадь и карандаш. — Я завтра над аранжировкой помудрю. Ты бы мне сделал такой же комбик. как время будет. — кивнул Лёха на моё творение для домашних репетиций, махонький усилитель с колонкой, к которому мы подключили гитары. — Только мне тоже обязательно

нужен выход на наушники, чтобы соседи не стучали по трубам вечерами.

- А что раньше мо. лчал? Я тебе в твой MV — 3 за полчаса выход на наушники присобачу, и хоть до шести утра музицируй.

— Ну. вот как ты придумываешь, вот так. с лёту, самые простые решения? И с песней... я её три дня мурыжил, прежде, чем что-то получилось...

— Лёха. дуй домой, а то я прямо тут сейчас засну, а мне ещё на столе порядок наводить, — решительно начал выпроваживать я гостя, чувствуя, что ещё немного, и прикорну тут на диване, в уголочке, плюнув на всё.

Первые результаты моих мазохистских опытов у меня получались очень обнадеживающими. Всех своих истинных возможностей я полностью не узнал, так как не смог установить, насколько у меня вырос запас энергии и возрос потенциал заклинаний. Слишком сильный скачок произошёл, и моя прежняя система измерений с помощью магнитной стрелки и линейки дала сбой. Принцип эффекта с импактитом недаром называли расслоением, точнее так на моём языке звучит наиболее близкий перевод с общеимперского. На каких-то межатомных уровнях создаются дополнительные слои — грани, и происходит перераспределение заряда из одной структуры, с зубодробительным названием, в другую, ещё более заковыристую. Примерно так выглядит теория, в изложении расы арнов. Смысл её в том. что импактит создаёт многослойный пирог сложной структуры на уровне ниже атомного. Из чего и как. существуют одни предположения, но заряд увеличивается.

В моём случае можно говорить, что теперь цена одного деления на линейке выросла в двенадцать раз. Качественно изменились и сами заклинания, они стали если не мощнее, то «насыщеннее». Раны заживают быстрее, и даже шрама не остаётся. Эликсир получается с тёмным сапфировым оттенком, и только третья выжимка теперь похожа на мои первые результаты, изготовленные без импактитов.

Утро началось с переливчатой трели телефонного звонка. Я тихонько выскользнул из комнаты, стараясь не разбудить Ольку. Дёрнул же меня чёрт поставить вместо сгоревшего телефонного звонка имитатор птичьих рулад. Сегодня же регулятор громкости выведу, чтобы ночью зайкой не стать.

— Павел, привет. Мне Алексей рассказал, что ты можешь с институтом помочь. — как-то жалобно и беспомощно прозвучал в трубке голос нашего солиста Сашки.

— Адрес запоминай и скачи ко мне в темпе, — отозвался я хриплым спросонья голосом. Выслушивать его вопросы не стал, повторил ещё раз адрес и назвал ближайшую остановку автобуса. Пока он едет, как раз успею всё привести в порядок, нырнуть под душ и создать нужную икебану, из выжатого корня женьшеня и воды, подкрашенной вареньем.

- Руку положи на стол и пей два полных глотка. — начал я курс лечения, когда Саша приехал. Нащупал пульс на запястье и кастанул заклинание. Попутно сработал Контакт, но мне пока некогда разбираться с его воспоминаниями.

— А это что? — показал парень на бутыль, с плавающим там корнем.

- Тибетский женьшень. Так. хорош болтать, пей ещё пару глотков. Всё, стоп. Вроде бы достаточно. Сейчас проверим. — я не глядя выдернул с полки первую попавшуюся книгу. Книгу вручил Александру и повёл его на кухню.

- И что мне делать? — растерянно спросил он. когда я раскрыл книгу на середине и ткнул пальцем в страницы.

- Смотри примерно по минуте и переворачивай. — не отвлекаясь от приготовления кофе, проинструктировал я. Варка кофе странный

процесс. Пока на джеззу смотришь — ничего не происходит, но стоит на минуту отвлечься, и кофе тут же весело сбегает на плиту.

- А меня кофе не угостишь? — поинтересовался Александр, когда увидел, что я наливаю только одну чашку.

- Тебе нельзя. Ближайший час ничего употреблять не стоит. Эффект смажется. — напустил я тумана на свои действия. — Рассказывай, что запомнил из прочитанного.

- В смысле? — не понял Саша.

- Можешь закрыть глаза, если тебе так удобнее, и рассказывай, что запомнил из книги.

- Технические характеристики диодов серии Д7, а тут дальше таблица, её как... Ой, я же словно всю страницу вижу. — он открыл глаза, а я потянулся посмотреть, что за книгу я ему сунул. Ну. конечно. Радиотехнический справочник. То-то он так удобно, по привычке, под руку попал.

- Всё нормально. Подействовало моё снадобье. — улыбнулся я, попивая кофе мелкими глотками. — Ты теперь легко все книжки наизусть выучишь, и даже с преподам можешь поспорить, кто точнее первоисточники процитирует. Теперь запомни — об этом нигде не болтать. Даже друзьям и родителям не рассказывай. Травничество у нашей власти не в чести, а то, смотришь, ещё и привлекут меня за непонятное воздействие. Знаешь же. с чем у нас трава ассоциируется в стране.

- С коноплей и маком. — понятно кивнул будущий журналист.

- Всё правильно соображаешь. Так что впереёд, беги грызть гранит науки.

- Да какая там наука, смех один. — отмахнулся он. выскальзывая за двери в незастёгнутой куртке.

Надо разобраться с его воспоминаниями. Больно уж меня пара мелькнувших картинок впечатлили. Симпатичная девушка, с очень откровенным декольте и выдающимися достоинствами и брызжущий слюной преподаватель, с обширной лысиной, заботливо укрытой десятком редких волосинок.

Всё оказалось старо, как мир. Обычный конфликт поколений, который никогда не прекратится. Бунтующие девушки, которые обрели фигуры и почувствовали свою женскую силу. Дух соперничества и борьба за звание первой красавицы, не важно чего — факультета, курса, университета. Самолюбивый преподаватель, взбешённый тем. что студенты в его сторону смотрят реже, чем на соседок. Дерзкий ответ

Сашиной симпатии на профессорское замечание о пристойности облика советской студентки. Палец преподавателя, тычущий девушке в грудь и его неумелые оскорбления, где блуд, стилиаги и Битлз переплетались в невообразимый клубок. И как итог — та самая Сашкина курсовая про Битлз, написанная, как вызов, с весьма нелестными и хлесткими характеристиками их критиков.

Мда. аккуратнее надо с музыкой в эти времена. Не все старые маразматика, кто нынче у власти, относятся благожелательно к современной эстраде. А механизм подавления инакомыслящих в СССР отработан десятилетиями практики.

Эх, хорошо в стране советской жить  
Эх, хорошо страной любимым быть  
Эх, хорошо стране полезным быть  
Красный галстук с гордостью носить... [3]

Песенка привязалась ко мне с самого утра. Весь город наверно сейчас включил радио погромче и ждёт прогноз погоды, а оттуда слышны эти весёлые пионерские песни.

Мороз навалился внезапно, под вечер. Столбик термометра побежал вниз, но вскоре и его не стало видно из-за льда, нараставшего толстой коркой на окнах. Ночью я несколько раз просыпался от шума. Трещали деревья под окнами, превращаясь в ледяные изваяния. Потом холод заполнил всё пространство и город под утро оглох и вымер. Казалось, что за окном замёрзли все звуки. Не слышно шума детворы,

обычно спешащей в это время в школу, не видно птиц, исчез шум машин, доносящийся от дороги. В одинокую проталину на окне виден

зыбкий туман, белесым маревом накрывший двор. Серая мгла зимнего утра и мороз, под сорок градусов. Неожиданно в голову пришла

мысль, что вот так и будет выглядеть постапокалипсис, если наступит «ядерная зима».

Как же погода за окном влияет на настроение! Раньше я никогда не задумывался над тем, что может послужить причиной для Третьей

мировой войны, с применением ядерного оружия. Теперь, глядя на унылое, промёрзшее пространство за окном, я ощутил сомнение.

История, как могучий дорожный каток, обладает гигантской инерционностью. До недавних пор мои воздействия были ничтожны. Я

просто вживался в новый облик, и старался привнести в свою страну мелкие позитивные моменты. Всё может измениться после моей

идеи про коммерческое использование импактитов. Монопольный экономический локомотив, с фантастическим потенциалом по

перспективам развития переносных устройств, всех видов. При правильной постановке дела капиталисты сами потянут свои технологии и

оборудование к нам в страну. Нужен только грамотный и жёсткий руководитель, который не будет лебезить перед иностранцами, и не

допустит воровства внутри державы. В первом чтении под такой портрет подходит Андропов, как бы он не был мне лично малопрятен.

Одиозная личность, пугающая ещё и всей мощью руководимого им ведомства. Но и не один из «твердолобых» членов Политбюро,

озабоченных идеологией, проект такой величины не вытянет, да и не хватит у «старой гвардии» гибкости и кругозора, чтобы грамотно

выстроить все отношения на многолетнюю перспективу, получив максимальный результат. Их представления о будущем электроники

немногим отличаются от обычного обывательского уровня, а пытаться чему-то учить их — только время зря терять. Они даже учёных



слушать не будут.

Определённую ставку я сделал на Ельцина. В какой-то мере он послужит той лакмусовой бумагой, по которой можно будет судить о произошедших изменениях, но в далёких планах по нему у меня уже намечено вмешательство в Историю. В этой жизни пьяного

Президента Россия не увидит, если до распада СССР вообще дело дойдёт. Костями лягу но году к восьмидесятому он алкоголь на дух выносить не сможет.

- Так ты всё-таки пойдёшь за машиной? — сбивает Ольга весь пафос моих всемирных раздумий, обняв меня, и потягиваясь со сна мягкой, тёплой кошечкой. От игривых, соблазнительных прикосновений у меня тут же меняются не только мысли, но и настроение.

- Придётся сходить, но попозже. Пусть мороз хоть немного спадёт. Днём минус тридцать три обещали. — машину я вчера загнал в гараж, потратив полчаса на растаскивание запчастей и их складирование по полкам и углам. С обогревателями мудрить не стал, опасаясь пожара, укутал капот старым одеялом, а вот в патроны вкрутил лампочки на двести ватт, оставив их включёнными. Проводка и патроны в гараже кондовые, и не такую нагрузку выдержат, а лампочки греют значительно эффективнее, чем светят. Больше девяноста процентов потребляемой энергии у них в тепло уходит. Понятно, что так себе отопление, но хоть машина за ночь не вымерзнет.

- Твоя сестрёнка ко мне к двенадцати собиралась. Ей причёску надо сделать, но будет лучше, если мы её на машине заберём.

- Неужели успели эльфийское платье сшить? — притворно удивляюсь я. как будто не слышал ни разу их телефонных разговоров. На самом деле я рад, что две самые близкие мне девчонки смогли подружиться, невзирая на разницу в возрасте.

- Думаю, от просмотра его демонстрации тебе не отвертеться. Так что готовься ахать и хвалить. — улыбается моё солнышко.

Я подтягиваю жену за поясok её пушистого халатика и усаживаю к себе на колени. Вот они. мои минуты личного счастья. Держава может подождать.

«Овсянка, сэр» — вспоминается мне классика, когда я сажусь за завтрак. Ем. стараюсь не морщиться. Почему-то среди «полезной» еды встречается мало вкусной. Благодарно бегу к зазвонившему телефону, последние ложки каши в меня уже просто не лезли.

- Павел, здравствуй. Михаил Натанович тебя беспокоит, если помнишь такого, уже совсем не старого человека.

- Как поживает ваш радикулит? — улыбаюсь я на толстый намёк профессора.

- Так же. как и моя язва. Если они живы, то уехали далеко и живут там сами по себе. Мне совсем не звонят и письма не пишут. Клара каждое утро так машет руками, что таки простудилась. Собственно, о ней и разговор. Она тут у закадычной подружки была, которая отмечала десятую годовщину своего сорокалетия. Так вы только представьте, как они меня на свой девичник вызвали и совсем чуть было

не превратили в плюшевого медвежонка. Каждой надо было мою причёску исследовать тактильно. Теперь моя Кларочка сама выкопала яму своему счастью, а у нас пять заказов, и про один из них я буду портить себе нервы, разговаривая с вами. Иначе мне сегодня к вечеру сделают скандал.

- Исключительно из осторожности, чтобы точно ничего не поморозить, я до вас доберусь часа через три — четыре. — прикинул я наши планы и время, когда жена сможет меня довезти до института.

- Что же вы такое говорите? Я прямо сейчас свою машину к вам пошлю, — всполошился профессор, сообразив, что я волнуюсь за эликсир. На самом деле, как повлияет охлаждение на его свойства, кто знает.

- Сейчас не стоит, а вот через час было бы замечательно, — я прикинул свои запасы. Профессору можно отлить семь порций, снабдив их для декорации уже отработавшим корнем женьшеня. Заодно и предупредить, чтобы раньше, чем через полтора месяца на пополнение не рассчитывал. У меня останется «трошки для себе». На подарки и на неприкосновенный запас.

Я налил необходимое количество в литровую лабораторную бутылку, с притертой стеклянной пробкой, и затолкал туда один из корней женьшеня, выбрав его по наиболее забавной форме. Вид корешка подружкам профессорской жены должен понравиться — этакий трёхногий человечек, где средняя нога чуть короче остальных. Немного подумав, обмотал ёмкость большим шерстяным шарфом и из пледа устроил в сумке утеплённое гнездо для получившегося свёртка. Теперь точно доведу своё снадобье в тепле.

Ладно, с этим решил. Теперь надо машину сбегать завести и под подъезд перегнать.

- Михаил Натанович, вы уж постарайтесь, спектакль какой-нибудь на полчаса для клиентов сыграйте. Хотя бы там давление померьте пару раз. или ещё чего. И повторно акцентирую — никому не давать уносить эликсир с собой!

- Бойтесь, что секрет ваш разгадают? — покрутил профессор ладонями бутылку, стоящую перед ним на столе.

- Нет. этого абсолютно не боюсь. Просто не хочется, чтобы не в те руки, точнее, не в то горло омоложение попало. Для женщин постбальзаковского возраста — нет проблем, а вот для партийной номенклатуры — ни в коем случае. Мозги мой эликсир не лечит. Так что помолодевший маразматик — это совсем не тот результат, о котором мы оба мечтаем.

- Вы про НЕГО намекаете? — трагическим шёпотом поинтересовался профессор взмахнув на секунду указательным пальцем в потолок.

- В первую очередь, — отрезал я. не снижая голос, — Да. были руководители, и наверно ещё будут, которые наносили своими действиями вред стране. Вот только и бездействием можно вредить ничуть не хуже. Особенно, если при этом управлять вместо Вождя рвутся твердолобые дилетанты. Для них мифическая верность коммунизму важнее, чем

деловые качества.

- Вот и пусть верных расставляют. Вам-то что?

- Тупые они. Только и умеют, что деньги тратить, да врагов искать. Сохранить что-то может и сохраняют, а вот развить никогда не

сумеют. А у нас сейчас не тот исторический период. Мирное противостояние — это та же война, только экономическая. Захватывать можно

не только территории, но и рынки сбыта для своей продукции, и ещё неизвестно, что эффективнее. Мне надо, чтобы против каждого их

Форда или Сони встали не десяток дивизий в сто тысяч человек, которые лишь деньги расходуют, а такой же ГАЗ или ВЭФ, с изделиями не хуже, чем у капиталистов.

— Без армии мы никто. — вскинулся профессор.

— Да не трогаю я эту армию. У нас и без неё миллионы людей заняты не понять чем. Производительность труда ни к чёрту, качество продукции посредственное, а уж про первенство в технологических изделиях мы давно даже не вспоминаем. — пришлось перебить мне его. чтобы не выслушивать благоглупости.

— Зато наши космические корабли, самолёты и подводные лодки — лучшие в мире.

— Михаил Натанович, я же вам говорю о мирном противостоянии систем. Надо товары делать, а не только вооружение. Народ навоевался, восстановление перенёс и хочет просто пожить. Я бы понял вас. если бы в том же космосе научились плавить сверхмощные магниты д. ля тех же ваших сепараторов крови. Или для танка разработали такой же революционный дизель, как в своё время сделали для Т — 34. но с одновременной проработкой его гражданской версии, а то на наши грузовики стыдно смотреть. Мы сейчас, в этой мирной борьбе, самое ценное проигрываем — души наших людей.

- Ладно. Павел, я уверен, у нас ещё будет время поспорить и о политике, и о руководящей роли партии. Это вы ещё молодой, а я. в былое время, на кухнях про всю нашу жизнь до хрипоты наговорился. Вы лучше мне скажите, что вы о цене на эликсир свой думаете? Пять тысяч — не слишком ли мало? Поднять цену потом будет трудно.

Мда. непростой человек мой торговый партнёр. Мало того, что он меняет маски и манеры речи на ходу, так ещё и в беседе умудряется огорошить неожиданным поворотом. Ещё недавно, по телефону, разливался одесским говором, а сейчас передо мной холодный и думающий делец. Надо признать, что предложенной ценой и её перспективами он сумел меня удивить. Я рассчитывал примерно на две тысячи за порцию эликсира.

- Допустим, а где же тогда Ваш интерес? — Гдоглн. учитель ты мой гномовский. вот попаду я когда-нибудь в твой мир. такую «поляну» тебе накрою... Хотя бы за то. как ты научил меня сохранять безразличное выражение лица при торговле. Твой клан по жизни нашу пирушку запомнит и в ваши гномьи Легенды впишет! Ты учил меня торговаться. Для тебя торг, сам его процесс, был важнее всего на свете, и тебе было фиолетово, что потом в кабаках, ты. зачастую, оставлял в два раза больше, чем выторговывал. Ужираясь

семидесятиградусной настойкой в доску с тем же продавцом, у которого днём ты выторговывал скидку, и платя потом убытки кабаку, за разнесённые в драке столы и стулья.

— Я планировал накинуть к цене свои двадцать процентов. — «скромно» потупился профессор. Ничего себе у него аппетит... С другой стороны, а что я удивляюсь. Товар у нас. хоть и эксклюзивный, но очень не простой. Наоборот, мне радоваться надо. При высоких гонорарах у него и интерес будет другой. Не так-то просто при социализме заработать за день несколько тысяч рублин. У меня отец за год примерно две тысячи зарабатывает.

- Хорошо. Цена меня устраивает. Насчёт того, что нам будет трудно её поднять — я сильно сомневаюсь. Спорить не готов. Предлагаю дожидаться первых результатов. Надеюсь, ваша жена не всю историю подружкам рассказала.

- Ну что вы. Кларочка, хоть острым умом и не отличается, но где надо, соображает не хуже нас с вами. Тайну она сохранила и жутко интриговала ей подруг. Так что. ни про эликсир, ни даже про сам способ, как помолодеть, они ничего не знают.

- Удивительная женщина. — только и смог сказать я. представив, какую атаку подруг профессорской жене пришлось вынести.

— Да. хотел поинтересоваться вашими успехами в музыке.

— Михаил Натанович, а это вдруг с чего?

— Понимаете, как у нас всё хитро устроено. Появятся деньги у писателя или композитора, а то и просто у известного музыканта, так на это и внимания никто не обратит.

— Я понял. Вы переживаете, что получив много денег, я начну разгульный образ жизни и привлеку не нужное нам внимание?

— В целом, да. Именно такие опасения я и хотел обговорить. Предупредить, знаете ли...

— Могу вас успокоить. Деньги, конечно значительные, но у меня уже были примерно такие суммы в руках. Думаю, не слишком-то это по мне было заметно, но и как говорится. Ваши слова — да Богу в уши. Буквально за несколько минут до того, как я к вам выехал, мне позвонили из Москвы. Нашему ансамблю предложили записать две песни на «Мелодии». Так что очень скоро я может и стану известным музыкантом, и немножко даже композитором. — улыбнулся я неожиданному совпадению.

Каким-то загадочным образом наши записи дошли до Владимира Харитонова, члена худсовета «Мелодии», автора текстов более, чем

тысячи песен. Хотя, зная про то. какие песни скоро напишет на его слова Стас Намин, мне кажется, что я догадываюсь, как попали Харитонову кассеты с нашими записями.

Утром мне позвонил Степан Арамович, администратор Намина, и передал пожелание Харитонова о записи двух наших песен. Так что. до концертов мы ещё и в Москву на два дня слетаем, в начале января. Надо же. как всё совпадает в жизни. В первые дни своего попадания в этот мир я даже и не думал о музыке. Потом понемногу» втянулся, а теперь оказывается, это увлечение может и на мою легенду отлично поработать. Я думал, что моё вмешательство в музыку» обойдётся всего лишь возросшим количеством новых песен и чуть более ранней модой на «самописные» сборники.

- Вот и отлично. Думаю, что завтра мы станем обладателями значительной суммы денег, которую мне не хотелось бы оставлять на работе, и тем более, хранить дома. Так что ждите к обеду ближе моего звонка.

- Михаил Натанович, а вы ничего не хотите мне сказать? — я с самого начала разговора видел, что профессор что-то мнётся, но никак не мог понять причины.

— Честно, я не ожидал, что мы достаточно легко всё решим с расчётами. Одна порция, как вы наверно догадались, предназначена Кларочке, и я хотел у вас попросить...

— Михаил Натанович, мы же партнёры, стало быть, люди друг другу не чужие. Считайте, что я подарил вашей семье небольшую радость на Новый год. Сделайте жене подарок. В наши расчёты эту» порцию не включайте.

— Павел, я достаточно зарабатываю, и кое-что могу» себе позволить...

— Я же могу» и обидеться. — отрицательно помотав головой, заявил я профессору. — Про партнёрство мы решили, а отказываться от подарка... Ох, рискуете... Я ведь запомню, и вашей жене как-нибудь расскажу, при случае. Уж поверьте, в таких деталях распишу». — почти сорвался я на смех, увидев вытягивающееся из-за моего вероломства, лицо профа, — Всю правду ей выложу, как я вас уговаривал, как вы отказывались...

— Хватит — хватит. — замахал мой партнёр руками, как донкихотовская мельница. — Скорее всего мне надо менять взгляды. Знаете, как-то привык, что я человек обеспеченный, а молодёжь у нас. как бы это помягче...

— Натаныч. да понял я всё. — позволил я себе лёгкую фамильярность, пользуясь его растерянностью. Как-то мне не слишком нравится чрезмерный официоз в наших разговорах. Я простой среднеуральский парень. Все эти «будьте любезны» мне душу выворачивают, и только разговоры лишние вызывают, а пустую болтовню я не особенно люблю.

— Тогда и от меня. вот. примите. — протянул мне профессор коробку из красного дерева, которая только по своему виду» была бы более уместна в лаборатории алхимика прошлого века. — От прадеда осталось. Ювелирные весы с разновесами.

Крышку коробки я отщелкнул, скорее из вежливости, и тут меня накрыло... Точно такие же весы я уже видел на уроках алхимии, в Академии.

Воспоминания. Яркие, цветные и объёмные, как голофильм в хорошем зале. Наша группа, щебечущая стайка девчонок в мантиях кафедры жизнючек. Она. та. из-за которой я пошёл на свою первую магическую дуэль со старшекурсником, и с которой в лазарет унесли нас обоих. Мрачный профессор алхимии, в своей очередной и опять прожжённой мантии.

— Павел, вы меня слышите? — Натаныч щелкал у меня перед лицом пальцами и следил за моими зрачками.

— Извините, воспоминания. — хрипло выдавил я. из-за спазм, перехвативших горло.

— Полагаю, неприятные.

— Всякие. Просто в этот раз они появились неожиданно. — ни на йоту не соврал я. Отступает понемногу Пашкино сознание, вот и заполняют его яркие образы прошлых жизней. Весы, полученные в подарок, стали катализатором для целого букета воспоминаний о жизни в Академии, той жизни, в которой я был боевым магом. — Поеду я. Завтра созвонимся.

— Сейчас машину» вызову. Куда я вас в таком состоянии-то отпущу. — засуетился проф.

Дома кружился водоворот из двух Олек и вихря юбок, шарфиков и колготок. И ладно бы. что одна из них моя жена, а вот вторая-то что творит. То в одних трусишках мимо меня в ванную просквозит, якобы прикрыв титечки полотенцем, то оттуда в какой-то прозрачной пелеринке вылетит, которая насквозь просвечивает, то колготки затеет менять...

Из отрывочных, порой бессвязных предложений и восклицаний, удалось понять, что у них появились новые идеи. И ладно бы. только у

них. так нет. Там и моя роль уже обсуждена и расписана, причём в нескольких вариантах. От идеи с Сильфидой и молодым Джеймсом, я отказался наотрез. Нашли дурачка, в клетчатом килте и гольфах изображать радость. Да я юбку никогда в жизни не надевал, и не одену. Договорились на вариант аристократа. Я. в полуфраке и рубашке с жабо, завожу сестрёнку в зал. на минуту замираем в дверях, чтобы нас все увидели, а потом, щёлкнув каблуками сопровождающее лицо, то есть я. выпускает в зал нашу звезду и гордо удаляется.

По подслушанному разговору и долетающим смешкам, понимаю, как меня только что

развели. Оказывается, вся кутерьма и сопутствующий ей стриптиз были хитрым заговором, имеющим цель напрочь отбить мне мозги и заставить меня согласиться на переодевашки. Жена справедливо предположила, что в любом другом случае я соглашусь ехать только в обычной одежде, без всяких маскарадов. И куда только делся весь мой опыт прожитых жизней, стоило мне всего лишь пять минут посмотреть на возню двух молодых полуобнажённых девчонок...

Благополучно отработал свой номер с презентацией сестры восхищённому залу. Выглядит она сегодня сногшибательно, и судя по её

сверкающим глазам, дневной опыт соблазнения сегодня будет ещё на ком-то опробован. Подросла девушка, есть что показать.

Ольга довезла меня до ДК, и решила побыть с нами. Они договорились, что потом она сестру с бала заберёт.

— У вас на каждом банкете такое? — спросила она меня после первого отделения. Сегодня не совсем обычный банкет. Новый год отмечают работники Текстильивейобувьторга. Зал, как всегда, разбился на отдельные группы, и одна группа тёток, которым уже явно за тридцать, зажигает так, как будто сегодня Последний день. Завтра — конец света.

— Боюсь, что скоро и до лифчиков дело дойдёт. — ухмыльнулся Николай. — Было у нас как-то раз веселье, на свадьбе. Там почти все лифчиками над головой крутили под конец вечера. Кстати, невеста тоже из торговли была. Из ЦУМа, вроде, и подружки все оттуда же. Хорошая свадьба получилась, весёлая. Будет, что вспомнить.

— А что. эти смогут — оценил наш саксофонист выплясывающих, под записи Антонова, женщин. — Грамм двести водочки ещё примут и начнут всерьёз веселиться.

— Понятно. — окинула жена взглядом зал, с явно преобладающим женским контингентом. — Мы с Ольгой за тобой к одиннадцати

заедем. Тебе ещё машину в гараж ставить. — тут же придумала она причину, взглянув на ухмыляющихся парней, отворачивающих от неё свои наглые морды. Те знают, чем обычно такие банкеты заканчиваются. Собственно, как и корпоративы в моей прошлой жизни, где бухгалтерия надолго становится одной из популярнейших тем разговоров в курилках.

На удивление, банкет закончился мирно. Невзрачный мужичок, до этого стёривший со столов три бутылки водки в свой рыжий портфель, попросил микрофон, и за несколько минут, как сладкоголосая сирена, подчинил себе зал. Женщины, словно зомби, собрали свои вещи и организованно выдвинулись к раздевалке. Всё-таки велика ты — сила Партии!

Тридцать первое декабря 1976 года у меня началось с подведения итогов.

Лежу, рассматриваю на посапывающую рядом жену, и размышляю, что я успел за эти полгода.

В какой-то мере, научил музыкантов не бояться сочинять свои песни, и их записывать.

Соответственно, появилась иная, альтернативная музыка, которую я при прошлой жизни помню года на четыре позже. Вытеснит ли она

зарубежное творчество, ещё не знаю, но свой сегмент слушателей и почитателей точно завоюет.

Мои спортивные достижения пока так и останутся моими. Вряд ли кого-нибудь, кроме тренера, я ими впечатлил, но тут есть перспектива. К лету», если всё сложится благополучно, моя спортивная карьера должна взлететь к небесам.

Мой личный бизнес вполне благополучен. Недавно я пополнил его ещё и эликсирами.

Для кого как. а мне. человеку, пожившему и не с таким убогим уровнем жизни, деньги нужны постоянно.

Список товаров СССР мне удалось немного разнообразить. Пусть пока их и делает только один завод, но чертежи уже ушли и в другие регионы.

Моя идея с молодёжным инновационным центром уже вброшена. Стадию общего прохождения бумаг стоит просто пережить, и посмотреть, во что она выльется.

Идея, с использованием нмпактигов. должна сделать страну» одной из самых богатых в мире. Тут мой возраст играет в минус, но постараюсь сделать всё. что смогу.

Осталось дожидаться боя курантов, вручить родителям нашим подарки, которые я красиво оформил, засовывая в эликсиры корешки необычной формы, и под хлопки шампанского, положить себе немного оливье. И вспомнить, где я слышал когда-то эту» песню...

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

И тогда в отчаянии  
Позабыв печаль и боль  
Побегу я по волнам  
Побегу я за тобой  
Одинокий парусник  
Одинокий парусник  
Мечта моя<sup>[4]</sup>

---

---

**notes**





Один, два, три часа, четыре часа — рок.

Пять, шесть, семь часов, восемь часов — рок.

Девять, десять, одиннадцать, двенадцать часов — рок.

Мы будем танцевать рок круглые сутки.

*Билл Хэйли «Рок вокруг часов»*

Екатерина Серова «Незабудки в глуши»

«Эх, хорошо!» — песня, марш советских пионеров. Композитор (музыка)Исаак Дунаевский, автор слов (текста)Владимир Шмидтгоф. Написана для кинофильма «Концерт Бетховена» в 1935 году.

Стихи и музыка В. Резников